
ВЕСТНИК МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Т. 17 № 4 (2022)

ОБРАЗОВАНИЕ • НАУКА • НОВАЯ ЭКОНОМИКА

Научный периодический журнал

Москва 2022

INTERNATIONAL ORGANISATIONS RESEARCH JOURNAL

 HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

Vol. 17 No 4 (2022)

EDUCATION • SCIENCE • NEW ECONOMY

Quarterly Journal

Moscow 2022

ВЕСТНИК МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ОБРАЗОВАНИЕ • НАУКА • НОВАЯ ЭКОНОМИКА

Научный периодический журнал

ISSN 1996-7845 (Print)

ISSN 2542-2081 (Online)

Периодичность выхода – 4 раза в год

Научный периодический журнал «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» издается Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» с января 2006 г.

С 2009 г. публикуется ежеквартально. Каждый номер журнала является тематическим. Включен в перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты доктора и кандидата наук (рекомендован по следующим научным специальностям: 08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки), 13.00.08 – Теория и методика профессионального образования (педагогические науки), 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки; с 28 декабря 2018 г.)

Миссия журнала – распространение российских и зарубежных исследований в области глобального управления, международного сотрудничества по различным направлениям социально-экономической политики, в том числе образования, науки, новой экономики; а также создание профессиональной площадки для обсуждения тенденций и прогнозов в этих сферах.

Вестник международных организаций публикует статьи и аналитические материалы российских и зарубежных авторов о деятельности многосторонних международных институтов, прежде всего «Группы восьми», «Группы двадцати», БРИКС, ОЭСР, Всемирного банка, МВФ, ВТО, ООН, и интеграционных объединений, в первую очередь Европейского союза, Евразийского экономического союза, Шанхайской организации сотрудничества и др.

Журнал рассчитан на исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также на широкий круг читателей, интересующихся политическими проблемами международных отношений и глобального развития.

Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов.

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

Подписка

Подписка на журнал «Вестник международных организаций» осуществляется во всех почтовых отделениях связи:

Объединенный каталог «Пресса России»

<https://www.pressa-rf.ru>

Подписной индекс: 20054

Розничная продажа

В университете книжном магазине «БукВышка»

Адрес: Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Телефон: + 7 495 772-95-90 доб. 15429

Научный руководитель Я.И. Кузьминов
(НИУ ВШЭ, Россия)

Главный редактор М.В. Ларионова
(НИУ ВШЭ, РАНХиГС, Россия)

Ответственный секретарь О.И. Колмар
(НИУ ВШЭ, РАНХиГС, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Э. Бейкер (Университет Шеффилда, Великобритания)
Св. Бискуп (Королевский институт международных отношений «Этмонт», Бельгия)

Ю.А. Борко (Институт Европы РАН, Россия)
Р. Вагенаар (Университет Гренингена, Нидерланды)
Я. Ваутере (Лёвенский католический университет, Бельгия)
Ш. Го (Шанхайский университет иностранных языков, КНР)

Л.М. Гохберг (НИУ ВШЭ, Россия)
Дж. Дж. Киртон (Университет Торонто, Канада)
А.В. Кортунов (Российский совет по международным делам, Россия)

Дж. Найт (Университет Торонто, Канада)

Т.Г. Пархалина (Институт научной информации по общественным наукам РАН, Россия)

А.В. Соколов (НИУ ВШЭ, Россия)
И.Д. Фрумин (НИУ ВШЭ, Россия)
В.Д. Шадриков (НИУ ВШЭ, Россия)
Л.И. Якобсон (НИУ ВШЭ, Россия)

А.А. Яковлев (НИУ ВШЭ, Россия)

РЕДАКЦИЯ

Выпускающий редактор А.В. Заиченко
Компьютерная верстка Ю.Н. Петрина

Художник А.М. Павлов

Адрес редакции

Россия, 119017, Москва,
ул. Малая Ордынка, д. 17
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Телефон: +7 495 772-95-90 *23147 и *23150
E-mail: iorj@hse.ru
Web: <http://iorj.hse.ru/>

Издание зарегистрировано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций, регистрационный номер
ПИ № ФС 77 – 66563 от 21.07.2016

Учредитель

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Тираж 170 экз.

© Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2022

INTERNATIONAL ORGANISATIONS RESEARCH JOURNAL

EDUCATION • SCIENCE • NEW ECONOMY

Quarterly Journal

ISSN 1996-7845 (Print)
ISSN 2542-2081 (Online)

International Organisations Research Journal (IORJ) is published by the National Research University Higher School of Economics since January 2006. It is published quarterly since 2009. Generally, each issue is dedicated to one theme. The Journal is on the list of reviewed scholarly journals approved by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia for publishing key research findings of PhD and doctoral dissertations. The journal's main themes are: global governance and international affairs, world economy, international cooperation in education, science and innovation.

The journal's mission is to disseminate the findings of research on global governance, international cooperation on a wide range of social and economic policies, including in the sphere of education, science and new economics, as well as creating a professional framework for discussion of trends and prognoses in these areas.

International Organisations Research Journal publishes academic and analytical papers by Russian and international authors on activities of international multilateral institutions: G8, G20, BRICS, OECD, the World Bank, IMF, WTO, UN, and alliances including the European Union, Eurasian Economic Union, Shanghai Cooperation Organisation and others.

The journal is aimed at researchers, analysts, practitioners in international affairs and world economics and at a wide audience interested in political issues of international affairs and global development.

The editorial position does not necessarily reflect the authors views.

Copyrights are owned by authors and editorial office. The reproduction of materials without permission of the editorial office is prohibited. The reference to the materials is obligatory.

Subscription

To subscribe to the International Organisations Research Journal contact postal department:

Объединенный каталог «Пресса России»

<https://www.pressa-rf.ru>

Subscription index: **20054**

Sale

To purchase the International Organisations Research Journal contact specialized bookshop of the Higher School of Economics Publishing House.

1/20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow, Russia

Tel: + 7 495 772-95-90 доб. 15429

Yaroslav Kuzminov, *Scientific Advisor*, HSE University, Russia

Marina Larionova, *Editor-in-Chief*, Professor, HSE University; Head CIIR, RANEPA, Russia

Olga Kolmar, *Executive Secretary*, HSE University, RANEPA, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Andrew Baker (University of Sheffield, United Kingdom)

Alexander Sokolov (HSE University, Russia)

Andrei Kortunov (Russian International Affairs Council, Russia)

Andrei Yakovlev (HSE University, Russia)

Jan Wouters (KU Leuven, Belgium)

Isac Frumin (HSE University, Russia)

Jane Knight (University of Toronto, Canada)

John Kirton (University of Toronto, Canada)

Leonid Gokhberg (HSE University, Russia)

Lev Yakobson (HSE University, Russia)

Robert Wagenaar (University of Groningen, Netherlands)

Shuyong Guo (Shanghai International Studies University, China)

Sven Biscop (Egmont – The Royal Institute for International Relations, Belgium)

Tatiana Parkhalina (Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Science, Russia)

Vladimir Shadrikov (HSE University, Russia)

Yuri Borko (Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Russia)

EDITORIAL STAFF

Executive editor – Anna Zaichenko

Pre-Press – Yulia Petrina

Designer – Andrey Pavlov

Address

National Research University Higher School of Economics

17 Malaya Ordynka Ulitsa, 119017, Russia

Tel: +7 495 772-95-90 *23147 and *23150

E-mail: iorj@hse.ru

Web: <http://iorj.hse.ru/>

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR)

Reg. No. PI № FS 77 – 66563 (21.07.2016)

Publisher

National Research University Higher School of Economics

170 copies

© National Research University
Higher School of Economics, 2022

Содержание

<i>Л.М. Григорьев, М.-Я. Майхович, Д.А. Серова, М.Ф. Стародубцева, Е.С. Филиппова</i>	
Параметры пандемии 2020–2021 гг. по социокультурным группам стран – прикладной анализ.....	7
<i>Г.В. Сафонов, М.Л. Козельцев, А.В. Стеценко, А.Л. Дорина, Ю.А. Сафонова, А.А. Семакина, А.Г. Сизонов, М.Г. Сафонов</i>	
Перспективы декарбонизации мировой экономики в контексте реализации Парижского климатического соглашения ООН	38
<i>И.М. Попова</i>	
Место систем торговли квотами на выбросы в современном инструментарии политики низкоуглеродного развития	62
<i>К.М. Дорохина, А.Г. Сахаров</i>	
Трансформация и имплементация природоохраных и климатических положений в торговых соглашениях Европейского союза.....	95
<i>С. Фань, К.С. Кондакова</i>	
Концептуальные основы деятельности НАТО и ШОС и их воплощение в работе организаций.....	124
<i>В.А. Кузьмин, А.П. Портанский</i>	
Влияние глобального технологического раскола на лидерство в мировой экономике на примерах ряда развитых и развивающихся стран.....	148
<i>М.Г. Гирич, И.С. Ермохин, А.Д. Левашенко</i>	
Сравнительный анализ правового регулирования цифровых финансовых активов в России и других странах	176
<i>В.Г. Оксиненко</i>	
Структура и перспективы трансформации официальной помощи развитию Армении	193

Content

<i>L. Grigoriev, M. Maykhrovich, D. Serova, M. Starodubtseva, E. Filippova</i>	
Study of Pandemic of 2020–2021 by Sociocultural Groups of Countries: Applied Analysis of Parameters	7
<i>G. Safonov, M. Kozeltsev, A. Stetsenko, A. Dorina, Y. Saphonova, A. Semakina, A. Sizonov, M. Safonov</i>	
Perspectives of Decarbonization of World Economy in the Context of Implementation of the UN Paris Climate Agreement.....	38
<i>I. Popova</i>	
Emission Trading Systems as an Instrument in the Toolkit of Decarbonization Strategies	62
<i>K. Dorokhina, A. Sakharov</i>	
Transformation and Implementation of Environmental and Climate Provisions in the EU Trade Agreements.....	95
<i>X. Fan, K. Kondakova</i>	
NATO and the SCO: Their Conceptual Foundations and Implementation in the Work of Organizations.....	124
<i>V. Kuzmin, A. Portanskiy</i>	
The Impact of the Global Technological Disruption on Leadership, Using Examples From a Number of Developed and Developing Countries	148
<i>M. Girich, I. Ermokhin, A. Levashenko</i>	
Comparative Analysis of the Legal Regulation of Digital Financial Assets in Russia and Other Countries	176
<i>V. Oksinenko</i>	
Structure and Prospects for the Transformation of Official Development Assistance to Armenia.....	193

Параметры пандемии 2020–2021 гг. по социокультурным группам стран – прикладной анализ¹

Л.М. Григорьев, М.-Я. Майхрович, Д.А. Серова,
М.Ф. Стародубцева, Е.С. Филиппова

Григорьев Леонид Маркович – к.э.н., ординарный профессор, научный руководитель департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики (ФМЭиМП) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; lgrigoriev@hse.ru

Майхрович Мария-Яна Ярославовна – студентка образовательной программы «Мировая экономика» факультета мировой экономики и мировой политики (ФМЭиМП) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; mumataykhrovich@edu.hse.ru

Серова Дарья Александровна – м.н.с. Научно-учебной лаборатории экономики изменения климата факультета мировой экономики и мировой политики (ФМЭиМП) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; dserova@hse.ru

Стародубцева Марина Федоровна – стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории экономики изменения климата факультета мировой экономики и мировой политики (ФМЭиМП) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; mstarodubtseva@hse.ru

Филиппова Екатерина Сергеевна – студентка образовательной программы «Мировая экономика» факультета мировой экономики и мировой политики (ФМЭиМП) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; efilippova@edu.hse.ru

Аннотация

Социокультурные факторы стали одним из приоритетных направлений в исследованиях в рамках теорий долгосрочного развития. В статье используются параметры групп стран (ценности выживания-самовыражения и традиционные секулярно-рациональные ценности) по карте Инглхарта и Вельцеля вместе с иными показателями социокультурного и социально-экономического характера. Значительное преимущество в развитии трех групп стран – англосаксонской, протестантской и католической – по сравнению с остальными группами, выраженное в уровне ВВП на душу населения, уходит корнями в историю мирового прогресса. Ряд социальных параметров этих стран является, вероятно, отражением их уровня развития, для достижения которого другие факторы сыграли свою роль в долгосрочном плане.

В статье поднимается относительно новый исследовательский вопрос: оказывают ли сложившиеся за долгий период социокультурные факторы значительное влияние на поведение стран в критических

¹ Статья поступила в редакцию 13.09.2022.

условиях современных кризисов, в данном случае на заболеваемость коронавирусом и вакцинацию от него. Для ответа на поставленный вопрос проведен качественный и количественный анализ на данных за 2020–2021 гг. Оценка связей проводилась на массиве 80–94 стран, по которым были доступны релевантные статистические данные. В странах, более продвинутых в направлении ценностей самовыражения по шкале Инглхарта, более высокие значения уровня вакцинации и низкие показатели заболеваемости, а в странах, ориентированных на секулярно-рациональные ценности, уровень самоубийств выше, чем в странах с преобладающими традиционными взглядами.

Ключевые слова: пандемия, рецессия, Инглхарт и Вельцель, социокультурные коды

Благодарности: исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ, а также при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2022 г.

Для цитирования: Григорьев Л.М., Майхович М.-Я., Серова Д.А., Стародубцева М.Ф., Филиппова Е.С. Параметры пандемии 2020–2021 гг. по социокультурным группам стран – прикладной анализ // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 4. С. 7–37 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2022-04-01

Введение

Пандемия COVID-19 и ее непосредственные последствия 2020–2021 гг. отразились на экономической динамике и социальном развитии всех стран мира, что будет, вероятно, изучаться, оцениваться и дебатироваться многими исследовательскими группами и учеными. Ключевыми аспектами этого кризиса оказались: неожиданность, внешнее по отношению к экономике происхождение, синхронность распространения по странам, глубина спада экономической активности, а также действительная потребность в участии государства [Григорьев, 2020]. В то же время огромные различия стран по уровню развития, организации систем здравоохранения, характеру национальных институтов и социокультурных характеристик сыграли значимую роль в протекании кризиса 2020 г. и в борьбе с пандемией коронавируса. Некоторые параметры входа в рецессию и ее особенности рассматривались нами ранее [Григорьев, Павлюшина, Музыченко, 2020; Григорьев и др., 2021]. Стоит отметить ряд публикаций ООН, МВФ и других организаций, посвященных изучению проблемам так называемого коронакризиса, вызванного инфекцией COVID-19 [IMF, 2020; UNWTO, n.d.].

Экономическую стабильность стран можно определять не только с помощью социально-экономических подходов, основанных на измерении уровня благосостояния граждан, уровня взимаемых налогов, располагаемого дохода, долей бедного и богатого населения, но и при помощи социально-культурных подходов.

Ряд зарубежных исследователей, таких как Джошуа Лейк и другие, изучали вопрос взаимосвязи социальных ценностей и социальных действий и эффективности принятия мер в отношении коронавирусной инфекции и стабилизации экономической политики на основе индивидуального опроса австралийцев. Оказалось, что австралийцы, согласно результатам опроса, ценят социальную дисциплину и строго соблюдают меры профилактики коронавируса. Они оказались готовы к вакцинации в случае, если вакцина против COVID-19 доступна, и к социальному дистанцированию [Lake et al., 2021]. Эрик Бонетто с соавторами провели аналогичное исследование в отношении влияния

культурных ценностей на физическое дистанцирование и соблюдение ограничений передвижения на основе онлайн-анкетирования респондентов во Франции в течение первого карантина (2 апреля – 11 мая 2020 г.). Авторы пришли к выводу, что чем сильнее угроза, тем больше французы придерживаются природоохранных ценностей и, следовательно, тем строже соблюдают предписанные ограничения [Bonetto et al., 2021].

Мы считаем важным рассмотреть эти вопросы на межстрановом уровне. В отечественной науке Александр Аузан и Елена Никишина затрагивают вопрос о важности изучения роли культурных ценностей в разрешении макроэкономического шока, вызванного пандемией COVID-19: «...повышается актуальность повторного межстранового исследования для отслеживания относительных перемещений между странами» [Аузан, Никишина, 2021, с. 39].

Культурные нормы трудно измерить и применить практически в научных работах, но, несмотря на это, некоторые исследователи – Рональд Инглхарт и Кристиан Вельцель, Грег Хофтеде – все же смогли преодолеть этот барьер и сделать основой своих трудов количественное измерение культуры [Лебедева, Татарко, 2009].

Под социокультурными кодами (СКК²) или факторами мы понимаем национальные ценности и параметры, влияющие на убеждения и жизнь людей и закрепленные каждым отдельным обществом во времени [Аузан, Никишина, 2021]. Заметим также, что роль культурных кодов обычно связывают с их воздействием на темпы развития (в частности, темпы экономического роста) стран в прошлом, причем за длительные периоды [Аузан, 2015]. Но важность социокультурных факторов и показателей социальной структуры общества не может быть исключена из анализа в период глобальной пандемии и рецессии. Если СКК имеют значение в части влияния на долгосрочное развитие стран через поведение людей и общественных институтов, то и в краткосрочный период кризиса они также должны проявляться.

В настоящем исследовании анализируются ценности Инглхарта и Вельцеля – как эксперимент применения координат, отражающих тип ценностей, не только для качественного метода изучения, но и для количественной оценки. В понимании Инглхарта двум этапам модернизации (индустриальному и постиндустриальному) свойственны различные типы угроз. Согласно Инглхарту и Вельцелю, на индустриальном этапе возникали угрозы, с которыми сталкивался каждый человек; это опасности, которые замечались и ощущались отдельными людьми (к примерам такого рода относятся голод и чума). Для постиндустриального этапа характерны глобальные проблемы, имеющие абстрактный характер, такие как загрязнение океана и глобальное потепление [Инглхарт, Вельцель, 2011, с. 56–57]. Другими словами, это угрозы, которые одна часть населения воспринимает остро, а другая не считает существенными. Также отметим, что ценности стран имеют тенденцию меняться в ответ на внешние угрозы. Инглхарт и Вельцель предположили, что «социально-экономическое развитие ведет к предсказуемым культурным и политическим изменениям, а коллапс экономики порождает изменения в противоположном направлении» [Там же, с. 39].

Проводя аналогию, отметим: осознание важности сохранения климата планеты относится к проблеме постиндустриального этапа развития и требует индивидуального решения в поддержку действий государств. А внезапная пандемия 2020 г., которая стала угрозой здоровью населения всего мира, и последовавшая за ней рецессия, вызванная

² А также «культурные коды», «культурные ценности», «ценностный портфель» и другие синонимы.

локдаунами с целью борьбы против распространения вируса, носит преимущественно характер индустриального этапа модернизации. Каждый человек непосредственно ощутил экономические и социальные последствия коронакризиса, борьба с которым по отдельности крайне затруднена. В условиях шока пандемии 2020 г. большую роль сыграли локдауны в тех видах потребления услуг, в которых особенно велика роль спроса со стороны состоятельной части населения [Григорьев и др., 2021].

Заметим, что характер и структура потребления могут зависеть от социально-культурного образа жизни населения страны. «Новые формы потребления уже не ориентированы в первую очередь на демонстрацию экономического положения людей. Они все больше превращаются в способ самовыражения личности, проявление индивидуальных вкусов и образа жизни» [Инглхарт, Вельцель, 2011, с. 159].

Следование ограничительным мерам, прохождение вакцинации, выполнение предписаний государственных (медицинских) органов выглядит как «индустриальная проблема». Тогда наряду с этим соблюдение режима социального дистанцирования и предписаний органов власти зависит от степени осознанности угрозы отдельной нацией. Рубен Дюренте с соавторами на примере Италии и Германии обнаружили положительную связь между гражданским капиталом (добровольным соблюдением правил социального дистанцирования) в 2020 г. среди населения Италии и Германии и передвижением людей. Опрошенные итальянцы и немцы, осознав угрозу пандемии, сократили мобильность еще до принятия карантинных ограничений правительством. Так что в целом культурные нормы в отношении мобильности имеют значение в определении наиболее эффективных государственных решений по борьбе с пандемией [Durante et al., 2021].

Эпидемии, потрясшие экономический мир, возникали и ранее, но и в те времена люди пытались организовать локдауны: аристократы в XIV в. пытались изолироваться от чумы и окуривали дома дымом, хотя успехи были скромными. Обширные холерные карантины в прошлом были обычным делом. В статье Роберта Барро и его соавторов рассматривался экономический спад в 42 странах в 1918–1920 гг. как результат двух событий: Первой мировой войны и эпидемии гриппа «испанка» [Barro et al., 2020]. Глубина спада влияет на восприятие степени важности вопросов экономической и физической безопасности, уровня доверия людей к правительству, характера образа жизни и готовности вкладывать собственные средства в системы здравоохранения. Или, как отмечают авторы статьи “Cultural values predict national COVID-19 death rates”, правительства в более толерантных и демократичных странах испытывают трудности при смягчении последствий пандемии COVID-19 из-за того, что населению и институтам этих стран присущи ценности самовыражения, а не выживания [Ruck et al., 2021].

Ранее уже проводились исследования, авторы которых пытались применить культурные показатели на примере вспышки COVID-19. В частности, существует положительная связь между социопсихологическими характеристиками – метриками Хофтеде, такими как индивидуализм, избегание неопределенности, и распространением коронавирусной инфекции (количество подтвержденных случаев заражения и смерти) [Chen, Biswas, 2022]. Анализ поведения жителей ряда европейских стран также зафиксировал значительное влияние культурных различий на формальные или неформальные практики борьбы с пандемией: негативное влияние толерантности и доверия власти на темп роста инфицированных коронавирусом и существенное положительное влияние индивидуализма и снисходительности, отражающих степень либеральности общества, в котором нормы не столь строги, на скорость роста случаев заражения COVID-19 [Gokmen et al., 2021].

В нашем исследовании мы намерены практически применить координаты ценностей, разработанные Инглхартом и Вельцелем. Нам представляется возможным попытаться оценить связь между такими показателями, как доля вакцинированных, число зараженных, уровень самоубийств, и культурными нормами стран и подтвердить, что СКК действительно могут дать более ясное представление о характере связи между ценностями стран и параметрами заболеваемости COVID-19 и вакцинирования, а также могут стать одной из причин, объясняющих, как общество способно отреагировать на макроэкономический шок, вызванный COVID-19.

В сущности, это вопрос о релевантности использования культурных кодов и одного из способов их измерения при изучении влияния ценностного портфеля страны на поведение людей в условиях кризисов. Предположительно социокультурные подходы могут трансформироваться в инструмент текущего экономического анализа. В действительности речь идет о реакции различных в культурном плане страновых групп на такие критически важные явления, как ограничительные меры, вакцинация, отношение к своей и чужой жизни, готовность к расходам на помочь бедным.

Карта Инглхарта и Вельцеля

Культурные ценности возможно адекватно рассматривать в качестве объясняющего фактора экономического поведения людей, поскольку они позволяют не только охарактеризовать ценностный портфель страны, но и определить способности и умения людей вести предпринимательскую деятельность, их готовность подчиняться законам в зависимости от менталитета.

Для того чтобы выявить и оценить характер влияния СКК государств на результаты борьбы с коронакризисом, рассмотрим карту Инглхарта и Вельцеля, представляющую собой двумерное измерение ценностей различных стран в течение семи волн с 1981 по 2022 г. на основе проводимых социальных опросов [World Value Survey, 2022]. Обратим внимание, что карта культурных кодов Инглхарта и Вельцеля дает чрезвычайно широкий разброс групп стран по двум шкалам (рис. 1). Как уже упоминалось, при построении карты авторы в своем исследовании ориентировались на теорию двухэтапной модернизации социально-экономического развития цивилизаций [Инглхарт, Вельцель, 2011].

Переход от индустриального типа общества к постиндустриальному обозначен через горизонтальную ось измерений ценностного портфеля стран. Горизонтальная шкала иллюстрирует полярность ценностей выживания, которые ставят вопросы экономической и физиологической безопасности превыше всего, и ценностей самовыражения, где особое значение придается высокой оценке прав человека, защите окружающей среды, активной политической оппозиции [Там же]. Переход к индустриальному типу общества отражен на вертикальной оси с традиционными и секулярно-рациональными ценностями:

к **традиционным ценностям** относятся важность религии, почтительное отношение к власти, конформизм, националистические идеологии, коллективизм, а также неприятие разводов, абортов, эвтаназии и самоубийств [World Value, Survey, 2022];
секулярно-рациональные ценности предполагают наличие индивидуалистских идей, предпочтение светского государства, снижение значимости семейных ценностей и религии. «Развод, аборт, эвтаназия и самоубийство считаются относительно приемлемыми» [Ibid.].

Переход мира к постиндустриальному второму этапу отражен на горизонтальной оси с ценностями самовыражения и выживания:

к **ценностям выживания** относятся вопросы экономической и физической безопасности, покорность, низкая оценка прав человека, низкий уровень доверия и толерантности [World Value Survey, 2022];

ценности самовыражения – внимание к вопросам экологии и защиты окружающей среды, терпимость к иностранцам, рост требования к участию в экономической и политической жизни государства, высокая оценка прав человека [Ibid].

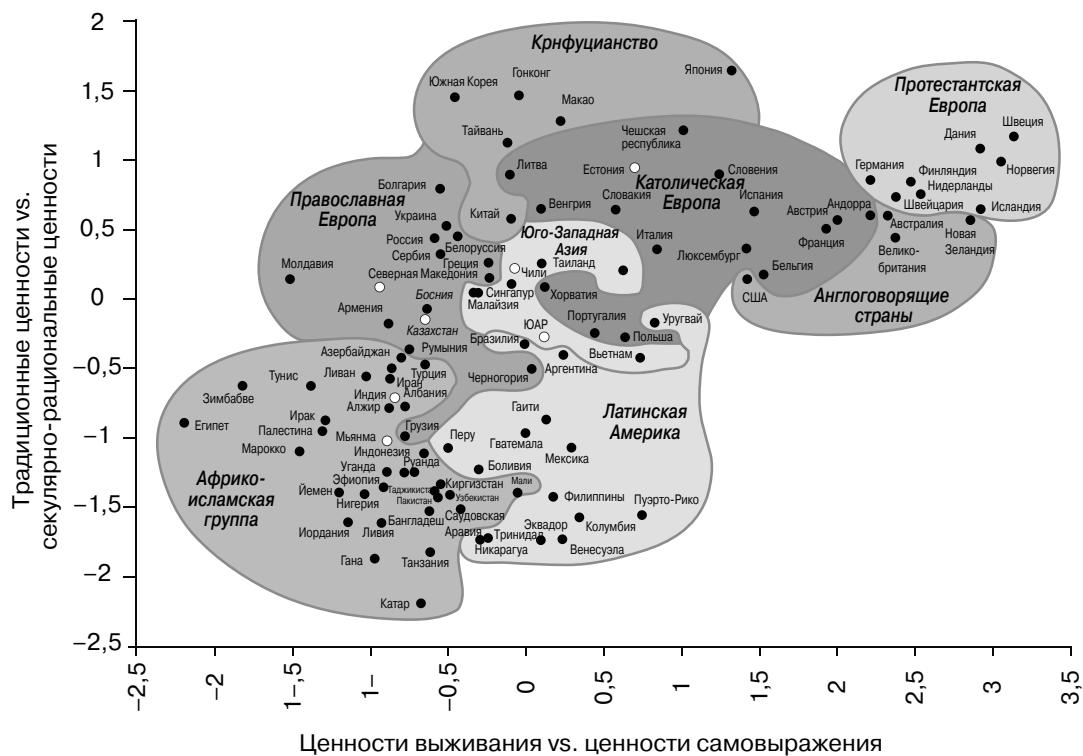

Рис. 1. Культурная карта мира Инглхарта и Вельцеля – обзор мировых ценностей (2022 г.).

Примечание. Горизонтальная и вертикальная оси иллюстрируют поляризацию противоположных ценностей. Отрицательные значения на оси абсцисс и ординат отражают ценности выживания и традиционные ценности, соответственно, положительные – ценности самовыражения и секулярно-рациональные. Числовые значения были получены авторами и переведены в обычные координаты в ходе многоэтапного факторного и корреляционного анализа.

Источник: The World Value Survey [2022].

Как отмечалось ранее, Инглхарт и Вельцель – далеко не первые исследователи, попытавшиеся количественно измерить СКК. До Инглхарта измерением социально-культурных индикаторов занимался Грет Хоффстеде, рассчитавший четыре культурных параметра (избегание неопределенности, дистанция власти, маскулинность и индивидуализм) на основе социальных опросов сотрудников IBM [Fujita, 2002, р. 47]. Метрика и исследование Хоффстеде пользовались популярностью в бизнесе и маркетинге, так как

кросс-культурные подходы, предложенные им, применялись для определения мобильности рабочих в крупных филиалах компаний.

В 1980 г. вышла книга Хофтеде «Следствия культуры: международные различия трудовых ценностей», в которой были представлены основные результаты статистического анализа четырех главных культурных измерений [Yoo et al., 2011, p. 47].

Однако, согласно Hofstede insights, последующее измерение культурных показателей, использующееся в современных исследованиях, проводилось на основе социальных опросов элитных групп, включая менеджеров государственных служб, пилотов коммерческих авиакомпаний и представителей 10% самых богатых жителей страны [Hofstede insights, 2021], тогда как опросы Инглхарта, которые в дальнейшем используются для определения координат и траекторий стран на карте, базируются на опросах всех групп населения и не ограничиваются уровнем доходов. Теория Хофтеде также, по большей части, основывается на микропроцессах [Steenkamp, Geyskens, 2012, p. 256]. В силу того, что его статистический базис относится к 10-му децилю населения по доходам, то есть наиболее образованной и состоятельной части общества, мы откладываем использование материалов Хофтеде до работы по социальной структуре современного общества. Именно поэтому в настоящем исследовании и в дальнейшем эконометрическом анализе проводится эксперимент в отношении возможности применения количественного измерения ценностей по методологии Инглхарта и Вельцеля для выявления их взаимосвязи с современными проблемами, вызванными пандемией коронавируса.

Возвращаясь к проблеме влияния социокультурных факторов на выход из рецессии, отметим, что коронакризис 2020 г. стал причиной усиления внимания к индивидуальному свободному выбору и нематериальным аспектам жизни [Lampert et al., 2021; CCSA, 2021]. Рецессия, вызванная вспышкой пандемии 2020 г., имеет необычный характер [Григорьев, Павлюшина, Музыченко, 2020; CCSA, 2021]. За ней последовал ряд столь же необычных экономических явлений.

Во-первых, COVID-19 привел к неравномерному сжатию экономической активности из-за различного уровня карантинных и ограничительных мер в разных странах, в результате чего усилился разрыв между богатыми и бедными [Григорьев и др., 2021, с. 27].

Во-вторых, из-за ограничения экономической активности значительное падение пришлось на сектор услуг – в промышленности деятельность предприятий непрерывного цикла не могла быть приостановлена, – поэтому сильный спад в 2020 г. пришелся на страны, задействованные в большей степени в секторе услуг [Григорьев, Павлюшина, Музыченко, 2020, с. 13]. Усталость населения от локдаунов, возможно, выразилась в своеобразной реакции в 2021 г. – в форме быстрого роста поездок на автомобилях в большинстве стран [Григорьев, Хейфец, 2022].

В-третьих, изменилось потребительское поведение. У различных слоев населения не было возможности проводить свободное время за любимыми занятиями, что в целом меняет структуру потребностей людей по пирамиде Маслоу: произошло смещение от верхних трех ступеней пирамиды (потребности в самовыражении и самореализации, потребности в уважении и признании, социальные потребности) к базовым экзистенциальным и биологическим потребностям [Григорьев, 2020]. Критические ситуации могут изменить индивидуальное и нормативное поведение граждан, что, в свою очередь, может привести к эгоистичному потребительскому поведению или, напротив, избыточному потреблению товаров одной категории [Tabernergero et al., 2020]. Перечисленные необычные для типичных кризисов экономические последствия, вызванные

вспышкой COVID-19, начались в ходе необычной реакции правительств, направленной на сдерживание и подавление распространения инфекции.

Можно предположить, что шок от пандемии 2020 г., вероятно, приведет к глубоким сдвигам в поведении, иерархии ценностей, но это вопрос будущих исследований. Заметим, что в условиях пандемии нравственные и культурные ценности людей изменились, во всяком случае наблюдаются определенные перемены в поведении: люди стали придавать особое значение психическому и физическому здоровью, жизненной силе и мерам предосторожности, тогда как все рекреационные, развлекательные и культурно-обогатительные, а также материальные ценности стали второстепенными [Lampert et al., 2021]; в научном мире на первом месте оказались система здравоохранения и развитие передовых цифровых технологий из-за необходимости удаленного ведения бизнеса и дистанционного обучения. Авто-, авиа-, судостроение и другие отрасли втянуты в тяжелый кризис. Одни исследователи утверждают, что устойчивость ценностей довольно высока, и их реструктуризация на протяжении короткого срока (как пример – пандемия коронавируса) невозможна [Giavazzi et al., 2014], другие констатируют, что влияние пандемии на культурные ценности существенно [Barro et al., 2020; Ruck et al., 2021].

В социальной сфере стоит обратить внимание на двойственный эффект пандемии 2020 г.: во-первых, это влияние укоренившихся культурных ценностей на тип борьбы с пандемией (излишняя паника, халатное поведение, институциональное доверие) и, во-вторых, влияние самой пандемии 2020 г. на перестройку СКК и изменение потребительских предпочтений [Lampert et al., 2021]. Для второго типа воздействия можно привести в пример рост пессимизма среди молодежи, а также рост обеспокоенности распространением коронавирусной инфекции среди поколения «зумеров» [Min et al., 2021, p. 281; Lampert et al., 2021, p. 31]. Пандемия COVID-19, как и финансовый кризис 2008 г., с которым столкнулось молодое поколение, оказывает существенное влияние на проявление психологических особенностей и становление поколения. «Поскольку представители поколения Z выросли в условиях сильной экономики с низким уровнем безработицы, пандемия COVID-19, вероятно, станет одним из самых значительных событий, которые их затронули» [Min et al., 2021, p. 283].

Мы полагаем, что реакция обществ, стран, правительств на большой внешний шок – пандемию COVID-19 – должна отражать их социокультурные установки. Это особенно важно при учете внезапности шока. Подробный анализ социально-экономической картины мира в условиях пандемии 2020 г. в контексте карт Инглхарта потребует значительного масштаба работ и специальной методологии. Некоторые общезэкономические выводы были представлены в работе «Идеальный штурм личного потребления» [Григорьев и др., 2021], где практически удалось показать, что правительства богатых стран взяли курс на предоставление большой финансовой помощи экономике и населению, стараясь предотвратить глубокую рецессию. Осознав серьезность угрозы, люди адаптировались к требованиям правительства соблюдать изоляцию и социальную дистанцию, в ходе чего возникло нормативное поведение, гарантировавшее следование нормам и предпринятым правительственным мерам, для достижения общего блага [Tabernero et al., 2020]. Мы полагаем, что в отношении борьбы с пандемией ситуация в большей степени зависела от хода болезни и характера (и состояния) системы здравоохранения. До известной степени можно считать, что более богатые страны полагались на систему здравоохранения, а менее богатые были вынуждены прибегнуть к жестким локдаунам и введению ограничительных мер (табл. 1). Фактическая комбинация сухости локдаунов и расчетов на эффективность системы здравоохранения обусловила те параметры пандемии (заболеваемость, смертность, вакцинация), кото-

Таблица 1. Группы социальных показателей по страновым группам Инглхарта на 2019 г. и параметры пандемии за 2020–2022 гг.

Группа из 94 стран ¹	ВВП по ППС на душу населения в 2019 г. (в постоянных международных ценах, за последний год, по доллару США)	Доля дохода, принадлежащая 10% самых богатых населения в 2019 г. (долл. США)	Расходы на здравоохранение на душу населения в 2019 г. (% от ВВП)	Объем фискальных мер в ответ на пандемию COVID-19 (% от ВВП 2020 г.)	Уровень самоизоляции на 100 тыс. чел. в 2019 г.	Индекс жесткости ограничительных мер (среднее за 2–4-й кв. 2020 г.)	Общее количество подтвержденных случаев COVID-19 на 1 млн чел. (с 20 января 2020 г. по 28 февраля 2022 г.)	Общее количество вакцинированных на 1 млн чел. на последнюю доступную дату (февраль 2022 г.)
Протестантская Европа	57,7	23,3	6356,2	10,3	7,9	12,9	53,0	285,7
Англоговорящие страны	56,3	27,0	5891,6	10,7	18,3	11,5	64,1	168,6
Католическая Европа	44,6	24,0	2682,9	8,1	8,2	14,2	56,2	296,7
Конфуцианство (без Китая, Гонконга и Макао)	42,4	25,2	3492,5	9,5	11,6	22,0	45,0	51,8
Конфуцианство (с Китаем, но без Гонконга и Макао)	33,6	26,6	2506,7	8,1	9,3	17,3	54,2	34,5
Юго-Западная Азия	33,2	33,4	1275,0	6,1	9,9	10,1	64,4	132,3
Страны с преобладанием православия	20,8	25,3	600,6	7,0	5,9	13,5	57,6	177,6
Латинская Америка	16,2	34,5	611,7	7,3	4,3	7,3	71,6	94,0
Афро-исламская группа	9,8	28,5	210,3	4,8	3,2	5,1	68,4	41,9
								352,6

Источник: Рассчитано авторами на основе данных Всемирного банка [n.d.], МВФ [2020a] и the Global Change Data Lab [n.d.].

¹ Список стран см. в прил. 1.

рые приводит итоговая статистика³. Разделить их было бы чрезвычайно интересно, но это потребует большой статистической базы на микроуровне.

Вероятно, в бедных странах ограниченное фискальное пространство препятствует борьбе с коронавирусом, поскольку они в меньшей степени готовы вкладывать средства в развитие системы здравоохранения [Calderon, Kubota, 2021]. Например, несколько вспышек Эболы 2013–2016 гг. в западных африканских регионах побудили многие страны Африки быстро среагировать на распространение COVID-19 и предпринять изоляционные и карантинные меры сразу [Mennechet et al., 2020]. Другими словами, локдауны довольно типичны для представителей африкано-исламской группы.

Мы исходим из того, что уровень развития и характер СКК являются накопленным итогом развития стран примерно за полтора века до пандемии 2020 г. [Григорьев, Морозкина, 2021]. Но их роль должна была проявиться именно в такой драматической ситуации. Иначе вопрос о применении кодов может быть повернут в неожиданном направлении: а на что они вообще влияют в стрессовом режиме? Это, разумеется, не уменьшает вероятную роль СКК в долгосрочном развитии, но если роль не обнаружится в кризисной ситуации, это ограничит их вес. В среднесрочном плане (два-три года) развитые страны должны найти решение вопроса о вакцинах, хотя главная проблема заключалась, как оказалось, в огромном социальном неравенстве в сфере здравоохранения в более либеральных странах [Grigoryev, Morozkina, 2023].

Взаимосвязь параметров пандемии и социально-экономических показателей в группах Инглхарта и Вельцеля

Общая картина мира по группам карты Инглхарта и Вельцеля и подход авторов к изучению мира на основе социально-культурного смешения конфессиональных и региональных групп стран выглядят специфически. Но введение в таблицу этих групп социально-экономических показателей ставит вопрос о том, насколько уровень развития корреспондирует с характером групп и как соотносятся исторически накопленные уровни благосостояния и сложившиеся СКК. Пандемия и связанные с ней социальные показатели могут стать экспериментальной проверкой взаимодействия культуры и социологии в рамках междисциплинарного подхода. Однако прикладные результаты, в особенности специфика взаимодействия факторов, могут быть учтены и задействованы при разработке стратегии развития мира, например, следующего этапа «Целей устойчивого развития».

Для иллюстрации сложных и неочевидных связей между социально-экономическими показателями и СКК, которые нам представляются значительными в контексте групп Инглхарта и Вельцеля, мы приведем несколько графиков. Они представляют данные табл. 1 в графическом виде, а также связывают между собой социальные показатели групп стран по картам Инглхарта с показателями заболеваемости коронавирусом за период с 20 января 2020 г. до конца февраля 2022 г.

Рисунок 2 заставляет задуматься над некоторыми вопросами, в частности о том, почему в католической и протестантской Европе численность болеющих коронавирусной инфекцией относительно других групп выше. Возможно, одна из причин заключается в возрастной группе. Например, в странах Африки к югу от Сахары, или афро-исламской группе по Инглхарту, наименьшее число инфицированных случаев из-за того,

³ Авторы статьи осознают возможное несовершенство использованной статистики о параметрах пандемии, вызванное спецификой методологии национальных статистических органов разных стран, однако полагают, что оно не могло существенно повлиять на результаты исследования.

что там проживает наиболее молодое население, средний возраст которого (в Африке) составляет 19–20 лет [Mennechet et al., 2020]. В период пандемии коронавируса чаще заболевали люди в возрасте старше 60 из-за ослабленного иммунитета и повышенного риска заражения [Mennechet et al., 2020]. Еще одна возможная причина, отмеченная ранее, – страны уже сталкивались с локдаунами во время других эпидемий и потому им удалось эффективно снизить заболеваемость.

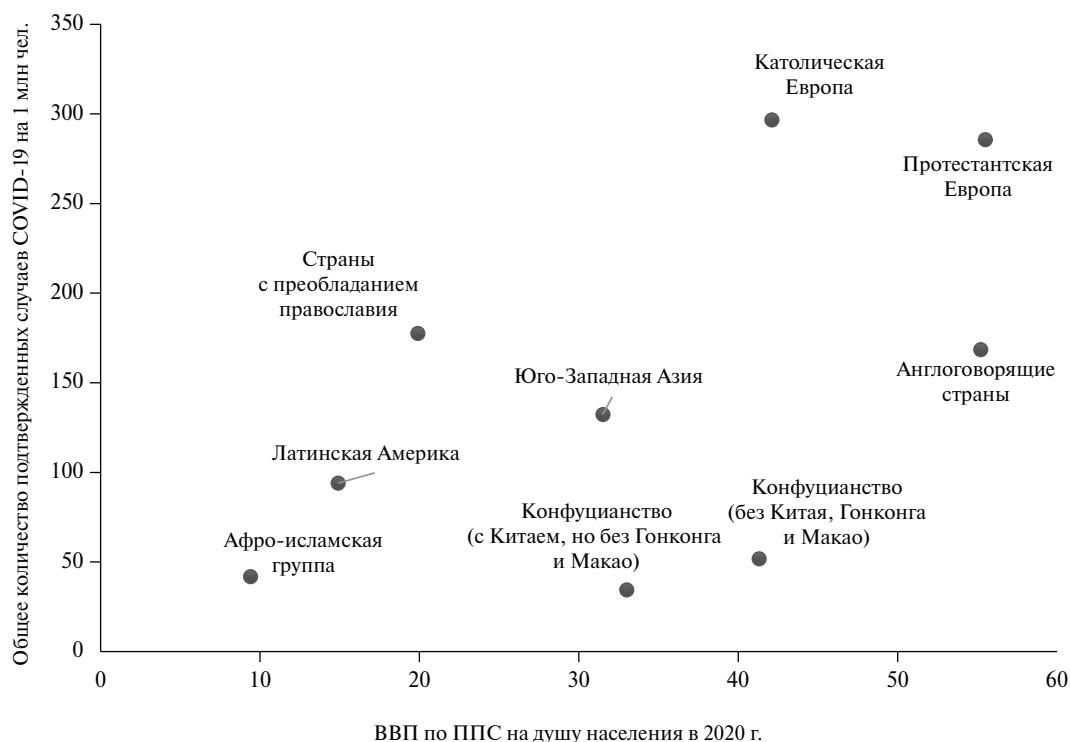

Рис. 2. Средний ВВП по ППС на душу населения в 2020 г. (в постоянных международных долларах 2017 г.) и среднее по группе общее количество подтвержденных случаев COVID-19 на 1 млн человек (с 20 января 2020 г. по 28 февраля 2022 г.).

Источник: Рассчитано авторами на основе данных Всемирного банка [n.d.] и the Global Change Data Lab [n.d.].

Реакция групп стран, пытающихся ограничить последствия рецессии посредством фискальных мер, отражает, естественно, их финансовые возможности [Григорьев и др., 2021]. На рис. 3 стоит обратить внимание на масштабы вливаний средств в качестве фискального ответа на угрозу в сравнении с уровнем расходов на здравоохранение всех экономических агентов в 2019 г. – наибольшее превышение зафиксировано в англоязычных странах и в Азии. Накопление долга от официальных внешних источников действительно может помочь странам более мягко выйти из рецессии, вызванной вспышкой коронавируса [Calderon, Kubota, 2021]. Так, большая поддержка предоставлялась африканским странам в 2020 г.: ОЭСР работала с африканскими странами по максимизации сбора доходов и разработке налоговой политики, как фискальный ответ на вызов COVID-19 [OECD, 2021]. Всемирный банк и МВФ предоставили финансо-

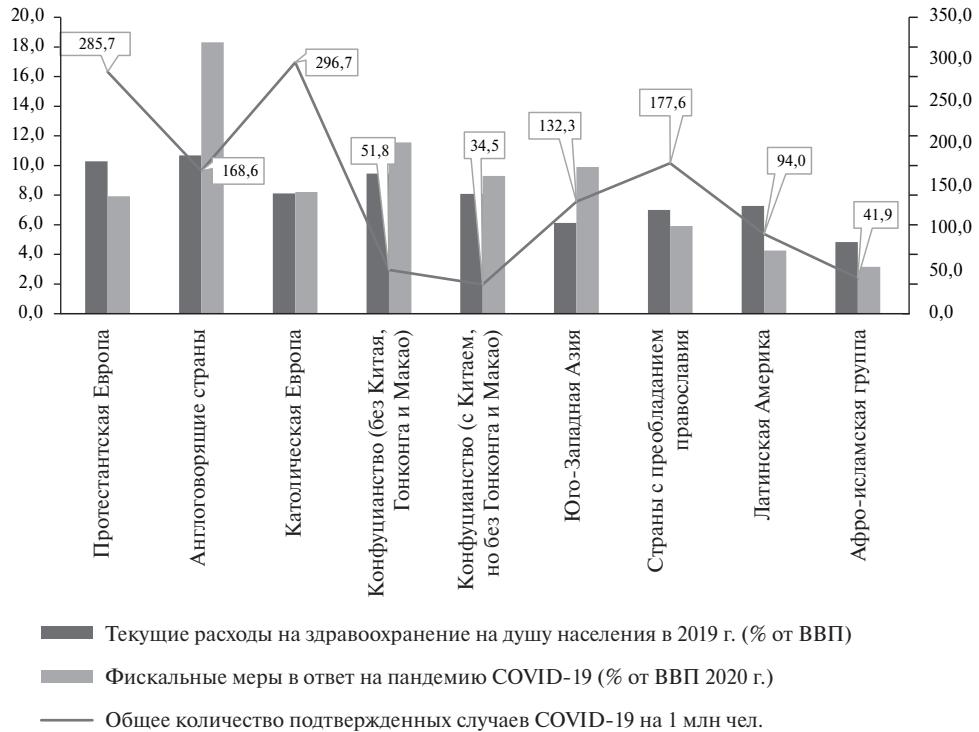

Рис. 3. Среднее по группе общее количество подтвержденных случаев COVID-19 на 1 млн человек (с 20 января 2020 г. по 28 февраля 2022 г.) (прав. ось) и средние фискальные ответы, расходы на здравоохранение всех экономических агентов на душу (лев. ось)

Источник: Рассчитано авторами на основе данных Всемирного банка [n.d.], МВФ [2020a] и the Global Change Data Lab [n.d.].

вую помочь почти 100 странам с низким подушевым доходом [U.S. Global Leadership Coalition, 2021]. Без этой помощи параметры пандемии в Африке, возможно, были бы хуже.

Рисунок 4 позволяет проанализировать связь между долей самоубийств и классификационной группой по Инглхарти. Логика связи уровня развития страны и показателей самоубийств присутствует, но не исключено, что она отражает именно более высокий уровень развития (социальное, нежели культурное явление), как это было показано в работе [Grigoryev, Popovets, 2019]. Как видно из рис. 4, конфуцианская группа (как с Китаем, так и без Китая) уступает трем наиболее состоятельным группам по ВВП на душу (англоговорящие, католики и протестанты), но неожиданно превосходит всех по норме самоубийств. Наблюдателю, не имеющему специальных знаний, покажется, что это противоречит спокойствию, которому учит эта религия.

Рисунок 5 показывает взаимозависимость между благосостоянием населения и долей богатых людей. Так, вечная проблема связи уровня развития и социального неравенства на языке СКК получает неожиданный «оттенок». Без учета религии англо-саксы и представители Латинской Америки имеют наибольшие показатели неравенства [Григорьев, Курдин, Макаров, 2022, гл. 14].

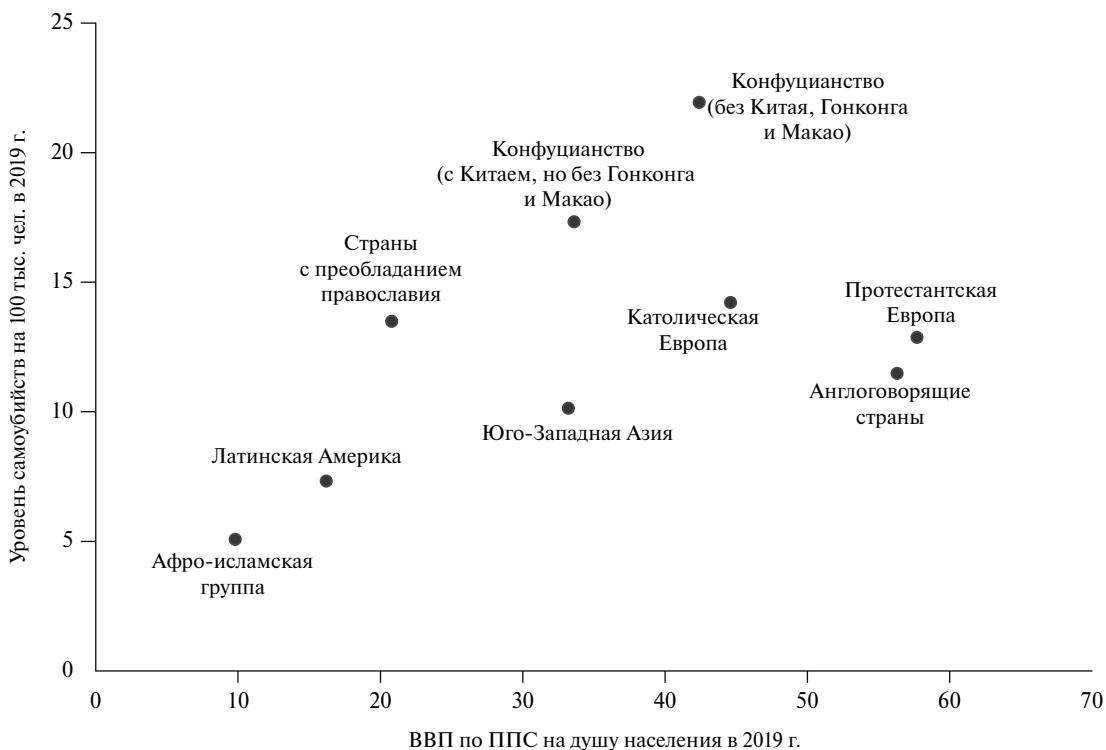

Рис. 4. Средний уровень самоубийств на 100 тыс. человек в 2019 г. и ВВП по ППС на душу населения в 2019 г. (в постоянных международных долларах 2017 г.)

Источник: Рассчитано авторами на основе World Development Indicator dataset.

Трактовка зависимости между заболеваемостью и вакцинацией должна включать передаточные механизмы типа здравоохранения с социальной стороны, а также доверие к правительству и дисциплину. Как видно, наибольший успех наблюдается у конфуцианцев, Юго-Западной Азии и даже у афро-исламского мира, если рассматривать относительно низкую интенсивность заболеваемости. Гипотеза, согласно которой выполнение указаний правительства в группах с традиционными взглядами, меньшей свободой самовыражения могло стать причиной меньшей подверженности пандемии, во всяком случае, имеет право на существование и дальнейшее изучение. Католические страны и протестанты оказались в одной паре по заболеваемости при очень разных уровнях вакцинации. У них вакцинирование, вероятно, запоздало, поскольку у данных двух групп самая высокая заболеваемость (рис. 6). Корреляция уровней вакцинации по 80 странам с ценностями по шкале «Выживание – самовыражение» довольно высока – 0,6 (табл. 2). Разумеется, мы считаем это не непосредственной причинно-следственной зависимостью, а указанием на необходимость дальнейшего поиска факторов, из-за которых более развитые страны неожиданно оказались в критический момент в худшем положении.

Связь заболеваемости и жесткости локдаунов в целом остается неочевидной и требует дальнейшего изучения. Общее наблюдение заключается в том, что протестантам и католикам локдауны в острый период 2020 г. помогли в меньшей степени, чем большинству остальных групп (рис. 7).

Таблица 2. Корреляционная матрица

Группа из 80 стран ¹	3a6ojebeamocrb Jorapifum	3a6ojebeamocrb ot COVID-19	Jorapifum BBII ha JUyuy B 2019 r.	Cyundubr B 2019 r. Ha JUyuy B 2019 r.	Hepparekro (jori za nocjeuhn jocyanphin roj)	Bakunahuna Mhixapt – nuehoccru tpajinnohne nuehoccru Mehixahpin b3opacr b 2019 r.	Paxoxabi ha 3a6ojebeamocrb b 2019 r.
Заболеваемость	1						
Логарифм заболеваемости	0,78	1					
Смертность от COVID-19	0,47	0,57	1				
Логарифм смертности от COVID-19	0,53	0,85	0,82	1			
BBII на душу в 2019 г.	0,64	0,56	0,10	0,24	1		
Логарифм BBII на душу в 2019 г.	0,71	0,70	0,31	0,44	0,90	1	
Суициды в 2019 г.	0,38	0,38	0,24	0,25	0,39	0,48	1
Неравенство (доля 10% самых богатых) за последний доступный год	-0,39	-0,27	-0,06	-0,06	-0,35	-0,36	-0,21
Вакцинация	0,39	0,37	-0,02	0,14	0,57	0,63	0,26
Ингихарт-ценности: от выживания к самовыражению	0,55	0,42	-0,06	0,08	0,77	0,71	0,29
Ингихарт-ценности: от традиционных к секулярно-рациональным	0,60	0,51	0,25	0,26	0,63	0,75	0,63
Медианный возраст в 2019 г.	0,67	0,64	0,49	0,48	0,66	0,82	0,57
Расходы на здравоохранение в 2019 г.	0,51	0,52	0,30	0,36	0,52	0,59	0,31

Источник: Расчеты авторов на основе данных Всемирного банка [n.d.], МВФ [2020a], the Global Change Data Lab [n.d.].

¹ Список стран см. в прил. 2.

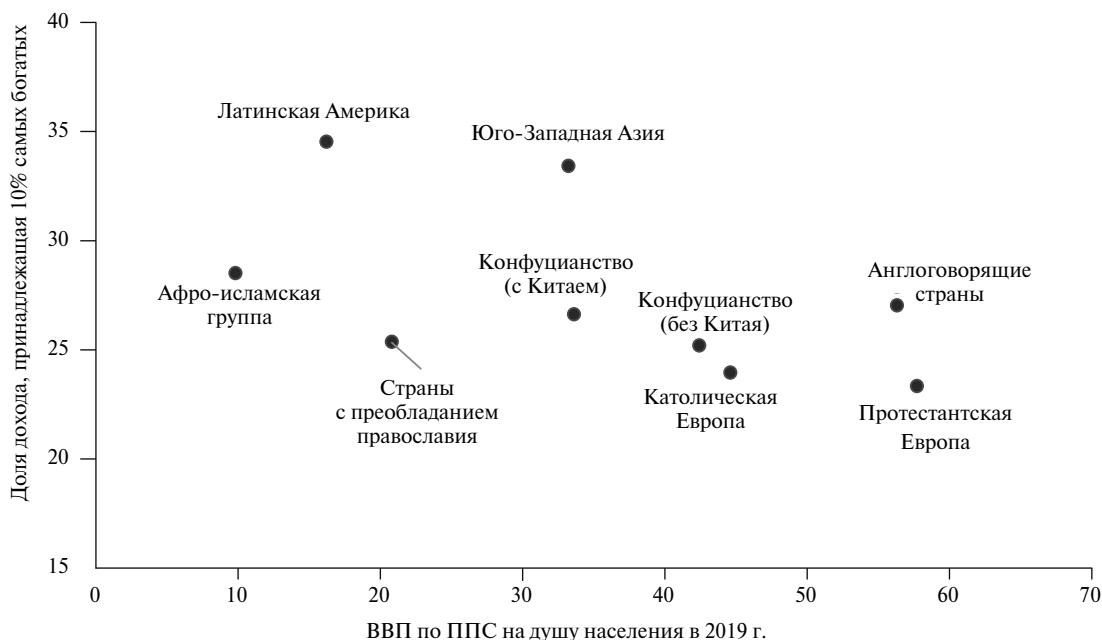

Рис. 5. Средняя доля дохода, принадлежащая 10% самых богатых людей (данные за последний год, по которому имеются данные) и ВВП по ППС на душу населения в 2019 г. (в постоянных международных долларах 2017 г.)

Источник: Рассчитано авторами на основе данных The World Development Indicators Dataset.

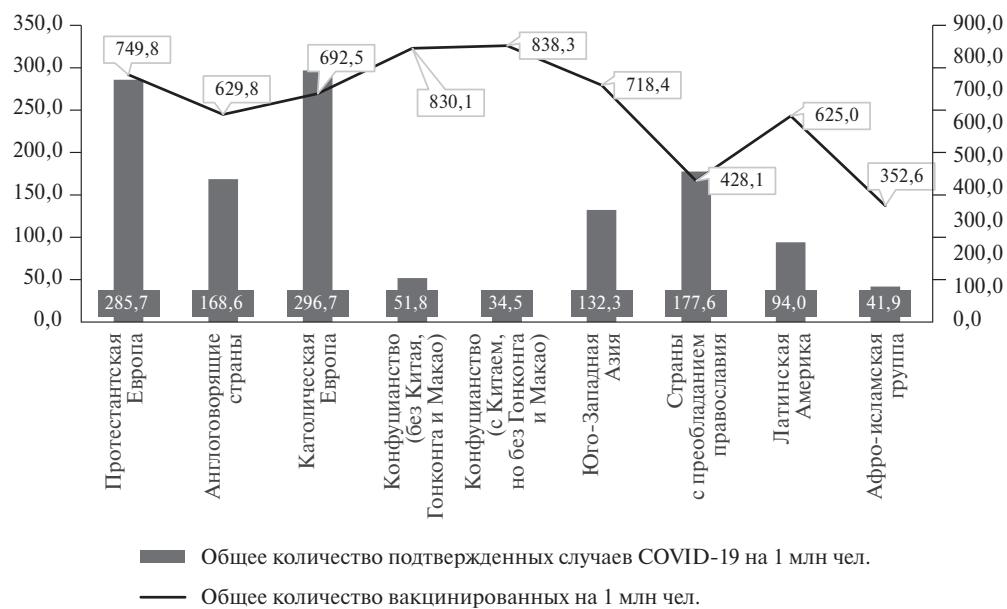

Рис. 6. Среднее по группе количество вакцинированных на 1 млн чел. по состоянию на февраль 2022 г.) (прав. ось) и среднее общее количество подтвержденных случаев COVID-19 на 1 млн чел. с 20 января 2020 г. по 28 февраля 2022 г. (лев. ось)

Источник: Рассчитано авторами на основе данных the Global Change Data Lab [n.d.]

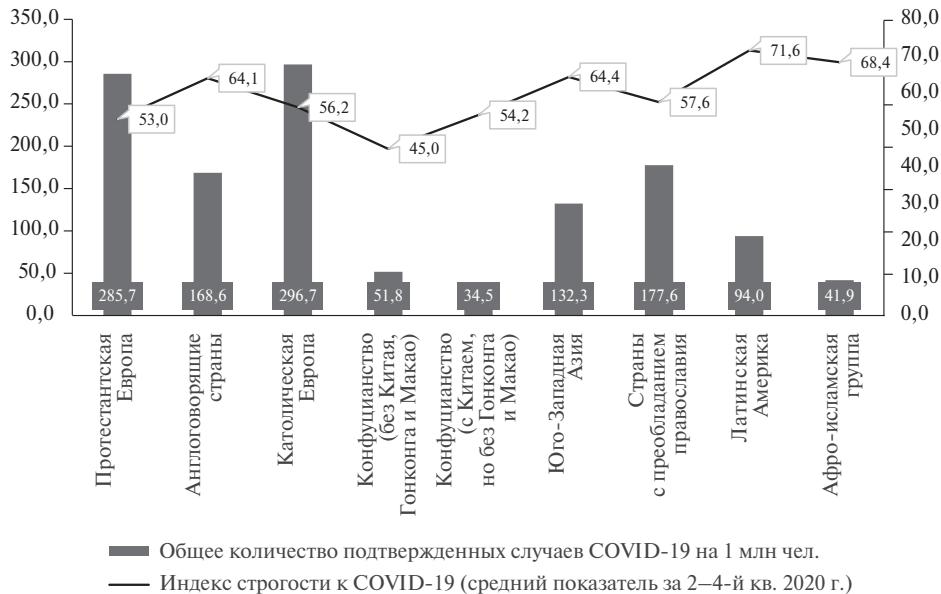

Рис. 7. Средние показатели жесткости локдаунов (индекс строгости ограничений в связи с COVID-19) (прав. ось) и среднее количество подтвержденных случаев COVID-19 на 1 млн чел. с 20 января 2020 г. по 28 февраля 2022 г. (лев. ось)

Источник: Рассчитано авторами на основе данных the Global Change Data Lab [n.d.]

Картина социальных показателей, рассчитанных на основе простых средних между странами групп Инглхарта и Вельцеля, заставляет прежде всего удивиться разнообразию мира и диверсификации связей социальных параметров стран и количественных показателей пандемии коронавируса.

Количественная взаимосвязь параметров пандемии и социально-культурных кодов

В работе был проведен большой объем статистического, в частности корреляционного и регрессионного анализа. Для выявления важнейших взаимосвязей и наглядности мы сократили презентационный объем выбранных показателей до основных параметров в корреляционных матрицах. В регрессионном анализе мы оставили только три независимые переменные: самоубийства в 2019 г. как постоянную проблему (и связь с уровнем параметра во время пандемии), заболеваемость коронавирусом и вакцинацию с марта 2020 г. по февраль 2022 г. Мы далеки от мысли дать ответы на все или многие возникающие вопросы, но хотим показать релевантность использования опросной статистики Инглхарта и Вельцеля для анализа социальных проблем современного мира.

В качестве практической базы рассматривались показатели по 94 странам из следующих источников: Всемирный банк, the Global Change Data Lab, World Values Survey, ООН. Для регрессионного анализа были отобраны следующие переменные: ВВП на душу населения по ППС в 2017 г.; неравенство, выраженное долей, приходящейся на 10% самых богатых, в общем богатстве за 2019 г.; медианный возраст насе-

ления в 2019 г.; число самоубийств на 100 тыс. населения в 2019 г. и координаты карты Инглхарта.

Чтобы проанализировать взаимосвязи между культурными ценностями и пандемией 2020 г., рассматриваются переменные: всего подтвержденных случаев COVID-19 на 1 млн человек с 20 января 2020 г. по 28 февраля 2022 г. и число людей, прошедших вакцинацию от COVID-19 до февраля 2022 г.

В одной из предыдущих работ 157 стран, на которые приходится 98% мирового ВВП, были разделены на семь кластеров по уровню ВВП по ППС на душу населения, где кластер 1 – это наиболее развитые страны, а кластер 7 – наименее развитые [Григорьев, Паршина, 2013]. К сожалению, данные о СКК имеются только по 94 странам, поэтому мы не можем повторить анализ на той же выборке. В настоящем исследовании рассматривалось 48 стран из кластеров 1–2 и 46 государств, относящихся к кластерам 3–6. Таким образом, наш анализ ограничен более развитой частью мирового сообщества – это промежуточный случай между условно «генеральной» совокупностью (157 стран) и неслучайной «выборкой» из 80 стран в регрессионном анализе.

Страны сгруппированы следующим образом:

- взяты группы стран из предварительной карты Инглхарта за 7-ю волну опроса (2017–2020 гг.);
- к англоговорящей группе добавлены Ирландия и Канада (карта Инглхарта, 6-я волна, 2010–2014 гг.);
- далее отобраны только те страны, которые входили в кластеры в упомянутой работе, и исключены страны, по которым нет доступной статистики.

В результате было получено восемь групп стран (табл. 3).

Таблица 3. Соотношение групп стран и кластеров

Группа стран в данной работе	Соответствующий кластер из предыдущей работы [Григорьев, Паршина, 2013]
Англоговорящие страны	1
Протестантская Европа	1
Католическая Европа	1–2
Конфуцианские страны	1, кроме Китая (Китай в кластере 3)
Юго-Западная Азия	1–4
Страны с преобладанием православия	2–4
Латинская Америка	2–4 и Никарагуа из кластера 5
Афро-исламские	4–6

Источник: Составлено авторами.

Для практической части анализа отобраны 80 стран, по которым были доступны все рассматриваемые социальные показатели.

Корреляционный анализ по странам имеет как достоинства, так и недостатки, например, не учитывается несоразмерность стран по численности населения. В нашем случае мы ориентируемся на 80 стран (прил. 2), в которых живет подавляющая часть населения мира и которые производят большую часть ВВП. В сущности, этот набор государств ближе к генеральной совокупности, чем к большой выборке. Соответствен-

но, показатели табл. 1 и 2 могут рассматриваться в качестве стилизованных фактов, которые должны быть объяснены теоретически.

Некоторые из корреляционных зависимостей имеют высокое значение и подтверждают ожидания наблюдателей «о природе вещей». В этом отношении корреляция 0,83 между медианным возрастом и значением показателя «Инглхарт-ценности: от традиционных к секулярно-рациональным» указывает на рациональность мира: значимость секулярно-рациональных ценностей по шкале тем выше, чем выше средний возраст населения в стране. Уровень ВВП на душу хорошо коррелирует со значениями шкалы «Выживание – самовыражение» (0,77): чем выше благосостояние населения, тем более значимы ценности самовыражения, а шкалы традиционных и секулярно-рациональных ценностей – с самоубийствами (0,63): чем более укоренены секулярно-рациональные ценности, тем больше самоубийств.

Кроме того, был проведен простой линейный регрессионный анализ. Полученные уравнения носят характер экспресс-анализа базовых связей. Для более полного моделирования требуется детализированная информация (массовые микроданные по широкому кругу стран) и соответствующие продвинутые эконометрические техники, так что интерпретировать коэффициенты полученных уравнений нужно с осторожностью, однако мы возьмем на себя такой риск.

Предварительно к значениям координат Инглхарта было добавлено +2, чтобы работать только с положительными числами. То есть, иными словами, координаты, ранее считавшиеся в интервале $[-2; 3]$, стали $[0; 5]$. Отметим, что данное изменение не влияет на знаки и существенность коэффициентов регрессии, общую корреляцию, но меняет их размерность.

Уравнение 1. Норма самоубийств в 2019 г.

Результаты оценивания линейной МНК-регрессии для зависимой переменной «Уровень самоубийств»

Зависимая переменная Suicide_2019	Коэффициент	t-статистика
Ingelhart_survival	-0,54	-1,00
Ingelhart_traditional	4,77	6,53
_cons	2,93	2,22
R ²	0,41	
N	80	

Примечание. Описание переменных см. в прил. 3.

Источник: Расчеты авторов.

Показатель «Инглхарт-ценности: от традиционных к секулярно-рациональным» иллюстрирует шкалу «Традиции и секулярно-рациональные ценности», поэтому, когда знак положительный, движение происходит в сторону секулярно-рациональных ценностей. То есть чем выше важность секулярно-рациональных ценностей, тем больше самоубийств. В противном случае, если бы знак у показателя «Инглхарт-ценности: от традиционных к секулярно-рациональным» был бы отрицательным, то вывод был бы таким: чем выше значимость традиционных ценностей, тем меньше самоубийств.

Вероятность такого развития ситуации вытекала из прежних исследований по социальным факторам [Grigoryev, Popovets, 2019]. Показатель «Инглхарт-ценности: от выживания к самовыражению» оказался незначимым.

В данном случае мы получаем картину в терминах СКК, что требует очень осторожной интерпретации и дальнейшего изучения. Поскольку мы знаем, что рост уровня самоубийств наблюдается в странах с высоким уровнем ВВП на душу населения и, возможно, имеет социальный характер, то в порядке эксперимента мы приводим значения коэффициентов при обеих шкалах Инглхарта.

Уравнение 2. Заболеваемость COVID-19

Результаты оценивания линейной МНК-регрессии для зависимой логарифмированной переменной «Количество подтвержденных случаев COVID-19»

Зависимая переменная ln_cases	Коэффициент	t-статистика
<i>Ingelhart_survival</i>	-0,35	-2,27
<i>ln_gdp</i>	1,36	6,56
<i>Health_exp_2019_share</i>	0,14	2,35
<i>_cons</i>	-2,41	-1,34
<i>R</i> ²	0,54	
<i>N</i>	80	

Примечание. Описание переменных см. в прил. 3.

Источник: Расчеты авторов.

Во-первых, из уравнения следует, что логарифм ВВП на душу населения положительно коррелирует с логарифмом числа инфицированных COVID-19. Положительная связь между параметрами также существует и в матрице корреляций. Из-за огромного потенциала частых международных переездов высока вероятность среди среднего и высшего классов подхватить инфекцию и перенести в другой регион мира. И наоборот, чем беднее страна, тем меньше болеют ее жители из-за отсутствия финансовых возможностей пересекать границы.

Во-вторых, по результатам корреляционной матрицы и эконометрического уравнения наблюдается прямая связь между логарифмом числа инфицированных и долей расходов на здравоохранение: чем выше доля расходов на здравоохранение в стране, тем больше в ней инфицированных. Этот результат можно объяснить следующим образом: богатые страны, как правило, обладают более сильными системами здравоохранения и больше инвестируют в медицину. Данное утверждение не противоречит сделанному выше выводу о положительной связи между благосостоянием страны и уровнем заболеваемости. Таким образом, чем богаче страна и чем больше она инвестирует в систему здравоохранения, тем больше людей были инфицированы COVID-19.

В-третьих, наблюдается отрицательная связь в регрессии между числом инфицированных и переменной «Инглхарт-ценности: от выживания к самовыражению». Чем ближе к ценностям самовыражения, тем ниже число выявленных случаев заражения COVID-19.

Уравнение 3. Вакцинация

Результаты оценивания линейной МНК-регрессии для зависимой переменной «Количество вакцинированных на 1000 человек»

Переменная Vaccine_per_thousand	Коэффициент	t-статистика
<i>Ingelhart_survival</i>	74,89	4,47
<i>Median_age_2019</i>	12,54	4,43
<i>Inequality_latest</i>	12,3	3,4
_cons	-365,98	-2,28
<i>R</i> ²	0,504	
<i>N</i>	80	

Примечание. Описание переменных см. в прил. 3.

Источник: Расчеты авторов.

Формально полученное уравнение интерпретируется следующим образом. Параметр «Инглхарт-ценности: от выживания к самовыражению» описывает двойную шкалу «Выживание – самовыражение», поэтому, когда коэффициент при данном показателе положительный, движение происходит в сторону ценностей самовыражения, и вывод в таком случае следующий: чем выше значимость ценностей самовыражения, тем выше уровень вакцинации. С ростом индивидуалистического характера увеличивается доля вакцинированных от COVID-19. Возможно, население более бедных стран, для которых характерны ценности выживания и которые находятся на границе перехода от доиндустриального типа экономики к индустриальному, или, иными словами, страны, находящиеся в левом нижнем углу на карте Инглхарта, воспринимают пандемию и кризис 2020 г. как проблему выживания индустриального общества, а не как проблему постиндустриального общества, в результате чего выход из пандемии и мероприятия по вакцинации другие.

Медианный возраст положительно коррелирует с долей вакцинации. Вероятно, это проявление наличия третьего фактора – уровня развития страны, сопряженного с более высоким медианным возрастом и доступностью вакцин для состоятельных старших возрастов, доля таких стран в выборке высока. Можно предположить, что люди старше медианного возраста прививаются охотнее, чем те, кто младше, из-за высокой вероятности подхватить инфекцию.

Гипотетически мы предполагали обратную связь между расслоением общества и долей вакцинированных. Однако эконометрическое уравнение показало положительную связь между переменными: богатым странам присуща значительная степень неравенства плюс фактор «Инглхарт-ценности: от выживания к самовыражению». Кроме того, в обеспеченных обществах медицинское обслуживание, системы здравоохранения и разработка лекарственных средств более развиты, что объясняет прямую зависимость: страны, ориентированные на ценности самовыражения, в большей мере гарантируют вакцинирование от коронавирусной инфекции.

Формально полученное уравнение интерпретируется следующим образом. С ростом показателя «Инглхарт-ценности: от выживания к самовыражению», то есть с ростом ценностей самовыражения на единицу в абсолютном выражении, количество вакцинированных растет на 74,89 ед. При увеличении медианного возраста на 1 год или

при увеличении доли дохода, принадлежащей самим богатым 10%, на 1 п.п. число вакцинированных возрастает на 12,54 и 12,3 человека на 1 тыс. населения соответственно.

Заключение

Итак, исследование охватывает три группы фактического материала, которые можно классифицировать следующим образом: надежные наблюдения (де-факто – стилизованные факты); материалы по пандемии, требующие дальнейшего анализа; выводы о роли социокультурных кодов в условиях пандемии 2020–2021 гг.

К стилизованным фактам можно отнести статистические (социально-экономические) характеристики групп Инглхарта и Вельцеля, их корреляцию между собой и с их шкалами (наподобие трехмерной матрицы). Мы полагаем, что высокий уровень развития трех групп играет значительную роль в их социокультурных установках, обеспечивая возможность свободного выбора гражданами этих стран путем самореализации, отрыва от выживания и традиционных ценностей. Несмотря на то что связь довольно заметна, нам кажется, при анализе моделей поведения стоит работать с обоими типами данных. Интересной темой для будущих исследований остается роль социального неравенства в контексте социокультурных кодов и последствий для социального поведения.

Вторым существенным пунктом мы считаем неожиданные во многом характеристики пандемии по группам: относительный успех конфуцианцев (включая или исключая Китай); несколько блеклые результаты огромных финансовых вложений ангlosаксонской группы с точки зрения ограничения последствий пандемии. Для дальнейшего продвижения в количественном анализе необходимы более детализированные статистические данные, позволяющие изучать воздействие пандемии, локдаунов на различные социальные слои и национальные меньшинства.

В-третьих, при условии успешного решения проблем первых двух подходов остается вычленение социокультурных эффектов не по большим группам, а по более структурированным социальным сообществам.

Расчеты, представленные в статье, позволяют сделать следующие выводы: в странах, более продвинутых в направлении ценностей самовыражения по шкале Инглхарта, более высокий уровень вакцинации и низкие показатели заболеваемости, а в странах, ориентированных на секулярно-рациональные ценности, уровень самоубийств выше, чем в странах с преобладающими традиционными взглядами. Сами по себе социально-культурные коды, как и показатели неравенства или уровня ВВП на душу населения, никак не могут детерминировать интенсивность заболеваемости, вакцинации или уровень самоубийств в различных странах в конкретный год.

Социокультурные параметры имеют определенную связь с параметрами характеристик пандемии COVID-19. Расчеты показали, что шкалы Инглхарта можно задействовать в качестве независимых переменных и получить интересные – даже неожиданные – коэффициенты при таких переменных, как самоубийства, заболеваемость и вакцинация населения на выборке из 80 преимущественно развитых стран мира. Мы не решили, разумеется, одну из самых тягостных проблем роста уровня самоубийств в развитых странах, но показали, что движение ценностей от традиционных к рациональным дает рост самоубийств или движение от выживания к самовыражению. В любом случае полученные результаты требуют дальнейших исследований и поиска причин – прямых или опосредствующих – вырисовывающихся направлений воздействия социальных и социально-психологических факторов на протекание такого важного процесса, как пандемия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Аузан А.А. (2015) «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез» // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. № 1. С. 3–17.
- Аузан А.А., Никишина Е.Н. (2021) Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика – на культуру. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова.
- Григорьев Л.М., Паршина Е.Н. (2013) Экономическая динамика стран мира в 1992–2010 гг.: неравномерность роста // Вестник Санкт-Петербургского университета. № 4. С. 70–86. Режим доступа: <https://economicsjournal.spbu.ru/article/view/2470> (дата обращения: 17.07.2022).
- Григорьев Л.М., Хейфец Е.А. (2022) Нефтяной рынок: конфликт между подъемом и энергетическим переходом // Вопросы экономики. № 9. С. 5–33. Режим доступа: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-9-5-33> (дата обращения: 05.05.2022).
- Григорьев Л.М. (2020) Мировая социальная драма пандемии и рецессии // Население и экономика. Т. 4. № 2. С. 18–25. Режим доступа: <https://doi.org/10.3897/popecon.4.e53325> (дата обращения: 20.08.2022).
- Григорьев Л.М., Елкина З.С., Медникова П.А., Серова Д.А., Стародубцева М.Ф., Филиппова Е.С. (2021) «Идеальный шторм» личного потребления // Вопросы экономики. № 10. С. 27–50. Режим доступа: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-10-27-50> (дата обращения: 14.07.2022).
- Григорьев Л.М., Курдин А.А., Макаров И.А. (ред.) (2022) Мировая экономика в период больших потрясений. М.: ИНФРА-М.
- Григорьев Л.М., Морозкина А.К. (2021) Успешная неустойчивая индустриализация мира: 1880–1913. М.; СПб.: Нестор-История.
- Григорьев Л.М., Павлюшина В.А., Музыченко Е.Э. (2020) Падение в мировую рецессию 2020... // Вопросы экономики. № 5. С. 5–24. Режим доступа: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-5-5-24> (дата обращения: 16.07.2022).
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011) Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство. Фонд либеральная миссия. Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2012/02/24/1266136909/inglehart_welzel.pdf.
- Лебедева Н.М., Татарко А.Н. (2009) Культура как фактор общественного прогресса. М.: ГУ ВШЭ. Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2010/03/20/1227784320/%D0%9A%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0%20%D0%BA%D0%B0%D0%BA%20%D1%84%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80%20%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%BD0.pdf>.
- Barro R.J., Ursúa J.F., Weng J. (2020) The Coronavirus and the Great Influenza Pandemic: Lessons from the “Spanish Flu” for the Coronavirus’s Potential Effects on Mortality and Economic Activity // National Bureau of Economic Research. No. 26866. Режим доступа: <http://www.nber.org/papers/w26866> (дата обращения: 14.07.2022).
- Bonetto E., Dezecache G., Nugier A., Inigo M., Mathias J.-D., Huet S., Pellerin N., Corman M., Bertrand P., Raufaste E., Streith M., Guimond S., Sablonnière R., Dambrun M. (2021) Basic human values during the COVID-19 outbreak, perceived threat and their relationships with compliance with movement restrictions and social distancing // PLoS ONE. No. 16(6). Режим доступа: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0253430> (дата обращения: 31.10.2022).
- Calderon C., Kubota M. (2021) Exploring the Growth Effects of COVID-19 across Developing Countries. The World Bank. Режим доступа: <https://doi.org/10.1596/1813-9450-9889> (дата обращения: 11.06.2022).
- Chen Y., Biswas M.I. (2022) Impact of national culture on the severity of the COVID-19 pandemic // Current Psychology. Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/s12144-022-02906-5> (дата обращения: 16.04.2022).
- Committee for the Coordination of Statistical Activities (CCSA) (2021) How COVID-19 is changing the world: a statistical perspective. Режим доступа: https://unstats.un.org/unsd/ccsa/documents/covid19-report-ccsa_v0l3.pdf (дата обращения: 11.06.2022).

- Durante R., Guiso L., Gulino G. (2021) Asocial capital: Civic culture and social distancing during COVID-19 // Journal of Public Economics. Vol. 194. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2020.104342> (дата обращения: 31.10.2022).
- Fujita H. (2002) The Reproduction of Hofstede Model // Annals of Business Administrative Science. Vol. 1. No. 3. Режим доступа: https://www.jstage.jst.go.jp/article/abas/1/3/1_47/_pdf (дата обращения: 15.11.2022).
- Giavazzi F., Petkov I., Schiantarelli F. (2014) Culture: persistence and evolution // National Bureau of Economic Research. No. 20174. Режим доступа: <https://www.nber.org/papers/w20174> (дата обращения: 01.07.2022).
- Global Change Data Lab (n.d.) COVID-19 Data Explorer [Dataset]. Режим доступа: <https://ourworldindata.org/explorers/coronavirus-data-explorer> (дата обращения 15.11.2022).
- Gokmen Y., Baskici C., Ercil Y. (2021) The impact of national culture on the increase of COVID-19: A cross-country analysis of European countries // International Journal of Intercultural Relations. Vol. 81. P. 1–8. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2020.12.006> (дата обращения: 22.10.2022).
- Grigoryev L., Morozkina A. (2023) Chapter 6: Shock of the Pandemic and Recession: Adequacy of Anti-crisis Measures and the Role of Development Assistance (Time for Reckoning). COVID-19 and Foreign Aid. Nationalism and Global Development in a New World Order / V. Jakupc, M. Kelly, M. Percy (eds). L.: Routledge. 1st ed. P. 360. Режим доступа: <https://www.taylorfrancis.com/books/edit/10.4324/9781003273844/covid-19-foreign-aid-viktor-jakupc-max-kelly-michael-de-percy> (дата обращения: 31.10.2022).
- Grigoryev L., Popovets L. (2019) Sociology of individual tragedies. Homicides and suicides: Cross-country cluster analysis // Russian Journal of Economics. Vol. 5. No. 3. P. 251–276. Режим доступа: <https://doi.org/10.32609/j.ruje.5.47348> (дата обращения: 01.07.2022).
- International Monetary Fund (IMF) (2020) World Economic Outlook, April 2020: The Great Lockdown. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020> (дата обращения: 15.11. 2022).
- Lake J., Gerrans P., Sneddon J., Attwell K., Botterill L.C., Lee J.A. (2021) We're all in this together, but for different reasons: Social values and social actions that affect COVID-19 preventative behaviors // Personality and Individual Differences. Vol. 178. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110868> (дата обращения: 15.07.2022).
- Lampert M., Inglehart R., Mettaal S., Schoemaker H., Papadongonas P. (2021) COVID Pandemic Ignites Fear, But Boosts Progressive Ideals and Calls for Inclusive Economic Growth. The World Value Survey. Режим доступа: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSPublicationsDocuments.jsp?PUB=186&PUB=> (дата обращения: 15.11.2022).
- Mennechet F.J.D., Takoudjou Dzomo G.R. (2020) Coping With COVID-19 in Sub-Saharan Africa: What Might the Future Hold? // Virologica Sinica. Vol. 35. P. 975–984. Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/s12250-020-00279-2>.
- Min J., Kim J., Yang K. (2021) How generations differ in coping with a pandemic: The case of restaurant industry // Journal of Hospitality and Tourism Management. Vol. 48. P. 280–288. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jhtm.2021.06.017> (дата обращения: 22.05.2022).
- Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2021) OECD Supports Developing Countries in the Time of COVID-19. 19 May. Режим доступа: <https://www.oecd.org/tax/tax-global/oecd-supports-developing-countries-in-the-time-of-covid-19.htm> (дата обращения: 14.07.2022).
- Ruck D.J., Borycz J., Bentley R.A. (2021) Cultural Values Predict National COVID-19 Death Rates // SN Social Sciences. No. 74. Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/s43545-021-00080-2>.
- Steenkamp J.B.E.M., Geyskens I. (2012) Transaction cost economics and the roles of national culture: a test of hypotheses based on Inglehart and Hofstede // Journal of the Academy of Marketing Science. No. 40. P. 252–270 Режим доступа: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11747-011-0266-1> (дата обращения: 17.09.2022).
- Tabernero C., Castillo-Mayén R., Luque B., Cuadrado E. (2020) Social values, self- and collective efficacy explaining behaviours in coping with Covid-19: Self-interested consumption and physical distancing in the first 10 days of confinement in Spain // PloS ONE. No 15(9). Режим доступа: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0238682> (дата обращения: 11.06.2022).

The World Value Survey (2022) The Inglehart-Welzel World Cultural Map – World Values Survey. Режим доступа: <http://www.worldvaluessurvey.org/> (дата обращения: 16.04.2022).

U.S. Global Leadership Coalition (2021) COVID-19 Brief: Impact on the Economies of Low-Income Countries. Режим доступа: <https://www.usglc.org/coronavirus/economies-of-developing-countries/> (дата обращения: 17.06.2022).

United Nations World Tourism Organization (UNWTO) (n.d.) 2020: A year in review. COVID-19 and Tourism. Режим доступа: <https://www.unwto.org/covid-19-and-tourism-2020> (дата обращения: 15.11. 2022).

World Bank (n.d.) World Development Indicators. Режим доступа: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 14.07.2022).

Yoo B., Donthu N., Lenartowicz T. (2011) Measuring Hofstede's Five Dimensions of Cultural Values at the Individual Level: Development and Validation of CVSCALE // Journal of International Consumer Marketing. Vol. 23. Iss. 3–4. P. 193–210. Режим доступа: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/08961530.2011.578059> (дата обращения: 19.09.2022).

Приложение 1. Страны карты Инглхарта и Вельцеля

Протестантская Европа	Конфуцианство	Латинская Америка
Германия	Китай	Аргентина
Дания	САР Гонконг	Боливия
Исландия	САР Макао	Бразилия
Нидерланды	Южная Корея	Гватемала
Норвегия	Япония	Колумбия
Финляндия	Афро-исламская группа	Мексика
Швейцария	Азербайджан	Никарагуа
Швеция	Албания	Перу
Англоговорящие страны	Алжир	Пуэрто-Рико
Австралия	Бангладеш	Тринидад
Великобритания	Гана	Уругвай
Ирландия	Египет	Филиппины
Канада	Зимбабве	Эквадор
Новая Зеландия	Индия	Западная и Южная Азия
США	Индонезия	Вьетнам
Католическая Европа	Иордания	Израиль
Австрия	Ирак	Малайзия
Бельгия	Иран	Сингапур
Венгрия	Кыргызстан	Таиланд
Испания	Ливан	Чили
Италия	Мали	Южная Африка
Литва	Марокко	Страны с преобладанием православия
Люксембург	Мьянма	Армения
Польша	Нигерия	Беларусь
Португалия	Пакистан	Болгария
Словакия	Руанда	Босния
Словения	Саудовская Аравия	Греция
Франция	Танзания	Грузия
Хорватия	Тунис	Казахстан
Чешская Республика	Турция	Латвия
Эстония	Уганда	Молдавия
	Эфиопия	Россия
		Румыния
		Северная Македония
		Сербия
		Украина

Приложение 2. Страны, используемые в уравнениях

Австралия	Италия	США
Австрия	Казахстан	Таиланд
Азербайджан	Канада	Тринидад
Алжир	Китай	Тунис
Аргентина	Колумбия	Турция
Армения	Кыргызстан	Украина
Бангладеш	Латвия	Уругвай
Беларусь	Ливан	Филиппины
Бельгия	Литва	Финляндия
Болгария	Люксембург	Франция
Боливия	Малайзия	Хорватия
Босния	Мали	Чешская Республика
Бразилия	Марокко	Чили
Великобритания	Мексика	Швейцария
Венгрия	Молдавия	Швеция
Вьетнам	Мьянма	Эквадор
Гана	Нигерия	Эстония
Гватемала	Нидерланды	Южная Африка
Германия	Никарагуа	Южная Корея
Греция	Норвегия	Япония
Грузия	Пакистан	
Дания	Польша	
Индия	Португалия	
Индонезия	Россия	
Иордания	Руанда	
Ирак	Румыния	
Иран	Северная Македония	
Ирландия	Сербия	
Исландия	Словакия	
Испания	Словения	

Приложение 3. Глоссарий

Показатель	Показатель на английском языке, используемый в уравнениях	Описание	Источник
Заболеваемость	In_cases	Общее количество подтвержденных случаев CO-VID-19 на миллион с 20 января 2020 г. по 28 февраля 2022 г.	Johns Hopkins University CSSE COVID-19 Data
Смертность	Не рассматривалась в уравнениях	Общее количество подтвержденных смертей от CO-VID-19 на миллион с 20 января 2020 г. по 28 февраля 2022 г.	Johns Hopkins University CSSE COVID-19 Data
ВВП на душу в 2019 г.	In_gdp	ВВП на душу населения, ППС (в постоянных международных долларах 2017 г.) в 2019 г.	Всемирный банк
Суициды в 2019 г.	Suicide_2019	Число самоубийств на 100 тыс. населения в 2019 г.	Всемирный банк
Неравенство (доля 10% самых богатых) за последний доступный год	Inequality_latest	Доля дохода, уделяемая самыми богатыми 10% населения, за последний доступный год	Всемирный банк
Вакцинация	Vaccine_per_thou-d	Общее количество вакцинированных на миллион на последнюю доступную дату (февраль 2022 г.)	Our World in Data
Инглхарт-ценности: от выживания к само выражению	Inglehart_survival	Координата на горизонтальной оси по карте Инглхарта. <i>Примечание.</i> К координатам Инглхарта было добавлено +2, чтобы в дальнейшем возможно было работать только с положительными числами: то есть координаты были [-2; 3], а стали [0; 5]. Поэтому движение в сторону ценностей самовыражения, то есть чем ниже данный показатель, тем больше уклон страны на ценности выживания, чем выше – на самовыражение	World Values Survey. The Inglehart-Welzel World Cultural Map – World Values Survey (2020)
Инглхарт-ценности: от традиционных к секулярно-рациональным	Inglehart_traditional	Координата на вертикальной оси по карте Инглхарта <i>Примечание.</i> К координатам Инглхарта было добавлено +2, чтобы в дальнейшем возможно было работать только с положительными числами: то есть координаты были [-2; 3], а стали [0; 5]. Поэтому движение в сторону секулярно-рациональных ценностей, то есть чем ниже данный показатель, тем больше уклон страны на ценности традиции, чем выше – на секулярно-рациональные	World Values Survey. The Inglehart-Welzel World Cultural Map – World Values Survey (2020)
Медианный возраст в 2019 г.	Median_age_2019	Медианный возраст населения в 2019 г.	ООН
Расходы на здравоохранение в 2019 г.	Health_exp_2019_share	Текущие расходы на здравоохранение (% ВВП) в 2019 г.	Всемирный банк

Study of Pandemic of 2020–2021 by Sociocultural Groups of Countries: Applied Analysis of Parameters¹

L. Grigoryev, M.-Y. Maykhrovich, D. Serova, M. Starodubtseva, E. Filippova

Leonid Grigoryev – Professor, Academic Supervisor, School of World Economy, National Research University Higher School of Economics (HSE University); 20 Myasnitskaya Ulitsa, 101000, Moscow, Russia; lgrigoriev@hse.ru

Maria-Yana Maykhrovich – Student, School of World Economy, HSE University; 20 Myasnitskaya Ulitsa, 101000, Moscow, Russia; mymaykhrovich@edu.hse.ru

Daria Serova – Junior Researcher, Research Laboratory for the Economics of Climate Change, School of World Economy, HSE University; 20 Myasnitskaya Ulitsa, 101000, Moscow, Russia; dserova@hse.ru

Marina Starodubtseva – Intern Researcher, Research Laboratory for the Economics of Climate Change, School of World Economy, HSE University; 20 Myasnitskaya Ulitsa, 101000, Moscow, Russia; mstarodubtseva@hse.ru

Ekaterina Filippova – Student, School of World Economy, HSE University; 20 Myasnitskaya Ulitsa, 101000, Moscow, Russia; efilippova@edu.hse.ru

Abstract

Sociocultural factors have become a one of the priority areas in research within the framework of theories of long-term development. This article discusses the parameters of groups of countries (values of survival-self-expression and traditional-secular-rational values) according to the Inglehart – Welzel cultural map, along with other sociocultural and socio-economic indicators. The significant cumulative advantage (gross domestic product (GDP) per capita) of three groups of countries – Anglo-Saxon, Protestant and Catholic – compared to the rest reflects a long history of world progress. A number of the social parameters of these groups probably reflect their level of development, to which other factors have played a role in the long term. A key question addressed in the article. is whether sociocultural factors that have developed over long periods have a significant impact on the behaviour of countries in the context of modern crises, and in this case, on the incidence of vaccination in countries in critical conditions. To answer this question, qualitative and quantitative methods of analysis have been conducted using the instance of the COVID-19 pandemic in 2020–21. The hypothesis was tested on an array of 80–94 countries for which there was relevant statistical data. The tables and calculations presented in the article indicate the following results: countries more advanced in the direction of self-expression values on the Inglehart scale demonstrate higher vaccination scores and lower disease scores, and those oriented toward secular-rational values have higher rates of suicide than countries with predominantly traditional views.

Keywords: pandemic, recession, Inglehart and Welzel, sociocultural codes

Acknowledgments: the study was carried out as part of the HSE Program for Fundamental Research, as well as with grant support from the HSE Faculty of World Economy and International Affairs in 2022.

For citation: Grigoryev L., Maykhrovich M.-Y., Serova D., Starodubtseva M., Filippova E. (2022) Study of Pandemic of 2020–2021 by Sociocultural Groups of Countries: Applied Analysis of Parameters. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 4, pp. 7–37 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2022-04-01

¹ This article was submitted on 13.09.2022.

References

- Auzan A.A. (2015) "Effekt kolei". Problema zavisimosti ot traektorii predshestvuyushchego razvitiya – evolyutsiya gipotez" [Path dependence problem: the evolution of approaches]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta*, series 6, economy, no 1, pp. 3–17. (in Russian)
- Auzan A.A., Nikishina E.N. (2021) Sociokul'turnaya ekonomika: kak kul'tura vliyaet na ekonomiku, a ekonomika – na kul'turu [Socio-cultural economics: how culture affects the economy, and how the economy influences culture]. Moscow: Ekonomicheskij fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova. (in Russian)
- Barro R.J., Ursúa J.F., Weng J. (2020) The Coronavirus and the Great Influenza Pandemic: Lessons from the "Spanish Flu" for the Coronavirus's Potential Effects on Mortality and Economic Activity. *National Bureau of Economic Research*, no 26866. Available at: <http://www.nber.org/papers/w26866> (accessed 14 July 2022)
- Bonetto E., Dezecache G., Nugier A., Inigo M., Mathias J.-D., Huet S., Pellerin N., Corman M., Bertrand P., Raufaste E., Streith M., Guimond S., Sablonnière R., Dambrun M. (2021) Basic human values during the COVID-19 outbreak, perceived threat and their relationships with compliance with movement restrictions and social distancing. *PLoS ONE*, no 16(6). Available at: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0253430> (accessed 31 October 2022).
- Calderon C., Kubota M. (2021) Exploring the Growth Effects of Covid-19 Across Developing Countries. Policy Research Paper, World Bank. Available at: <https://doi.org/10Committee for the Coordination.1596/1813-9450-9889>.
- Chen Y., Biswas M.I. (2022) Impact of national culture on the severity of the COVID-19 pandemic. *Current Psychology*. Available at: <https://doi.org/10.1007/s12144-022-02906-5> (accessed 16 March 2022).
- Committee for the Coordination of Statistical Activities (CCSA) (2021) How COVID-19 Is Changing the World: A Statistical Perspective. United Nations Statistical Division. Available at: <https://unstats.un.org/unsd/ccsa/>.
- [Dataset] COVID-19 Data Explorer (n.d.) Available at: <https://ourworldindata.org/explorers/coronavirus-data-explorer> (accessed 15 November 2022).
- Durante R., Guiso L., Gulino G. (2021) Asocial Capital: Civic Culture and Social Distancing During COVID-19. *Journal of Public Economics*, vol. 194, 104342. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2020.104342>.
- Fujita H. (2002) The Reproduction of Hofstede Model. *Annals of Business Administrative Science*, vol. 1, no 3. Available at: https://www.jstage.jst.go.jp/article/abas/1/3/1_47/_pdf (accessed 15 November 2022).
- Giavazzi F., Petkov I., Schiantarelli F. (2014) Culture: Persistence and Evolution. NBER Working Paper No 20174, National Bureau of Economic Research. Available at: <https://doi.org/10.3386/w20174>.
- Gokmen Y., Baskici C., Ercil Y. (2021) The Impact of National Culture on the Increase of COVID-19: A Cross-Country Analysis of European Countries. *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 81, pp. 1–8. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2020.12.006>.
- Global Change Data Lab (n.d.) COVID-19 Data Explorer [Dataset]. Available at: <https://ourworldindata.org/explorers/coronavirus-data-explorer> (accessed 15 November 2022).
- Grigoryev L.M. (2020) Mirovaya social'naya drama pandemii i recessii [Global social drama of pandemic and recession]. *Population and Economics*, no 4(2). Available at: <https://doi.org/10.3897/popecon.4.e53325> (accessed 20 August 2022). (in Russian)
- Grigoriev L.M., Kheifets E.A. (2022) Neftyanoy rynok: konflikt mezhdunarodnym i energeticheskim perekhodom [The oil market: the conflict between recovery and energy transition]. *Voprosy Ekonomiki*, no 5, pp. 5–24. Available at: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-9-5-33> (accessed 5 May 2022). (in Russian)
- Grigoryev L.M., Kurdin A.A., Makarov I.A. (2022) Mirovaya ekonomika v period bol'shih potryasenij [The world economy in a period of great upheavals] (L.M. Grigorieva, A.A. Kurdin, I.A. Makarova (eds). Moscow: INFRA-M. (in Russian)
- Grigoriev L.M., Morozkina A.K. (2021) Uspeshnaya neustojchivaya industrializaciya mira: 1880–1913 [The successful unsustainable industrialization of the world: 1880–1913]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (in Russian)

- Grigoryev L.M., Parshina E.N. (2013) Ekonomicheskaya dinamika stran mira v 1992–2010 gg.: neravnomernost' rosta [Economic dynamics of the countries of the world in 1992–2010: uneven growth]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta*, no 4, pp. 70–86. Available at: <https://economicsjournal.spbu.ru/article/view/2470> (accessed 17 July 2022). (in Russian)
- Grigoryev L.M., Pavlyushina V.A., Muzychenco E.E. (2020) Padenie v mirovyyu recessiyu 2020... [The fall into 2020 recession...]. *Voprosy Ekonomiki*, no 5, pp. 5–24. Available at: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-5-5-24> (accessed 16 July 2022). (in Russian)
- Grigoriev L., Morozkina A. (2023) Shock of the Pandemic and Recession: Adequacy of Anti-Crisis Measures and the Role of Development Assistance (Time for Reckoning). *COVID-19 and Foreign Aid Nationalism and Global Development in a New World Order* (V. Jakupc, M. Kelly, M. de Percy (eds)). London: Routledge. Available at: <https://doi.org/10.4324/9781003273844>.
- Grigoryev L.M., Elkina Z.S., Mednikova P.A., Serova D.A., Starodubtseva M.F., Filippova E.S. (2021) "Ideal'nyj shtorm" lichnogo potrebleniya [The perfect storm of personal consumption]. *Voprosy Ekonomiki*, no 10, pp. 27–50. Available at: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-10-27-50> (accessed 14 July 2022). (in Russian)
- Grigoriev L., Popovets L. (2019) Sociology of Individual Tragedies. Homicides and Suicides: Cross-Country Cluster Analysis. *Russian Journal of Economics*, vol. 5, no 3, pp. 251–76. Available at: <https://doi.org/10.32609/j.ruje.5.47348>.
- Inglehart R., Welzel C. (2011) Modernizaciya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya [Modernization, cultural change and democracy: The human development sequence]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (in Russian)
- International Monetary Fund (IMF) (2020) World Economic Outlook, April 2020: The Great Lockdown. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020> (accessed 15 November 2022).
- Lake J., Gerrans P., Sneddon J., Attwell K., Botterill L.C., Lee J.A. (2021) We're All in This Together, But for Different Reasons: Social Values and Social Actions That Affect COVID-19 Preventative Behaviors. *Personality and Individual Differences*, vol. 178, 110868. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110868>.
- Lampert M., Inglehart R., Metaal S., Schoemaker H., Papadongonas P. (2021) COVID Pandemic Ignites Fear, But Boosts Progressive Ideals and Calls for Inclusive Economic Growth. The World Value Survey. Available at: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSPublicationsDocuments.jsp?PUB=186&PUB=> (accessed 15 November 2022).
- Lebedeva N.M., Tatarko A.N. (2009) Kul'tura kak faktor obshchestvennogo progressa [Culture as a factor of social progress]. Moscow: HSE. (in Russian). Available at: <https://www.hse.ru/data/2010/03/20/1227784320/%D0%9A%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0%20%D0%BA%D0%B0%D0%BA%20%D1%84%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80%20%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%B0.pdf>.
- Mennechet F.J.D., Takoudjou Dzomo G.R. (2020) Coping With COVID-19 in Sub-Saharan Africa: What Might the Future Hold? *Virologica Sinica*, vol. 35, pp. 975–84. Available at: <https://doi.org/10.1007/s12250-020-00279-2>.
- Min J., Kim J., Yang K. (2021) How generations differ in coping with a pandemic: The case of restaurant industry. *Journal of Hospitality and Tourism Management*, vol. 48, pp. 280–288. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jhtm.2021.06.017> (accessed 22 May 2022).
- Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2021) OECD Supports Developing Countries in the Time of COVID-19. 19 May. Available at: <https://www.oecd.org/tax/tax-global/oecd-supports-developing-countries-in-the-time-of-covid-19.htm> (accessed 15 November 2022).
- Ruck D.J., Borycz J., Bentley R.A. (2021) Cultural Values Predict National COVID-19 Death Rates. *SN Social Sciences*, no 74. Available at: <https://doi.org/10.1007/s43545-021-00080-2>.

- Steenkamp J.-B.E.M., Geyskens I. (2012) Transaction Cost Economics and the Roles of National Culture: A Test of Hypotheses Based on Inglehart and Hofstede. *Journal of the Academy of Marketing Science*, vol. 40, pp. 252–70. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11747-011-0266-1>.
- Tabernero C., Castillo-Mayén R., Luque B., Cuadrado E. (2020) Social values, self- and collective efficacy explaining behaviours in coping with Covid-19: Self-interested consumption and physical distancing in the first 10 days of confinement in Spain. *PloS ONE*, no 15(9). Available at: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0238682> (accessed 11 June 2022).
- United Nations World Tourism Organization (UNWTO) (n.d.) 2020: A year in review. COVID-19 and Tourism. Available at: <https://www.unwto.org/covid-19-and-tourism-2020> (accessed 15 November 2022).
- The World Bank (n.d.) World Development Indicators. Available at: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed 14 July 2022).
- World Value Survey (2022) Findings and Insights. Available at: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> (accessed 16 March 2022).
- University of Oxford (2020) Government stringency index Q2-Q4 2020. Available at: <https://ourworldindata.org/grapher/covid-stringency-index> (accessed 16 March 2022).
- U.S. Global Leadership Coalition (2021) COVID-19 Brief: Impact on the Economies of Low-Income Countries. Available at: <https://www.usglc.org/coronavirus/economies-of-developing-countries/> (assessed 17 June 2022).
- Yoo B., Donthu N., Lenartowicz T. (2011) Measuring Hofstede's Five Dimensions of Cultural Values at the Individual Level: Development and Validation of CVSCALE. *Journal of International Consumer Marketing*, vol. 23, iss. 3–4, pp. 193–210. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/08961530.2011.578059> (assessed 19 September 2022).

Перспективы декарбонизации мировой экономики в контексте реализации Парижского климатического соглашения ООН¹

Г.В. Сафонов, М.Л. Козельцев, А.В. Стеценко, А.Л. Дорина,
Ю.А. Сафонова, А.А. Семакина, А.Г. Сизонов, М.Г. Сафонов

Сафонов Георгий Владимирович – к.э.н., главный научный сотрудник Европейского института леса; Финляндия, Йоэнсуу, 80100, Илиопистокату, 6В; gvsafonov@gmail.com

Козельцев Михаил Львович – к.э.н., доцент, директор Центра экономики окружающей среды и природных ресурсов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; mkozeltsev@hse.ru

Стеценко Андрей Владимирович – к.э.н., эксперт, заместитель директора Центра экономики окружающей среды и природных ресурсов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); astetsenko@mail.ru

Дорина Александра Леонидовна – н.с., эксперт Центра экономики окружающей среды и природных ресурсов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; abondarenko@hse.ru

Сафонова Юлия Артуровна – н.с., эксперт Центра экономики окружающей среды и природных ресурсов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; jsafonova@hse.ru

Семакина Анастасия Алексеевна – аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; ansemakina@gmail.com

Сизонов Антон Геннадьевич – аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; sizonov_anton@mail.ru

Сафонов Михаил Георгиевич – студент Чикагского университета; USA, 5801 S Ellis Ave, Chicago, IL 60637; msafonov2000@yahoo.com

Аннотация

Парижское климатическое соглашение ООН требует беспрецедентных усилий от мирового сообщества для поддержания роста глобальной температуры на уровне не более 1,5–2°C. Несмотря на возникающие геополитические, экономические и иные разногласия, сотрудничество в климатической сфере остается ключевым направлением международного взаимодействия ведущих государств мира. Многие страны разработали стратегии декарбонизации экономики и приняли цели по достижению углеродной нейтральности к 2050–2070 гг. Проведенный анализ сценариев развития экономики крупнейших стран показал, что

¹ Статья поступила в редакцию 08.07.2022.

безуглеродные технологии в энергетике, промышленности и ряде других отраслей могут сыграть ключевую роль в сокращении выбросов парниковых газов. Достижение целей Парижского соглашения будет более эффективным при использовании заложенных в нем механизмов международного сотрудничества, углеродного регулирования и ценообразования на выбросы парниковых газов.

Ключевые слова: изменение климата, Парижское соглашение, декарбонизация, парниковые газы, низкоуглеродное развитие

Благодарности: статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-325).

Для цитирования: Сафонов Г.В., Козельцев М.Л., Стеценко А.В., Дорина А.Л., Сафонова Ю.А., Семакина А.А., Сизонов А.Г., Сафонов М.Г. Перспективы декарбонизации мировой экономики в контексте реализации Парижского климатического соглашения ООН // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 4. С. 38–61 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2022-04-02

Введение

Глобальное изменение климата – один из важнейших экологических вызовов для человечества. Развитие мировой экономики без учета климатических рисков, наращивание антропогенного воздействия на климатическую систему за счет выбросов парниковых газов и сокращения углерод-депонирующего потенциала лесов и в секторе землепользования грозит беспрецедентным ущербом от разрушения инфраструктуры, воздействия на здоровье населения, недостатка водных ресурсов, обострения проблемы продовольственной безопасности и другими катастрофическими последствиями [IPCC, 2021]. Суммарный ущерб в случае «развития как обычно» оценивается в 5–20% мирового ВВП ежегодно в среднем в текущем столетии [Stern, 2006].

Ключевым направлением международных усилий по борьбе с глобальным потеплением является сокращение выбросов углекислого газа и других парниковых газов в атмосферу. Для выполнения целей Парижского климатического соглашения ООН, принятого в 2015 г., необходимо достижение углеродной нейтральности мировой экономики, желательно к середине XXI в., что может обеспечить удержание роста температуры на уровне 1,5–2°C [IPCC, 2018]. Однако предложения Сторон соглашения не обеспечивают полной декарбонизации мировой экономики, разрыв достигает десятков миллиардов тонн CO₂ [UNEP, 2021].

Сценарии глубокой декарбонизации крупнейших экономик мира разрабатываются с 2013 г. В рамках международного проекта DDPP сценарии декарбонизации для 16 ведущих стран [DDPP, 2014; 2015] стали основой для подготовки национальных стратегий достижения углеродной нейтральности (например, [The White House, 2016; Government of the FRG, 2016]). Полученные результаты были использованы при подготовке ряда положений Парижского соглашения. Дальнейшие исследования потенциала глубокой декарбонизации различных стран мира продолжились в рамках глобальных научных проектов [Pahle et al., 2021; Fragkos et al., 2020; Schaeffer et al., 2020], исследований российских и международных научных групп [Башмаков, 2014; 2020; Safonov et al., 2020; Makarov, Chen, Paltsev, 2020; Makarov, Mitrova, Kulagin, 2020].

Цель данной работы – оценить возможности и перспективы декарбонизации мировой экономики ведущих стран и регионов мира, проанализировать сценарии достижения углеродной нейтральности, меры, принимаемые ведущими странами и региона-

ми мира для выполнения целей Парижского соглашения. Основная гипотеза состоит в следующем: принимаемые в настоящее время меры для сокращения антропогенного воздействия на климатическую систему недостаточны для достижения главной цели Парижского соглашения (удержания роста глобальной температуры на уровне 1,5–2°C), однако в мире существует достаточный для этого потенциал, поэтому необходимо не только усилить климатические стратегии стран и регионов, но и обеспечить масштабное международное сотрудничество в декарбонизации экономики.

В работе используются результаты расчетов на основе экономико-математических моделей, а также оценки международных организаций и научных групп. Определены основные факторы, позволяющие достичь целей глубокой декарбонизации глобальной экономики к середине XXI в., позиции ведущих стран мира по достижению целей Парижского соглашения, главные направления реализации климатических стратегий и возможности международного сотрудничества в области снижения выбросов парниковых газов и увеличения поглощения углерода.

Важно отметить, что на процессы трансформации мировой экономики в направлении глубокой декарбонизации, зеленого энергетического перехода, достижения целей углеродной нейтральности, начавшиеся с принятием международных соглашений по борьбе с изменением климата, в настоящее время накладываются кризисы, связанные с пандемией коронавируса COVID-19, ценовыми шоками на рынках энергоресурсов, разворачивающимся с февраля 2022 г. геополитическим кризисом. Беспрецедентные санкции в отношении России, массовый выход инвесторов из российских активов, технологические ограничения, эмбарго на импорт энергоносителей из России и другие факторы будут оказывать существенное влияние на развитие экономики страны. В то же время климатический трек в международном сотрудничестве был и остается одним из высокоприоритетных для всех стран – участниц Парижского соглашения. Преодоление кризиса планетарного масштаба требует продолжения и наращивания кооперации стран в сфере сокращения выбросов парниковых газов в ближайшие годы. В этой связи задачи трансформации экономики, энергетических систем, декарбонизации промышленности и других отраслей актуальны и для России, и для остальных стран, а международное сотрудничество позволяет наиболее эффективно и с минимальными издержками достигать климатических целей.

Международные соглашения по климату

Современная теория глобального изменения климата была сформулирована в начале 1970-х годов советским ученым-климатологом М.И. Будыко. Созданная им «энерго-балансовая» модель климата стала важным этапом для дальнейших исследований климата. На международной конференции по климатологии, состоявшейся в 1971 г. в Ленинграде, Будыко выступил с докладом и констатировал, что в ближайшем будущем начнется глобальное потепление, которое в следующем веке достигнет нескольких градусов [Будыко, 1972].

В середине 1970-х годов начались масштабные научные исследования газообмена между поверхностью земли, океаном и атмосферой, физических процессов изменения климата и их влияния на социально-экономические и экологические системы. Результаты этих работ стали основой для Первого оценочного доклада по климатической проблематике, а также учреждения Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) и подготовки Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК), которая была принята к подписанию в 1992 г. на конференции по

устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро и вступила в силу в 1994 г. Сторонами РКИК стали более 180 стран мира, в том числе Российская Федерация.

В декабре 1997 г. после интенсивных международных переговоров положения конвенции были дополнены юридическими обязательствами по сокращению выбросов парниковых газов (ПГ), экономическими механизмами, позволяющими странам сотрудничать в достижении национальных целей, и рядом других положений, которые были подписаны на 3-й Конференции сторон РКИК в Киото (Япония). Киотский протокол определил формат международного взаимодействия по климатической проблематике на период до 2020 г.

На конференции в Копенгагене в 2009 г. Сторонам не удалось договориться о продолжении периода количественных обязательств по снижению выбросов ПГ после первого периода 2008–2012 гг., также стало очевидно, что разделение переговорного процесса на два трека (Стороны РКИК и Стороны Киотского протокола) препятствует достижению общего, всеобъемлющего соглашения, устраивающего все заинтересованные стороны. В результате было принято решение о разработке нового подхода к международному климатическому сотрудничеству, с иными принципами согласования национальных целей по снижению выбросов ПГ, форматов сотрудничества между странами, механизмов финансирования и трансфера технологий. В 2015 г. на 21-й Конференции Сторон РКИК было принято Парижское климатическое соглашение, которое вступило в силу уже в ноябре 2016 г. Участниками соглашения стали 186 стран и Европейский союз (в том числе Россия).

Парижское соглашение предусматривает три ключевых цели (ст. 2):

- 1) удержание прироста глобальной средней температуры намного ниже 2°C сверх доиндустриальных уровней и приложение усилий для ограничения роста температуры до 1,5°C – это значительно сократит риски и воздействие изменения климата;
- 2) повышение способности адаптироваться к неблагоприятным воздействиям изменения климата и содействие сопротивляемости к изменению климата и развитию при низком уровне выбросов парниковых газов таким образом, который не ставит под угрозу производство продовольствия;
- 3) приведение финансовых потоков в соответствие с траекторией в направлении развития, характеризующегося низким уровнем выбросов и сопротивляемостью к изменению климата.

Более 130 стран мира разработали и официально приняли стратегии декарбонизации экономики и утвердили цели по достижению углеродной нейтральности (когда выбросы ПГ не превышают объемы поглощения углерода), в том числе США, Великобритания, Европейский союз, Япония, Южная Корея – до 2050 г., Казахстан, Китай, Россия – до 2060 г., Индия – до 2070 г.

Выполнение этих амбициозных задач потребует радикальной трансформации экономики, энергетических систем, промышленных технологий, перехода к экологичному транспорту, развития новых подходов к ведению сельского и лесного хозяйства, изменения поведенческих и бизнес-моделей. При этом координация усилий ключевых акторов (государств, регионов, городов, международных организаций, финансовых институтов, технологических компаний, деловых кругов, научных организаций и др.) крайне необходима для более синхронного, гармонизированного перехода к новой, безуглеродной модели мировой экономики. И в этом смысле Парижское соглашение и дальнейшие шаги по его реализации, включая разработку национальных стратегий декарбонизации экономики, развитие углеродных рынков и ценообразования на углерод, имеют исключительно важное значение для России и всего мира.

Методология исследования

Для анализа динамики выбросов и поглощения ПГ, трансформации энергетики, промышленных отраслей и других показателей развития мировой экономики для достижения климатических целей на глобальном и региональном уровне применяются экономико-математические модели, в том числе модели частичного равновесия (partial equilibrium models) для исследования энергетических систем и отдельных секторов экономики и модели интегральной оценки (integrated assessment models), в которых помимо социально-экономических показателей проводится анализ таких секторов, как землепользование, лесное и водное хозяйство.

В данной статье используются результаты исследований, проведенных с участием специалистов НИУ ВШЭ в рамках международных проектов, в том числе с применением моделей интегральной оценки (модель IIASA MESSAGEix-GLOBIOM), моделей частичного равновесия типа MARKAL/TIMES и ряда других, полученные для стран и регионов мира и откалиброванные с учетом согласованных национальных прогнозов для мировой экономики и стран «Группы двадцати» на перспективу до 2100 г. (см., например, [Riahi, Krey, Bertram, 2019]). В работе применена методология сравнительного анализа стратегий низкоуглеродного развития различных регионов мира и ведущих государств, даны оценки приоритетных политик и мер декарбонизации экономики, определены недостатки и возможности государств в достижении целей Парижского соглашения, также рассматриваются перспективы международного сотрудничества в области сокращения выбросов ПГ, возможности применения механизмов ст. 6 Парижского соглашения для совместных проектов и программ декарбонизации, развития инструментов углеродного рынка для широкомасштабного взаимодействия экономических акторов в реализации мер низкоуглеродного развития, внедрения безуглеродных технологий и увеличения поглощения углерода экосистемами.

Сценарные прогнозы выбросов углерода

Анализ декарбонизации на глобальном уровне и уровне макрорегионов мира на перспективу до 2100 г. проведен для следующих сценариев².

1. Сценарий NDC базируется на принятых национальных целях по сокращению выбросов ПГ, политиках и мерах в энергетике и землепользовании [Kitous et al., 2016; den Elzen, 2016; Grassi, Dentener, 2015], и информации, представленной в секретариат РКИК ООН. Не все целевые значения по снижению выбросов ПГ представлены в абсолютных показателях до 2030 г. Например, Китай и Индия определяют цели в удельных выбросах ПГ на единицу ВВП, доле ВИЭ в энергобалансе, мерах по посадке лесов, которые достаточно сложно перевести в абсолютные показатели, поэтому приняты консервативные оценки целевых уровней выбросов.

2. Сценарий NP1000 предполагает реализацию национальных политик и мер по сокращению выбросов ПГ с учетом общего бюджета в 1000 млрд тонн CO₂-эквивалента в период 2011–2100 гг. В этом случае рост глобальной температуры может не превысить 2°C по сравнению с доиндустриальной эпохой с вероятностью не менее 66% [Luderer et al., 2018; Rogelj et al., 2016] в течение текущего столетия.

3. Сценарий NP400 предусматривает реализацию национальных политик и мер для предотвращения роста глобальной температуры более 1,5°C с вероятностью 66%,

² Предпосылки сценариев по социально-экономическим, природоохранным, технологическим и иным показателям описаны более детально в источниках, указанных ниже в данном разделе.

при этом общемировой бюджет выбросов ПГ оценивается в 400 млрд тонн СО₂-эквивалента в период 2011–2100 гг. [Luderer et al., 2018]. Учитывая, что текущий уровень выбросов составляет около 50 млрд тонн СО₂-эквивалента в год, данный сценарий предусматривает достижение отрицательных значений выбросов ПГ, когда объемы поглощения превышают величину выбросов ПГ.

Динамика глобальных выбросов ПГ в рассматриваемых сценариях существенно различается (рис. 1). Сохранение слабых целей, заложенных в обязательствах Сторон Парижского соглашения до 2030 г. (Сценарий NDC), ведет к почти двукратному росту выбросов ПГ за период с 2011 по 2100 г. При этом рост поглощения углерода природными экосистемами должен возрасти почти в 6 раз. Более амбициозные сценарии требуют решительного сокращения выбросов ПГ и достижения отрицательных значений (то есть превышения улавливания/поглощения углерода над выбросами ПГ) к 2080 г. (Сценарий NP1000) или даже к 2060 г. (Сценарий NP400). Объемы поглощения углерода природными экосистемами должны увеличиваться более чем в 10 раз для последних двух сценариев за период с 2011 по 2100 г.

В Сценарии NDC потребление жидкого топлива растет на 25% в 2020–2050 гг., снижается на 15% к 2070 г. с последующим ростом на 35% к 2100 г. (рис. 3), что фактически означает незначительные изменения на рынке жидкого топлива. Сценарий NP1000 предполагает прирост потребления нефтепродуктов на 10% в 2020–2030 гг. с последующим резким сокращением более чем вдвое к 2060 г. и относительной стабилизацией в период 2060–2100 гг. Сценарий NP400 требует решительного снижения потребления жидкого топлива уже с 2020 г. в 3 раза к 2050 г.³ с некоторым приростом потребления до 2100 г., что предполагает радикальную перестройку нефтяного рынка, сокращение использования нефти в качестве энергоносителя (без применения технологий улавливания и захоронения углерода), замещение нефтепродуктов другими жидкими видами топлива (биотопливо, водород и др.).

Потребление газообразных видов топлива растет во всех рассматриваемых сценариях (рис. 4), что прежде всего связано с эффектом замещения угля и нефти менее углеродоемким природным газом или иными видами газового топлива (биогаз, синтезгаз и др.). В Сценарии NDC предполагается почти линейный рост примерно на 80% в 2020–2100 гг. (рис. 3). Сценарий NP1000 предполагает стремительный рост потребления газа почти в 3 раза в 2020–2080 гг. с последующим незначительным снижением до 2100 г. В Сценарии NP400 потребление газа удваивается за 2020–2060 гг. с дальнейшей стабилизацией до 2080 г. и небольшим снижением к 2100 г. Выработка электроэнергии в мире растет при всех рассматриваемых сценариях почти линейно, примерно в 4 раза за период 2020–2100 гг. (рис. 5). Это преимущественно обусловлено заложенными во всех стратегиях низкоуглеродного развития целями максимальной электрификации конечного потребления и перевода на электроэнергию объемов промышленности, транспорта и др. Важным направлением развития современной энергетики

³ Конъюнктурный рост потребления ископаемого топлива, вызванный геополитическим кризисом 2022 г., вероятно, будет иметь ограниченное значение для долгосрочного развития энергетики и секторов, связанных с потреблением энергоресурсов, что во многом связано с длительными циклами реализации энергетических, инфраструктурных, промышленных проектов. Создание крупных «традиционных» электростанций или объектов транспортной инфраструктуры, например, ориентировано на 40–50 и более лет. Поэтому краткосрочные скачки спроса и колебания цен не являются детерминирующим фактором для энергетики и ряда других отраслей. Кроме того, энергетический кризис в Европе, вероятно, будет способствовать ускорению перехода к зеленым энергоисточникам и безуглеродному транспорту, более активной реализации стратегий декарбонизации экономики, чтобы избежать зависимости от углеводородов уже в среднесрочной перспективе.

считается производство и потребление водорода. Во всех рассматриваемых сценариях ожидается существенный рост его потребления (рис. 6): с задержкой до 2050 г. в Сценарии NDC, резким ростом с 2040 г. в Сценарии NP1000 и скачкообразным ростом с 2030 г. в Сценарии NP400. Развитие технологий производства водорода, его использования в металлургии, транспорте, энергетике и других отраслях активно развивается уже сейчас, на мировом рынке начинают конкурировать компании из Европы, России, Латинской Америки, Саудовской Аравии и других стран.

В сценариях достижения нулевых выбросов ПГ учитываются различные факторы, в частности, повышение энергоэффективности, технологический прогресс и развитие рынков новых энергоресурсов, крупномасштабная электрификация экономики, а также реализация мер, связанных с сокращением эмиссий метана (например, утечек природного газа), увеличения поглощения углерода экосистемами и техническими средствами, переход на низкоуглеродные технологии в металлургии, производстве цемента и химических веществ и многих других. Подробные обзоры перспективных низкоуглеродных технологий и видов энергоресурсов, в том числе технологии CCS, производство биотоплива и водорода, включая стоимостные показатели, технические характеристики, ресурсный потенциал, представлены в регулярно обновляемых докладах Международного энергетического агентства [IEA, 2020].

Оценка затрат на декарбонизацию экономики – чрезвычайно сложная, комплексная задача. Данные национальных модельных исследований сценариев низкоуглеродного развития 16 крупнейших стран мира, на которые приходится около 80% глобальных выбросов CO₂, показали, что их суммарные ежегодные издержки на достижение глубокой декарбонизации к 2050 г. составляют 0,8–1,3% ВВП [DDPP, 2015]. При этом значительная часть этих затрат – инвестиционные расходы, которые положительно влияют на рост ВВП.

Прогнозируемые изменения ключевых показателей, связанных с выполнением целей Парижского соглашения, существенно варьируются по странам и регионам мира. Результаты модельных расчетов по трем рассматриваемым сценариям приводятся по следующим группам стран (регионам): ОЭСР и Евросоюз (OECD + EU), Азия за исключением Японии (ASIA), Ближний Восток и Африка (MAF), Латинская Америка (LAM) и страны бывшего СССР, включая Россию, но за исключением балтийских государств (REF).

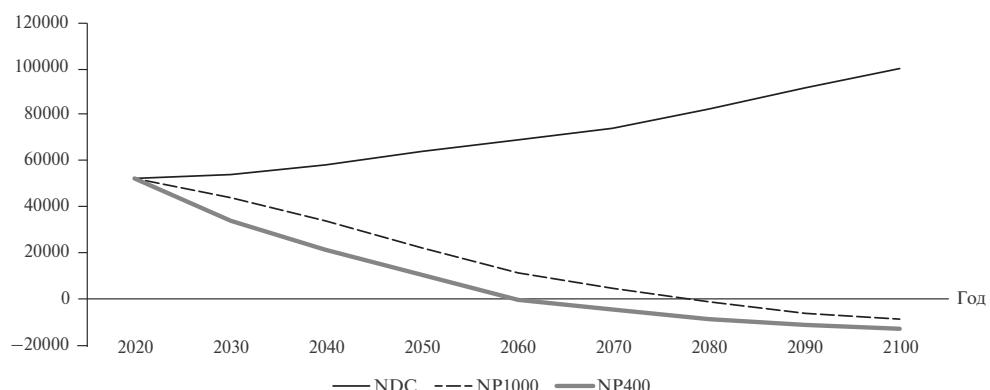

Рис. 1. Выбросы ПГ в мире, млн тонн CO₂-экв/год

Источник: Построено авторами на основе базы данных IIASA, CD-LINKS Scenario Database, Version 2.0 (<https://iiasa.ac.at/models-tools-data/cd-links-scenario-explorer>).

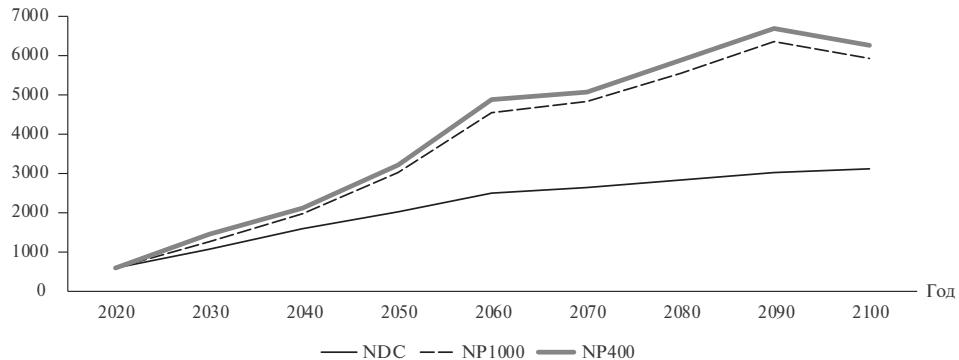

Рис. 2. Поглощение CO_2 в мире, млн тонн CO_2 -экв/год

Источник: Построено авторами на основе базы данных NASA, CD-LINKS Scenario Database, Version 2.0 (<https://iiasa.ac.at/models-tools-data/cd-links-scenario-explorer>).

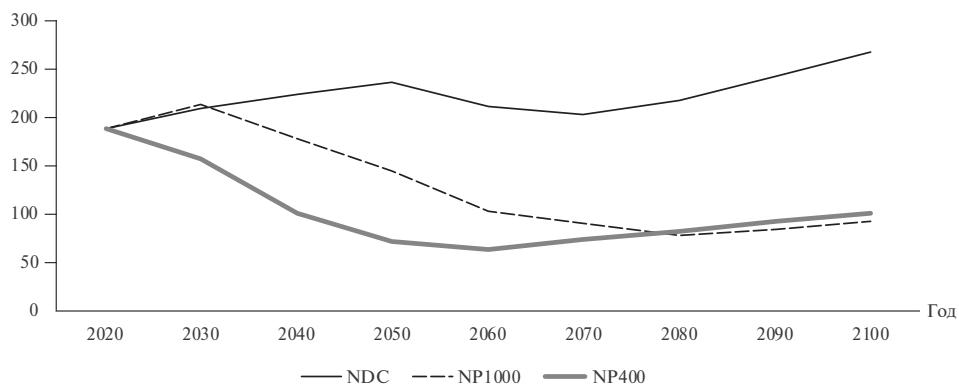

Рис. 3. Потребление жидкого топлива в мире, ЭДж/год

Источник: Построено авторами на основе базы данных NASA, CD-LINKS Scenario Database, Version 2.0 (<https://iiasa.ac.at/models-tools-data/cd-links-scenario-explorer>).

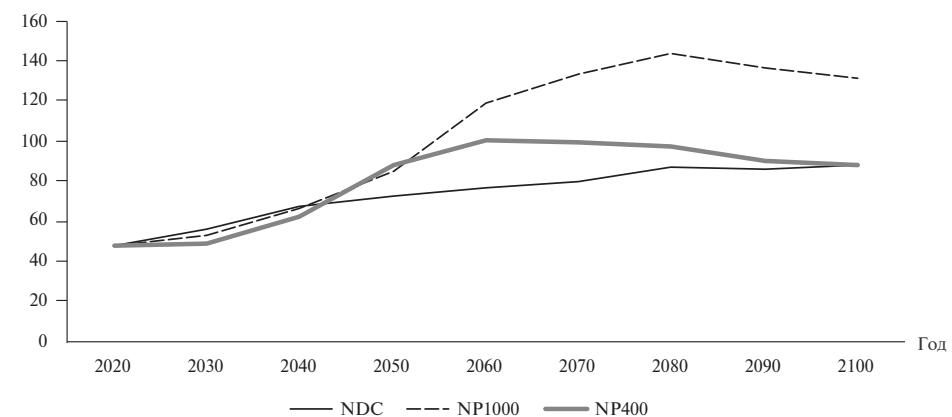

Рис. 4. Потребление газового топлива в мире, ЭДж/год

Источник: Построено авторами на основе базы данных NASA, CD-LINKS Scenario Database, Version 2.0 (<https://iiasa.ac.at/models-tools-data/cd-links-scenario-explorer>).

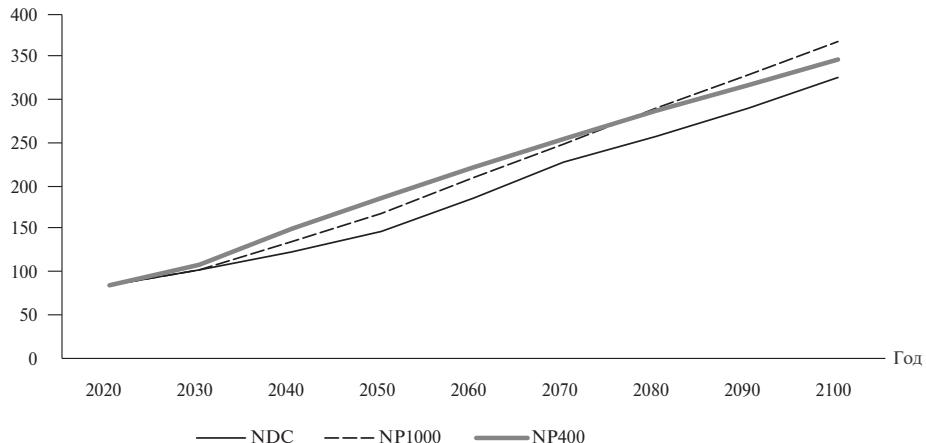

Рис. 5. Выработка электроэнергии в мире, ЭДж/год

Источник: Построено авторами на основе базы данных NASA, CD-LINKS Scenario Database, Version 2.0 (<https://iiasa.ac.at/models-tools-data/cd-links-scenario-explorer>).

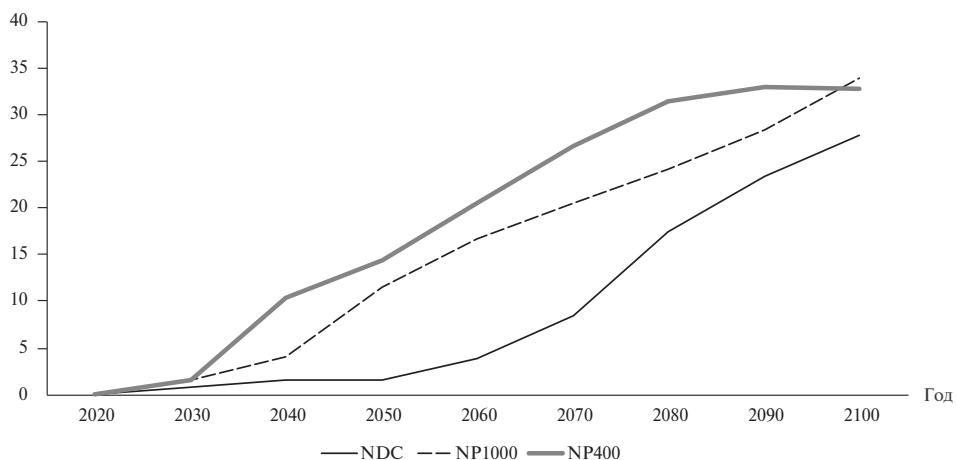

Рис. 6. Потребление водорода в мире, ЭДж/год

Источник: Построено авторами на основе базы данных NASA, CD-LINKS Scenario Database, Version 2.0 (<https://iiasa.ac.at/models-tools-data/cd-links-scenario-explorer>).

Суммарные выбросы ПГ (рис. 7) в Сценарии NDC увеличиваются на 23% за период с 2020 по 2050 г., при этом в регионе ASIA рост составит 36%, в MAF – 71%, в REF – 15%, в LAM – 7%, а в OECD + EU ожидается снижение на 10%. Однако в более амбициозных сценариях ситуация кардинально иная. В Сценарии NP1000 общие выбросы ПГ снижаются на 55% за период 2020–2050 гг., все регионы сокращают выбросы от 48 до 76%, нагрузка по декарбонизации экономики между регионами достаточно неравномерная. В Сценарии NP400 суммарные выбросы сокращаются на 81% за период 2020–2050 гг., в регионе ASIA – на 78%, в MAF – на 70%, в REF – на 88%, в LAM – на 91%, в OECD + EU – на 83%.

Объемы поглощения углерода природными экосистемами растут во всех рассматриваемых сценариях в период 2020–2050 гг. (рис. 8): в 3,5 раза в Сценарии NDC,

в 5,3 раза в Сценарии NP1000, в 5,5 раза в Сценарии NP400. Наибольший прирост поглощения за счет лесов Амазонии обеспечивает регион LAM (от 5,5 до 16,8 раза, в зависимости от сценария), за счет тропических лесов Африканского континента регион MAF (в 3,3–9 раз), за счет boreальных лесов региона REF, включая Россию (от 4 до 5,7 раза). В регионе OECD + EU рост поглощения CO₂ может составить от 3,4 до 4,7 раза, а в регионе ASIA от 3 до 3,5 раза. Основной проблемой для тропических лесов является их сведение для расширения сельскохозяйственного назначения (например, для животноводства в Бразилии, создание плантаций для производства пальмового масла в Индонезии), в то время как boreальные леса России, Канады, Северной Европы подвергаются воздействию лесных пожаров, болезней, вредителей, а также массовым заготовкам древесины. Более рациональное и климатически ориентированное управление лесами, а также расширение производства продукции из биомассы (древесные строительные материалы, деревянное домостроение, биотопливо второго и третьего поколений, биотекстиль и многое другое) позволяет значительно увеличить потенциал поглощения углерода из атмосферы.

На рис. 9 представлена динамика потребления жидкого топлива: крупнейшими потребителями за весь период 2020–2050 гг. являются регионы OECD + EU и ASIA, причем последний во всех сценариях демонстрирует наибольшую долю в 2050 г., что связано с увеличением численности населения в странах Азии, ростом благосостояния и, соответственно, увеличением потребления топлива в транспортной отрасли. На регионы MAF и LAM приходятся примерно одинаковые доли в прогнозируемом потреблении жидкого топлива, а наименьший объем потребления демонстрирует регион REF, включая Россию.

Потребление газообразного топлива по всех сценариях растет в период 2020–2050 гг., лидерами являются OECD + EU, ASIA и MAF. Регионы REF и LAM также показывают рост потребления газа, но их доля в мире относительно невелика (рис. 10). Производство электроэнергии также существенно растет, прежде всего за счет регионов OECD + EU, ASIA и MAF, на REF и LAM приходятся незначительные доли суммарного производства энергии (рис. 11).

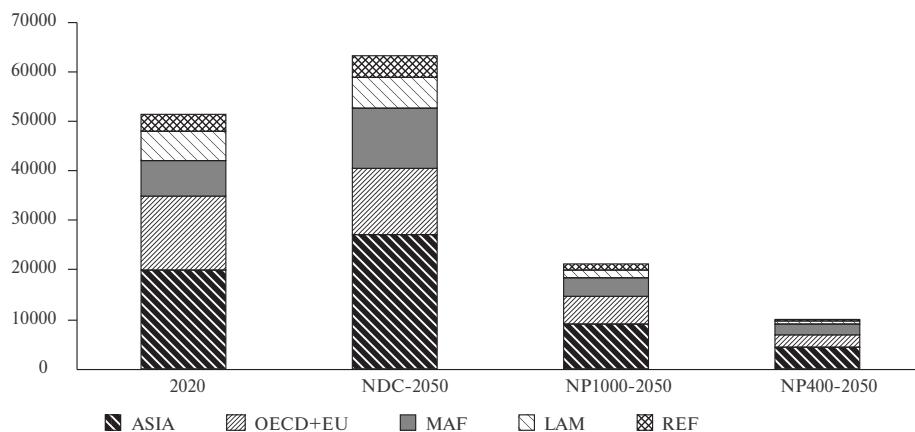

Рис. 7. Выбросы ПГ по регионам мира, 2020–2050 гг., млн тонн CO₂-экв/год

Источник: Построено авторами на основе базы данных NASA, CD-LINKS Scenario Database, Version 2.0 (<https://iiasa.ac.at/models-tools-data/cd-links-scenario-explorer>).

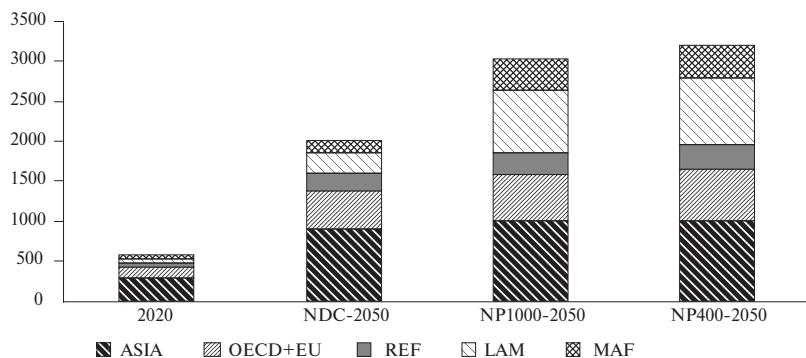

Рис. 8. Поглощение CO₂ по регионам мира, 2020–2050 гг., млн тонн CO₂/год

Источник: Построено авторами на основе базы данных IIASA, CD-LINKS Scenario Database, Version 2.0 (<https://iiasa.ac.at/models-tools-data/cd-links-scenario-explorer>).

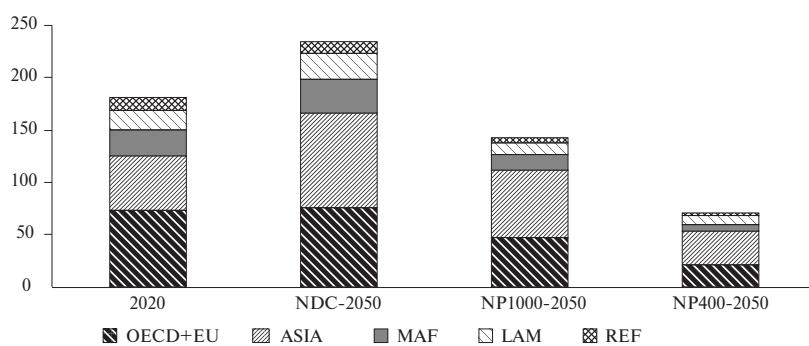

Рис. 9. Потребление жидкого топлива по регионам мира, 2020–2050 гг., ЭДж/год

Источник: Построено авторами на основе базы данных IIASA, CD-LINKS Scenario Database, Version 2.0 (<https://iiasa.ac.at/models-tools-data/cd-links-scenario-explorer>).

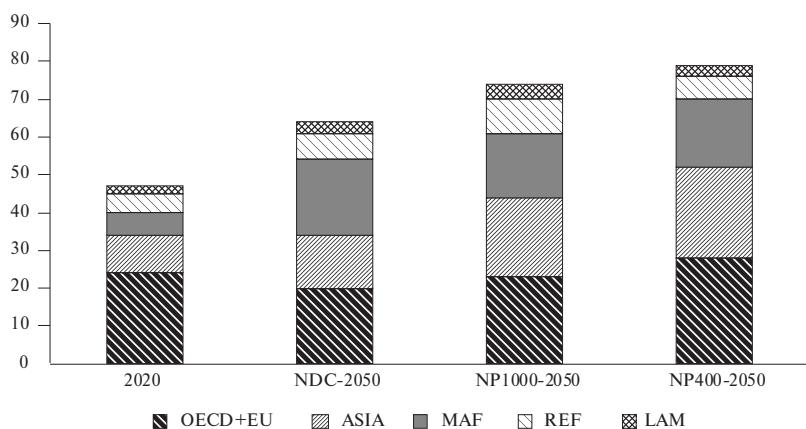

Рис. 10. Потребление газообразного топлива по регионам мира, 2020–2050 гг., ЭДж/год

Источник: Построено авторами на основе базы данных IIASA, CD-LINKS Scenario Database, Version 2.0 (<https://iiasa.ac.at/models-tools-data/cd-links-scenario-explorer>).

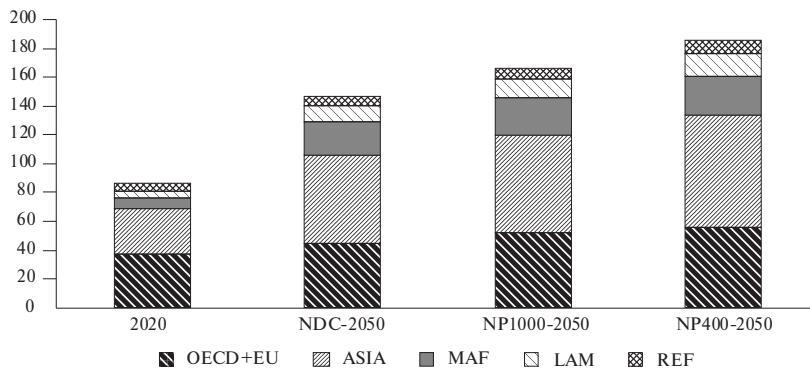

Рис. 11. Выработка электроэнергии по регионам мира, 2020–2050 гг., ЭДж/год

Источник: Построено авторами на основе базы данных NASA, CD-LINKS Scenario Database, Version 2.0 (<https://iiasa.ac.at/models-tools-data/cd-links-scenario-explorer>).

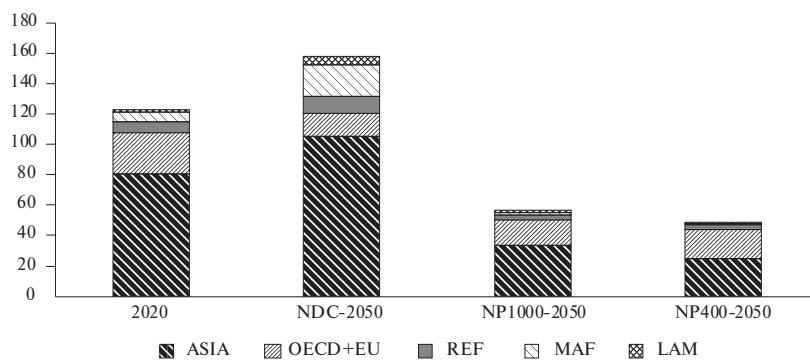

Рис. 12. Потребление угля по регионам мира, 2020–2050 гг., ЭДж/год

Источник: Построено авторами на основе базы данных NASA, CD-LINKS Scenario Database, Version 2.0 (<https://iiasa.ac.at/models-tools-data/cd-links-scenario-explorer>).

Ситуация с потреблением угля как самого углеродоемкого и экологически грязного топлива вызывает наибольшие споры и требует принятия новых, беспрецедентных мер государственной политики. В Сценарии NDC сжигание угля для выработки энергии увеличивается на 28% к 2050 г., преимущественно за счет роста потребления в регионах ASIA, MAF, REF, при этом OECD + EU сокращает потребление, а в LAM происходит незначительный прирост (рис. 12). Однако в Сценариях NP1000 и NP400 прогнозируется сокращение использования угля во всех регионах, суммарно более чем в 2 раза за период 2020–2050 гг., основными потребителями остаются ASIA и OECD + EU (примерно 50 и 40% от глобального спроса соответственно).

Климатические стратегии ведущих стран мира

Анализ целей климатической политики крупнейших стран мира, входящих в «Группу двадцати», на которые приходится около 75% глобальных выбросов ПГ, показывает, что их определяют прежде всего приоритеты социально-экономического развития (табл. 1). В стратегиях декарбонизации экономики важнейшую роль играют меры, свя-

Таблица 1. Цели климатической политики и основные меры низкокуллеродного развития экономики ведущих стран мира

Страна	Цели климатической политики	Ключевые меры
Австралия	Углеродная нейтральность к 2050 г. Основной акцент на технологические инновации, зеленый переход в энергетике, социально «инклузивный» экономический рост, создание рабочих мест и сохранение окружающей среды	<ul style="list-style-type: none"> Минимизация углеродоемкости энергетики за счет использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ), технологий CCS/CCUS, систем хранения энергии, повышения энергоэффективности. Максимальная электрификация конечного потребления, транспорта, использования альтернативных видов топлива (водород и др.). Увеличение поглощения углерода в лесном хозяйстве и секторе землепользования
Бразилия	Снижение выбросов ПГ на 37% по сравнению с уровнем 2005 г. в 2025 г. и на 50% по сравнению с уровнем 2005 г. в 2030 г. Климатическая нейтральность к 2060 г.	<ul style="list-style-type: none"> Сокращение объемов сведения лесов. Совершенствование агротехнических работ. Использование ВИЭ, расширение использования биотоплива. Новые технологии в строительстве, промышленности, энергетике
Велико-британия	Снижение выбросов ПГ не менее чем на 68% к 2030 г. по сравнению с уровнем 1990 г. Достижение углеродной нейтральности к 2050 г.	<ul style="list-style-type: none"> К 2035 г. вся электроэнергия должна будет поступать из низкоуглеродных источников. Полная утилизация попутного нефтяного газа (ПНГ) и наращивание производства зеленого водорода. Глубокая декарбонизация промышленности за счет эффективного использования ресурсов и энергии, перехода на альтернативные виды энергоресурсов, внедрение ССУС. Коммунальный сектор – энергосбережение, внедрение систем низкокуллеродного отопления до 2035 г. Транспорт – прекращение продажи новых бензиновых и дизельных автомобилей к 2030 г. Природные ресурсы – увеличение лесонасаждений и восстановление торфа. Выбросы ПГ от отходов сокращаются за счет увеличения использования муниципальных биоразлагаемых отходов от полигонов и потенциальной экономии от других частей сектора, таких как сточные воды. Сокращение выбросов фторосодержащих ПГ. Внедрение более совершенных и инновационных методов ведения сельского хозяйства. Применение технологии биоэнергетики с улавливанием и захоронением углерода (BECCS) и метода прямого технического улавливания углерода из воздуха (DACCs)
Германия	Снижение выбросов ПГ к 2030 г. на 55%. Достижение углеродной нейтральности к 2050 г. (в составе ЕС)	<ul style="list-style-type: none"> Повышение энергоэффективности, в том числе усовершенствование энергетических стандартов для новых и существующих зданий, подлежащих масштабной реконструкции, внедрение систем отопления на основе ВИЭ. Снижение спроса на первичную энергию в жилых, коммерческих и административных зданиях как минимум на 80% по сравнению с уровнем 2008 г. к 2050 г. за счет повышения эффективности и использования ВИЭ. Развитие инфраструктуры электромобильности. Отказ от автомобилей с двигателями внутреннего сгорания. Широкое использование водорода (премущественно зеленого). Внедрение инновационных методов обращения с поборениями в сельском хозяйстве, увеличение поглощения ПГ за счет расширения лесных площадей

Страна	Цели климатической политики	Ключевые меры
Индия	<p>Снижение к 2030 г. удельных выбросов ПГ на единицу ВВП на 33–35% по сравнению с уровнем 2005 г.</p> <p>К 2030 г. довести долю энергии, производимой из неископаемых видов топлива, примерно до 40% от совокупной установленной мощности.</p> <p>Увеличить пополнение углерода на 2,5–3 млрд тонн CO₂ за счет повышения лесистости к 2030 г. Достижение углеродной нейтральности к 2070 г.</p>	<ul style="list-style-type: none"> Внедрение новых, более эффективных и экологически чистых технологий в теплоэнергетике. Стимулирование производства возобновляемой энергии и увеличение доли альтернативных видов топлива в топливном балансе. Снижение выбросов ПГ от транспортного сектора. Повышение энергоэффективности в экономике, особенно в промышленности, на транспорте, строительстве и ЖКХ. Снижение выбросов ПГ от отходов. Развитие климатически устойчивой инфраструктуры. Пропаганда экологичного и здорового образа жизни. Реализация миссии «Зеленая Индия» и других программ лесоразведения и лесовосстановления
Индонезия	<p>Снижение выбросов ПГ на 29% по сравнению со сценарием обычного развития (BAU) к 2030 г. Снижение выбросов ПГ до 41% к 2030 г. при наличии международной поддержки в области финансирования, передачи технологий и развития, а также наращивания потенциала.</p> <p>Достижение углеродной нейтральности к 2060 г.</p>	<ul style="list-style-type: none"> Энергосбережение и промышление чистых и возобновляемых источников энергии. Повышение эффективности землепользования и территориального планирования, устойчивого управления лесами и водно-болотными угодьями. Повышение продуктивности сельского хозяйства. Улучшение управлением отходами.
Китай	<p>Основные цели включают:</p> <ul style="list-style-type: none"> достижение пика выбросов CO₂ до 2030 г. и достижение углеродной нейтральности до 2060 г. снижение выбросов CO₂ на единицу ВВП более чем на 65% по сравнению с уровнем 2005 г., увеличение доли неископаемых видов топлива в потреблении первичной энергии примерно до 25%, увеличение объема накопленной биомассы в лесном фонде на 6 млрд м³ по сравнению с уровнем 2005 г., доведение к 2030 г. общей установленной мощности ветровой и солнечной энергии до 1,2 млрд кВт 	<ul style="list-style-type: none"> Энергетика с низким уровнем выбросов ПГ (развитие технологий CCS/CCUS в электротехнике). Электрификация и повышение энергоэффективности. ВИЭ и альтернативные виды энергоресурсов. Приоритетные технологии и социально-экономические цели. Новые перспективные технологии (в том числе использование технологий замкнутого топливного цикла в атомной энергетике, производство водорода). Безулеродный транспорт (электромобили, водородомобили, системы общественного транспорта, велосипеды и другой «зеленый» транспорт)
Мексика	<p>Снижение выбросов ПГ на 36% и черного углерода на 70% к 2030 г. по сравнению со сценарием BAU.</p> <p>К 2050 г. сокращение выбросов ПГ по сравнению с сценарием “business-as-usual” (BAU) на 50% по сравнению с уровнями 2000 г.</p>	<ul style="list-style-type: none"> Ускорение перехода к чистой энергетике. Энергоэффективность и устойчивое потребление. Устойчивые города с системами мобильности, комплексным управлением отходами и строительством с низким углеродным следом. Устойчивое сельское и лесное хозяйство для поддержания и увеличения уровня поглощения ПГ. Сокращение выбросов короткоживущих ПГ, обеспечивающее улучшение качества воздуха, снижение рисков для здоровья человека и другие социальные эффекты

Страна	Цели климатической политики	Ключевые меры
Республика Корея	Снижение выбросов ПГ не менее чем на 40% к 2030 г. по сравнению с уровнем 2018 г. и достижение углеродной нейтральности к 2050 г.	<ul style="list-style-type: none"> • Энергоэффективность в промышленности и ЖКХ. • Использование ВИЭ • Применение технологий CCS/CCUS. • Топливные элементы и зеленый водород. • Развитие интеллектуальных сетей. • Электрический и водородный транспорт. • Улучшение качества поглотителей (управление лесами, восстановление илистых отмелей)
Россия	Уровень выбросов ПГ к 2030 г. не более 70% от уровня 1990 г. Углеродная нейтральность до 2060 г.	<ul style="list-style-type: none"> • Повышение энергоэффективности. • Развитие безуглеродной и низкокуглеродной энергетики (газификация, АЭС, ГЭС, ВИЭ, возможно, технология CCS/CCUS). • Производство водорода (цель – достижение уровня 20% мирового рынка водорода). • Развитие транспортной инфраструктуры, экологичного транспорта. • Сохранение и увеличение потенциала поглощения углерода в лесном и сельском хозяйстве
Саудовская Аравия	Преодолечение и устранение выбросов ПГ на 278 млн тонн СО ₂ -экв. в год к 2030 г. Достижение «нулевых» выбросов ПГ к 2060 г.	<ul style="list-style-type: none"> • Ужесточение стандартов энергоэффективности в промышленности, строительстве и наземном транспорте. • Достижение установленной мощности ВИЭ в 9,5 ГВт к 2030 г. • Зеленый водород (производство 0,65 млн тонн в год к 2025 г.). • Транспорт (повышение топливной экономичности). • Эффективное управление водными ресурсами
США	Сокращение чистых выбросов ПГ на 50–52% по сравнению с уровнем 2005 г. к 2030 г. Долгосрочная цель – достичь к 2050 г. 10%-й углеродной нейтральности по баланшу чистых выбросов ПГ (с учетом поглощения ПГ лесами и другими экосистемами)	<ul style="list-style-type: none"> • Декарбонизация производства электроэнергии, достижение к 2035 г. генерации 100% экологически чистого электричества. • Экономия при конечном использовании энергии и переход на другие экологически чистые виды топлива. • Сокращение потерь энергии. • Сокращение выбросов метана и других выбросов ПГ, отличных от CO₂. • Технологии улавливания и захоронения ПГ. • Экологичный транспорт. • Сохранение и увеличение потенциала по пополнению углерода в лесном и сельском хозяйстве

Страна	Цели климатической политики	Ключевые меры
Турция	Снижение выбросов ПГ до 21% по сравнению со сценарием "business-as-usual" (BAU) к 2030 г. Цель на 2050 г. пока не заявлена	<ul style="list-style-type: none"> • Увеличение установленной мощности для производства электроэнергии из ВИЭ, полное использование гидроэнергетического потенциала, ввод атомной электростанции до 2030 г.; снижение потерь при передаче и распределении электроэнергии до 15% к 2030 г.; создание систем микротеплоснабжения, консистентности промышленных установок. • Повышение энергоэффективности промышленных транспортных коридоров в городских районах, промышленных перевозок, внедрение устойчивых транспортных коридоров в городских районах, промышленных альтернативных видов топлива и экологически чистых транспортных средств, сокращение расхода топлива. • Повышение энергоэффективности в секторе «Здания и городская трансформация». • Экономия топлива за счет консолидации земель в сельскохозяйственных районах; восстановление пастбищных угодий, контроль использования удобренний и внедрение современных методов ведения сельского хозяйства, поддержка методов минимальной обработки почвы. • Повторное использование, переработка и использование других процессов для восстановления вторичного сырья, использования в качестве источника энергии или удаления отходов. • Увеличение площади лесов, предотвращение истgradation земель; реализация плана действий по восстановлению лесного хозяйства и национальной кампании по облесению
Франция	Снижение к 2030 г. выбросов ПГ не менее чем на 55% по сравнению с уровнем 1990 г. Достижение углеродной нейтральности к 2050 г.	<ul style="list-style-type: none"> • Энергетика: управление спросом на энергию за счет повышения энергоэффективности и смены потребительских паттернов; диверсификация энергетической структуры, в частности, за счет развития ВИЭ и поэтапного отказа от угля в электро- и теплознегнетике (с 2022 г.). • Промышленность: переход к низкокулерондным производственным системам. • Повышение энергоэффективности зданий (теплоизоляция и оборудование), в том числе введение новых стандартов для новостроек и для ремонта устаревшего жилого фонда. • Максимальный уровень поглощения углерода лесами, поощрение устойчивого земледелия и снижение уровня внешней удобренний до минимума. • Развитие биоэкономики с низким углеродным следом. • Сокращение объемов образования отходов
ЮАР	Начиная с 2020 г. выйти на траекторию «пик, падаю и снижение» выбросов ПГ. К 2025 г. – выбросы ПГ 398–510 млн тонн CO2-экв., к 2030 г. – 350–420 млн т CO2-экв. Долгосрочная цель – снижение уровня выбросов в абсолютном выражении до 212–428 млн тонн CO2-экв. (по верхнему и нижнему пределам в зависимости от сценариев) к 2050 г.	<ul style="list-style-type: none"> • Энергоэффективность. • ВИЭ. • Развитие технологий CCS/CCUS в электроэнергетике. • Транспорт (реализация стратегии чистого транспорта). • Отходы (раздельный сбор, термическая утилизация отходов). • ЗИЭЛХ: содействие лесонасаждению, специальные методы ведения сельского хозяйства и агропосодства
Япония	Снижение выбросов ПГ на 46% в 2030 финансовым году по сравнению с уровнем 2013 финансового года. Достижение нулевого уровня выбросов к 2050 г.	<ul style="list-style-type: none"> • Энергетика полностью перейдет на безуглеродные технологии (включая ВИЭ, АЭС и др.). • Повышение энергетической эффективности (экономия энергии на 22% к 2030 г.). • Водород, аммиак, CCS и CCU/рециркуляция углерода. • За счет поглощения CO2 лесами будет обеспечено 3,5% целевого сокращения выбросов к 2050 г.

занные с развитием инновационных безуглеродных технологий и секторов экономики (в том числе биоэкономики нового поколения), масштабным повышением энерго- и материальноэффективности во всех секторах производства и потребления, переходом от ископаемых видов топлива к безуглеродным энергоресурсам (таким как зеленый водород, биотопливо, возобновляемые источники энергии, технология улавливания и захоронения/утилизации углерода CCS/CCUS), увеличением поглощения и снижением выбросов углерода в лесном и сельском хозяйстве.

Группа наиболее развитых индустриальных стран имеет более широкие возможности обеспечения экономического роста за счет инновационных технологий, включая интенсивное наращивание мощностей возобновляемой энергетики и альтернативных источников энергии (в том числе зеленого водорода с минимальным углеродным следом).

В климатической стратегии США достижение углеродной нейтральности к 2050 г. достигается как за счет сокращения выбросов ПГ, так и за счет увеличения поглощения углерода лесами. Нарашивание использования ВИЭ связано с развитием высокотехнологичных производств (поликристаллический кремний, литий, композитные материалы и др.), стремлением занять более сильные позиции на рынке солнечных элементов, где в настоящее время доминирует Китай.

Великобритания, Япония, Франция, Республика Корея используют меры по повышению энергетической эффективности, увеличению выработки электроэнергии на АЭС, увеличению поглощения ПГ экосистемами. Германия намерена обеспечить сокращение потребления угля, а в перспективе и природного газа (к 2040–2050 гг.), расширить объемы производства и потребления водорода.

Крупные развивающиеся страны стремятся обеспечить инклузивный экономический рост, предусматривающий меры по энергопереходу в той степени, в которой это не снижает возможности развития других отраслей экономики, обеспечения занятости, улучшения качества окружающей среды.

В Китае активизация климатической политики стала возможной из-за достигшей критических масштабов проблемы локального загрязнения воздуха в промышленных центрах. На законодательном уровне регулирование выбросов ПГ и локальных загрязнителей во многом опирается на одну и ту же нормативно-правовую базу. В 2021 г. в стране была запущена национальная система торговли квотами на выбросы ПГ, которая в недалекой перспективе может стать крупнейшей в мире. Климатические цели Китая включают достижение пика выбросов ПГ и их дальнейшее снижение уже в текущем десятилетии.

В Китае, Японии и Германии климатическая политика преимущественно стала инструментом технологической политики, нацеленной на закрепление технологического лидерства национального бизнеса и масштабирование экспорта низкоуглеродной продукции и технологий за рубеж. В Саудовской Аравии острая нехватка природных ресурсов – основной стимул внедрения циклической экономики. В Бразилии климатическая политика во многом сводится к задачам повышения эффективности управления лесным хозяйством. В США дискурс климатической политики в последние годы увязывается с болезненным для страны вопросом смягчения социально-экономического неравенства.

Россия является крупнейшим по площади государством и играет важную роль в глобальном климате: территория лесов составляет 871 млн га (20% мировых лесов), сельскохозяйственные угодья занимают 221 млн га (10% пахотных земель в мире), а запасы ископаемого топлива превышают 350 млрд тонн в нефтяном эквиваленте (тнэ) или 14 653 Эдж. В 2021 г. была принята стратегия экономического развития с низким

уровнем выбросов ПГ до 2050 г., в которой предложены два основных сценария развития – инерционный и интенсивный [Правительство РФ, 2020]. Интенсивный сценарий предполагает, что нетто-выбросы ПГ могут быть снижены более чем на 80% к 2050 г. по сравнению с текущим уровнем. Отраслевые исследования показывают, что Россия обладает огромным потенциалом для сокращения выбросов ПГ при низких и даже отрицательных затратах. Компания McKinsey проанализировала 60 мер в различных секторах, которые могут помочь снизить потребление энергии на 23% и выбросы ПГ на 19% к 2030 г. по сравнению со сценарием «Развитие как обычно» [McKinsey & Company, 2009]. Моделирование сценариев глубокой декарбонизации экономики России на базе модели TIMES показало, что выбросы ПГ можно сократить к 2050 г. на 87% по сравнению с 2010 г., при этом ежегодные издержки на декарбонизацию энергетики оцениваются в 12 млрд долл. США к 2030 г. и до 42 млрд долл. США к 2050 г. [Safonov et al., 2020].

Механизмы международного сотрудничества

На 26-й конференции Сторон РКИК в Глазго (2021 г.), после длительных переговоров, удалось достичь соглашения о реализации ст. 6 Парижского соглашения, в рамках которой были согласованы следующие приоритетные механизмы.

Статья 6.2. Принято «Руководство» по торговле единицами ITMO (Internationally transferred mitigation outcomes) между странами. Это открывает возможности для расширения мирового углеродного рынка, торговли международно признанными углеродными единицами, выполнения национальных обязательств за счет инвестирования средств в зарубежные проекты с меньшими издержками.

Статья 6.4. Приняты «Правила, условия и процедуры» для специальных проектов и программ, создающих единицы снижения выбросов (A6.4ER). Создан наблюдательный совет (Supervisory Body), который утверждает методологии и одобряет международные углеродные проекты. Важным критерием отбора проектов является отсутствие негативных социальных и экологических последствий. Никаких ограничений на виды проектов нет.

Статья 6.8. Принята «Рабочая программа» по нерыночному сотрудничеству: широкому спектру вариантов взаимодействия, регламентирующая двусторонние и многосторонние действия (пограничные углеродные платежи, налоги, стандарты, требования и т.п.). Примерами такого сотрудничества могут служить: 1) механизм пограничного углеродного регулирования Евросоюза (Carbon Boarder Adjustment Mechanism), предполагающий компенсацию углеродного следа импортируемой в ЕС продукции, и аналогичные меры, рассматриваемые в настоящее время в США и ряде других стран; 2) программа CORSIA ИКАО, требующая компенсации выбросов ПГ от международных перелетов за счет добровольных и иных углеродных единиц; 3) японский механизм совместного кредитования (Joint Crediting Mechanism).

Мировой углеродный рынок в последние годы стремительно развивается. По данным Всемирного банка, в мире уже действуют 68 схем ценообразования на углерод, покрывающие 12 млрд тонн CO₂ в год, или 23% глобальных выбросов ПГ [World Bank, n.d.]. Суммарный оборот на углеродных рынках планеты в 2021 г. составил 851 млрд долл. США [Nordeng, 2022].

Помимо непосредственной торговли углеродными единицами, международные механизмы поддержки мер по декарбонизации включают выпуск зеленых облигаций на сумму более 1 трлн долл. США в 2021 г. [Climate Bonds Initiative, 2021], отказ от фи-

нансирования проектов и инвестиций из активов, связанных с ископаемым топливом (уже заявлено к выводу около 40 трлн долл. США [IEEFA et al., 2021]), многочисленные программы поддержки развития ВИЭ, зеленого транспорта, технологий накопления энергии, повышения лесистости территорий и многое другое.

Заключение

Предлагаемые Сторонами Парижского соглашения меры по декарбонизации мировой экономики пока явно недостаточны для удержания глобального потепления ниже 1,5–2°C. Необходимы более решительные действия по сокращению выбросов и увеличению поглощения углерода. Регионы и страны мира обладают различным потенциалом для реализации углеродных проектов и программ. Кооперативные стратегии, позволяющие направлять финансовые, технические и иные ресурсы для достижения максимального эффекта (не только углеродного, но социальных и экологических выгод) за счет механизмов международного климатического сотрудничества, могут обеспечить более эффективное и быстрое достижение углеродной нейтральности.

Мировой углеродный рынок, финансовые инструменты, механизмы устойчивого развития, инициативы стран, регионов, бизнес-сообщества формируют необходимые условия для прогресса в реализации Парижского соглашения, однако пока они не представляются достаточными.

Для России процессы сотрудничества по борьбе с изменением климата создают благоприятные возможности не только для зеленого перехода внутри страны, но и участия в глобальных процессах трансформации мировой экономики в направлении декарбонизации, благодаря огромному потенциалу безуглеродных источников энергии, самым большим в мире лесным экосистемам и земельным ресурсам. Без участия России достижение целей Парижского соглашения представляется крайне сложным, а издержки – избыточно высокими.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Башмаков И.А. (2020) Стратегия низкоуглеродного развития российской экономики // Вопросы экономики. № 7. С. 51–74. Режим доступа: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-7-51-74>.

Башмаков И.А. (ред.) (2014) Затраты и выгоды низкоуглеродной экономики и трансформации общества в России. Перспективы до и после 2050 г. М.: ЦЭНЭФ. Режим доступа: <http://www.cenef.ru/file/CB-LCE-2014-rus.pdf>.

Будыко М.И. (1972) Влияние человека на климат. Л.: Гидрометиздат.

Правительство РФ (2020) Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 октября 2021 г. № 3052-р об утверждении Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/ADKkCzp3fWO32e2yA0BhtIpyzWfHaiUa.pdf>.

Climate Bonds Initiative (2021) Sustainable Debt Global State of the Market. Режим доступа: cbi_global_sotm_2021_02h.pdf (дата обращения: 09.11.2022)

Deep Decarbonization Pathways Project (DDPP) (2014) Report: Pathways to Deep Decarbonization. SDSN-IDDR. Режим доступа: <https://www.globalccsinstitute.com/archive/hub/publications/184548/pathways-deep-decarbonization-2014-report.pdf> (дата обращения: 09.11.2022).

Deep Decarbonization Pathways Project (DDPP) (2015) Synthesis Report: Pathways to Deep Decarbonization. SDSN-IDDR. Режим доступа: <https://www.iddri.org/en/publications-and-events/report/pathways-deep-decarbonization-2015-synthesis-report> (дата обращения: 09.11.2022).

den Elzen M. et al. (2016) Contribution of the G20 economies to the global impact of the Paris agreement climate proposals // *Climatic Change*. No. 137. P. 655–665. Режим доступа: 137:655-665.10.1007/s10584-016-1700-7.

Fragkos P. et al. (2020) Energy system transitions and low-carbon pathways in Australia, Brazil, Canada, China, EU-28, India, Indonesia, Japan, Republic of Korea, Russia and the United States // *Energy*. No. 216, 119385. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.energy.2020.119385>.

Government of the Federal Republic of Germany (FRG) (2016) Climate Action Plan 2050. Режим доступа: https://unfccc.int/files/focus/application/pdf/161114_climate_action_plan_2050.pdf (дата обращения: 09.11.2022).

Grassi G., Dentener F. (2015) Quantifying the Contribution of the Land Use Sector to the Paris Climate Agreement. JRC Science for Policy Report EUR 27561. Joint Research Centre. European Commission. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.2788/096422>.

International Energy Agency (IEA) (2020) Flagship Report: Energy Technology Perspectives. Режим доступа: <https://www.iea.org/reports/energy-technology-perspectives-2020> (дата обращения: 09.11.2022).

Riahi K. et al. (2019) Linking Climate and Sustainable Development: Policy Insights From National and Global Pathways. International Institute for Applied Systems Analysis (IIASA). Laxenburg, Austria. Режим доступа: <https://pure.iiasa.ac.at/id/eprint/16235/> (дата обращения: 09.11.2022).

Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC) (2018) Special Report: Global Warming of 1.5 C. Режим доступа: <https://www.ipcc.ch/sr15/> (дата обращения: 09.11.2022).

Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC) (2021) Climate Change 2021: The Physical Science Basis. The Working Group I Contribution to the Sixth Assessment Report. Режим доступа: <https://www.ipcc.ch/report/sixth-assessment-report-working-group-i/> (дата обращения: 09.11.2022).

Kitous A. et al. (2016) GECO 2016: Global Energy and Climate Outlook: Road From Paris: Impact of Climate Policies on Global Energy Markets in the Context of the UNFCCC Paris Agreement. JRC Science for Policy Report EUR 27952, Joint Research Centre. European Commission. Режим доступа: https://espas.secure.europarl.europa.eu/orbis/sites/default/files/generated/document/en/geco2016%20-%20global%20energy%20and%20climate%20outlook%20-%20road%20from%20paris%20160916_0.pdf (дата обращения: 09.11.2022).

Institute for Energy Economics and Financial Analysis (IEEFA) Stand.earth-C40 Cities-The Wallace Global Fund (2021) Joint Report: Invest-Divest 2021: A Decade of Progress Towards a Just Climate Future. Режим доступа: https://www.divestinvest.org/wp-content/uploads/2021/10/Divest-Invest-Program-FINAL10-26_B.pdf (дата обращения: 09.11.2022).

Luderer G. et al. (2018) Residual Fossil CO₂ Emissions in 1.5–2°C Pathways // *Nature Climate Change*. No. 8. P. 626–633. Режим доступа: <https://doi.org/10.1038/s41558-018-0198-6>.

Makarov A., Mitrova T., Kulagin V. (2020) Long-Term Development of the Global Energy Sector Under the Influence of Energy Policies and Technological Progress // *Russian Journal of Economics*. Vol. 6. No. 4. P. 347–357. Режим доступа: <https://doi.org/10.32609/j.ruje.6.55196>

Makarov I., Chen H., Paltsev S. (2020) Impacts of Climate Change Policies Worldwide on the Russian Economy // *Climate Policy*. Vol. 20. No. 10. P. 1242–1256. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/14693062.2020.1781047>.

McKinsey & Company (2009) Report: Pathways to an Energy and Carbon Efficient Russia. Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/capabilities/sustainability/our-insights/pathways-to-an-energy-and-carbon-efficient-russia> (дата обращения: 09.11.2022).

Nordeng A. (2022) Carbon Trading: Exponential Growth on Record High. Refinitiv, 18 February. Режим доступа: <https://doi.org/https://www.refinitiv.com/perspectives/market-insights/carbon-trading-exponential-growth-on-record-high/> (дата обращения: 30.06.2022).

Pahle M. et al. (2021) The Crucial Role of Complementarity, Transparency and Adaptability for Designing Energy Policies for Sustainable Development // *Energy Policy*. Vol. 159, 112662. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2021.112662>.

- Rogelj J. et al. (2016) Differences Between Carbon Budget Estimates Unravelled // *Nature Climate Change*. Vol. 6. P. 245–252. Режим доступа: <https://doi.org/10.1038/nclimate2868>.
- Safonov G. et al. (2020) The Low Carbon Development Options for Russia // *Climatic Change*. Vol. 162. P. 1929–1945. Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/s10584-020-02780-9>.
- Schaeffer R. et al. (2020) Comparing Transformation Pathways Across Major Economies // *Climatic Change*. Vol. 162. P. 1787–1803. Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/s10584-020-02837-9>.
- Stern N. (2006) The Economics of Climate Change. The Stern Review. London. LSE. Режим доступа: <https://www.lse.ac.uk/granthaminstiute/publication/the-economics-of-climate-change-the-stern-review/>.
- The White House (2016) United States Mid-Century Strategy for Deep Decarbonization. Режим доступа: https://unfccc.int/files/focus/long-term_strategies/application/pdf/mid_century_strategy_report-final_red.pdf (дата обращения: 09.11.2022).
- United Nations Environment Programme (UNEP) (2021) The Emissions Gap Report 2021. Режим доступа: <https://www.unep.org/resources/emissions-gap-report-2021> (дата обращения: 09.11.2022).
- World Bank (n.d.) Carbon Pricing Dashboard. Режим доступа: <https://carbonpricingdashboard.worldbank.org/> (дата обращения: 09.11.2022).

Perspectives of Decarbonization of World Economy in the Context of Implementation of the UN Paris Climate Agreement¹

G. Safonov, M. Kozeltsev, A. Stetsenko, A. Dorina, Y. Saphonova,
A. Semakina, A. Sizonov, M. Safonov

Georgy Safonov – PhD, Principal Scientist, European Forest Institute; 6B Yliopistonkatu, 80100 Joensuu, Finland; gvsafonov@gmail.com

Mikhail Kozeltsev – PhD (Economics), Director of Center for Environmental ad Natural Resource Economics (HSE University); 20 Myasnitskaya Ulitsa, 101000, Moscow, Russia; mkozeltsev@hse.ru

Andrey Stetsenko – PhD (Economics), expert, Center for Environmental ad Natural Resource Economics (HSE University); 20 Myasnitskaya Ulitsa, 101000, Moscow, Russia; astetsenko@mail.ru

Alexandra Dorina – Research fellow, Center for Environmental ad Natural Resource Economics (HSE University); 20 Myasnitskaya Ulitsa, 101000, Moscow, Russia; abondarenko@hse.ru

Yulia Saphonova – Research fellow, Center for Environmental ad Natural Resource Economics (HSE University); 20 Myasnitskaya Ulitsa, 101000, Moscow, Russia; jsafonova@hse.ru

Anastasia Semakina – PhD student (HSE University); 20 Myasnitskaya Ulitsa, 101000, Moscow, Russia; ansemakina@gmail.com

Anton Sizonov – PhD student (HSE University); 20 Myasnitskaya Ulitsa, 101000, Moscow, Russia; sizonov_anton@mail.ru

Mikhail Safonov – University of Chicago, 5801 S Ellis Ave, Chicago, IL 60637, USA, graduate student; msafonov2000@yahoo.com

Abstract

The UN Paris Climate Agreement requires unprecedented efforts to prevent global warming above 1,5–2°C. Despite geopolitical, economic and other disruptions, cooperation in climate sphere is one of the key directions of international interaction among the world leading economies. Many countries adopted decarbonization strategies and carbon neutrality targets by 2050–2070. The economic analysis the decarbonization scenarios showed that zero-carbon technologies in energy, industries and other sectors can play a crucial role in reduction of carbon emissions worldwide. Achievement of Paris Agreement goals can be more efficient if the mechanisms of international climate cooperation, carbon pricing and regulation would be broadly applied.

Keywords: climate change, Paris Agreement, decarbonization, greenhouse gases, low carbon development

Acknowledgments: the article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-325).

For citation: Safonov G., Kozeltsev M., Stetsenko A., Dorina A., Saphonova Y., Semakina A., Sizonov A., Safonov M. (2022) Perspectives of Decarbonization of World Economy in the Context of Implementation of the UN Paris Climate Agreement. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 4, pp. 38–61 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2022-04-02

¹ This article was submitted on 08.07.2022.

References

- Bashmakov I.A. (2020) Strategija nizkouglernogo razvitiya rossijskoj ekonomiki. Voprosy ekonomiki [Russian Low Carbon Development Strategy]. *Voprosy Ekonomiki*, no 7, pp. 51–74. Available at: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-7-51-74>. (in Russian)
- Bashmakova I.A. (ed.) (2014) *Zatraty i vygody nizkouglernoi ekonomiki i transformatsii obschestva v Rossii. Perspektivy do i posle 2050 g.* [Costs and benefits of a low-carbon economy and society transformation in Russia. Perspectives before and after 2050] Moscow. Center for Energy Efficiency (CENEf). (in Russian)
- Budyko M.I. (1972) *Vliyanie cheloveka na klimat* [Human Influence on Climate] Leningrad: Gidrometizdat. (in Russian)
- Climate Bonds Initiative (2021) Sustainable Debt Global State of the Market. Available at: [cbit_global_sotm_2021_02h.pdf](https://cbit-global-sotm_2021_02h.pdf) (accessed 9 November 2022).
- Deep Decarbonization Pathways Project (DDPP) (2014) Report: Pathways to Deep Decarbonization. SDSN-IDDRI. Available at: <https://www.globalccsinstitute.com/archive/hub/publications/184548/pathways-deep-decarbonization-2014-report.pdf> (accessed 9 November 2022).
- Deep Decarbonization Pathways Project (DDPP) (2015) Synthesis Report: Pathways to Deep Decarbonization. SDSN-IDDRI. Available at: <https://www.iddri.org/en/publications-and-events/report/pathways-deep-decarbonization-2015-synthesis-report> (accessed 9 November 2022).
- den Elzen M. et al. (2016) Contribution of the G20 Economies to the Global Impact of the Paris Agreement Climate Proposals. *Climatic Change*, vol. 137, pp. 655–65. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10584-016-1700-7>.
- Fragkos P. et al. (2020) Energy System Transitions and Low-Carbon Pathways in Australia, Brazil, Canada, China, EU-28, India, Indonesia, Japan, Republic of Korea, Russia and the United States. *Energy*, vol. 216, 119385. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.energy.2020.119385>.
- Government of the Federal Republic of Germany (FRG) (2016) Climate Action Plan 2050. Available at: https://unfccc.int/files/focus/application/pdf/161114_climate_action_plan_2050.pdf (accessed 9 November 2022).
- Government of the Russian Federation (RF) (2020) Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 29 oktyabrya 2021 g. № 3052-r ob utverzhdenii "Strategija social'no-ekonomiceskogo razvitiya Rossijskoj Federacii s nizkim urovnem vybrosov parnikovyh gazov do 2050 goda" [Decree of the Government of the Russian Federation of October 29, 2021 No. 3052-r on approval "Strategy for the Socio-Economic Development of the Russian Federation With Low Greenhouse Gas Emissions Until 2050"] (in Russian). Available at: <http://static.government.ru/media/files/ADKkCzp3fWO32e2yA0BhtIpyzWfHaiUa.pdf>
- Grassi G., Dentener F. (2015) Quantifying the Contribution of the Land Use Sector to the Paris Climate Agreement. JRC Science for Policy Report EUR 27561, Joint Research Centre, European Commission. Available at: <http://dx.doi.org/10.2788/096422>.
- Institute for Energy Economics and Financial Analysis (IEEFA)-Stand.earth-C40 Cities-The Wallace Global Fund (2021) Joint Report: Invest-Divest 2021: A Decade of Progress Towards a Just Climate Future. Available at: https://www.divestinvest.org/wp-content/uploads/2021/10/Divest-Invest-Program-FINAL10-26_B.pdf (accessed 9 November 2022).
- Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC) (2018) Special Report: Global Warming of 1.5°C. Available at: <https://www.ipcc.ch/sr15/> (accessed 9 November 2022).
- Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC) (2021) Climate Change 2021: The Physical Science Basis. The Working Group I Contribution to the Sixth Assessment Report. Available at: <https://www.ipcc.ch/report/sixth-assessment-report-working-group-i/> (accessed 9 November 2022).
- International Energy Agency (IEA) (2020) Flagship Report: Energy Technology Perspectives. Available at: <https://www.iea.org/reports/energy-technology-perspectives-2020> (accessed 9 November 2022).
- Kitous A. et al. (2016) GECO 2016: Global Energy and Climate Outlook: Road From Paris: Impact of Climate Policies on Global Energy Markets in the Context of the UNFCCC Paris Agreement. JRC Science for Policy Report EUR 27952, Joint Research Centre, European Commission. Available at: <https://espas.secure.europa.eu/>

- parl.europa.eu/orbis/sites/default/files/generated/document/en/geco2016%20-%20global%20energy%20and%20climate%20outlook%20-%20road%20from%20paris%20160916_0.pdf (accessed 9 November 2022).
- Luderer G. et al. (2018) Residual Fossil CO₂ Emissions in 1.5–2°C Pathways. *Nature Climate Change*, vol. 8, pp. 626–33. Available at: <https://doi.org/10.1038/s41558-018-0198-6>.
- Makarov A., Mitrova T., Kulagin V. (2020) Long-Term Development of the Global Energy Sector Under the Influence of Energy Policies and Technological Progress. *Russian Journal of Economics*, vol. 6, no 4, pp. 347–57. Available at: <https://doi.org/10.32609/j.ruje.6.55196>.
- Makarov I., Chen H., Paltsev S. (2020) Impacts of Climate Change Policies Worldwide on the Russian Economy. *Climate Policy*, vol. 20, iss. 10, pp. 1242–56. Available at: <https://doi.org/10.1080/14693062.2020.1781047>.
- McKinsey & Company (2009) Report: Pathways to an Energy and Carbon Efficient Russia. Available at: <https://www.mckinsey.com/capabilities/sustainability/our-insights/pathways-to-an-energy-and-carbon-efficient-russia> (accessed 9 November 2022).
- Nordeng A. (2022) Carbon Trading: Exponential Growth on Record High. Refinitiv, 18 February. Available at: <https://doi.org/https://www.refinitiv.com/perspectives/market-insights/carbon-trading-exponential-growth-on-record-high/> (accessed 30 June 2022).
- Pahle M. et al. (2021) The Crucial Role of Complementarity, Transparency and Adaptability for Designing Energy Policies for Sustainable Development. *Energy Policy*, vol. 159, 112662. Available at <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2021.112662>.
- Riahi K. et al. (2019) Linking Climate and Sustainable Development Policy Insights From National and Global Pathways. International Institute for Applied Systems Analysis (IIASA). Laxenburg, Austria. Available at: <https://pure.iiasa.ac.at/id/eprint/16235/> (accessed 9 November 2022).
- Rogelj J. et al. (2016) Differences Between Carbon Budget Estimates Unravelled. *Nature Climate Change*, vol. 6, pp. 245–52. Available at: <https://doi.org/10.1038/nclimate2868>.
- Safonov G. et al. (2020) The Low Carbon Development Options for Russia. *Climatic Change*, vol. 162, pp. 1929–45. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10584-020-02780-9>.
- Schaeffer R. et al. (2020) Comparing Transformation Pathways Across Major Economies. *Climatic Change*, vol. 162, pp. 1787–803. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10584-020-02837-9>.
- Stern N. (2006) The Economics of Climate Change, The Stern Review, London, LSE. Available at: <https://www.lse.ac.uk/grantham/institute/publication/the-economics-of-climate-change-the-stern-review/>.
- The White House (2016) United States Mid-Century Strategy for Deep Decarbonization. Available at: https://unfccc.int/files/focus/long-term_strategies/application/pdf/mid_century_strategy_report-final_red.pdf (accessed 9 November 2022).
- United Nations Environment Programme (UNEP) (2021) The Emissions Gap Report 2021. Available at: <https://www.unep.org/resources/emissions-gap-report-2021> (accessed 9 November 2022).
- World Bank (n.d.) Carbon Pricing Dashboard. Available at: <https://carbonpricingdashboard.worldbank.org/> (accessed 30 June 2022).

Место систем торговли квотами на выбросы в современном инструментарии политики низкоуглеродного развития¹

И.М. Попова

Попова Ирина Максимовна – н.с. Центра исследований международных институтов (ЦМИ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Россия, 119034, Москва, Пречистенская наб., д. 11; popova-im@ranepa.ru

Аннотация

На Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата в Глазго 2021 г. многие ведущие экономики закрепили намерение достичь углеродной нейтральности к середине века (2050–2070 гг.). Однако геополитический и экономический кризис 2022 г. создает угрозу снижения приоритетности политики декарбонизации и отсрочки введения более жестких ограничительных мер. В условиях растущих ограничений выбор инструментов климатической политики становится еще более сложной и важной задачей. Необходимо анализировать различные опции из инструментария политики низкоуглеродного развития, понимать их сильные стороны и недостатки, потенциал их использования для выстраивания комплексной политики. Данная статья анализирует сильные и слабые стороны систем торговли квотами на выбросы (СТК) как инструмента прямого ценообразования на углерод – меры, которая, по мнению экспертов из международных организаций, а также академического сообщества необходима для достижения климатических целей.

Несмотря на то что углеродные налоги (вторая опция прямого ценообразования) проще для имплементации и администрирования, многие юрисдикции все равно делают выбор в пользу СТК. На выбор СТК как инструмента декарбонизации влияют несколько факторов: при оптимальном дизайне рыночный механизм обеспечивает экономическую эффективность снижения выбросов, есть потенциал для сопряжения в более крупные системы, вариативность и гибкость инструмента также может давать дополнительные преимущества, как, например, в Китае. Важную роль в выборе СТК играют особенности политического и административного устройства (ЕС, Германия, Великобритания, Калифорния), эффекты Киото, Брюсселя и ОЭСР (Мексика и другие юрисдикции).

Опыт уже реализуемых комплексных системных стратегий низкоуглеродного развития показывает, что не обязательно ставить СТК в центр, делая ее краеугольным камнем политики. Роль СТК в комплексе мер по декарбонизации может быть как центральной, так и вспомогательной или поддерживающей. СТК могут иметь различные цели и стимулировать не только непосредственное сокращение выбросов, но и технологическую трансформацию, энергетический переход.

Для России как для федеративного государства проведение пилотных проектов с разными инструментами ценообразования на углерод представляется оптимальным решением для ближайшего будущего и наполнения конкретными мерами Стратегии развития с низким уровнем выбросов парниковых газов.

Ключевые слова: системы торговли квотами на выбросы, ценообразование на углерод, политика низкоуглеродного развития, углеродный налог, китайская система торговли квотами, общеканадский подход к ценообразованию на выбросы углекислого газа, мексиканская пилотная система торговли квотами на выбросы

¹ Статья поступила в редакцию 01.08.2022.

Благодарности: статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Попова И.М. Место систем торговли квотами на выбросы в современном инструментарии политики низкоуглеродного развития // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 4. С. 62–94 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2022-04-03

Введение

Большинство ведущих экономик мира в последние три года объявили о намерении значительно сократить выбросы парниковых газов для обеспечения достижения Парижских целей. Конференция сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата в Глазго, которая состоялась в конце 2021 г., упрочила эту тенденцию: достижение углеродной нейтральности к середине века (2050–2070 гг.) было закреплено в качестве основной задачи для большого количества стран.

Принятие амбициозных целей ведущими экономиками, долгожданное согласование условий по ст. 6 Парижского соглашения, подтверждение целей по климатическому финансированию, новые обязательства по сокращению метана и инициатива по лесам, а также позитивные тенденции по выходу из экономического кризиса, спровоцированного пандемией коронавирусной инфекции, позволили с оптимизмом смотреть в будущее и надеяться, что страны будут усиливать свое национальное регулирование для достижения парижских целей. После официального закрепления климатических целей, как в рамках национально определенных вкладов, так и национальных стратегических документов, в ведущих экономиках интенсифицировался процесс формулирования политики низкоуглеродного развития, началась разработка ее инструментария. Как развитые, так и развивающиеся страны стали прорабатывать инициативы по введению или ужесточению различных ограничительных мер, без которых достижение климатических целей практически невозможно [de Mooij, Parry, Keen, 2012].

Геополитический и экономический кризис 2022 г. привел к беспрецедентному инфляционному давлению и усилению бюджетных ограничений, создавая угрозу снижения приоритетности политики декарбонизации и климатических амбиций в целом, а также отсрочки введения более жестких ограничительных мер. Развитые страны, располагающие большими финансовыми ресурсами, рассматривают энергетический переход как основу будущей энергетической безопасности и уже ввели ряд подобных механизмов, более жесткие ограничения рассматриваются как основа политики низкоуглеродного развития. При этом необходимость введения поддерживающих, компенсационных и перераспределительных мер для защиты наиболее уязвимых слоев населения становится все более очевидной и все чаще озвучивается как национальными правительствами, так и международными организациями. В развивающихся странах введение новых ограничений для достижения климатических целей в условиях растущей инфляции и бюджетного дефицита не будет позитивно встречено обществом и бизнесом, может создавать дополнительные барьеры для роста. Однако необходимость решения климатического кризиса для будущего экономического развития обеспечивает актуальность и неотложность декарбонизации, несмотря на существующие проблемы. В условиях растущих ограничений выбор инструментов климатической политики становится еще более сложной и важной задачей. Поэтому необходимо анализировать различные опции из инструментария политики низкоуглеродного развития,

понимать их сильные стороны и недостатки, а также потенциал их использования для выстраивания комплексной политики, включающей широкий набор мер для обеспечения декарбонизации при минимизации негативных эффектов.

В статье анализируется место систем торговли квотами на выбросы (СТК) в общем инструментарии декарбонизации экономики. СТК – довольно распространенный механизм для обеспечения сокращения выбросов, несмотря на очевидные ограничения и трудности в разработке, имплементации и обеспечении функционирования. Всего на данный момент запущены и функционируют 25 СТК различных уровней (национальная (EU ETS), национальные, региональные и городские), еще десять находятся в стадии разработки и 14 юрисдикций называют СТК как возможный инструмент климатической политики [International Carbon Action Partnership, 2022].

В России в 2021 г. была принята Стратегия социально-экономического развития с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г. В ней отмечается, что различные механизмы ценообразования для углерода будут рассматриваться как возможные составляющие национальной политики декарбонизации [Правительство Российской Федерации, 2021]. В 2021 г. также было объявлено о запуске пилотного проекта СТК на Сахалине, а в марте 2022 г. подписан специальный федеральный закон, который устанавливает правовые основы для проведения эксперимента и в других регионах [Российская газета, 2022]. Это сигнализирует о том, что данный инструмент имеет перспективы для введения в России и ему уделяется серьезное внимание.

Цель данной статьи состоит в определении факторов, которые обеспечивают выбор СТК в качестве инструмента политики, а также их общего места в политике низкоуглеродного развития в текущих условиях. Для этого автор сравнивает СТК и углеродный налог и выделяет преимущества и ограничения обоих инструментов, приводит краткий обзор действующих СТК, анализирует факторы, которые влияют на принятие решения об их введении, и рассматривает конкретные кейсы, которые показывают, какие преимущества могут давать СТК, как они встроены в общую политику декарбонизации или, как в случае с Австралией, почему в итоге было принято решение отказаться от имплементации. Европейская система торговли квотами на выбросы (EU ETS) по объективным причинам достаточно хорошо изучена и привлекает наибольшее внимание иностранных и российских исследователей [Башмаков, 2018; Кавешников, 2015; 2017; Дорошенко, Мингалева, 2020]. В данной статье акцент намеренно сделан на анализе других СТК, в том числе в развивающихся странах или принятых на региональном уровне, так как этот опыт может быть более релевантным.

Ценообразование на углерод как необходимый инструмент климатической политики

Ценообразование на углерод, согласно исследованиям международных организаций (МВФ [Parry, Black, Zhunussova, 2022], ОЭСР [Dellink et al., 2014], Всемирный банк [World Bank, 2022]), – наиболее эффективный инструмент для сокращения выбросов парниковых газов. В академическом сообществе существуют различные оценки эффективности и достаточности ценообразования как инструмента: одни авторы разделяют позицию международных институтов, подчеркивая необходимость сбалансированной политики, в которой ценообразование может быть как прямым, так и имплицитным [Dominioni, 2022], другие отмечают недостаточность ценообразования как единственного инструмента климатической политики [Rosenbloom et al., 2022].

Ряд исследователей анализируют имеющиеся данные по цене на углерод и приходят к выводу, что воздействие инструментов ценообразования ограничено, их нельзя признать по-настоящему эффективными [Green, 2021], а официальные данные по средней цене для юрисдикций, применяющих этот механизм, отличаются от реального уровня стоимости тонны выбросов, что, однако, не отменяет эффективности ценообразования при условии грамотной имплементации политики на национальном уровне и гармонизации на международном [Finch, van der Bergh, 2022]. В целом многие теоретические модельные исследования отмечают эффективность ценообразования. Те же работы, которые исследуют результаты функционирования существующих механизмов (*ex-post* анализ), часто отмечают ограниченную эффективность, причинами которой, как правило, является несовершенство дизайна и имплементации мер на практике.

Несмотря на существующие различия в оценках эффективности ценообразования как инструмента декарбонизации, международные организации в последние несколько лет активизировали усилия по продвижению необходимости введения прямой или имплицитной цены на углерод, а также фиксации для основных эмитентов ее минимального уровня.

В 2021 г. в рамках итальянского председательства в «Группе двадцати» МВФ и ОЭСР представили совместное исследование. В нем заявлено, что «для сдерживания роста температуры ниже 2°C к 2030 г. глобальная средняя цена на углерод должна составить 75 долл. США за тонну и продолжить расти далее» [IMF/OECD, 2021]. В исследовании отмечается, что цена на углерод может быть как явной (прямой), так и скрытой (имплицитной). Налоги на углерод и СТК приводят к установлению явных цен на углерод. Некоторые налоги на использование энергии, нормативные акты, препятствующие выбросам углерода, и субсидии на технологии или модели поведения с низким или нулевым уровнем выбросов углерода приводят к формированию имплицитной цены на углерод. Ключевая задача на национальном уровне – сбалансировать явное ценообразование на углерод и другие стимулирующие и поддерживающие инструменты, такие как льготы и нормативные акты, которые могут быть менее эффективными, но будут более приемлемыми для общества из-за их меньшего или менее прямого воздействия на цены на энергоносители.

Другие вспомогательные элементы политики, по мнению МВФ и ОЭСР, включают государственные инвестиции и технологическую политику; эффективное и справедливое использование доходов, получаемых от введения налогов или СТК; поддержку уязвимых домохозяйств, работников и регионов для обеспечения справедливости перехода; меры, направленные на повышение конкурентоспособности промышленности. При этом отмечается, что «явное ценообразование на углерод является единственным инструментом, который автоматически задействует все возможности для смягчения последствий и обеспечивает экономически эффективный баланс между принимаемыми мерами» [IMF/OECD, 2021].

Углеродный налог и СТК – базовые инструменты установления явной цены на углерод. В чистом виде углеродные налоги обеспечивают определенность цен на выбросы, в то время как объем выбросов определяется рыночными факторами. При введении СТК ситуация противоположная: закладывается гарантия сокращения определенного объема выбросов через установление верхнего порога (cap), в то время как стоимость разрешения на выбросы формируется в рамках рыночного процесса (trade). В отсутствие неопределенности ставка налога на выбросы углерода может быть установлена таким образом, чтобы вызвать такой же результат по сокращению выбросов, как и ограничение в рамках СТК, с учетом графика предельных затрат на борьбу с загрязнением окружающей среды – при одинаковой цене на углерод оба инструмента бу-

дут иметь одинаковый потенциал доходов (если квоты в рамках СТК будут продаваться на аукционе) [Parry, Black, Zhunussova, 2022].

Налоги на углерод, которые обычно находятся в ведении министерств финансов, легко администрировать. Они могут быть интегрированы в процедуры сбора существующих налогов на топливо и распространены на другие виды ископаемого топлива – большая часть правовой и административной инфраструктуры, необходимой для введения налогов на углерод, уже существует. СТК обычно находятся в ведении министерств охраны окружающей среды и, как правило, требуют более сложного управления и могут иметь более ограниченный охват. Эти схемы в основном применяются к крупным стационарным источникам в энергетическом и промышленном секторе. Для обеспечения функционирования СТК обычно создаются новые структуры для мониторинга выбросов и надзора за реестрами разрешений и рыночной торговлей. По этой причине СТК могут оказаться нежизнесспособными в странах с ограниченным институциональным потенциалом, прежде всего во многих развивающихся странах, или там, где рынок торговли разрешениями не будет достаточно насыщенным из-за ограниченного числа хозяйствующих объектов, попадающих под регулирование.

Внедрение поправок в нормы, регулирующие СТК, как правило, требует внесения изменений в законодательство, то есть предполагает длительный процесс уведомления и консультаций. Изменение ставок или охвата углеродного налога при этом может быть внесено в бюджет и соответствующий финансовый законопроект. Кроме того, МВФ отмечает, что доходы от налога проще перераспределять в экономической системе и тем самым поддерживать наиболее уязвимые слои населения и регионы [Parry, Black, Zhunussova, 2022]. В случае СТК прибыль от продажи разрешений также может перераспределяться, однако система будет эффективной только при условии наличия аукционов, что далеко не всегда реализуется в действующих схемах.

Таким образом, углеродные налоги проще ввести, корректировать и собирать, они создают меньшую административную нагрузку и не предполагают введения новых бюрократических институтов, обеспечивают предсказуемость стоимости выбросов для производителей. Это облегчает ведение хозяйственной деятельности, а при грамотном расчете размера налога позволяет достичь необходимого уровня выбросов. Однако многие юрисдикции на различных уровнях все равно делают выбор в пользу СТК, несмотря на гораздо более высокие трансакционные издержки.

Обзор действующих и планируемых к внедрению систем торговли квотами на выбросы

На данный момент действуют 25 СТК. Они покрывают 17% мировых выбросов парниковых газов: одна наднациональная (ЕС+ Исландия, Лихтенштейн и Норвегия), восемь национальных (Китай, Германия, Казахстан, Мексика, Новая Зеландия, Республика Корея, Швейцария, Великобритания), девять региональных (в Альберте, Британской Колумбии, Ньюфаундленде и Лабрадоре, Новой Шотландии, Квебеке, Саскачеване, Фуцзяне, Гуандуне, Хубэе, Массачусетсе, Калифорнии, Региональная инициатива по парниковым газам (RGGI) в США) и семь систем на уровне городов (в Пекине, Чунцине, Шанхае, Шэнъчжэне, Тяньцзине – перед запуском общенациональной системы торговли квотами в Китае, которые постепенно войдут в единую схему, а также в Токио и Сайтаме). Всего, по оценкам, схемы торговли квотами на выбросы ввели юрисдикции, отвечающие за 55% мирового ВВП [ICAP, 2022].

К концу 2021 г. СТК по всему миру в совокупности принесли в соответствующие бюджеты более 161 млрд долл. США [ICAP, 2022]. Раньше всего, в 2005 г., была запущена Европейская система торговли квотами на выбросы (EU ETS), которая с тех пор прошла несколько фаз развития с постепенным сокращением потолка выбросов, а также числа бесплатно распределяемых разрешений на выбросы и введением специального механизма для поддержания стабильности рынка, то есть уровня цен на разрешения. Именно она является главным источником эмпирических количественных данных для исследования эффективности СТК и ролевой моделью для имплементации и функционирования в других юрисдикциях [Borghesi, Montini, 2016]. Впоследствии некоторые члены ЕС (Германия, Австрия, потенциально Финляндия), а также покинувшая объединение Великобритания приняли решение ввести свои национальные СТК для определенных секторов. Также в 2019 г. был подписан договор о сопряжении европейской схемы со швейцарской (запущена в 2008 г.), можно ожидать сопряжения отдельной британской системы с EU ETS в будущем, так как принципиальных разногласий по этому аспекту политики ЕС не было. Кроме того, в Европе в настоящее время разрабатываются СТК на Украине и в Черногории, а также рассматривается возможность введения в Турции.

В Северной Америке действует одна национальная СТК – пилотный проект в Мексике. Он запущен в 2019 г. и должен полноценно заработать в 2023 г. Остальные схемы являются региональными и покрывают отдельные штаты, группы штатов (в RGGI входит 11 юрисдикций) или, в случае с Канадой, провинции. Есть действующие и проекты по сопряжению региональных схем (Калифорния и Квебек подписали соглашение о сопряжении своих систем в 2014 г.). Некоторые штаты США рассматривают перспективу присоединения к региональным инициативам (Пенсильвания готовится присоединиться к RGGI) или запуска своих схем (Вашингтон). Практически все схемы в Северной Америке оговаривают возможность сопряжения с другими СТК, что позволит расширять и насыщать рынок разрешений в случае положительного решения штатов или провинций.

В Южной Америке нет действующих СТК, однако идет работа над дизайном такой инициативы в Колумбии, то есть намерения закреплены в специальном документе, возможность введения этого инструмента рассматривают Чили, Бразилия.

В Азии действуют две национальные СТК – в Казахстане и Китае, а также схемы на уровне городов и провинций: несколько СТК в крупных китайских городах, в Токио и префектуре Сайтамы в Японии. В процессе разработки находятся СТК во Вьетнаме и Индонезии. Рассматривают возможность введения СТК Пакистан, Малайзия, Таиланд, Филиппины, Тайвань и Япония (запуск общенациональной системы). С 2008 г. функционирует система в Новой Зеландии. В Австралии была разработана своя СТК, однако в результате политической борьбы введение ее в действие было отменено и предложена альтернатива, подробнее об этом кейсе речь пойдет далее.

В Африке на данный момент существует только одна инициатива по ценообразованию на углерод – налог в ЮАР. Больше ни в одной национальной или региональной юрисдикции нет инициатив по установлению прямой цены на выбросы: ни на Севере материка, ни в странах, расположенных южнее Сахары. При этом в будущем именно развивающиеся страны Африки будут наращивать выбросы ввиду роста экономик, соответственно, важно прорабатывать национальные политики с учетом уровня развития и вызовов в каждой конкретной стране. Вероятно, следует начинать с инициатив имплицитного ценообразования, постепенно вводя меры прямого по мере роста экономики.

Систематизация ключевых параметров действующих систем торговли квотами представлена в Приложении (табл. П1).

Как видно из обзора, ряд стран и юрисдикций рассматривают возможность введения СТК на официальном уровне, а некоторые уже приступили к непосредственной разработке. При этом большинство из них относятся к группе стран с развивающейся экономикой. Для таких стран, по мнению некоторых экспертов, в том числе из МВФ, введение СТК является гораздо более сложной задачей, чем принятие углеродных налогов [Parry, Black, Zhunussova, 2022]. На данный момент из группы развивающихся стран и стран с переходными экономиками Китай и Мексика уже запустили пилотные и реально функционирующие проекты. Их опыт, особенно если он будет успешным, может побудить еще большее число юрисдикций внедрять СТК. Кроме того, существуют факторы, которые могут влиять на выбор в пользу СТК как инструмента политики декарбонизации.

Факторы, определяющие привлекательность систем торговли квотами на выбросы

Анализ действующих, а также планируемых к запуску систем торговли квотами СТК позволил выявить несколько факторов, которые определяют выбор этого инструмента. Первая группа факторов условно относится к самому механизму и его функционированию, вторая включает внешние условия и тренды, сформировавшиеся в международной системе и глобальной экономике.

Преимущества от устройства СТК

Рыночный механизм. Главным аргументом в пользу введения рыночного механизма в документах, описывающих дизайн и систему имплементации, большинство юрисдикций считают заложенный в суть его функционирования рыночный подход. Как мантра повторяется тезис о том, что СТК «позволяют сокращать выбросы там, где это делать дешевле», что обеспечивает большую экономическую эффективность, а также гибкость. В идеальных условиях, когда количество хозяйствующих объектов, затронутых регулированием, значительное, а большинство разрешений на выбросы распределается через аукционы, рыночный механизм действительно обеспечивает гибкость и полученный конкурентным путем уровень цены. Но для обеспечения эффективности СТК обязательно необходимо учитывать фактор количества участников рынка и способа распределения квот. Учитывая, что многие схемы предполагают бесплатную раздачу квот на первых этапах (либо полностью, либо для определенных секторов, подверженных риску углеродной утечки), рыночный подход не приводит к желаемым уровням цены и сокращения выбросов при неоптимальном дизайне СТК. Бесплатная раздача осуществлялась на первых этапах функционирования EU ETS, СТК Кореи, однако в некоторых юрисдикциях, например, в Германии и Калифорнии, аукционы предполагались с самого начала. Важно отметить, что Германия к моменту запуска национальной СТК уже имела большой опыт работы общеевропейской системы, а в Калифорнии механизм Cap-and-Trade начал внедряться как инструмент экологической политики еще до принятия Киотского протокола и стал одним из первых успешных кейсов практической реализации данного подхода, поэтому можно сказать, что СТК не вводились там с нуля.

Возможность сопряжения. Вторым часто упоминаемым преимуществом СТК является возможность сопряжения различных схем в более крупные системы. Существует

потенциал создания по-настоящему глобального рынка разрешений, что стабилизирует цену, обеспечит ее предсказуемость, а также усилит возможность снижать выбросы в тех юрисдикциях, где это сделать дешевле [Dellink et al., 2014]. В перспективе сопряжение национальных или региональных систем в большие рынки действительно могло бы принести большие преимущества покупателям квот, а также позволило бы установить рыночный уровень цены для большого количества юрисдикций [PMR, 2014]. Но для реализации такого проекта на глобальном уровне необходимо, чтобы СТК в разных странах или регионах были максимально унифицированы. Добраться этого в условиях различий в правовых, экономических и политических системах разных юрисдикций практически невозможно. Кроме того, практически невозможно добиться более или менее равного уровня амбиций и климатических целей, что максимально затрудняет сопряжение [Verde et al., 2020]. На данный момент удачные примеры сопряжения отдельных СТК – это объединение EU ETS и СТК Швейцарии, а также систем Cap-and-Trade в Калифорнии и Квебеке. Для более маленьких СТК, например, на уровне городов или регионов, возможность сопряжения является важным аргументом, так как позволяет вводить ценообразование постепенно, начиная с наиболее готовых акторов, которые потом могут объединять свои СТК в более крупные схемы.

Сложившиеся тренды в мировой экономике и политике, влияющие на выбор в пользу СТК

Кроме характеристик, заложенных непосредственно в механизм функционирования СТК, сложился ряд факторов, которые в значительной степени влияют на выбор в пользу этого инструмента политики декарбонизации.

Особенности политических и правовых систем. Налоги традиционно играют значительную роль в политическом процессе, отношение к ним часто определяет электоральное поведение, а иногда и протестную активность (например, движение желтых жилетов во Франции). Введение новых налогов часто воспринимается негативно. Введение СТК, особенно с изначальным бесплатным распределением разрешений на выбросы, дает хозяйствующим объектам большую гибкость, возможность постепенно подстраиваться и модернизировать производство.

В некоторых случаях выбор в пользу СТК определяется особенностями правового или политического устройства юрисдикции. Например, сфера налогообложения в ЕС не была полностью коммунитаризирована, поэтому для принятия общеевропейского налога на выбросы потребовался бы полный консенсус в органах ЕС, прежде всего в Совете. Для принятия решения о введении EU ETS хватило квалифицированного большинства, добиться которого гораздо проще. Аналогичным образом в Калифорнии принятие системы Cap-and-Trade было более реально, поскольку для ее утверждения необходима поддержка половины представителей законодательного органа, в то время как для введения углеродного налога понадобилось бы одобрение двух третей [Parry, Black, Zhunussova, 2022]. Сильный федерализм в США в целом также определяет самостоятельность штатов в принятии решений, особенно в сфере налогообложения. Поэтому каждый субъект сам решает, какие инструменты политики декарбонизации он вводит. Унификация на федеральном уровне потребует беспрецедентного консенсуса, которого сложно ожидать в обозримом будущем.

В Германии тоже существуют определенные конституционные ограничения на введение новых налогов, поэтому был сделан выбор в пользу национальной СТК для зданий и транспорта, которая уже запущена. Интересно посмотреть, как она будет относиться с общеевропейской СТК для этих секторов в случае одобрения законопро-

екта, представленного в рамках пакета Fit for 55². В Великобритания есть определенные особенности территориального устройства: уровни выбросов определяются для конкретных входящих в состав земель, но британское правительство отвечает за введение фискальных инструментов, поэтому СТК рассматривалась как более соответствующая существующей институциональной структуре. Важным фактором была и преемственность для фирм, привыкших к участию в EU ETS.

Эффект Киото. Следующий важный фактор, который влияет на выбор в пользу СТК, – это своего рода эффект колеи от реализации Киотского протокола и его механизмов. Киотский протокол был принят 11 декабря 1997 г. Из-за сложного процесса ратификации он вступил в силу 16 февраля 2005 г. Протокол стал важнейшим достижением в развитии глобального климатического регулирования, прорывом в совместных международных усилиях по борьбе с изменением климата и на продолжительный период определил режим управления в данной сфере, несмотря на то, что некоторые важные эмитенты так и не ратифицировали договор, и функционирование его механизмов не было беспроблемным.

Киотский протокол закрепил принцип Cap-and-Trade в качестве основного механизма снижения выбросов. Согласно Протоколу, страны должны были достигать своих целевых показателей в основном за счет национальных мер. Однако он также предлагал им дополнительные средства для достижения целевых показателей с помощью трех рыночных механизмов: международная торговля квотами на выбросы, механизм чистого развития, совместное осуществление [UNFCCC, 1997]. Эти механизмы в идеале должны были поощрять сокращение выбросов парниковых газов там, где это наиболее экономически эффективно, например, в развивающихся странах. Реализация проектов в рамках механизмов Киотского протокола позволила накопить определенный опыт как развитым, так и развивающимся странам, а реальная апробация принципа Cap-and-Trade сделала его понятным для лиц, принимающих решения, и бизнеса. Разработка первых СТК шла параллельно с реализацией Киотского протокола (ЕС, Швейцария, Новая Зеландия). Отсылки к Протоколу есть в документах, учреждающих СТК в ЕС, Швейцарии, Новой Зеландии, Мексике, упоминание содержалось в отмененном проекте в Австралии.

США так и не ратифицировали Киотский протокол, хотя основополагающий принцип Cap-and-Trade был разработан именно там. Но внутри страны были успешные кейсы имплементации принципа: Clean Air Act (1977), Clean Air Act (1980) в части, посвященной борьбе с кислотными дождями. Поэтому для тех штатов, которые в целом готовы вводить климатическое регулирование, СТК представляются наиболее эффективным и привычным инструментом.

Эффект Брюсселя. Европейский союз позиционирует себя как лидера международной борьбы с изменением климата. Своим примером, а также принятием правовых норм с экстерриториальным действием он стремится побудить остальных акторов к более амбициозной политике [European Commission, 2019]. Климатическое регулирование является одной из сфер, которую приводят в качестве иллюстрации так называемого эффекта Брюсселя, который заключается в «экстернализации европейских норм и стандартов» за пределы Евросоюза [Bradford, 2012]. Используя привлекательность своего рынка, более высокие стандарты, принцип приоритета защиты потребителей и граждан, а также опытную бюрократию, ЕС напрямую и косвенно влияет на разработку климатической политики в странах-партнерах, а также на международный

² Пакет законодательных инициатив, представленный Комиссией в июле 2021 г. Он направлен на достижение целей «Зеленой сделки».

режим регулирования в этой сфере. В случае с СТК ЕС напрямую не заставляет других акторов вводить схемы, подобные своей. Неизбежным введение торговли квотами на выбросы становится только для кандидатов на вступление в ЕС, так как это упростит интеграцию в европейскую климатическую политику в будущем. Поэтому в настоящий момент Украина и Черногория разрабатывают свои СТК, а Турция рассматривает этот механизм как возможный.

Большую роль в распространении СТК играет накопленный опыт ЕС и его стремление содействовать внедрению подобных систем в других странах. В рамках непосредственного двустороннего сотрудничества разрабатывались СТК для Кореи (предоставление технической помощи), Китая и Австралии. Также ЕС – активный участник двух международных платформ, которые содействуют в развитии СТК во всех желающих юрисдикциях: Международного партнерства по разработке действий в сфере сокращения выбросов углерода (International Carbon Action Partnership) и Партнерства для обеспечения готовности к рынку (Partnership for Market Readiness). Эти две платформы, поддерживаемые другими международными институтами, прежде всего Всемирным банком, аккумулируют экспертизу в сфере разработки, имплементации и администрирования СТК. Опыт всех действующих СТК анализируется в рамках этих структур, на основании выводов формулируются конкретные практические рекомендации по поддержанию СТК на всех этапах функционирования от изначального проекта до реформы, как в случае с EU ETS. Соответственно, юрисдикции, которые принимают решение внедрять СТК, получают информационную и экспертную поддержку от ЕС как напрямую, так и через международные платформы, где он является одним из главных акторов.

Эффект ОЭСР. Членство в ОЭСР также можно считать одним из факторов, которые влияют на принятие решения о введении СТК. Большинство действующих СТК находятся в юрисдикциях, которые входят в эту организацию. ОЭСР – один из главных сторонников рыночных механизмов ценообразования на углерод и продвигает идею об их экономической эффективности. Экспертные группы ОЭСР регулярно выпускают публикации, подсвечивающие преимущества рыночного подхода, возможностей сопряжения отдельных систем в более крупные углеродные рынки. При этом среди ведущих международных организаций есть консенсус относительно того, что ценообразование является необходимым элементом любой эффективной климатической политики, но нет единодушия в отношении лучшего инструмента. Всемирный банк активно участвует в Партнерстве для обеспечения готовности к рынку, также выпускает ежегодный анализ ценообразовательных механизмов в целом, включая налоги. МВФ, пожалуй, – главный рупор необходимости введения цены на выбросы любым доступным, но эффективным способом. В июле 2022 г. они представили рабочий документ, в котором доказываются преимущества налога, публикация отмечает множество недостатков и ограничений СТК. ОЭСР же пока остается сторонником рыночного подхода.

Недостатки СТК как преимущества. Еще одним фактором, который может влиять на выбор в пользу СТК, является их гибкость, продолжительные сроки разработки, возможность поэтапной имплементации, а также ведения активной деятельности без начала непосредственного ценообразования. Принятие решения о разработке СТК подает сигнал о том, что юрисдикция серьезно относится к своим климатическим обязательствам и готова вводить ограничительные меры в виде прямого ценообразования. Это важный имиджевый аспект, позволяющий в некоторых случаях снять обвинения в нежелании выполнять цели по выбросам, а в других стать более привлекательным и ответственным актором в глазах потенциальных инвесторов, например, в энергетический переход. Необходимость создавать институты для верификации, надзора, рыноч-

ные структуры для покупки разрешений на выбросы позволяет растянуть во времени непосредственное начало ценообразования и введения дополнительных издержек для бизнеса, дает время подстроиться. Выбор определенных секторов, размеров предприятий, способа установления потолка выбросов, возможность бесплатного распределения разрешений в различных объемах дают максимальную гибкость на первых этапах внедрения СТК. Все эти факторы негативно влияют на эффективность непосредственного снижения выбросов, что плохо для достижения Парижских целей, но зато позволяют постепенно вводить ценообразование в тех юрисдикциях, которые не готовы к решительным мерам.

СТК Мексики как иллюстрация эффектов Киото, Брюсселя и ОЭСР

Мексика – самый яркий пример сочетания эффекта Киото, Брюсселя и ОЭСР. На момент запуска пилотного проекта по СТК в стране уже действовал углеродный налог, однако было решено, что торговля разрешениями на выбросы тоже должна стать важным инструментом реализации Общего национального закона о климате после внесенных в 2018 г. поправок [Gonzalez, 2021]. При разработке СТК главными помощниками и наставниками Мексики были Партнерство для обеспечения готовности к рынку во главе с Всемирным банком, которое предоставляет системную поддержку и финансирование для развития технического и институционального потенциала и пилотирования новых рыночных инструментов [World Bank, 2021], Немецкое агентство международного сотрудничества, которое предоставляло техническую помощь и делилось опытом разработки и внедрения EU ETS [Lucatello, 2022], а также объединенные СТК Калифорнии и Квебека.

Первая фаза функционирования рассчитана на три года, два года будут считаться пилотными, а третий – переходным к полностью функционирующей СТК, полноценный запуск которой запланирован на 2023 г. Чтобы облегчить включение мексиканской промышленности в этот новый инструмент и выполнить условия Конгресса (пилотная программа не должна иметь экономических последствий), было решено, что распределение квот в ходе пилотной программы будет бесплатным, основанным на исторических выбросах и климатических целях страны.

В июне 2018 г. Мексика завершила первое моделирование СТК, в котором приняли участие более 100 мексиканских предприятий (из различных секторов: электроэнергетика, углеводороды, авиационная химия, нефтехимия, сталь, горнодобывающая промышленность, автомобилестроение, цемент, бумага, лесная промышленность, стекло, продукты питания, строительство, потребительские товары и финансы), которые вместе отвечают за 67,8% выбросов углерода в стране. На основе информации, полученной в ходе моделирования, участники принимают решения о стратегиях реализации управления выбросами углерода для достижения нормативных целей и обеспечения экономической эффективности [Prat, 2020].

В ноябре 2019 г. Министерство окружающей среды и природных ресурсов Мексики (SEMARNAT) установило предельный объем выбросов для предстоящего пилотного этапа СТК на 2020 и 2021 гг. – 271,3 млн квот на выбросы [Ibid.].

Пилотная программа будет охватывать прямые выбросы CO₂, составляющие примерно 45% от общего объема, от 300 предприятий с годовыми выбросами более 100 тыс. тонн CO₂. Пилотная программа не будет иметь экономического воздействия на регулируемые организации и направлена на тестирование дизайна системы, создание

потенциала в области торговли выбросами и референтной стоимости для квот на выбросы и компенсаций на этапе эксплуатации [Prat, 2020].

Таким образом, Мексика воспользовалась экспертным потенциалом и технической помощью ЕС, Германии, Всемирного банка и ОЭСР для разработки собственной СТК и запуска ее пилота. Довольно значительная роль добычи углеводородов в экономике не стала препятствием к разработке и введению сначала налога, а затем и пилотной СТК. Не все страны и юрисдикции готовы на это пойти, даже имея максимальную экспертную и финансовую поддержку от партнеров.

Политические факторы против СТК и эффектов Киото, Брюсселя и ОЭСР: провал проекта по внедрению СТК в Австралии

Как отмечалось ранее, для многих юрисдикций, которые в итоге сделали выбор в пользу СТК, важным фактором стало более вероятное продвижение инструмента через политический и законодательный процесс. Однако в Австралии именно политические разногласия между партиями привели к отказу от уже разработанного и готового к запуску проекта, который не только должен был запустить торговлю квотами, но и практически сразу объединиться с европейской EU ETS. Правда, в данном случае выбор не был сделан и в пользу налога, так как неготовность вводить ограничительные инструменты в стране со значительной ролью углеводородов в экономике оказалась сильнее, чем стремление вводить эффективные меры для обеспечения декарбонизации.

Победа лейбористов на федеральных выборах в Австралии 24 ноября 2007 г. привела к значительному изменению политики страны в области изменения климата. Правительство Радда немедленно ратифицировало Киотский протокол и подтвердило свое намерение ввести Национальную схему торговли выбросами, которая должна была начать действовать в 2010 г. [Wilder, Fitz-Gerald, 2008]. В июле 2008 г. правительство Австралии предложило Схему снижения загрязнения углеродом (CPRS), которая обозначила первоначальные рамки для создания австралийской системы торговли квотами на выбросы. Предполагалось, что СТК охватит 767 объектов, на которые приходится 80% выбросов парниковых газов в Австралии. Парламент представил три законопроекта по CPRS в мае 2009 г., октябре 2009 г. и в феврале 2010 г. Первые два законопроекта были приняты Палатой представителей, но не получили одобрения Сената. Последний законопроект был внесен в Сенат в феврале 2010 г., но в сентябре того же года его рассмотрение прекратилось, так как началась новая парламентская сессия [EDF, 2015].

В сентябре 2011 г. бывший премьер-министр Джул lia Гиллард представила пакет законов «Будущее чистой энергии». В ноябре 2011 г. он был принят. Закон о чистой энергии как часть пакета мер ввел механизм ценообразования на углерод. Он вступил в силу 1 июля 2012 г., но был отменен через два года после смены правительства. Вначале проект предусматривал фиксированную цену на углерод, по которой можно было купить разрешения у правительства. Она должна была стать основой для разработки австралийской СТК, которую планировалось создать в 2015 г. [Ibid.]. Фиксированная цена на углерод была первоначально установлена на уровне 23 австралийских долл. за тонну CO₂e и увеличивалась на 2,5% в год (в реальном выражении). После перехода от фиксированной цены к СТК предполагалось установить связь с EU ETS 1 июля 2015 г. Она должна была охватить около 60% выбросов ПГ в Австралии и пять основных сек-

торов: энергетику, нефть и газ, промышленные процессы, процессы летучих выбросов и отходы. Однако после победы либерально-национальной коалиции на парламентских выборах в сентябре 2013 г. премьер-министр Тони Эбботт объявил, что Закон о чистой энергии 2011 г. будет отменен вместе с введением цены на углерод и запланированной СТК. Отмена была принята Палатой представителей в ноябре 2013 г. и Сенатом в июле 2014 г. [EDF, 2015].

Вместо более эффективного механизма ценообразования, который встретил столь сильное сопротивление, была введена стимулирующая мера, до сих пор являющаяся одним из главных инструментов климатической политики Австралии. Фонд по сокращению выбросов (ERF) создан для финансового стимулирования сокращения выбросов посредством инвестиций в более эффективные технологии. ERF охватывает проекты из разных секторов: сельское хозяйство, строительство, электроэнергетика, сжигание топлива, лесное хозяйство, промышленность, транспорт и отходы. Фонд предоставляет предприятиям возможность заработать австралийские углеродные кредитные единицы за каждую тонну эквивалента двуокиси углерода, которую предприятие сокращает или избегает выбросов благодаря внедрению новых методов и технологий.

Таким образом, попытка ввести ценообразование на углерод в Австралии провалилась из-за политического давления, вместо него была введена стимулирующая мера, которая пытается использовать общепринятые концепции углеродных единиц, но вряд ли будет достаточна для достижения Австралией углеродной нейтральности к 2050 г.

Система торговли квотами на выбросы в Китае как иллюстрация гибкости инструмента

Введение более жестких ограничительных мер самыми крупными эмитентами необходимо для достижения парижских целей. Особенно важно развитие инструментов регулирования для обеспечения сокращения выбросов в ведущих развивающихся странах, экономический рост которых будет сопряжен с увеличением углеродоемкости, если не будут созданы стимулы к декарбонизации. Поэтому запуск китайской СТК потенциально может стать важным шагом не только для достижения национально определенного вклада Китая и углеродной нейтральности к 2060 г., но и на пути к глобальному сокращению выбросов. Выбор рыночного механизма, разработанного с учетом особенностей экономики, без копирования существующих схем, позволяет Китаю двигаться в своем темпе к поставленным целям. Возможность выбора различных параметров СТК – секторов, способа определения потолка выбросов, распределения разрешений, темпов имплементации и других – во многом определила выбор в пользу этого инструмента. Текущий дизайн общекитайской СТК далек от оптимального с точки зрения обеспечения уровня цены, покрытия секторов, контроля за соответствием нормам выбросов, а также определения целевого количества выбросов, однако создает потенциал для развития схемы в будущем.

Прежде чем принять решение о создании общекитайской СТК, в стране с 2013 г. были запущены несколько pilotных проектов в крупных городах и провинциях: Фуцзяне, Гуандуне, Хубэе, Пекине, Чунцине, Шанхае, Шэнъянже, Тяньцзине. Они были признаны успешными и в 2017 г. было принято решение о введении системы, покрывающей всю страну. Национальная схема торговли квотами на выбросы Китая начала действовать в 2021 г.: более 2 тыс. крупных эмитентов в энергетическом секторе были обязаны отчитаться о своих выбросах, произведенных в 2019 и 2020 гг.

В настоящее время в сферу действия СТК входят годовые выбросы в объеме около 4,5 млрд тонн CO₂ в год, что составляет около 40% от общего объема выбросов в Китае [Tan, 2022]. В отличие от аналогичных схем в других странах, например, в Европейском союзе, в Китае распределение квот на выбросы не определяется заранее с помощью абсолютного лимита, а основывается на интенсивности выбросов. Все охваченные компании получают квоты на выбросы бесплатно. Распределение основано на методе национального бенчмаркинга, при котором рассчитывается средняя углеродоемкость ключевых секторов и продуктов и сравнивается с углеродоемкостью отдельных эмитентов. Каждому эмитенту будут выделены квоты, равные его проверенным выбросам. Учитывая такой подход, национальная схема Китая не соответствует пока принципу Cap-and-Trade, так как предел выбросов не определен [Roldao, 2022].

До сих пор активность была ограниченной: в 2021 г. в рамках СТК было продано в общей сложности 412,05 млн тонн квот, включая квоты по региональным пилотным схемам и внутренние компенсационные меры. Однако медленное начало – не редкость: в 2005 г., в первый год торговли, в EU ETS был продан 321 млн квот, но к 2021 г. этот показатель превысил 12 млрд [Tan, 2022].

Китайские пилотные СТК продолжили работать параллельно, но объемы торговли сократились, поскольку эмитенты энергетического сектора все больше обращались к национальной системе. Интересно отметить, что все пилотные проекты региональных систем торговли выбросами в Китае включают косвенные выбросы, связанные с потреблением электричества и тепла. Такая схема обусловлена в основном двумя соображениями. Во-первых, поскольку диспетчерские и розничные цены на электричество и тепло сильно зарегулированы, существует лишь слабый ценовой сигнал для потребителей, стимулирующий экономию спроса. Включение косвенных выбросов направлено на создание стимулов для крупных потребителей к ограничению потребления электроэнергии. Во-вторых, поскольку пилотные проекты системы торговли выбросами применяются только в определенных провинциях и муниципалитетах, охват косвенных выбросов гарантирует, что выбросы, связанные с электричеством и теплом, которые потребляются на местном уровне, но импортируются из других регионов, будут в равной степени учитываться в системе торговли выбросами. Масштабы импорта могут быть значительными: потенциально до 80% выбросов, связанных с продуктами, потребляемыми в прибрежных районах, производятся в других местах [IEA, 2020].

По итогам первого года функционирования были достигнуты следующие результаты. Квоты на выбросы в конце 2021 г. стоили 54,22 юаня (8,52 долл. США) за тонну, что на 13% выше цены открытия 16 июля. С учетом биржевых и внебиржевых торгов средневзвешенная цена квот в 2021 г. составила 43,85 юаня (6,89 долл. США) за тонну. В общей сложности 179 млн тонн квот перешли из рук в руки за 114 торговых дней 2021 г. Из них 148 млн тонн (83%) были внебиржевыми [Tan, 2022].

Важным отличием китайской СТК является то, что она стимулирует использование более эффективных угольных электростанций вместо менее эффективных. Распределение на основе интенсивности не создает явного стимула для перехода с угля на возобновляемые источники. Поэтому китайская СТК, скорее всего, будет способствовать более раннему закрытию неэффективных угольных станций, которые уже работают на низких мощностях. Это, наоборот, может повысить рентабельность угольной энергетики в целом, поскольку в настоящее время существует значительное перекрестное субсидирование, которое будет сокращено [Roldao, 2022].

Отсутствие стимула для перехода с угля на возобновляемые источники энергии объясняется тем, что ограничение на основе интенсивности просто стимулирует бо-

лее эффективные угольные станции по сравнению с менее эффективными. Уголь будет производить тот же общий объем электроэнергии, что и без СТК, но повышение эффективности приведет к снижению общих выбросов. При абсолютном ограничении, напротив, каждая тонна углерода, превышающая установленный предел, влечет за собой финансовый штраф [Roldao, 2022].

Одна из ключевых задач китайской СТК заключается в повышении качества учета и отчетности по выбросам ПГ. Это поможет политикам прогнозировать и контролировать прогресс в достижении климатических целей Китая. Однако в китайской системе применяется иной подход к мониторингу, отчетности и проверке (MRV) выбросов по сравнению с другими рынками. В Европе проверка выбросов поручается сторонним аудиторам; в Китае Министерство экологии и окружающей среды поручает проверку провинциальным государственным управлениям по экологии и окружающей среде, которые должны проводить проверки отчетов о выбросах, представленных компаниями, и требовать от тех, чьи данные вызывают сомнения, проведения проверки третьей стороной. Технический потенциал этих бюро вызывает вопросы, а кроме того, большинство эмитентов принадлежат государству, то есть возможны проблемы, связанные с конфликтом интересов [Ibid.].

На момент написания статьи общекитайская СТК пока еще далека от оптимального дизайна, который позволяет создавать стимулы для максимальной декарбонизации, энергетического перехода и технологической трансформации, но все равно является важным инструментом национальной политики низкоуглеродного развития, а также усилием по достижению глобальных целей с учетом значимости Китая как эмитента [Nogrady, 2021]. Некоторые пилотные проекты в стране, которые действуют гораздо дольше, имеют более строгие требования, например, минимум и максимум цены в Пекинской СТК, а также распространяются на промышленный сектор, а не только на энергетический. В дальнейшем важно внедрить успешный опыт региональных систем в национальную, не растеряв их преимуществ в процессе перемещения основной торговли квотами в общенациональную систему. Успех китайской СТК может стать настоящим прорывом в применении ценообразования на углерод и сделать эту практику более приемлемой для развивающихся стран, так как эта незападная модель более близка им по сравнению с продвинутой и давно сформированной EU ETS.

СТК в системе мер по обеспечению декарбонизации Канады

В тех юрисдикциях, где СТК являются общенациональными или, как в случае с ЕС, наднациональными, они чаще всего становятся центральным элементом политики декарбонизации, ее краеугольным камнем (как называет свою систему торговли квотами на выбросы ЕС). Однако вовсе не обязательно ставить СТК в центр политики, не предоставляя альтернатив. Важным примером того, как СТК может быть встроена в общую политику декарбонизации, не становясь при этом ее основой и главным инструментом, является Канада.

Предоставляя различные опции своим регионам и вводя другие важные элементы политики низкоуглеродного развития, Канада делает климатическую политику максимально гибкой и вариативной, обеспечивая при этом необходимый минимальный уровень цен на углерод. В Канаде провинции и территории имеют высокий уровень автономии и ответственности в принятии политических решений, в том числе в отношении окружающей среды и энергетики. В Законе о ценообразовании на выбро-

сы парниковых газов федеральное правительство Канады разработало политику резервного ценообразования на углерод, которая предписывает минимальный эталон ценообразования на углерод (с точки зрения строгости и охвата), но предоставляет субнациональным правительствам гибкость в определении инструмента (например, углеродный налог или система торговли выбросами) [IEA, 2020]. Любая юрисдикция, не достигшая контрольного показателя, будет по умолчанию подвергаться регулированию, состоящему из углеродного налога для транспортного и строительного секторов (так называемый компонент «топливного сбора») и системы распределения квот на выбросы на основе результатов (benchmarking) для электроэнергетики и промышленности [IEA, 2020]. Ключевое преимущество данного подхода состоит в том, что он обеспечивает минимальный ориентир цены на углерод по всей стране, позволяя при этом субнациональным правительствам разрабатывать и управлять собственной политикой ценообразования на углерод.

Квебек, Онтарио и Новая Шотландия выбрали СТК в качестве основного инструмента ценообразования на углерод, однако в 2018 г. Онтарио приостановила действие своей схемы. В 2013 г. в Квебеке начала действовать система Cap-and-Trade для снижения затрат на сокращение выбросов парниковых газов. Квебек является членом Западной климатической инициативы (WCI) с 2008 г. и официально объединил свою систему с калифорнийской в 2014 г. Система охватывает выбросы от сжигания топлива в энергетике, зданиях, транспорте и промышленности, а также выбросы от промышленных процессов, всего покрывает 80% выбросов провинции [ICAP, 2022]. В 2021 г. средняя цена за разрешение на выбросы составила 22 долл. США, продажа принесла в бюджет 4,53 млрд долл. США с момента начала реализации программы.

Программа квотирования и торговли Новой Шотландии устанавливает ограничение на общее количество выбросов парниковых газов, разрешенных в охватываемых секторах провинции на 2019–2022 гг. Окончательные правила программы квотирования и торговли были приняты в ноябре 2018 г. Программа регулирует промышленность, энергетику, теплоснабжение (здания) и транспорт и охватывает более 80% выбросов ПГ в Новой Шотландии. Программа Новой Шотландии была создана для соответствия установленному на федеральном уровне контролльному показателю, введенному в Панканадской рамочной программе по чистому росту и изменению климата. В мае 2018 г. Новая Шотландия стала членом Западной климатической инициативы (WCI), которая предоставляет технические услуги и поддержку для программы Cap-and-Trade провинции. Она не связана с какими-либо юрисдикциями.

Хотя ценообразование на углерод – важнейший элемент плана Канады по обеспечению чистого роста и климата, тем не менее это не единственная политическая мера для сокращения выбросов парниковых газов, поскольку для этого потребовалась бы очень высокая цена на углерод. Дополнительные меры, такие как стандарт чистого топлива, нормы по метану и поэтапный отказ от угля, имеют важное значение для борьбы с выбросами, которые не покрываются ценообразованием на углерод, и могут помочь сделать ценообразование на углерод более эффективным.

Таким образом, канадская модель может рассматриваться другими федеративными государствами или странами с сильными регионами как возможная опция построения гибкой политики декарбонизации. В отличие от США, где только штаты определяют свои цели и инструменты без согласования на федеральном уровне, в Канаде все равно вводится регулирование, обеспечивающее предусмотренный уровень цены. Но свобода выбора инструмента делает политику более приемлемой для отдельных субъектов. Интересным этот опыт может быть и для России.

Выводы: СТК как инструмент политики низкоуглеродного развития в новых условиях

Замедление общего экономического роста и сокращение доходов в некоторых странах, беспрецедентное инфляционное давление и растущие бюджетные ограничения ставят под угрозу приоритетность внедрения мер по декарбонизации экономики. Однако неотложность решения климатического кризиса все равно заставляет страны формировать свой инструментарий политики низкоуглеродного развития. Введение ценообразования на углерод неизбежно, если юрисдикция стремится к достижению поставленных климатических целей, поэтому на определенном этапе развития придется как минимум рассматривать вопрос о необходимости введения тех или иных механизмов.

Системы торговли квотами на выбросы – сложные механизмы, их разработка требует существенных финансовых, административных и трансакционных издержек, а эффективное функционирование – достаточного количества участников рынка, грамотного уровня потолка выбросов, продуманной системы распределения квот. Для развитых стран задача по разработке, внедрению и поддержанию СТК может оказаться вполне посильной. Они могут быть привлекательны для стран и юрисдикций, в которых фискальная система и ее реформа слишком сложная или требует значительной, почти консенсусной поддержки введения налога. Практика показывает, что для федеративных государств выбор СТК на уровне отдельных субъектов тоже может быть более предпочтительной опцией, позволяющей учесть интересы регионов.

Для развивающихся стран, в которых текущие условия экономического и геополитического кризиса являются еще более ощутимыми ограничениями, введение углеродного налога проще и поэтому предпочтительнее. Доходы от налогов идут непосредственно в бюджет и могут более эффективно перераспределяться для поддержки наиболее уязвимых слоев населения, также вся необходимая административная инфраструктура для сбора уже существует, не придется расширять бюрократический аппарат. При этом если страна все же делает выбор в пользу СТК, она может обратиться к международным организациям и ЕС за поддержкой, как это сделали Мексика и Китай. Также множество опций дизайна систем позволяет спроектировать ее с учетом всех национальных особенностей. Возможно, такие системы неоптимальны с точки зрения сокращения выбросов, но, по крайней мере, могут дать время подстроиться, запустить систему и в итоге стать вторым наилучшим выбором.

Опыт уже реализуемых комплексных системных стратегий низкоуглеродного развития показывает, что необязательно делать СТК краеугольным камнем политики. У ЕС фактически нет другого варианта для обеспечения ценообразования на уровне всего союза, поэтому EU ETS является главным инструментом. В Канаде, которая может позволить себе большую гибкость, СТК представляется как опция, которую желающие регионы могут выбрать для реализации. Такой подход при наличии какого-то общего знаменателя может быть более приемлемым для сложно устроенных государств. Поэтому роль СТК в комплексе мер по декарбонизации может быть как центральной, так и вспомогательной или поддерживающей. Кроме того, она может иметь различные цели и стимулировать не только непосредственное сокращение выбросов, но и технологическую трансформацию, энергетический переход.

Для России как для федеративного государства проведение пилотных проектов с разными инструментами ценообразования на углерод представляется оптимальным решением для ближайшего будущего и наполнения конкретными мерами Стратегии

развития с низким уровнем выбросов парниковых газов. Главным критерием для системы ценообразования должна быть ее простота и прозрачность [Макаров, Степанов, 2017]. Внедрение pilotных СТК в некоторых субъектах с достаточным количеством акторов для функционирования рынка и развитой бюрократией и тестирование налогов в других, меньших по размеру, представляется хорошим решением в кратко- и среднесрочной перспективе. В долгосрочной перспективе возможна реализация подхода, близкого к канадскому, в котором на национальном уровне устанавливаются требования по покрытым секторам, строгости регулирования, а субъекты уже сами решают, каким способом лучше вводить цену на углерод.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Башмаков И.А. (2018) Эффективность европейской системы торговли квотами на выбросы ПГ и ее эволюция // Экологический вестник России. Режим доступа: http://www.cenef.ru/file/Bashmakov_25.pdf (дата обращения: 26.07.2022).
- Дорошенко С.В., Мингалева А.Д. (2020) Углеродные биржи: европейский опыт развития механизма торговли разрешениями на выбросы // Финансовый журнал. Т. 12. № 4. С. 52–68. doi: 10.31107/2075-1990-2020-4-52-68.
- Кавешников Н.Ю. (2015) Стратегия ЕС в области климата и энергетики // Современная Европа. Т. 1(61). С. 93–103. doi: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope1201593103>.
- Кавешников Н.Ю. (2017) Создание системы торговли выбросами парниковых газов ЕС: кто определил дизайн // Современная Европа. 6 (78). С. 58–69.
- Макаров И.А., Степанов И.А. (2017) Углеродное регулирование: варианты и вызовы для России // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. № 6. С. 3–22.
- Правительство Российской Федерации (2021) Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/ADKkCzp3fWO32e2yA0BhtIpyzWfHaiUa.pdf> (дата обращения: 26.07.2022).
- Российская газета (2022) Федеральный закон от 6 марта 2022 г. N 34-ФЗ «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации». Режим доступа: <https://rg.ru/documents/2022/03/11/parnik.html> (дата обращения: 26.07.2022).
- Borghesi S., Montini M. (2016) The Best (and Worst) of GHG Emission Trading Systems: Comparing the EU ETS with Its Followers // Frontiers in Energy Research. Vol. 4. doi: 10.3389/fenrg.2016.00027.
- Bradford A. (2012) The Brussels Effect, 107 NW. U. L. REV. 1. Режим доступа: https://scholarship.law.columbia.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1275&context=faculty_scholarship (дата обращения: 26.07.2022).
- de Mooij R.A., Parry I., Keen M (2012) Fiscal policy to mitigate climate change: a guide for policymakers. International Monetary Fund. Washington, DC. Режим доступа: <https://www.elibrary.imf.org/view/book/97816353933/9781616353933.xml> (дата обращения: 26.07.2022).
- Dellink R. et al. (2014) Towards global carbon pricing: Direct and indirect linking of carbon markets // OECD Journal: Economic Studies. Vol. 2013/1. http://dx.doi.org/10.1787/eco_studies-2013-5k421kk9j3vb.
- Dominioni G. (2022) Pricing carbon effectively: a pathway for higher climate change ambition // Climate Policy. Vol. 22. Iss. 7. P. 897–905. <https://doi.org/10.1080/14693062.2022.2042177>.
- Environmental Defense Fund (2015) The World's Carbon Markets: A Case Study Guide to the new Australian Emissions Reduction Fund. Режим доступа: <https://www.edf.org/sites/default/files/australia-case-study-may2015.pdf> (дата обращения: 26.07.2022).
- European Commission (2019) Communication on The European Green Deal. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1588580774040&uri=CELEX%3A52019DC0640> (дата обращения: 26.07.2022).

- Finch A., van der Bergh J. (2022) Assessing the authenticity of national carbon prices: A comparison of 31 countries // Global Environmental Change. Vol. 74. <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2022.102525>.
- Gonzalez A. (2021) The International Influence of the Emissions Trading System in Mexico // Towards an Emissions Trading System in Mexico: Rationale, Design and Connections with the Global Climate Agenda / S. Lucatello (ed.). Springer Climate. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-82759-5_5.
- Green J. (2021) Does carbon pricing reduce emissions? A review of ex-post analyses // Environmental Research Letters. Vol. 16. No. 4. Режим доступа: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1748-9326/abdae9> (дата обращения: 26.07.2022).
- IMF/OECD (2021) Tax Policy and Climate Change: IMF/OECD Report for the G20 Finance Ministers and Central Bank Governors, September 2021, Italy. Режим доступа: www.oecd.org/tax/tax-policy/imf-oecd-g20-report-tax-policy-and-climate-change.htm (дата обращения: 26.07.2022).
- International Carbon Action Partnership (2022) Emissions Trading Worldwide: Status Report 2022. Режим доступа: https://icapcarbonaction.com/system/files/document/220408_icap_report_rz_web.pdf (дата обращения: 26.07.2022).
- International Energy Agency (2020) Implementing Effective Emissions Trading Systems: Lessons from international experiences. Режим доступа: https://iea.blob.core.windows.net/assets/2551e81a-a401-43a4-bebd-a52e5a8fc853/Implementing_Effective_Emissions_Trading_Systems.pdf (дата обращения: 26.07.2022).
- Lucatello S. (2022) Towards an Emissions Trading System in Mexico: Rationale, Design and Connections with the Global Climate Agenda, Outlook on the first ETS in Latin-America and Exploration of the Way Forward, Springer Climate. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-82759-5>.
- Nogrady B. (2021) China launches world's largest carbon market: but is it ambitious enough? Nature 595, 637. doi: <https://doi.org/10.1038/d41586-021-01989-7>.
- Parry I., Black S., Zhunussova K. (2022) Carbon Taxes or Emissions Trading Systems? Instrument Choice and Design, IMF Staff Climate Note 2022/006. International Monetary Fund. Washington, DC. Режим доступа: <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/Staff-Climate-Notes/2022/English/CLNEA2022006.ashx> (дата обращения: 26.07.2022).
- Partnership for Market Readiness (2014) Lessons Learned from Linking Emissions Trading Systems: General Principles and Applications. Режим доступа: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/21819/951950NWP0Part00Box385315B00PUBLIC0.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 26.07.2022).
- Prat P. (2020) Mexico's Well Established Carbon Tax and Pilot Emissions Trading System with California and Quebec. Режим доступа: <https://www.climatescorecard.org/2020/03/mexicos-well-established-carbon-tax-and-pilot-emissions-trading-system-with-california-and-quebec/> (дата обращения: 26.07.2022).
- Roldao R. (2022) Carbon trading the Chinese way. Режим доступа: <https://www.energymonitor.ai/policy/carbon-markets/carbon-trading-the-chinese-way> (дата обращения: 26.07.2022).
- Rosenbloom D., Markard J., Geels F., Fuenfschilling L. (2022) Why carbon pricing is not sufficient to mitigate climate change – and how “sustainability transition policy” can help. The Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS). Vol. 117. No. 16. <https://doi.org/10.1073/pnas.2004093117>.
- Tan L. (2022) The first year of China's national carbon market, reviewed. Режим доступа: <https://china-dialogue.net/en/climate/the-first-year-of-chinas-national-carbon-market-reviewed/> (дата обращения: 26.07.2022).
- The World Bank (2022) State and Trends of Carbon Pricing 2022 (May). World Bank. Washington, DC. doi: [10.1596/978-1-4648-1895-0](https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1895-0).
- United Nation Framework Convention on Climate Change (1997) Kyoto Protocol to the United Nations Framework Convention on Climate Change. Режим доступа: <https://unfccc.int/sites/default/files/resource/docs/cop3/107a01.pdf> (дата обращения: 26.07.2022).
- Verde S.F., Galdi G., Borghesi S., Füssler J. (2020) Emissions trading systems with different levels of environmental ambition: implications for linking. Режим доступа: <https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/68843/QM-01-20-699-EN-N.pdf?sequence=1> (дата обращения: 26.07.2022).

Wilder M., Fitz-Gerald L. (2008) Overview of policy and regulatory emissions trading frameworks in Australia [Paper in special edition: Carbon Emissions Trading] // Australian Resources and Energy Law Journal. 27(1). P. 1–22.

World Bank (2021) Mexico: Paving the way for the development of emissions trading. Режим доступа: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/35467/Paving-the-Way-for-the-Development-of-Emissions-Trading-Report-for-the-Mexico-Partnership-for-Market-Readiness-Project.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 26.07.2022).

Приложение

Таблица П1. Основные характеристики действующих систем торговли квотами на выбросы

Система торговли квотами на выбросы	Охват	Год запуска	Поток выбросов	Покрытые сектора	Тип распределения квот	Средний уровень цены разрешения (2021)	Число покрытых установок	Сопряжение с другими СТК
Европейская система торговли квотами на выбросы (EU ETS)	Национальная (27 член-нов ЕС + Норвегия, Исландия и Лихтенштейн)	2005	1,597 MtCO ₂ (2021 г.) 1,572 MtCO ₂ e для стационарных установок 24,5 MtCO ₂ e для авиационных операторов	Энергетика, промышленность, авиация	Аукцион. Бесплатное распределение: бенчмаркинг	Средняя цена аукциона: 52,93 евро (62,61 долл. США). Средняя цена вторичного рынка: 54,76 евро (64,77 долл. США)	9 628 стационарных установок	С января 2020 г. сопряжена со Швейцарской СТК
Немецкая общенациональная система торговли квотами на выбросы	Общенациональная	2021	301 MtCO ₂ и снижается до 233 MtCO ₂ e в 2030 г.	Транспорт, здания	Фиксированная цена до 2025 г., затем аукцион; цепь новой коридор предусмотрена до 2026 г.	Фиксированная цена: 25,00 евро (29,57 долл. США)	Н.д.	Долгосрочной целью является перевод пEHS в EU ETS для зданий и автомобильного транспорта, предложенный Комиссией ЕС в июле 2021 г.
Казахстанская система торговли квотами на выбросы	Общенациональная	2013	140,3 MtCO ₂ (2022)	Нефтегазовый сектор, промышленность	Бесплатное распределение: бенчмаркинг	Средняя цена на вторичном рынке: 504 тенге (1,18 долл.)	128 компаний (199 установок)	На данный момент сопряжение не предусмотрено
Швейцарская система торговли квотами на выбросы	Общенациональная	2008	4,9 MtCO ₂ (2020, промышленность) 1,1 MtCO ₂ e (2021, авиация)	Нефтегазовый сектор, промышленность, авиация	Бесплатное распределение: бенчмаркинг, аукцион	Средняя цена аукциона: 48,65 евро (57,54 долл. США)	Стационарные установки: 95 (2021). Операторы воздушных судов: 141 (2020)	С января 2020 г. сопряжена с EU ETS
Система торговли квотами на выбросы Соединенного Королевства	Общенациональная	2021	151,4 MtCO ₂ (2022)	Энергетика, промышленность, авиация	Бесплатное распределение: бенчмаркинг, аукцион	Средняя цена аукциона: 51,41 GBP (70,72 долл. США)	Около 1000 установок	Не сопряжена с другими СТК. Готова рассматривать сопряжение с другими системами, особенно EU ETS

Система торговли квотами на выбросы	Охват	Год запуска	Потолок выбросов	Покрытие сектора	Тип распределения квот	Средний уровень цены разрешения (2021)	Число покрытых установок	Сопряжение с другими СТК
Система торговли квотами Калифорнии	Региональная – на уровне штата	2012	307,5 MtCO2 (2022)	Энергетика, промышленность, транспорт, здания	Бесплатное распределение: бенчмаркинг. Бесплатное распределение с консигнацией. Аукцион	Средняя цена аукциона: 22,43 долл. США	Около 500 установок	С 2014 г. сопряжена с СТК Квебека
Ограничения на выбросы от электрогенераторов в штате Массачусетс	Региональная – на уровне штата	2018	8,0 MtCO2 (2022). Ежегодно лимит снижается на 223,876 tCO2, пока не достигнет 1,8 MtCO2 к 2050 г.	Электроэнергия	Аукционы	Средняя цена аукциона: 8,40 долл.	25	Если MassDEP установит, что предприятие нарушает требования, будет считаться, что это представляет собой «значительное воздействие на здоровье, благосостояние, безопасность или окружающую среду». В дополнение к штрафам, регулируемый субъект должен представить три разрешения на каждую метрическую тонну превышения выбросов
Система торговли квотами на выбросы на уровне провинции Новой Шотландии (Канада) – Nova Scotia Cap and Trade System	Региональная – на уровне провинции	2018	12,1 MtCO2e (2022)	Энергетика, промышленность, транспорт, здания	Бесплатное распределение: на основе предыдущих показателей. Свободное распределение: бенчмаркинг, аукцион	Средняя цена аукциона: 28,90 канадских долл. (23,05 долл. США)	26	К участникам, которые не сдадут достаточное количество квот в конце периода соблюдения требований, будут применены принудительные меры в соответствии с «Законом об окружающей среде». Все доходы от штрафов, выписанных за недостаточную сдачу квот, будут поступать в Зеленый фонд Новой Шотландии

Система торговли квотами на выбросы	Охват	Год запуска	Потолок выбросов	Покрытые сектора	Тип распределения квот	Средний уровень цены разрешения (2021)	Число покрытых установок	Сопряжение с другими СТК
Система торговли квотами на выбросы Орегона	Региональная – на уровне штата	2022	28 MtCO2e (2022)	Энергетика, промышленность, транспорт, здания	Бесплатное распределение	Н.д., бесплатное распределение	Поставщики жилого топлива и пропана: 15. Местные дистрибуторские компании: 3	За предоставление недостоверной, неточной или неполной информации при составлении отчета, подаче заявления или предоставлении информации в DEQ в соответствии с требованиями закона, могут быть наложены финансовые штрафы в соответствии с законодательством штата Орегон. Субъекты, подпадающие под действие закона, также могут быть оштрафованы за несоблюдение требований по торговле инструментами соответствия, за эксплуатацию покрытых объектов без разрешения или за перенесение любого требования
Система торговли квотами на выбросы Квебека (Québec Carbon-Trade System)	Региональная – на уровне провинции	2014	54 MtCO2e (2022)	Энергетика, промышленность, транспорт (кроме авиации и морского), здания	Бесплатное выделение: бенчмаркинг, аукцион	Средняя цена аукционного расчета: 28,10 канадских долл. (22,40 долл.)	125 охваченных организаций, представляющих 162 объекта (113 промышленных объектов и 49 дистрибуторов топлива)	Регулируемая СТК организация, которая не покрывает свои выбросы ПГ достаточным количеством квот установленному сроку, должна перечислить каждую недостающую квоту плюс три дополнительные квоты за каждую квоту, которую она не слала. За несоблюдение требований организаций могут быть оштрафованы на 3 тыс. – 500 тыс. канадских долл. (2 393 – 398 763 долл. США) и привести до 18 месяцев в тюрьме в случае физического лица, и оштрафованы на 10 тыс. – 3 млн канадских долл. (7 975 – 2 392 579 долл. США) в случае юридического лица

Система торговли квотами на выбросы	Охват	Год запуска	Потолок выбросов	Покрытые сектора	Тип распределения квот	Средний уровень цены разрешения (2021)	Число покрытых установок	Сопряжение с другими СТК
Региональная инициатива по парниковым газам (RGGI)	Региональная, объединяет несколько штатов: Коннектикут, Делавэр, Мэн, Мэриленд, Массачусетс, Нью-Гэмпшир, Нью-Джерси, Нью-Йорк, Род-Айленд, Вермонт, Вирджиния	2009	97,0 млн коротких тонн CO ₂ или 88,0 MtCO ₂ e (2022)	Электроэнергия	Аукцион	Средняя цена аукциона: 10,59 долл. США	228	В случае избыточных выбросов (т.е. если организации не сладут все требуемые квоты), должны быть сданы квоты на трехкратное количество избыточных выбросов. Кроме того, организации, подпадающие под действие закона, могут быть повернуты специальным штрафом, называемым штагом RGGI, в котором они расположены
Пилотный проект системы торговли квотами на выбросы в Мексике	Общенациональная	2020 – пилот 2023 – начало функционирования	273,1 MtCO ₂ (2021)	Нефтегазовый сектор, промышленность	Бесплатное распределение на основе предыдущих показателей	Н.д., бесплатное распределение	282	в случае несоблюдения субъекты теряют возможность заложить неиспользованные квоты на следующие периоды соблюдения в рамках Пилота. Более того, субъекты, не соблюдающие требования, получают меньше квот в течение операционного периода национальной СТК (на две квоты меньше за каждую непоставленную квоту во время Пилота)

Система торговли квотами на выбросы	Охват	Год запуска	Потолок выбросов	Покрытые сектора	Тип распределения квот	Средний уровень цены разрешения (2021)	Число покрытых установок	Сопряжение с другими СТК
Пилотный проект системы торговли квотами на выбросы в Пекине	Городская	2013	35 MrCO ₂ (2021)	Промышленность, здания, транспорт, электроэнергия до запуска общепотребительного СТК	Бесплатное распределение на основе предыдущих показателей. Бесплатное распределение: бенчмаркинг	Средняя цена на вторичном рынке: 61,13 юаня (9,48 долл. США)	839 (2020), включая 13 организаций, которые затем перешли на национальную СТК в следующем году.	Наказание за несвоевременное предоставление отчетов о выбросах или верификации может привести к штрафу в размере до 50 тыс. китайских юаней (7 753,17 долл. США). Кроме того, компании, не славящиеся достаточно точно количеством квот, чтобы соответствовать своим выбросам, штрафуются на сумму, в пять раз превышающую среднюю рыночную цену за предыдущие шесть месяцев за каждую неостающую квоту. Другие нефинансовые штрафы включают негативное влияние на доступ к банковским кредитам и программам субсидирования
Китайская национальная система торговли квотами на выбросы	Общенациональная	2021	~4,500 MtCO ₂ (2019 и 2020 гг.)	Электроэнергия	Бесплатное распределение: бенчмаркинг	Средняя цена на вторичном рынке: 46,61 юаня (7,23 долл. США)	2,162 (2020 и 2021)	На данный момент нет наказания за невыполнение условий
Пилотный проект системы торговли квотами на выбросы в Чунцине	Городская	2014	78,39 MtCO ₂ (2020)	Промышленность	Бесплатное распределение на основе предыдущих показателей. Аукцион	Средняя цена аукциона: 29,31 юаня (4,54 долл.) Средняя цена вторичного рынка: 26,53 юаня (4,11 долл. США)	152	На данный момент нет наказания за невыполнение условий

Система торговли квотами на выбросы	Охват	Год запуска	Потолок выбросов	Покрытие сектора	Тип распределения квот	Средний уровень цены разрешения (2021)	Число покрытых установок	Сопряжение с другими СТК
Пилотный проект системы торговли квотами на выбросы в Фуцзяне	На уровне провинции	2016	-126 MtCO ₂ (2020)	Промышленность, внутренняя авиация	Бесплатное распределение на основе предыдущих показателей. Бесплатное распределение – бенчмаркинг. Аукцион	Средняя цена на вторичном рынке: 6,75 юаня (2,6 долл. США)	284	Штрафы за несвоевременное представление отчета о выбросах или верификации, предоставление ложной информации или нарушение процесса верификации варьируются от 10 тыс. китайских юаней (1 550,6 долл. США) до 30 тыс. китайских юаней (4 651,9 долл. США). Компании, не славившие достаточное количество квот, чтобы соответствовать своим выбросам, штрафуются в размере от одного до трехкратной средней рыночной цены квоты за последние 12 мес., максимальный предел составляет 30 тыс. китайских юаней (4 651,9 долл. США). Кроме того, удвоенная сумма недостающих квот может быть снята со счета компании или вычтена из ассигнований на следующий год
Пилотный проект системы торговли квотами на выбросы в Гуандуне	Городская	2013	265 MtCO ₂ (2021)	Промышленность, внутренняя авиация	Бесплатное распределение на основе предыдущих показателей. Бесплатное распределение – бенчмаркинг. Аукцион	Средняя аукционная цена: 28,2 юаня (4,37 долл. США), по результатам аукциона в апреле 2020 г.; с тех пор аукцион не проводится. Средняя цена вторичного рынка: 38,13 китайского юаня (5,91 долл. США)	178	Штрафы за несвоевременное представление отчетов о выбросах или верификации варьируются от 10 тыс. китайских юаней (1 551 долл. США) до 7 246 долл. США. Кроме того, у компаний, не славивших достаточное количество квот на выбросы, будет вычтено удвоенное количество квот из ассигнований на следующий год и наложен штраф в размере 50 тыс. китайских юаней (7 753 долл. США). Другие нефинансовые санкции включают негативное влияние на доступ к банковским кредитам и программам субсидирования

Система торговли квотами на выбросы	Охват	Год запуска	Потолок выбросов	Покрытые сектора	Тип распределения квот	Средний уровень цены разрешения (2021)	Число покрытых установок	Сотряжение с другими СТК
Пилотный проект системы торговли квотами на выбросы в Хубе	Региональная на уровне провинции	2014	166 MtCO ₂ (2020)	Промышленность	Бесплатное распределение на основе предыдущих показателей. Бесплатное распределение – бенчмаркинг. Аукцион	Средняя цена аукциона: 30,60 юаня (4,74 долл.). Средняя цена вторичного рынка: 34,28 юаня (5,32 долл. США)	332	Штрафы за несвоевременное представление отчета о выбросах или проверке варьируются от 10 тыс. китайских юаней (1 551 долл. США) до 30 тыс. китайских юаней (4 652 долл. США). Участникам торговли, манипулирующим рынком, грозит штраф до 150 тыс. китайских юаней (23 260 долл. США). Кроме того, у компаний, которые не слали достаточно количества квот, чтобы соответствовать своим выбросам, удвоенная сумма будет вычтена из ассигнований на следующий год, а штраф составит от одной до трех средних рыночных цен за каждую квоту, с максимальным пределом в 150 тыс. китайских юаней (23 260 долл. США). Другие нефинансовые наказания включают отстранение от участия в национальной или провинциальной программе энергосбережения и внесение в «черный список» за выбросы углерода и кредитную историю

Система торговли квотами на выбросы	Охват	Год запуска	Потолок выбросов	Покрытие сектора	Тип распределения квот	Средний уровень цены разрешения (2021)	Число покрытых установок	Сопряжение с другими СТК
Новозеландская система торговли квотами на выбросы	Общегосударственная	2008	34.5 MtCO2e (2022)	Энергетика, промышленность транспорта, авиація, здания, лесное хозяйство, отходы	Аукцион. Предоставление квот для лесного хозяйства и других видов деятельности по удалению выбросов.	Средняя цена аукциона: 50,95 НЗД (36,04 долл.). Средняя цена вторичного рынка: 49,41 новозеландских долл. (34,95 долл. США)	Зарегистрировано 2 475 организаций, из них 2 398 имеют обязательства по покупке квот	Организация, которая не сделала или не погасила единицы выбросов в установленный срок, должна сдать эти единицы и заплатить денежный штраф в размере трехкратной текущей рыночной цены за каждую единицу, которая не была сдана в установленный дату. Организации могут быть оштрафованы на сумму до 24 тыс. новозеландских долл. (16 976 долл. США) по приговору суда за неспособность собрать данные о выбросах или другую требуемую информацию, рассчитать выбросы и/или положения, вести учет, зарегистрироваться в качестве участника, подать декларацию о выбросах, когда это требуется, или уведомить управляющее агентство или предоставить информацию, когда это требуется. Организации также могут быть оштрафованы на сумму до 50 тыс. новозеландских долл. (35 365 долл. США) по приговору суда за сознательное изменение, фальсификацию или предоставление недостоверной или вводящей в заблуждение информации о любых обязательствах по схеме, в том числе в отчете о ежегодном возврате выбросов. Этот штраф и/или трехмесячное заключение сроком до пяти лет также применяются к организациям, которые намеренно лгут об обязательствах по NZ ETS, чтобы получить финансовую выгоду и избежать финансовых потерь

Система торговли квотами на выбросы	Охват	Год запуска	Потолок выбросов	Покрытые сектора	Тип распределения квот	Средний уровень цены разрешения (2021)	Число покрытых установок	Сотряжение с другими СТК
Корейская система торговли квотами на выбросы	Общегосударственная	2015	589 MtCO ₂ (2022)	Энергетика, промышленность, внутренняя авиация, здания, отходы	Бесплатное распределение на основе предыдущих показателей. Бесплатное распределение – бенчмаркинг.	Средняя цена аукциона: 26,373 вон (23,06 долл.). Средняя цена вторичного рынка: 19,709 вон (17,23 долл. США)	684	Штраф не должен превышать трехкратную среднюю рыночную цену квот данного года сближения или 100 тыс. вон (87,42 долл. США)/тн.
Система торговли квотами на выбросы в Сайтаме (Target Setting Emissions Trading System in Saitama)	Городская (на уровне префектуры)	2011	7,3 MtCO ₂ (2019)	Промышленность, здания	Бесплатное распределение на основе предыдущих показателей	Н.д., бесплатное распределение	592 объекта: офисные/коммерческие здания: 169; заводы: 423	Если предприятие не достигает целевого показателя сокращения, его название обнародуется, а не достаточное количество сокращений добавляется к целевому показателю на следующий период сближения
Пилотный проект системы торговли квотами на выбросы в Шанхае	Городская	2013	105 MtCO ₂ (2020)	Промышленность, здания, внутренняя авиация, транспорт	Бесплатное распределение на основе предыдущих показателей. Бесплатное распределение – бенчмаркинг.	Средняя цена аукциона: 39,76 юаня (6,17 долл.). Средняя цена вторичного рынка: 40,16 юаня (6,23 долл. США)	314	Штрафы за несвоевременное представление отчета о выбросах или отчета о проверке или предоставление ложной информации составляют от 10 тыс. китайских юаней (1551 долл. США) до 50 тыс. китайских юаней (7753 долл. США), за несоблюдение требований могут быть наложены санкции в размере от 50 тыс. китайских юаней (7753 долл. США) до 100 тыс. китайских юаней (15 506 долл. США), в дополнение к налагаемым санкциям, публикация в интернете, аннулирование возможности доступа к специальному фондам для энергосбережения и мероприятий по сокращению выбросов

Система торговли квотами на выбросы	Охват	Год запуска	Потолок выбросов	Покрытые сектора	Тип распределения квот	Средний уровень цены разрешения (2021)	Число покрытых установок	Сопряжение с другими СТК
Пилотный проект системы торговли квотами на выбросы в Шэньчжэне	Городская	2013	31,5 MtCO ₂	Промышленность здания, транспорт	Бесплатное распределение на основе предыдущих показателей. Бесплатное распределение – бенчмаркинг	Средняя цена на вторичном рынке: 11,23 юаня (1,74 долл. США)	687	Организации, предоставившие ложную информацию, могут быть оштрафованы на разницу между заявленными и фактическими выбросами в размере трехкратной средней цены квот за последние шесть месяцев. Штрафы за нарушение правил рынка могут достигать 100 тыс. китайских юаней (15 506 долл. США). Организации, не славившие достаточное количество квот, чтобы соответствовать своим выбросам, штрафуются в размере трехкратной средней рыночной цены за последние шесть месяцев. Недостающие квоты могут быть вычтены со счета компаний или вычтены из ассигнований на следующий год. Другие нефинансовые санкции включают публичную отчетность, предоставление соответствующей кредитной информации государственным банкам, лишение права на получение финансовых субсидий (на пять лет) и внесение записей в систему оценки деятельности государственных предприятий
Пилотный проект системы торговли квотами на выбросы в Ганьчжине	Городская	2013	120 MtCO ₂ (2020)	Промышленность, внутренняя авиация	Бесплатное распределение на основе предыдущих показателей. Бесплатное распределение – бенчмаркинг. Аукцион	Средняя цена аукциона: 27,44 юаня (4,25 долл.). Средняя цена вторичного рынка: 30,53 юаня (4,73 долл. США)	139 (на основании оценок экспертов)	Нет информации по наказанию за несоблюдение
Токийская система торговли квотами на выбросы (Tokyo Cap and Trade System)	Городская	2010	12,1 MtCO ₂ (2019)	Промышленность, здания	Бесплатное распределение на основе предыдущих показателей	Средняя цена: 540 иен (4,92 долл. США)	~1,200 объектов:	Любой объект, который не выполнит распоряжение, будет публично назван и подвергнут штрафам (до 500 тыс. японских иен (~455,63 долл. США) и доплатам (в 1,3 раза больше суммы непогрязых квот)

Emission Trading Systems as an Instrument in the Toolkit of Decarbonization Strategies¹

I. Popova

Irina Popova – Researcher at the Center for International Institutions Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 11 Prechistenskaya naberezhnaya, Moscow, 119034, Russia; im-popova@ranepa.ru

Abstract

At the 2021 Conference of the Parties to the United Nations Framework Convention on Climate Change in Glasgow, many leading economies have cemented the intention of achieving carbon neutrality by mid-century (2050–2070). However, the geopolitical and economic crisis of 2022 threatens to reduce the priority of decarbonization policy and postpone the introduction of more restrictive measures. In the face of growing constraints, the choice of climate policy instruments becomes even more complex and important. It is necessary to analyze different options from the low-carbon development policy toolkit, to understand their strengths and weaknesses, and their potential to be used to build a comprehensive policy. This article analyzes the strengths and weaknesses of emissions trading systems (ETS) as a tool for direct carbon pricing – a measure that experts from international organizations, as well as the academic community, believe is essential for achieving climate goals.

Despite the fact that carbon taxes (the second option of direct pricing) is easier to implement and administer, many jurisdictions still opt for an ETS. Several factors influence the choice of ETS as a decarbonization tool: if optimally designed, a market-based mechanism provides cost-effective emission reductions, there is potential for linkage into a larger systems, the flexibility of the instrument can also provide additional benefits. China's national ETS is a good example of exploiting the ETS flexibility. Political and administrative characteristics (EU, Germany, UK, California), Kyoto, Brussels, and OECD effects (Mexico and other jurisdictions) play an important role in the choice in favour of ETS.

The experience of complex and comprehensive low-carbon development strategies already being implemented shows that it is not necessary to place the ETS at the center, making it the cornerstone of policy. The role of ETS in the entire set of decarbonization measures can be central, supportive, or enabling. ETS can have different objectives and stimulate not only direct emission reductions, but also technological transformation, energy transition.

For Russia as a federal state, conducting pilot projects with different instruments of carbon pricing implemented in different regions seems to be the best solution for the near future and finding the right instruments for the Low Greenhouse Gas Emissions Development Strategy.

Keywords: emissions trading systems, carbon pricing, low-carbon development policy, carbon tax, China emissions trading system, Canada-wide approach to carbon pricing, Mexico's pilot emissions trading system

Acknowledgments: the article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme.

For citation: Popova I. (2022) Emission Trading Systems as an Instrument in the Toolkit of Decarbonization Strategies. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 4, pp. 62–94 (in English). doi: 10.17323/1996-7845-2022-04-03

References

- Bashmakov I.A. (2018) Effektivnost' evropejskoj sistemy torgovli kvotami na vybrosy pg i ee evolyuciya [Efficiency of the European emission trading system and its evolution], *Ekologicheskiy vestnik Rossii* [Ecological Bulletin of Russia]. Available at: http://www.cenef.ru/file/Bashmakov_25.pdf (accessed 26 July 2022). (in Russian)

¹ This article was submitted on 01.08.2022.

- Borghesi S., Montini M. (2016) The Best (and Worst) of GHG Emission Trading Systems: Comparing the EU ETS with Its Followers, *Frontiers in Energy Research*, vol. 4. doi:10.3389/fenrg.2016.00027.
- Bradford A. (2012) The Brussels Effect, 107 NW. U. L. REV. 1. Available at: https://scholarship.law.columbia.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1275&context=faculty_scholarship (accessed 26 July 2022).
- Tan L. (2022) The first year of China's national carbon market, reviewed. Available at: <https://chinadialogue.net/en/climate/the-first-year-of-chinas-national-carbon-market-reviewed/> (accessed 26 July 2022).
- Prat P. (2020) Mexico's Well Established Carbon Tax and Pilot Emissions Trading System with California and Quebec. Available at: <https://www.climatescorecard.org/2020/03/mexicos-well-established-carbon-tax-and-pilot-emissions-trading-system-with-california-and-quebec/> (accessed 26 July 2022).
- de Mooij R.A., Parry I., Keen M (2012) Fiscal policy to mitigate climate change: a guide for policymakers. International Monetary Fund, Washington DC. Available at: <https://www.elibrary.imf.org/view/book/9781616353933.xml> (accessed 26 July 2022).
- Dellink R. et al. (2014) Towards global carbon pricing: Direct and indirect linking of carbon markets. *OECD Journal: Economic Studies*, vol. 2013/1. http://dx.doi.org/10.1787/eco_studies-2013-5k421kk9j3vb.
- Dominioni G. (2022) Pricing carbon effectively: a pathway for higher climate change ambition. *Climate Policy*, vol. 22, iss. 7, pp. 897–905. <https://doi.org/10.1080/14693062.2022.2042177>.
- Doroshenko S.V., Mingaleva A.D. (2020) Uglerodnye birzhi: evropejskij opyt razvitiya mekhanizma torgovli razresheniymami na vybrosy [Carbon Exchanges: European Experience in the Development of an Emissions Trading Mechanism]. *Journal of Finance*, vol. 12, no 4, pp. 52–68. doi: 10.31107/2075-1990-2020-4-52-68. (in Russian)
- Roldao R. (2022) Carbon trading the Chinese way. Available at: <https://www.energymonitor.ai/policy/carbon-markets/carbon-trading-the-chinese-way> (accessed 26 July 2022).
- Environmental Defense Fund (2015) The World's Carbon Markets: A Case Study Guide to the new Australian Emissions Reduction Fund. Available at: <https://www.edf.org/sites/default/files/australia-case-study-may2015.pdf> (accessed 26 July 2022).
- European Commission (2019) Communication on The European Green Deal. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1588580774040&uri=CELEX%3A52019DC0640> (accessed 26 July 2022).
- Finch A., van der Bergh J. (2022) Assessing the authenticity of national carbon prices: A comparison of 31 countries. *Global Environmental Change*, vol. 74. <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2022.102525>.
- Gonzalez A. (2021) The International Influence of the Emissions Trading System in Mexico. *Towards an Emissions Trading System in Mexico: Rationale, Design and Connections with the Global Climate Agenda* (S. Lucatello (ed.)). Springer Climate. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-82759-5_5.
- Government of Russian Federation (2021) Strategy for socio-economic development of the Russian Federation with low greenhouse gas emissions until 2050. Available at: <http://static.government.ru/media/files/ADKkC-zp3fWO32e2yA0BhtIpyzWfHaiUa.pdf> (accessed 26 July 2022).
- Green J. (2021) Does carbon pricing reduce emissions? A review of ex-post analyses. *Environmental Research Letters*, vol. 16, no 4. Available at: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1748-9326/abdae9> (accessed 26 July 2022).
- IMF/OECD (2021) Tax Policy and Climate Change: IMF/OECD Report for the G20 Finance Ministers and Central Bank Governors, September 2021, Italy. Available at: www.oecd.org/tax/tax-policy/imf-oecd-g20-report-tax-policy-and-climate-change.htm (accessed 26 July 2022).
- International Carbon Action Partnership (2022) Emissions Trading Worldwide: Status Report 2022. Available at: https://icapcarbonaction.com/system/files/document/220408_icap_report_rz_web.pdf (accessed 26 July 2022).
- International Energy Agency (2020) Implementing Effective Emissions Trading Systems: Lessons from international experiences. Available at: https://iea.blob.core.windows.net/assets/2551e81a-a401-43a4-bebd-a52e-5a8fc853/Implementing_Effective_Emissions_Trading_Systems.pdf (accessed 26 July 2022).

- Kaveshnikov N.Yu. (2015) Strategiya ES v oblasti klimata i energetiki [The EU Climate and Energy Strategy]. *Contemporary Europe-Sovremennaya Evropa*, 1(61), pp. 93–103. doi: <http://dx.doi.org/10.15211/sov-europe1201593103>. (in Russian)
- Kaveshnikov N.Yu. (2017) Sozdanie sistemy torgovli vybrosami parnikovyh gazov ES: kto opredelil dizajn [Creating an EU Greenhouse Gas Emissions Trading System: Who Determined the Design]. *Contemporary Europe-Sovremennaya Evropa*, 6 (78), pp. 58–69. (in Russian)
- Lucatello S. (2022) Towards an Emissions Trading System in Mexico: Rationale, Design and Connections with the Global Climate Agenda, Outlook on the first ETS in Latin-America and Exploration of the Way Forward, Springer Climate. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-82759-5>.
- Makarov I.A., Stepanov I.A. (2017) Uglerodnoe regulirovanie: varianty i vyzovy dlya Rossii [Carbon Regulation: Options and Challenges for Russia]. *Vestnik (Herald) of the Moscow University*, Series 6: Economics, no 6, pp. 3–22. (in Russian)
- Nogrady B. (2021) China launches world's largest carbon market: but is it ambitious enough? *Nature*, 595, 637. doi: <https://doi.org/10.1038/d41586-021-01989-7>.
- Parry I., Black S., Zhunussova K. (2022) Carbon Taxes or Emissions Trading Systems? Instrument Choice and Design, IMF Staff Climate Note 2022/006, International Monetary Fund, Washington, DC. Available at: <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/Staff-Climate-Notes/2022/English/CLNEA2022006.ashx> (accessed 26 July 2022).
- Partnership for Market Readiness (2014) Lessons Learned from Linking Emissions Trading Systems: General Principles and Applications. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/218/19/951950NWP0Part00Box385315B00PUBLIC0.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed 26 July 2022).
- Rosenbloom D., Markard J., Geels F., Fuenfschilling L. (2022) Why carbon pricing is not sufficient to mitigate climate change – and how “sustainability transition policy” can help. *The Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS)*, vol. 117, no 16. <https://doi.org/10.1073/pnas.2004093117>.
- Rossiyskaya Gazeta (2022) Federal Law dated March 6, 2022 No 34-FZ “On conducting an experiment to limit greenhouse gas emissions in certain regions of the Russian Federation”. Available at: <https://rg.ru/documents/2022/03/11/parnik.html> (accessed 26 July 2022). (in Russian)
- The World Bank (2022) State and Trends of Carbon Pricing 2022 (May), World Bank, Washington, DC. doi: 10.1596/978-1-4648-1895-0.
- United Nation Framework Convention on Climate Change (1997) Kyoto Protocol to the United Nations Framework Convention on Climate Change. Available at: <https://unfccc.int/sites/default/files/resource/docs/cop3/107a01.pdf> (accessed 26 July 2022).
- Verde S.F., Galdi G., Borghesi S., Füssler J. (2020) Emissions trading systems with different levels of environmental ambition: implications for linking. Available at: <https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/68843/QM-01-20-699-EN-N.pdf?sequence=1> (accessed 26 July 2022).
- Wilder M., Fitz-Gerald L. (2008) Overview of policy and regulatory emissions trading frameworks in Australia [Paper in special edition: Carbon Emissions Trading. *Australian Resources and Energy Law Journal*, 27(1), pp. 1–22.
- World Bank (2021) Mexico: Paving the way for the development of emissions trading. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/35467/Paving-the-Way-for-the-Development-of-Emissions-Trading-Report-for-the-Mexico-Partnership-for-Market-Readiness-Project.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed 26 July 2022).

Трансформация и имплементация природоохранных и климатических положений в торговых соглашениях Европейского союза¹

К.М. Дорохина, А.Г. Сахаров

Дорохина Ксения Михайловна – н.с. Центра исследований международных институтов (ЦИМИ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Россия, 119034, Москва, Пречистенская наб., д. 11; dorokhina-km@ranepa.ru

Сахаров Андрей Геннадиевич – н.с. Центра исследований международных институтов (ЦИМИ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Россия, 119034, Москва, Пречистенская наб., д. 11; sakharov-ag@ranepa.ru

Аннотация

Европейский союз стремится стать лидером в области зеленої экономики. В том числе с этой целью блок продвигает собственные модели, стандарты, условия и другие позиции по климатической и природоохранной политике в других государствах. Одним из инструментов влияния на политику партнеров и экономические взаимоотношения с ними в климатической сфере стали торговые соглашения, включающие положения по климату и окружающей среде. Включение этих положений имеет прежде всего экономическое, а не политическое значение для блока, особенно в части устранения тарифных и нетарифных барьеров. ЕС разработал главу «Торговля и устойчивое развитие», в которую вошли обязательства по охране окружающей среды и климата. В рамках ее реализации ЕС оказывает финансовую и техническую поддержку партнерам. Тем не менее содержание главы во многом зависит от позиции партнера и проводимой им климатической политики, а в некоторых случаях – от администрации страны. Разрешение споров в рамках имеющегося механизма главы «Торговля и устойчивое развитие» оказалось затрудненным и побудило ЕС включить новые возможности урегулирования, где крайней мерой является введение торговых санкций. Экономическое значение для европейских производителей имеет также статья об устойчивом лесопользовании, а включение ссылок на международные природоохранные соглашения содействует планам ЕС по реформированию ВТО. Соглашения оставляют за рамками ряда направлений сотрудничества и требуют актуализации по мере принятия новых климатических обязательств, на чем сосредоточена работа ЕС в последние годы.

Ключевые слова: Европейский союз, торговые соглашения, международная торговля, климатическая политика, торговая политика ЕС

Для цитирования: Дорохина К.М., Сахаров А.Г. (2022) Трансформация и имплементация природоохранных и климатических положений в торговых соглашениях Европейского союза // Вестник международных организаций. Т. 17. № 4. С. 95–123 (на русском языке). doi:10.17323/1996-7845-2022-04-04

Благодарности: статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

¹ Статья поступила в редакцию 12.10.2022.

Введение

Европейский союз (ЕС) не только ставит амбициозные цели по борьбе с изменением климата, но и поддерживает внедрение аналогичных планов другими государствами. Одним из инструментов внешнего влияния ЕС на природоохранную и климатическую политику партнеров стали торговые соглашения, включающие соответствующие положения.

Намерение Европейского союза стать лидером в области зеленой экономики и продвигать собственную модель ее развития на международном уровне с помощью торговой политики появилось задолго до принятия «Зеленой сделки» (Green Deal). Однако в первое десятилетие XXI в. приоритет был отдан усилиям на международных площадках, прежде всего Всемирной торговой организации (ВТО). В стратегических документах по устойчивому развитию 2005 г. ЕС делал ставку на Дохийский раунд ВТО в качестве инструмента для достижения глобального устойчивого развития, в том числе экологической составляющей. Однако торговая стратегия 2006 г. «Глобальная Европа: мировая конкуренция» наметила возвращение торговой политики ЕС к двустороннему сотрудничеству.

Причин несколько. Переговоры по соглашениям о свободной торговле (ССТ) могут продвигаться быстрее многосторонних переговоров и включать вопросы, которые многие страны пока не готовы выносить на многосторонний уровень. В частности, такие соглашения могут опираться не только на нормы ВТО и другие международные торговые правила, но и охватывать вопросы, которые не входят в компетенцию ВТО: инвестиции, государственные закупки, конкуренцию, вопросы регулирования и обеспечения соблюдения прав интеллектуальной собственности [ЕС, 2006]. Среди других причин исследователи выделяют конкуренцию со стороны США и Японии, заключившими в этот период соглашения о свободной торговле с основными торговыми партнерами ЕС; ускоренный рост рынков Азии и отсутствие полноценных соглашений с азиатскими странами, что усилило давление со стороны европейских экспортёров, импортеров и инвесторов; внутриполитические изменения ЕС: после скептика Паскаля Лами, тесно связанного с мораторием на новые соглашения о свободной торговле, пост еврокомиссара занял Питер Мандельсон, разделяющий противоположные взгляды в отношении свободной торговли [van 't Wout, 2021].

Тренд на двустороннее сотрудничество в дополнение и как альтернатива глобальному торговому подходу, основанному на правилах ВТО, сохраняется и в начале третьего десятилетия XXI в. Это объясняется слабостью самих глобальных торговых институтов, прежде всего коллапсом ВТО, новым ростом протекционизма, многочисленными торговыми конфликтами и т.д. На 2020 г. из 305 действующих соглашений большинство носили двусторонний характер. Не менее важно, что в рамках ВТО отсутствуют торговые правила, касающиеся изменения климата или действий в его отношении. Другие структуры ООН и международные организации, например, Международное энергетическое агентство и Всемирный банк, занимались вопросами торговли и климата, но в основном ограничивались аналитическими отчетами, большинство из которых были опубликованы более десяти лет назад. В этом смысле ССТ заполнили вакуум управления торговлей и климатом, созданный инертными ВТО и РКИК ООН в этой области [Dent, 2021].

Европейский союз стремился восполнить этот вакуум путем заключения многостороннего торгового Соглашения об экологических товарах для либерализации торговли в 2014–2016 гг. в рамках Дохийского раунда ВТО. Обсуждение охватывало от-

мену тарифов для определенных видов экологических товаров и включало 16 стран², помимо стран – членов ЕС. Стороны рассчитывали завершить переговоры в 2016 г., однако не смогли этого сделать из-за позиции Китая, выразившего озабоченность по поводу полной либерализации некоторых чувствительных товаров. В результате после представления Китаем списка продуктов на поздней стадии процесса стороны так и не смогли достичь соглашения по нерешенным вопросам [European Parliament, 2022].

Несмотря на коллапс переговоров по многостороннему соглашению об экологических товарах, ЕС успешно расширил перечень договоренностей об устранении тарифов, а также нетарифных барьеров на экологические товары и услуги в рамках торговых соглашений с партнерами.

Двустороннее и многостороннее направления сотрудничества остаются равнозначными для реализации целей Европейского союза по содействию глобальному переходу к климатически нейтральной экономике. Торговая стратегия от 2021 г. отражает намерение ЕС стать пионером в разработке стандартов устойчивого роста и формировать международные стандарты в соответствии с «Зеленой сделкой». На двустороннем уровне предусмотрено взаимодействие с торговыми партнерами для разработки и внедрения ими не менее амбициозных правил, активизация усилий по обеспечению эффективного внедрения и соблюдения глав об устойчивом развитии в торговых соглашениях ЕС для повышения экологических стандартов во всем мире. На многосторонней основе предполагается координация действий с единомышленниками для реализации сильной экологической программы в ВТО. Также обозначены автономные меры, в их числе – введение механизма трансграничной углеродной корректировки (СВАМ) [ЕС, 2021a]. В конечном счете широкая сеть двусторонних соглашений с привязкой к международным экологическим договоренностям и включающих обязательства в отношении охраны окружающей среды и борьбы с изменением климата позволит создать некий клуб единомышленников, что в дальнейшем может облегчить переговоры на многосторонней основе, в том числе в рамках ВТО.

В настоящем исследовании рассматриваются двусторонние торгово-инвестиционные соглашения ЕС. Цель исследования – выявление общего и особенного в климатических и природоохранных положениях в торговых и инвестиционных соглашениях ЕС и их имплементации. Основу методологии составил сравнительный анализ текстов соглашений. Также были рассмотрены предпосылки, влияющие на предложения ЕС о включении определенных положений, и действующие механизмы сотрудничества сторон по имплементации этих положений. Был проведен анализ политического, экономического и переговорного контекста вокруг соглашений для выявления факторов, повлиявших на включение определенных положений. Соглашения рассмотрены в хронологическом порядке их принятия, достижения согласия по ним или периода начала переговоров.

В рамках исследования проведен анализ одного инвестиционного и одиннадцати торговых соглашений ЕС второго поколения как принятых, так и находящихся на стадии переговоров. Соглашения второго поколения, о переходе к которым Европейская комиссия объявила в 2006 г., отражают задачи ЕС по повышению конкурентоспособности европейских компаний и устранению как торговых, так и иных препятствий, затрудняющих расширение глобальных операций их бизнеса. Они не ограничиваются созданием зон свободной торговли, охватывая такие сферы, как торговля услугами, охрана окружающей среды, технические стандарты, санитарные и фитосанитарные

² Австралия, Канада, Китай, Коста-Рика, Тайвань, Гонконг (Китай), Япония, Республика Корея, Новая Зеландия, Норвегия, Швейцария, Сингапур, США, Израиль, Турция и Исландия.

требования, защита интеллектуальной собственности, обеспечение равных условий конкуренции для государственных и частных предприятий, доступ к государственным закупкам, борьба с коррупцией, права наемных работников и потребителей, включая защиту персональных данных. Другой их отличительной особенностью является повышенное внимание к обеспечению прав человека и достижению целей устойчивого развития [Загашвили, 2020]. Приоритет был отдан соглашениям с наиболее значимыми для ЕС партнерами в Европе, Азии, Северной и Южной Америке, Австралии и Океании. В них не затрагиваются торговые договоры с африканскими государствами, так как большинство из них находятся на стадии пересмотра в соответствии с обновленными правилами ЕС. Ратифицированы следующие соглашения: Соглашение о свободной торговле между ЕС и Республикой Корея (2015), Всеобъемлющее торгово-экономическое соглашение между ЕС и Канадой (2017), Соглашение об экономическом партнерстве между ЕС и Японией (2019), Соглашение о свободной торговле между ЕС и Сингапуром (2019), Соглашение о свободной торговле между ЕС и Вьетнамом (2020), Соглашение о торговле и сотрудничестве между ЕС и Соединенным Королевством (2021). Соглашения, по которым достигнуто принципиальное согласие: Торговое соглашение между ЕС и Мексикой (переговоры завершены в 2018 г.); Торговое соглашение между ЕС и МЕРКОСУР (переговоры завершились в 2019 г.); Всеобъемлющее соглашение между ЕС и Китаем об инвестициях (переговоры завершены в 2020 г.); Торговое соглашение между ЕС и Новой Зеландией (переговоры завершены в 2022 г.). Находящиеся на этапе переговоров: Соглашение об экономическом партнерстве; Соглашение о свободной торговле между ЕС и Австралией (переговоры начались в 2018 г.); Соглашение о зоне свободной торговли с Индонезией (переговоры начались в 2016 г.).

Основные направления сотрудничества в рамках соглашений

Природоохранные положения впервые были предложены Европейским сообществом в торговом соглашении с группой государств КАРИФОРУМ, подписанном в 2008 г. Они включали сотрудничество в области экоинноваций и возобновляемых источников энергии (ВИЭ) (ст. 138), обеспечение рационального и устойчивого управления окружающей средой, содействие торговле товарами и услугами, полезными для окружающей среды (ст. 183). Там же были впервые сформулированы принципы, которые впоследствии вошли в главу «Торговля и устойчивое развитие» (ТУР): право на регулирование окружающей среды и уровни защиты (ст. 184), поддержание уровней защиты (ст. 188), опора на научную информацию (ст. 186) и включение принципа прозрачности (ст. 187).

Право на регулирование окружающей среды и уровни защиты закрепляют право каждой стороны самостоятельно определять политику в области окружающей среды для достижения собственного уровня ее защиты, принимать и изменять соответствующие законы, при этом стремится обеспечивать и поощрять высокий уровень охраны окружающей среды и продолжать совершенствовать политику в этой сфере. Принцип поддержания уровня защиты заключается в том, что стороны соглашаются не снижать предусмотренный законом уровень защиты и не отступать от законодательства с целью поощрения иностранных инвестиций или поддержания конкурентного преимущества.

В соглашение включен механизм консультаций сторон, в том числе при участии консультативного комитета ЕС – КАРИФОРУМ, а также создание комитета экспертов для разрешения споров [EU, 2008]. Впоследствии доработанный механизм правоприменения природоохранных положений был включен в главу «Торговля и устойчивое развитие».

Впервые отдельная глава «Торговля и устойчивое развитие», в которой были закреплены положения по борьбе с изменением климата, появилась в Соглашении о свободной торговле между ЕС и Республикой Корея [EU, 2011]. Она закрепляет ряд базовых экономически и политически значимых для ЕС направлений сотрудничества с партнерами. В табл. П1 (с. 119 данной статьи) представлено сравнение соглашений по признаку наличия или отсутствия каждого из данных направлений.

Устранение препятствий для торговли экологическими товарами и услугами и поощрение инвестиций

Задача по либерализации торговли ЭТУ в соглашениях о свободной торговле была обозначена в «Белой книге» – климатической стратегии ЕС 2009 г. и торговой стратегии 2010 г. В последней предлагается уделять особое внимание реализации разделов об устойчивом развитии в торговых соглашениях и тесному сотрудничеству с гражданским обществом, свободному транзиту и содействию торговле устойчивой энергетикой там, где барьеры в третьих странах препятствуют быстрому развитию европейской индустрии ВИЭ. Также в числе приоритетов ЕС расширение сотрудничества в области регулирования правил, стандартов, практики тестирования и сертификации, сближение отраслевого регулирования, широкое внедрение международных стандартов [ЕС, 2010]. В 2015 г. опубликована стратегия «Торговля для всех». В ней поставлена цель устранения тарифов на экологические товары, открытия рынков для экологических услуг и включения механизма для устранения нетарифных барьеров в будущем. Отдельно отмечается важность использования ВИЭ для экономического роста и торговли [ЕС, 2015].

Несмотря на рост амбиций ЕС в отношении либерализации торговли ЭТУ по мере принятия новых стратегий, реализация их в соглашениях с партнерами зависит целиком от успешного исхода переговоров. В табл. П1 (см. прил.) приведены торговые и инвестиционные соглашения в хронологическом порядке их принятия и можно заметить, что еще до принятия стратегии «Торговля для всех», в которой была поставлена цель по устранению торговых барьеров в ЭТУ, в соглашение с Кореей было включено положение об устранении нетарифных барьеров. После принятия новой торговой стратегии 2021 г., предполагающей более строгие климатические обязательства для партнеров, в проекты соглашений с Австралией, Новой Зеландией и Индонезией действительно вошли положения об устранении и тарифов, и НТБ, однако индонезийское соглашение не содержит обязательств по сближению или гармонизации стандартов в области энергоэффективности и ВИЭ.

Именно нетарифные барьеры часто становятся источником торговых споров и труднее подлежат количественной оценке. К. Беллман и К. ван дер Вен отмечают, что различные правила и стандарты в разных юрисдикциях на экологическую продукцию оправданы различиями во внутренних условиях или приоритетами государственной политики, однако дублирующий или расходящийся характер нормативных актов может привести к неэффективности и многочисленным трансакционным издержкам, особенно для малых и средних предприятий. Издержки могут включать затраты на сбор информации о нормативных требованиях на различных рынках, корректировку спецификации товаров для соответствия различным требованиям или проведение различных оценок соответствия для подтверждения соответствия [Bellman, van der Ven, 2020]. Устранение расхождений в регулировании и несовместимых нормативных требований может стать движущей силой для отставания субъектами бизнеса правил, аналогич-

ных амбициозным правилам юрисдикции, которая впервые их приняла [Biedenkopf, 2013].

Помимо экономических причин необходимо учитывать экологические риски. Если иностранные производители не обязаны соблюдать те же экологические стандарты, что и внутренние производители, существует риск переноса загрязняющих производств в страны с менее строгими экологическими требованиями. Подобные опасения усилились в последние годы в связи с разработкой ЕС более строгого инструмента контроля выбросов – механизма трансграничной углеродной корректировки (Carbon Border Adjustment Mechanism, CBAM) [Bellmann, van der Ven, 2020].

Соглашение ЕС – Корея содержит мягкую формулировку (не обязательство) о стремлении облегчать и продвигать торговлю и прямые иностранные инвестиции в экологические товары и услуги, включая экологические технологии, устойчивые возобновляемые источники энергии, энергоэффективные продукты и услуги и товары с экологической маркировкой, в том числе путем устранения соответствующих нетарифных барьеров (ст. 13.6). Также договором предусмотрен обмен мнениями о воздействии экологических правил, норм и стандартов на торговлю (прил. 13).

В CCT включено положение о том, что экологические стандарты не должны использоваться в протекционистских торговых целях, а в их сравнительном преимуществе ни в коем случае не следует сомневаться (ст. 13.2). Однако при этом цель главы ТУР заключается не в гармонизации экологических стандартов, а в укреплении торговых отношений и сотрудничества таким образом, чтобы способствовать устойчивому развитию (ст. 13.1). Фактически же высокие стандарты ЕС могут в ряде случаев восприниматься как протекционистские. Подобная ситуация сложилась в отношении трудовых стандартов, когда запрос со стороны группы экспертов ЕС был воспринят корейской стороной как попытка гармонизации [van 't Wout, 2022].

Соглашение предусматривает сотрудничество с целью продвижения торговли и инвестиций в товары с экологической маркировкой (ст. 13.6), а также обмен информацией и сотрудничество по эффективному внедрению частных и государственных схем сертификации и маркировки, включая экомаркировку (прил. 13). По мере усиления международной интеграции потребители, а также производители требуют совместимости и прозрачности маркировок на международном уровне. Кроме того, развивающиеся государства опасаются, что экомаркировка может стать косвенным способом создания барьеров для импорта, так как ее параметры основаны на данных из страны-импортера и могут завышать воздействие на окружающую среду в фактической стране производства. Таким образом, включение положений по сотрудничеству в сфере эко-маркировки может стать еще одной возможностью снижения нетарифных барьеров для производителей обеих сторон соглашения.

Помимо устранения нетарифных барьеров, в торговой стратегии 2010 г. была обозначена задача доступа европейских компаний к государственным закупкам в сегменте зеленых технологий [ЕС, 2010]. Соглашение ЕС – Республика Корея включает положение об обмене информацией и сотрудничестве по вопросам зеленых государственных закупок (прил. 13).

Эта же цель нашла отражение в положениях торгового соглашения между ЕС и Канадой [ЕС, 2017] об усилиях по облегчению и поощрению инвестиций в ЭТУ, в том числе путем снижения (но не устранения) нетарифных барьеров, устранения препятствий для торговли и инвестиций в ВИЭ (ст. 24.9). При этом каждая из сторон обязуется содействовать разработке и улучшению целей и стандартов в области экологических показателей и содействовать разработке добровольных схем, таких как экологическая маркировка (ст. 22.3). В соглашении не затрагивается вопрос сближения или гармо-

низации экологических стандартов, однако взаимное обязательство по их улучшению не позволяет повысить конкурентоспособность своей продукции за счет другой стороны. Де-факто к экологическим стандартам относится и положение об экомаркировке. В соглашении речь идет о поощрении разработки и использования соответствующих схем, но не о взаимном признании.

Соглашение ЕС – Мексика [ЕС, n.d.c.] предусматривает более активные действия в рассматриваемой сфере, обозначенные в главе «Энергетика и сырье». Стороны обязуются способствовать сотрудничеству между регулирующими органами и органами стандартизации для содействия сближению или гармонизации действующих стандартов в области энергоэффективности и ВИЭ, разработке общих стандартов, совместной работе для облегчения разработки стандартов испытаний, продвижению стандартов в отношении оборудования, включая дизайн продукции и маркировку (ст. 10). Глава ТУР также содержит обязательство содействовать торговле и инвестициям в ЭТУ, в том числе посредством устранения нетарифных барьеров. Стороны также обязуются продвигать торговлю товарами, на которые распространяются схемы экомаркировки (ст. 10).

Тем не менее имплементация положения затрудняется энергетической политики, проводимой администрацией мексиканского президента А.-М. Лопеса-Обрадора по пересмотру правил в энергетической отрасли. Действующие власти нацелены на установление приоритета государственных энергетических компаний, в том числе производителей ВИЭ, перед частными и иностранными фирмами. В 2019 г. был отменен публичный аукцион, предоставлявший иностранным инвесторам контракты на генерацию солнечной и ветряной энергии, позволяющие получать сертификаты чистой энергии, которые торгуются на рынке и дают возможность производителям чистой энергии иметь источник платежей для финансирования инвестиций в новые проекты. В 2020 г. мексиканский регулятор электроэнергии приостановил открытие новых электростанций на возобновляемых источниках, утверждая, что перебои с ветровой и солнечной энергией угрожали надежности электроснабжения страны во время коронавирусного кризиса [Reuters, 2020]. ЕС отреагировал на ограничение официальным письмом, в котором выразил озабоченность тем, что правила угрожают иностранным инвестициям в энергетический сектор, а новые правила негативно влияют на 44 проекта по возобновляемой энергетике в Мексике и поставят под угрозу инвестиции компаний ЕС на сумму свыше 6,4 млрд долл. В 2022 г. была заблокирована деятельность четырех компаний из ЕС, являющихся операторами солнечных и ветряных электростанций общей мощностью более 1500 МВт [Stillman, 2022]. В вышедшем в 2021 г. законе Федеральная комиссия по электроэнергии Мексики отдала приоритет гидро- и тепловым электростанциям, в то время как частные ветряные и солнечные станции должны дождаться очереди на получение разрешения для ввода в эксплуатацию. Комиссия объяснила введение этого решения для электростанций, не имеющих конструктивного прогресса или создающих риски для национальной энергетической системы [Medinilla, 2021]. Официальной реакции ЕС на последние события пока не последовало, однако проводимая политика может быть расценена как нарушение условий соглашения и создать первый прецедент рассмотрения спора по экологической составляющей главы ТУР.

Соглашение ЕС с Японией [ЕС, 2018] не содержит обязательств по снижению или устранению тарифов или нетарифных барьеров в ЭТУ. Глава ТУР содержит мягкую формулировку (не обязательство) о стремлении содействовать торговле и инвестициям в ЭТУ, а также торговле и инвестициям в климатически значимые товары и услуги (ст. 16.5). Соглашение также предусматривает содействие торговле и инвестициям

в товары, являющиеся предметом схем маркировки, и признает вклад добровольных инициатив в обеспечение устойчивости (ст. 16.5).

Договор ЕС с МЕРКОСУР [ЕС, 2019] часто подвергается критике со стороны экологических организаций, правозащитников и других институтов гражданского общества за недостаточно амбициозные, по их мнению, цели в области защиты климата. В свете дискуссий сторон в итоговый текст соглашения не вошла предложенная ЕС глава «Энергетика и сырье», а из первоначальной версии главы ТУР были исключены положения о продвижении торговли ВИЭ и энергоэффективными продуктами и услугами путем устраниния нетарифных барьеров (ст. 10) и параграф по сотрудничеству в области международного режима изменения климата, включая средства продвижения низкоуглеродных технологий и энергоэффективности (ст. 13). В итоговый текст главы соглашения вошли обязательства содействовать торговле и инвестициям в товары и услуги, способствующие улучшению экологии, в том числе имеющие особое значение для смягчения и адаптации к последствиям изменения климата (ст. 12), однако способы поощрения не обозначены. Сотрудничество сторон по схемам экомаркировки ограничивается обменом опытом и информацией (ст. 13) и не предполагает процедур взаимного признания.

Фактически наибольшую заинтересованность в развитии торговли ВИЭ ЕС выражал в отношении биотоплива, а именно этанола, крупнейшим производителем которого, наряду с США, является Бразилия. Этanol стал единственным энергетическим сырьем, по которому был достигнут консенсус в соглашении. Либерализация его продажи вызвала резкую критику со стороны природоохранных организаций: отмечается, что соглашение приведет к шестикратному увеличению экспорта этанола на основе сахарного тростника в ЕС, который используется в качестве зеленого транспортного топлива. Экологические активисты опасаются, что рост спроса на него может привести к расширению выращивания сахарного тростника, дальнейшей деградации земель, нехватке водных ресурсов и утрате биоразнообразия, что абсолютно противоречит целям соглашения [Changoe, 2021]. В оценке воздействия на устойчивость, проводимой по заказу ЕС накануне подписания соглашения, аналитики пытаются снять опасения по поводу возможного масштабного роста импорта этанола и связанных с ним последствий для природы и климата. Утверждается, что принятая ЕС Директива о возобновляемых источниках энергии на период 2020–2030 гг. установила ограничения на долю биотоплива и биожидкостей не более 7% конечного потребления энергии в секторах автомобильного и железнодорожного транспорта [LSE, 2020]. В настоящее время также обсуждается возможность частичного пересмотра соглашения.

Торговая сделка с Сингапуром [EU, 2019] обеспечивает максимально высокую степень либерализации торговли ВИЭ. Она включает главу, впоследствии вошедшую во все соглашения ЕС со странами АСЕАН: «Нетарифные барьеры для торговли и инвестиций в производство возобновляемой энергии». Глава включает обязательство по сотрудничеству в устраниении и снижении тарифов, нетарифных барьеров для ВИЭ и устойчивых неископаемых источников и сближению регулирования с региональными и международными стандартами или приближении к ним (ст. 7.1). Отдельная статья закрепляет приоритет международных или региональных стандартов³ в отношении ВИЭ в качестве основы для технических регламентов сторон. Кроме того, ЕС и Сингапур обязуются принимать декларации о соответствии от поставщиков без дополнительных требований с целью размещения продуктов на рынке (ст. 7.5). В рамках создаваемого

³ Органами, устанавливающими стандарты, являются Международная организация по стандартизации и Международная электротехническая комиссия.

торгового комитета стороны могут сотрудничать по таким вопросам, как технические регламенты, стандарты и процедуры оценки соответствия, содействие сближению технических регламентов, нормативных концепций, стандартов, требований и процедур оценки соответствия с международными стандартами (ст. 7.7). Глава ТУР закрепляет намерение сторон устраниТЬ нетарифные барьеры в торговлю и инвестиции в ЭТУ в целом (ст. 12.11) путем принятия соответствующих политических рамок и поощрения стандартов, отвечающих экологическим и экономическим потребностям и сводящим к минимуму технические препятствия для торговли (ст. 12.11). Сотрудничество в области схем сертификации, включая экомаркировку, предполагает лишь обмен информацией (ст. 12.10), но не гармонизацию.

Несмотря на то что соглашение ЕС с Вьетнамом [EU, 2020] формулировалось на основе CCT с Сингапуром, оно имеет ряд отличий в части либерализации торговли экологическими товарами и услугами. Аналогичная сингапурской глава по энергетике включает положение об устранении или снижении только нетарифных барьеров, однако также предполагает развитие сотрудничества при учете региональных и международных стандартов (ст. 7.1). Вьетнамский рынок возобновляемой энергии преимущественно представлен отечественными компаниями, а иностранные инвесторы – в основном странами АСЕАН [IUCN, 2022]. Ввиду этого отсутствие договоренностей об устранинии тарифов, вероятнее всего, связано с желанием Вьетнама сохранить конкурентоспособность своих производителей. Тем не менее в тексте прописано множество действий по снижению НТБ, в их числе обязательства сторон: воздерживаться от принятия мер, предусматривающих требования создания партнерств с местными компаниями, а также требования к местному содержанию, обеспечение прозрачности процедур авторизации, сертификации и лицензирования и т.д. (ст. 7.4). Кроме того, как и в соглашении с Сингапуром, предусмотрено приоритетное использование международных стандартов (ст. 7.5). Глава по устойчивому развитию дополняет обязательства по содействию торговле и инвестициям в ЭТУ, включая ВИЭ и энергоэффективные технологии, посредством внедрения наилучших доступных технологий и поощрения разработки добровольных схем сертификации, включая экомаркировку (ст. 13.10).

Инвестиционное соглашение с Китаем [EU, 2021] все еще не ратифицировано. Первоначально процесс был заморожен после введения ЕС санкций в отношении нескольких китайских чиновников, связанных с лагерями для интернированных в Синьцзяне. Пекин ответил введением множества ответных санкций против различных должностных лиц и агентств ЕС, в результате чего Брюссель официально приостановил переговоры о ратификации. В период заключительной работы над соглашением ЕС выпустил постановление о проверке ПИИ. Официально оно не является дискриминационным, но аналитики, включая китайских, посчитали его направленным против Китая из-за возможного ограничения инвестиций в «критическую» инфраструктуру, технологии и ресурсы, в том числе в энергетическом секторе, где китайские инвесторы были активны [Sattich et al., 2021], а также несовместимости с принципом ЕС о свободе движения капитала [Duchâtel, 2020]. Тем не менее нельзя отрицать взаимозависимость сторон в секторе ВИЭ. Взаимные интересы составляют основу обширной торговли солнечными фотоэлектрическими панелями и редкоземельными элементами, используемыми в этом секторе, передачи интеллектуальной собственности, исследований, консалтинга и т.д. Либерализация инвестиций необходима ЕС, однако вместе с тем союз стремится защитить внутренний рынок. Вероятнее всего, поэтому в соглашении нашло отражение обязательство содействовать и облегчать инвестиции в климатически значимые товары, однако лишь путем принятия политических рамок, способству-

ющих внедрению экологически чистых технологий (ст. 6), но не путем устранения тарифов или НТБ.

Соглашение ЕС с Великобританией [EU, 2021] выделяется среди других торговых сделок ЕС из-за необходимости разделения зон влияния по комплексу вопросов, ранее находившихся в исключительном ведении ЕС. Поэтому природоохранным и климатическим мерам в нем уделено наибольшее внимание среди рассмотренных соглашений. Соглашение содержит обязательство содействовать устраниению препятствий торговле и инвестициям в ЭТУ, в том числе климатически значимыми товарами, путем устранения тарифов, нетарифных барьеров и принятия политических рамок, способствующих внедрению наилучших доступных технологий (ст. 401, 405). Сотрудничество не ограничивается двусторонним уровнем, стороны также обязуются совместно работать на многосторонних форумах, в том числе предлагая инициативы по продвижению ЭТУ путем устраниния тарифных и нетарифных барьеров (ст. 400). Для устраниния нетарифных барьеров стороны способствуют сотрудничеству между регулирующими органами и органами по стандартизации для содействия разработке международных стандартов в отношении энергоэффективности и ВИЭ (ст. 323). Отдельно регламентируются процедуры, упрощающие проведение оценки соответствия (ст. 93) и взаимного признания технических регламентов, в том числе на основе международных стандартов (ст. 91). Кроме того, торговля энергоэффективными товарами и ВИЭ частично регулируются общей главой «Технические барьеры в торговле», гораздо более подробно определяющей процедуры по либерализации торговли товарами.

Тексты CCT с Австралией [EC, n.d.a] и Новой Зеландией [EC, n.d.b] содержат идентичные положения и будут рассмотрены совместно. Оба соглашения, как и в случае CCT ЕС – Сингапур, включают положения, обеспечивающие высокую степень либерализации для торговли и инвестиций в экологические товары и услуги. Они включают устраниние тарифных и нетарифных барьеров для климатически значимых товаров и услуг, принятие политических рамок для внедрения наилучших доступных технологий (ТУР, ст. 5), сотрудничество на двусторонней, региональной и международной основе, в том числе инициативы по продвижению ЭТУ путем устраниния тарифных и нетарифных барьеров (ТУР, ст. 4). Как и в соглашении ЕС – Великобритания, для регулирования ВИЭ и энергоэффективных технологий применяются положения главы «Технические барьеры в торговле». Помимо этого, стороны содействуют сотрудничеству между регулирующими органами и органами по стандартизации по таким направлениям, как сближение и гармонизация действующих стандартов по энергоэффективности и ВИЭ, разработка общих стандартов, совместная работа в области анализа, разработки методологии, тестов и стандартов измерений, продвижение стандартов на оборудование для производства ВИЭ и повышения энергоэффективности, включая экомаркировку (ЭиС, ст. 15).

Предложенный ЕС текст соглашения с Индонезией [EC, n.d.e] включает обязательство по содействию торговле климатически значимыми товарами путем устраниния нетарифных барьеров и принятия политических рамок для внедрения наилучших доступных технологий (ТУР, ст. 10). Проект двух статей по энергетике включает направления сотрудничества между регулирующими органами и органами по стандартизации, аналогичные обозначенным в соглашениях ЕС с Австралией и Новой Зеландией (ст. Y.2). Дополнительно включается статья по взаимному признанию результатов испытаний: стороны принимают протоколы испытаний по энергоэффективности, выданные органом, подписавшим соглашения о взаимном признании в рамках Международной организации по аккредитации лабораторий или Международного форума по аккредитации (ст. Y.3).

Проблематика изменения климата в торговых соглашениях ЕС

Отдельная статья по торговле и изменению климата присутствует не во всех соглашениях, при этом ее включение не зависит от хронологии принятия соглашения. Она вошла в соглашение с МЕРКОСУР, но не с Сингапуром, переговоры по обоим были завершены в 2019 г.

Все рассмотренные документы, кроме соглашения ЕС – Канада, содержат подтверждение обязательства по достижению конечной цели РКИК ООН. Соглашения с Кореей, Японией, Сингапуром, Вьетнамом, Индонезией и МЕРКОСУР содержат ссылки на Киотский протокол. После заключения в 2015 г. Парижского соглашения последующие торговые соглашения ЕС (все принятые после договоров с Кореей и Канадой) стали включать ссылки на его обязательства. Как отмечает К. Дент, ссылки на МПС в торговых и инвестиционных соглашениях ЕС, направленные на поддержку РКИК ООН, подтверждают международные юридические обязательства стран и исключают необходимость какого-либо их дублирования в соглашениях. Кроме того, дипломатия более эффективна, если включает юридически обязательные меры [Dent, 2021]. Кроме того, соглашения предполагают взаимодействие на международных форумах – во всех документах, кроме соглашения с Китаем, в этом контексте упоминаются такие площадки, как ВТО и Программа ООН по окружающей среде (последняя – кроме Великобритании). Соглашения с Мексикой, Великобританией, Австралией, Новой Зеландией и Индонезией также содержат ссылку на Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой. Помимо перечисленных, некоторые соглашения имеют другие отличия и дополнения. Все соглашения содержат обязательства по взаимодействию на международных форумах, включая ВТО, Программу ООН по окружающей среде и многосторонние природоохранные соглашения. Стороны обязуются содействовать ратификации МПС, взаимодействовать по торговым аспектам МПС, включая таможенное сотрудничество.

В соглашение ЕС – Корея статья по климату не включена, однако обязательства по поддержке целей РКИК ООН, многостороннему сотрудничеству и поддержке МПС включены в другие статьи главы ТУР и прил. 13. Также в соглашение вошло отдельное положение о сотрудничестве по связанным с торговлей аспектам борьбы с изменением климата, включая вопросы, касающиеся глобальных углеродных рынков (прил. 13). Республика Корея запустила свою систему торговли квотами (СТК) в 2015 г., в тот же год былоratифицировано соглашение с ЕС. В 2016 г. был запущен трехлетний проект сотрудничества в поддержку ее внедрения. Бюджет проекта составил 3,5 млн евро, финансирование было обеспечено в рамках Инструмента партнерства ЕС с взносом от правительства Кореи под совместным управлением ЕС и Министерства финансов Кореи. На стадии запуска находится проект сотрудничества в области низкоуглеродных мер. Он представляет собой форум для углубленного диалога в контексте перехода к чистой энергетике и зеленого восстановления [Pardo, 2021].

В соглашение ЕС с Канадой также не входит статья по климату. Обязательства по борьбе с изменением климата включены в рассмотренные ранее положения об устранении торговых препятствий в средства адаптации. Канадское соглашение является единственным из рассмотренных, где отсутствуют ссылки на РКИК ООН, Киотский протокол или Парижское соглашение. Канада вышла из Киотского протокола в 2011 г., а Парижское соглашение вступило в силу уже после подписания соглашения с ЕС. Однако в статье по международному природоохранному руководству и соглашениям (ст. 24.4) стороны подтверждают приверженность эффективному осуществлению

МПС и взаимодействию по торговым вопросам (ст. 24.12). Сравнительно небольшое внимание уделяется сотрудничеству в области продвижения ВИЭ, энергоэффективных и других климатически безопасных технологий. Помимо устранения препятствий в торговле, стороны обязуются сотрудничать в сфере торговли и инвестиций в экологические товары и услуги, в частности в рамках Диалога высокого уровня по вопросам энергетики. В числе приоритетных тем – научные инновации с упором на технологии улавливания и хранения углерода (УХУ), интеллектуальные сети, водородные технологии, сотрудничество на международных форумах, в рамках Международного агентства по возобновляемой энергетике (IRENA) и Международного энергетического агентства (МЭА). В реальности сотрудничество в рамках Комитета по торговле и устойчивому развитию, постоянного органа, создаваемого соглашением, гораздо шире обозначенных в тексте направлений. На заседаниях комитета стороны согласовывают совместные мероприятия, например, семинар и саммит по чистым технологиям, сотрудничество по ценообразованию на выбросы углерода, пограничные корректировки выбросов, в том числе европейский МТУК (СВАМ), совместную работу по торговле и климату в ВТО и т.д. [Government of Canada, n.d.].

Глава ТУР ЕС – Мексика включает статью по мерам в отношении изменения климата. Стороны способствуют вкладу торговли в переход к устойчивой низкоуглеродной экономике и к климатически устойчивому развитию, зеленому экономическому росту, включая адаптацию на основе экосистем, ВИЭ и энергоэффективных решений. Сотрудничество может подразумевать подготовку и принятие мер по ценообразованию на выбросы углерода, включая системы торговли выбросами, экосистемную адаптацию и подходы к адаптации управления водными ресурсами, продвижение инклюзивного зеленого роста и экономики замкнутого цикла, защиту и восстановление экосистем (ст. 13). Реализация положений ведется преимущественно в рамках инициативы «Команда Европы» и включает совместное с Европейским инвестиционным банком финансирование в размере 20 млн евро для перехода к зеленым технологиям, в том числе энергетического перехода, создания экономики замкнутого цикла, достижения устойчивой мобильности и внедрения экосистемных решений [Serrano Caballero, 2022]. Проект мексиканской СТК основан на европейской модели. Однако в отличие от Кореи Мексика получила техническую поддержку в ее развитии не от ЕС, а от Германии через Немецкое агентство по международному сотрудничеству [Gutierrez González, 2021]. Стороны также взаимодействуют в рамках Монреальского протокола (ст. 5), включая меры по контролю за производством и потреблением и торговлей озоноразрушающими веществами (ОРВ) и гидрофторуглеродами (ГФУ), внедрение экологически безопасных альтернатив, обновление стандартов и борьбу с незаконной торговлей (ст. 13). В 2017 г. правительства Мексики, Колумбии, Коста-Рики, Кубы, Гренады, Парагвая и Венесуэлы запустили проект «Устойчивый и благоприятный для климата поэтапный отказ от озоноразрушающих веществ» для принятия мер по снижению выбросов ГФУ, финансируемый ЕС и Федеральным министерством экономического сотрудничества и развития Германии [González et al., 2021].

Статья по изменению климата в соглашении с МЕРКОСУР включает обязательства по содействию вкладу торговли по снижению выбросов и устойчивому к изменению климата развитию, в том числе путем повышения адаптации (ст. 6). В тексте главы ТУР присутствуют обязательства по эффективному осуществлению МПС (ст. 5). Как было отмечено выше, помочь в реализации одного из МПС, Монреальского протокола, ЕС оказывает члену МЕРКОСУР – Парагваю. В текущей редакции текст подвергался критике природоохранных организаций как стран ЕС, так и МЕРКОСУР из-за недостаточно амбициозных целей по борьбе с изменением климата. Эксперты отмеча-

ют, что в формулировке о сотрудничестве по вопросам изменения климата фраза «при необходимости» снимает с государств обязательство сотрудничать по вопросам изменения климата [Ghiotto, Echaide, 2019]. С момента приостановки ратификации по инициативе Австрии в ЕС продолжаются дискуссии относительно частичного пересмотра текста соглашения. В 2021 г. ЕС заявил о возможности подготовки дополнительного соглашения, включающего гарантии по защите окружающей среды [Ayres, Boadle, Caram, 2022].

Соглашение ЕС с Сингапуром не включает статью об изменении климата. Однако содержит обязательства по многосторонним климатическим договорам и реализации в своем законодательстве МПС (ст. 12.6). В текст включено положение о том, что стороны разделяют цель постепенного сокращения субсидий на ископаемое топливо и признают необходимость учитывать сокращение парниковых газов при разработке систем государственной поддержки ископаемого топлива. Сокращения могут сопровождаться мерами по смягчению социальных последствий (ст. 12.11). В рамках торгового комитета, создаваемого соглашением, предполагается сотрудничество по разработке мер, способствующих использованию энергии из возобновляемых источников, улавливанию и хранению углерода и энергоэффективности (ст. 7.7). Хотя с момента ратификации соглашения прошло сравнительно мало времени, комитет по торговле и устойчивому развитию в рамках первого совещания наметил направления сотрудничества с правительствами и компаниями ЕС на ближайшие годы в сферах промышленной энергоэффективности, солнечной энергетики, систем хранения энергии, водородной промышленности, улавливания, утилизации и хранения углерода [ЕС, 2020].

Статья по изменению климата в соглашении ЕС – Вьетнам включает обязательства по эффективной реализации МПС и сотрудничеству на международных форумах, в том числе Азиатско-европейское совещание. Взаимодействие предполагает обмен опытом в таких сферах, как передовая практика в области разработки и внедрения ценообразования на углерод, продвижение внутренних и международных углеродных рынков, в том числе с помощью систем торговли выбросами и сокращения выбросов из-за обезлесения, продвижение энергоэффективности, технологий с низким уровнем выбросов и ВИЭ (ст. 13.6). ЕС оказывает существенную финансовую поддержку по развитию ВИЭ во Вьетнаме. Еще до заключения соглашения была запущена Многолетняя индикативная программа на 2014–2020 гг., в рамках которой оказывалась финансовая поддержка сектору устойчивой энергии. Сумма гранта составила 346 млн евро. В 2018 г. Европейская комиссия совместно с Министерством промышленности и торговли Вьетнама запустила Энергетический фонд ЕС – Вьетнам на сумму 108 млн евро, выделенных ЕС и Федеральным министерством экономического сотрудничества и развития Германии [GIZ Energy Support Programme, n.d.].

Статья по изменению климата в соглашении ЕС с Китаем содержит достаточно сжатый набор положений, согласно которым стороны обязуются эффективно выполнять РКИК ООН и Парижское соглашение, включая свои обязательства в отношении ОНУВ, продвигать и облегчать инвестиции в климатические товары и услуги и принимать политические рамки, способствующие внедрению экологически безопасных технологий. Сотрудничество по изменению климата стороны осуществляют как на двусторонней основе, так и в рамках международных форумов (ст. 6). Несмотря на столь небольшое количество климатических обязательств в рамках соглашения, ЕС и Китай сотрудничают по многим направлениям борьбы с изменением климата. В 2016 г. была подписана Дорожная карта по энергетическому сотрудничеству, а с 2019 г. функционирует Платформа по энергетическому сотрудничеству. Дорожная карта до 2020 г. включала взаимодействие с целью стимулирования инвестиций в ВИЭ, развитие рас-

пределенной генерации и когенерации электроэнергии на основе ВИЭ и т.д. Платформа осуществляет координацию взаимодействия европейских компаний с Китаем в реформировании его энергетического сектора, обмен опытом, практикой и инновациями [EU – China Energy Cooperation Platform, n.d.]. В 2014 г. был запущен проект ЕС – Китай по развитию китайской СТК, в рамках которого ЕС оказывал техническую поддержку в запуске региональных пилотных СТК.

Вопросы климата при подготовке соглашения ЕС и Великобритании были предметом острых дискуссий в переговорный период. ЕС настаивал на том, чтобы обеспечить свободный от тарифов и квот доступ к единому рынку, а Великобритания должна взять на себя твердые политические обязательства по недопущению регресса в отношении окружающей среды и создать независимый, хорошо обеспеченный ресурсами природоохранный контрольный орган для контроля их выполнения. Некоторые эксперты критиковали Управление по охране окружающей среды – новый орган, которому были переданы функции контроля, отмечая, что он не является независимым, так как финансируется из бюджета Департамента по окружающей среде, и не наделен четко гарантированным в законе полномочием правоприменения, например, в части взыскания штрафов. Кроме того, после выхода из ЕС полномочия многих секторов, затрагивающих климатическую политику, были неравномерно переданы администрациям в Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии, что ставит вопрос о новых способах сотрудничества для сокращения выбросов и адаптации к последствиям изменения климата. Усложняет положение и ситуация, сложившаяся в Северной Ирландии после Brexit: некоторые аспекты политики ЕС, включая законы о фторированных парниковых газах, энергетической маркировке и качестве топлива, будут по-прежнему применяться в Северной Ирландии [Moore, Jordan, 2021].

Тем не менее включенные в соглашение климатические обязательства являются одними из самых сильных среди рассмотренных соглашений и закреплены в отдельной главе, в соглашении подтверждаются обязательства ЕС и Великобритании по достижению климатической нейтральности к 2050 г. (ст. 355). В соглашении зафиксировано стремление сторон достичь целей по доле ВИЭ к 2030 г., зафиксированной в их национальных планах (32% для ЕС, 65% для Великобритании) и цели по сокращению выбросов парниковых газов (ст. 319, 390). Отдельная статья посвящена механизмам ценообразования на выбросы углерода, где закрепляются обязательства сторон по созданию эффективной системы ценообразования на выбросы с 1 января 2021 г. Система должна охватывать выбросы в результате производства энергии, тепла, промышленности и авиации. Стороны сотрудничают в вопросе установления цен на выбросы и должны рассмотреть возможность увязки своих систем для сохранения их целостности (ст. 392). Стороны, помимо прочего, сотрудничают в рамках ИМО и ИКАО. Такое сотрудничество может включать разработку мер по сокращению парниковых газов в судоходстве и авиации, поддержку постепенного отказа от ГФУ и внедрение экологически чистых альтернатив (ст. 401).

Сотрудничество в области ВИЭ включает совместные усилия по облегчению интеграции электроэнергии из возобновляемых источников, развитие прибрежной ветряной энергии, в том числе создание специального форума для поддержки развития морских сетей. Также включено обязательство по поощрению исследований, разработок и инноваций в области энергоэффективности и возобновляемых источников энергии (ст. 319–321, 324).

Отдельным направлением климатического сотрудничества является политика субсидирования. Субсидии на обезуглероживание выбросов, связанных с собственной промышленной деятельностью, должны обеспечить общее сокращение выбросов пар-

никовых газов. Субсидии на повышение энергоэффективности собственной производственной деятельности должны повышать энергоэффективность за счет сокращения потребления энергии либо непосредственно, либо на единицу продукции (прил. 27).

Климатические обязательства в текстах соглашений Австралии и Новой Зеландии практически идентичны. Статья по изменению климата (ст. 5 и 6 соответственно) включает обязательства в том числе по ОНУВ, по взаимной поддержке торговой климатической политики, совместной работе в рамках ИМО. Сотрудничество может включать продвижение ВИЭ, энергоэффективных технологий, меры по установлению цен на выбросы углерода, включая СТК, устойчивый транспорт, развитие климатоустойчивой инфраструктуры, мониторинг выбросов. В рамках ИМО сотрудничество предполагает поддержку разработки мер по сокращению выбросов в судоходной отрасли. Сотрудничество в рамках Монреальского протокола предполагает поддержку поэтапного отказа от ОРВ и ГФУ и внедрение экологических альтернатив, а также обновление стандартов безопасности и борьбу с незаконной торговлей веществами, регулируемыми протоколом. Обязательства по сотрудничеству в рамках МПС включают их эффективное выполнение и обмен мнениями о ратификации (ст. 4 и 5 соответственно).

В процессе переговоров по соглашению ЕС с Австралией возникла дискуссия относительно необходимости включения отдельной главы по энергетике. Австралия предлагала включать соответствующие положения в основные главы, объясняя это тем, что трудность вызывает мультиюрисдикционная система регулирования энергетических рынков и некоторых видов сырья в Австралии [Government of Australia, 2018]. Важно отметить, что Австралия выражает приверженность развитию климатически безопасных технологий, в том числе в области энергетики, однако, как обозначено в Австралийском плане по достижению климатической нейтральности, страна не намерена отказываться от ископаемых источников энергии, предпочитая компенсировать их негативное воздействие внедрением технологий по улавливанию углерода [Australian Government, 2021]. Тем не менее ожидается, что переговоры могут получить новый импульс после победы на выборах лейбористского правительства, нацеленного на внедрение более амбициозного законодательства в области изменения климата.

Соглашение с Новой Зеландией включает отдельный параграф по реформе субсидий на ископаемое топливо. Новая Зеландия настаивала на включении в соглашение обязательств по постепенному отказу от субсидий на ископаемое топливо с самого начала переговоров. Государство реализует масштабный тринадцатилетний план по декарбонизации экономики, а в 2018 г. запретило разработку шельфовых месторождений. В статье стороны признают, что субсидии на ископаемое топливо не соответствуют целям Парижского соглашения, разделяют цель реформирования и постепенного сокращения субсидий и подтверждают приверженность достижению этой цели. Стороны будут сотрудничать на двусторонней основе и международных форумах, прежде всего в рамках ВТО, поощряя других членов ВТО к продвижению реформы и внедрению новых правил субсидирования ископаемых видов топлива. В том числе за счет отчетности, позволяющей оценить торговые, экономические и экологические последствия программ субсидирования ископаемого топлива (ст. 7).

Климатическое сотрудничество в рамках соглашения ЕС – Индонезия включает аналогичные соглашениям с Австралией и Новой Зеландией обязательства по многосторонним договорам, содействие торговли низкоуглеродному развитию (ст. 5). Совместная работа может включать, помимо уже упомянутого, реализацию МПС, в том числе таможенное сотрудничество и поддержку участия друг друга в МПС, продвижение низкоуглеродных технологий и энергоэффективности, контроль производства и потребления ОРВ и ГФУ, внедрение безопасных альтернатив (ст. 13).

Устойчивое управление лесами

Предотвращение обезлесения является важным направлением сотрудничества, учитывая угрозу незаконных рубок и масштабных лесных пожаров. Включение мер по борьбе с незаконной лесозаготовкой имеет значение не только для экологии, но и для экономики европейских производителей древесины, продукция которых, ввиду соблюдения европейских стандартов лесозаготовки и ее высокой стоимости, окажется неконкурентоспособной по сравнению со странами с менее высокими стандартами. Эта проблема особенно актуальна для Вьетнама и Индонезии, а при подготовке соглашения с МЕРКОСУР стала препятствием для его заключения. Из всех рассмотренных соглашений только ЕС – Корея не включает отдельную главу по устойчивому управлению лесами. Однако содержит рамочные договоренности в отношении сотрудничества по борьбе с обезлесением, в том числе путем решения проблем, связанных с незаконными рубками. Корея, наряду с Китаем и Японией, является участником Азиатской программы Европейского союза – Плана действий по обеспечению соблюдения лесного законодательства, управлению и торговле – АСЕАН +3, которая привлекает страны для изучения путей совместной работы по ограничению поступления незаконно заготовленной древесины на их рынки [EFI, n.d.].

Особенностью соглашения ЕС с Канадой является создание механизма Двустороннего диалога по лесным товарам. Механизм дает сторонам полномочия по сотрудничеству в разработке и принятию соответствующих законов, правил и стандартов, требований к сертификации и аккредитации и их потенциального влияния на торговлю. Также стороны могут выносить на обсуждение инициативы по устойчивому использованию и управлению лесами, механизмам обеспечения законного происхождения товаров, доступе лесной продукции на рынки сторон или другим рынкам и по перспективам многосторонних организаций и процессов в данной сфере (ст. 25.3). Диалог, по сути, открывает для каждой из сторон возможности влияния на разработку нормативных актов.

Остальные рассмотренные соглашения содержат примерно идентичный набор обязательств, в их числе: поощрение торговли продукцией из устойчиво управляемых лесов, поощрение мер по борьбе с незаконной вырубкой леса и связанной с ней торговлей, обмен информацией об инициативах по устойчивому лесопользованию и сохранению лесного покрова, сотрудничество на двусторонней основе и в рамках международных форумов. Соглашение с Сингапуром также содержит положение о поощрении эффективных мер по сертификации устойчиво производимой древесины (ст. 12.10). Соглашения с Вьетнамом и Индонезией дополнительно содержат положение о заключении (Вьетнам) и осуществлении (Индонезия) Соглашения о добровольном партнерстве в области управления и торговли правоохранительными органами в лесном секторе (ст. 13.8 и 7 соответственно). Индонезия является участником соглашения с 2013 г., Вьетнам – с 2018 г.

Соглашение с МЕРКОСУР подверглось масштабной критике со стороны природоохранных организаций и представителей гражданского общества ЕС еще на этапе переговоров, что во многом связано с лесной политикой, проводимой президентом Бразилии Жаиром Болсонару. Стороны достигли политического соглашения в июне 2019 г., в первый год президентства Болсонару, и даже за этот короткий период между инаугурацией и заключением политического соглашения ЕС – МЕРКОСУР темпы вырубки лесов Амазонки многократно возросли, причем треть из них приходилась на заповедные территории, а бразильские природоохранные организации выступили с открытым письмом к Европейской комиссии с требованием прекратить переговоры,

гарантировать, что бразильские товары, поступающие на рынки ЕС, не ведут к увеличению вырубки лесов, и требовать у правительства Бразилии доказательств выполнения обязательств страны в рамках Парижского соглашения [FERN, 2019]. По мнению экологов, либерализация сельскохозяйственной продукции, прежде всего мясной, приведет к дальнейшим масштабным вырубкам в дельте Амазонки для создания пастбищных угодий [Arima et al., 2021]. Процесс подписания соглашения был заморожен по инициативе Австрии, Франции и Ирландии, которые заявили, что заблокируют ратификацию, если Болсонару не согласится на внедрение эффективных мер по борьбе с обезлесением и лесными пожарами [The Guardian, 2020]. Сложность заключается в том, что механизм правоприменения соглашения не включает санкционные механизмы за нарушение положений соглашения. Возможность возвращения к переговорам появилась после выборов в Бразилии и победы Лулы да Сильва, который пообещал пересмотреть политику предшественника и обеспечить защиту лесов в дельте Амазонки. Как уже отмечалось ранее, ЕС заявил о возможности подготовки дополнительного соглашения, включающего гарантии по защите окружающей среды [Ayres, Boadle, Caram, 2022]. Однако учитывая, что с 2019 г. ЕС принял ряд новых документов, посвященных положениям о климате и экологии в торговых соглашениях (в частности, План действий из 15 пунктов), эксперты Европейского парламента не исключают возможности переговоров о пересмотре положений соглашения с целью адаптации к новым целям ЕС [Malamud, 2022]. В случае принятия решения о пересмотре положений главы у сторон есть шансы на успешный исход переговоров.

Соглашение между ЕС и Китаем не включает регулирование в области устойчивого управления лесами в силу характера документа, который подразумевает регулирование инвестиционного, а не торгового сотрудничества. Тем не менее еще в 2009 г. Китай и ЕС учредили Двусторонний координационный механизм по вопросам обеспечения соблюдения лесного законодательства и управления (Forest Law Enforcement and Governance, FLEG), в рамках которого ежегодно обмениваются информацией в областях, представляющих взаимный интерес и координируют совместные действия. Среди направлений сотрудничества: поддержка принятия в Китае нового законодательства о содействии легальной заготовке древесины и лесоматериалов; развитие трехстороннего сотрудничества между Китаем, Индонезией и ЕС по содействию торговле законно поставляемой древесиной и лесоматериалами; обеспечение синергизма и укрепление сотрудничества между Китаем и странами, заключившими с ЕС соглашения о добровольном партнерстве в рамках FLEGT в Азии и Африке [ЕС, n.d.f]. Кроме того, инвестиции Европейского инвестиционного банка в Китай позволили мобилизовать порядка 9 млрд евро в проекты в области лесного хозяйства, создать около 800 тыс. га леса, сократив тем самым 2,5 млн тонн выбросов парниковых газов в год [Delegation of the European Union to the PRC, n.d.].

Институциональные механизмы главы «Торговля и изменение климата»

Зафиксированный впервые в соглашении ЕС с Кореей механизм правоприменения главы впоследствии вошел во все соглашения. Каждая сторона назначает внутри своей администрации подразделение, которое служит контактным пунктом в целях осуществления главы. Учреждается комитет по торговле и устойчивому развитию, состоящий из старших должностных лиц из администраций. Он проводит заседания в течение первого года после вступления в силу соглашения, а затем – по мере необходимости

для контроля имплементации главы (13.12). Также каждая сторона создает национальную консультативную группу, состоящую из независимых организаций гражданского общества. Члены группы собираются на ежегодном форуме гражданского общества, целью группы является консультирование по вопросам применения главы (ст. 13.13).

Для разрешения споров каждая сторона может запросить консультации по любому вопросу, представляющему взаимный интерес, включая обращения национальной консультативной группы. В процессе принятия решения стороны должны сделать так, чтобы резолюция отражала деятельность международных природоохраных организаций или органов, предусматривается также возможность обращения к этим организациям за консультацией для разрешения спора. При необходимости дальнейшего обсуждения стороны могут обратиться с просьбой создать комитет по торговле и устойчивому развитию. Комитет может обратиться за консультацией к одной или обеим национальным консультативным группам (ст. 13.14). Стороны также могут потребовать созыва группы экспертов для рассмотрения вопроса, который не был удовлетворительно решен в ходе консультаций с правительством. Группа экспертов включает специалистов, обладающих знаниями в соответствии с главой. Они должны быть независимыми, неаффилированными ни с одной из сторон или организаций, входящих в национальную консультативную группу. Группа экспертов предоставляет сторонам отчет, стороны обязаны приложить все возможные усилия для учета рекомендаций. Контроль за выполнением рекомендаций группы экспертов осуществляется комитетом по торговле и устойчивому развитию (ст. 13.15). Идея ЕС заключается в максимально широком привлечении гражданского общества к решению торговых споров, возникающих в рамках соглашения, а также максимально прозрачном информировании общественности в ходе их рассмотрения.

Соглашения с Канадой и Великобританией имеют свои особенности. Соглашение ЕС и Канады предоставляет широкие возможности для участия общественности в вопросах формирования политики или мер, касающихся климата и окружающей среды. Отдельная статья (ст. 24.7) включает такие способы привлечения общества, как поощрение публичных дебатов с негосударственными субъектами и между ними в отношении разработки и определения политики, которая может привести к принятию природоохранного законодательства. Стороны способствуют повышению осведомленности общественности об экологическом законодательстве, а также о процедурах правоприменения и соблюдения, обеспечивая доступность информации для заинтересованных сторон. Стороны открыты для получения и должного рассмотрения представлений общественности, включая сообщения по проблемам реализации положений данной главы. Каждая сторона информирует соответствующие организации гражданского общества об этих сообщениях через консультативные механизмы. Для комитета по торговле и устойчивому развитию закреплено обязательство ежегодно отчитываться по любому рассматриваемому вопросу перед форумом гражданского общества, национальными консультативными группами и группами экспертов.

Процедура разрешения споров между партнерами в отношении экологической составляющей главы ТУР на 2022 г. не применялась, однако показательным для ЕС и его партнеров оказался спор в части трудовых прав, который подтолкнул ЕС к активным дискуссиям в отношении возможности включения процедуры принудительного исполнения. Следует отметить, что диспут поднял вопрос о границах влияния соглашения на внутреннее законодательство сторон и стал одной из вероятных причин введения более строгих формулировок в торговых и инвестиционных соглашениях в части ратификации международных конвенций.

В 2018 г. ЕС вынес на правительственные консультации вопрос о невыполнении Кореей обязательств по соблюдению основополагающих принципов Международной организации труда (МОТ) и отсутствии решения о ратификации четырех конвенций МОТ. Ввиду отсутствия удовлетворительного решения по итогам консультаций ЕС обратился к группе экспертов. Комментируя запрос ЕС, корейская сторона отметила, что ЕС затронул аспекты, касающиеся труда, как таковые, не касающиеся напрямую торговли между ЕС и Кореей. Корея рассматривала запрос группы экспертов как форму гармонизации, несмотря на наличие в ССТ формулировки, что оно не ставит целью гармонизацию стандартов сторон [van 't Wout, 2022]. Отчет группы экспертов был опубликован в 2021 г. Независимая комиссия пришла к выводу, что Республике Корея необходимо скорректировать свое трудовое законодательство и практику и оперативно продолжить процесс ратификации основополагающих конвенций МОТ [EC, 2021б]. В 2021 г. Корея ратифицировала три из четырех конвенций МОТ.

Спор продемонстрировал эффективность правоприменительной практики торгового соглашения ЕС, однако, как отмечает М. Гарсия, реализации европейского запроса во многом удалось добиться лишь благодаря позиции корейских властей. Имплементация соглашения ЕС – Корея началась при администрации Пак Кын Хе, на протяжении всего президентского срока которой в дискуссиях между ЕС и Кореей по этим трудовым вопросам и ратификации конвенций МОТ не было никаких прорывов. При президенте Муне были сделаны более конкретные шаги, но столкнувшись с противодействием внутри страны, он вынужден был замедлить реформы. Внешнее давление со стороны ЕС и группы экспертов оказало дополнительную поддержку и стимулировало правительство к продолжению законодательных реформ. Таким образом, крайне важна заинтересованность правительства-партнера [García, 2022].

Другая сложность возникла во Вьетнаме: несмотря на условия соглашения, в соответствии с которыми Вьетнам должен был создать национальную консультативную группу для мониторинга соблюдения норм соглашения, группа так и не была создана, и по инициативе Вьетнама было отменено первое мероприятие Комитета по торговле и устойчивому развитию, запланированное на 2021 г. При этом одной из причин стали аресты вьетнамских активистов, входящих в состав исполнительного совета консультативной группы ЕС – Вьетнам. После осуждений со стороны активистов, в том числе представителей европейской внутренней консультативной группы, и открытого письма члена Европейского парламента Сакии Брикмонт в адрес главы комитета по обеспечению соблюдения правил торговли группа была все же учреждена [Ministry of Industry and Trade of Vietnam, 2021].

Оба кейса стали причиной дискуссий о возможности введения процедуры принудительного исполнения, на которой на протяжении в общей сложности семи лет настаивала национальная консультативная группа ЕС – Корея. Внутри ЕС было немало сторонников и противников введения более жестких мер в отношении нарушений соглашения, и в вышедшем в 2018 г. «Плане действий из 15 пунктов» по обновлению и повышению эффективности главы ТУР было обозначено, что введение торговых санкций в качестве крайней меры воздействия на нарушителя не гарантирует эффективного, устойчивого и долговременного улучшения основных социальных и экологических стандартов на местах. Кроме того, трудность заключается в необходимости найти способы определить, как нарушение социальных или экологических стандартов может быть переведено в экономическую компенсацию. Для усиления соблюдения соглашений в 2020 г. была создана должность Главного сотрудника по обеспечению соблюдения правил торговли, в обязанности которого входит контроль за соблюдением партнерами соглашений, и Единой точки входа под его руководством – контактной точки для пода-

чи жалоб на нарушения торгового законодательства компаниями, торговыми организациями или НПО ЕС. Тем не менее в 2022 г. в документе «Сила торговых партнерств: вместе для зеленого и справедливого экономического роста» Европейская комиссия предложила ряд мер по усилению контроля за выполнением обязательств главы, в том числе возможность введения торговых санкций в качестве крайней меры. Однако основной упор в документе ЕС делает на усилении сотрудничества с правительствами страны-партнера и национальными консультативными группами. Также Европейская комиссия предложила согласовать правоприменение главы с помощью общего механизма урегулирования спора между государствами, применимого к остальным главам. Торговые санкции рассматриваются как крайняя мера, они будут применяться в соответствии с общими правилами урегулирования споров. Они могут принимать форму приостановления торговых уступок. Введение санкций возможно только при установлении нарушения обязательств по главе и, если сторона вернется к их соблюдению в определенный срок, стороны могут в любое время достичь взаимосогласованного решения спора [ЕС, 2022]. Таким образом, новые меры урегулирования споров имеютзвешенный характер и предлагают множество возможностей для разрешения возникших противоречий.

Отдельно нужно отметить механизмы правовой защиты для физических и юридических лиц, включенные в соглашения с Канадой и Великобританией. Первое предусматривает обязательство обеспечить рассмотрение предполагаемых нарушений природоохранного законодательства компетентными органами по заявлению любых заинтересованных лиц, являющихся резидентами страны. Кроме того, стороны должны создать условия для того, чтобы административное или судебное разбирательство было доступно лицам, имеющим юридически признанный интерес или утверждающим, что право нарушено в соответствии с законодательством (ст. 24.6). В соглашении с Великобританией стороны должны обеспечить условия для работы компетентных органов по защите законодательства в области окружающей среды и климата. Они должны уделять должное внимание нарушению закона, обладать средствами правовой защиты, включая судебные запреты и соразмерные сдерживающие санкции. Национальное административное или судебное разбирательство должно быть доступно для физических и юридических лиц, заинтересованных в возбуждении исков. Разбирательство не должно быть чрезмерно дорогостоящим, должно проводиться справедливым и прозрачным способом (ст. 394).

Заключение

Включение природоохранных и климатических положений в торговые и инвестиционные соглашения ЕС имеет первоочередное экономическое, а не политическое значение. Устранение тарифов и нетарифных барьеров в торговле и инвестициях в экологические товары и услуги необходимо для обеспечения конкурентоспособности европейских компаний. Глава по устойчивому лесопользованию также отражает намерение ЕС сохранить конкурентоспособность европейских производителей древесины. Включение в соглашения ссылок на международные природоохранные соглашения и обязательств по взаимодействию в рамках международных организаций позволяет ЕС обеспечить наличие единомышленников в реализации инициатив по реформированию ВТО, в том числе в части заключения Соглашения об экологических товарах. Кроме того, отсылка к международно признанным соглашениям позволяет избежать дублирования при включении обязательств в области борьбы с изменением климата и

охраны окружающей среды. Однако содействие развивающимся странам имеет для ЕС в том числе политическое значение, что подтверждают многочисленные программы финансирования систем торговли квотами, борьбы с озоноразрушающими веществами, а также программы оказания технической помощи по внедрению экологически устойчивых программ.

Реализация задач ЕС по поддержке климатических обязательств зависит от политики партнера, наиболее амбициозные положения включены в соглашения с государствами, разделяющими политику ЕС в области климата. Немаловажным аспектом в процессе переговоров и имплементации положения является политика администрации партнера, примером тому служат политические сдвиги в Корее, Бразилии и Австралии. Множество споров как внутри ЕС, так и среди партнеров вызвали механизмы правоприменения главы «Торговля и устойчивое развитие». Трудности, возникшие в Корее и Вьетнаме, привели к дискуссиям внутри ЕС относительно возможности применения более строгих мер в ответ на нарушения реализации главы ТУР. Принятие ЕС документа о возможности применения санкций за нарушения тем не менее оставляет множество других вариантов разрешения споров в рамках главы ТУР, а торговые санкции являются крайней мерой воздействия на партнера в случае, если другие механизмы не окажутся эффективными.

Сотрудничество по многим направлениям осуществляется за рамками торговых соглашений, как, например, сотрудничество по лесам с Китаем, Японией и Республикой Корея. Соглашения не включают такие направления взаимодействия, как устойчивые государственные закупки, устойчивое сельское хозяйство и землепользование, водородные технологии. Отсутствует прозрачная структура финансирования совместной деятельности. Не сформулированы принципы гармонизации и разработки общих стандартов в области экологии и климата. Однако усилия ЕС в последние годы сосредоточены на улучшении реализации климатических и природоохранных обязательств, принятых в рамках соглашений. Такие документы, как «План действий из 15 пунктов» и «Сила торговых партнерств: вместе для зеленого и справедливого экономического роста», подтверждают намерения ЕС реформировать главы и учесть проблемы, возникшие при имплементации действующих соглашений.

Список источников

- Zagashvili B. (2020) Европейский союз: торговые соглашения второго поколения // Мировая экономика и международные отношения. Т. 64. № 7. С. 26–33. doi: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-7-26-33>.
- Arima E., Barreto P., Taheripour F., Aguiar A. (2021) Dynamic Amazonia: The EU – Mercosur Trade Agreement and Deforestation, Land 2021, 10, 1243. Режим доступа: <https://doi.org/10.3390/land10111243>.
- Australian Government (2021) The Plan to Deliver Net Zero. The Australian Way, Department of Industry, Science, Energy and Resources, Australian Government. Режим доступа: [https://www.industry.gov.au/sites/default/files/October%202021/document/the-plan-to-deliver-netzero-the-australian-way.pdf](https://www.industry.gov.au/sites/default/files/October%202021/document/the-plan-to-deliver-net-zero-the-australian-way.pdf) (дата обращения: 01.06.2022).
- Biedenkopf K. (2013) Assessing possibilities for enhanced EU – South Korea Cooperation on Chemical Regulation // EU – Korea relations in a changing world / A. Marx, J. Wouters, W. Moon, Y. Rhee, S. Park, M. Burnay (eds). Leuven Centre for Global Governance Studies. Режим доступа: https://pure.uva.nl/ws/files/2036623/143116_Assessing_possibilities_for_enhanced_EU_South_Korea.pdf (дата обращения: 09.11.2022).

Bloomberg (2022) Mexico Blocks European Solar and Wind Plants to Favor State Utility, 13 July. Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-07-13/engie-enel-and-acciona-wind-solar-plants-blocked-in-mexico?leadSource=uverify%20wall> (дата обращения: 09.11.2022).

Brexit&Environment (2021) UK Climate Policy in the Post-Brexit Era, 9 April. Режим доступа: <https://www.brexitenvironment.co.uk/2021/04/09/uk-climate-policy-post-brexit-era/> (дата обращения: 01.06.2022).

Chango A. (2021) How the Mercosur deal's ethanol boost contradicts EU green promises // Euractiv, 11 November. Режим доступа: <https://www.euractiv.com/section/transport/opinion/how-the-mercossur-deals-ethanol-boost-contradicts-eu-green-promises/>.

Dent C.M. (2021) Trade, Climate and Energy: A New Study on Climate Action through Free Trade Agreements // Energies. 14, 4363. <https://doi.org/10.3390/en14144363>.

Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit (GIZ) (2021) A Sustainable and climate-friendly Phase-out of Ozone Depleting Substances (SPODS), Eschborn, June. Режим доступа: https://www.green-cooling-initiative.org/fileadmin/user_upload/A_Sustainable_and_1_.pdf (дата обращения: 24.11.2022).

Duchâtel M. (2020) China Trends #5 – Living with the EU's Investment Screening, Institute Montaigne, 4 June. Режим доступа: <https://www.institutmontaigne.org/en/analysis/china-trends-5-living-eus-investment-screening> (дата обращения: 23.11.2022).

EFI (n.d.) EU FLEGT Asia Programme. Режим доступа: <https://efi.int/partnerships/EUFLEGTAAsia>.

European Commission (EC) (2009) White Paper. Adapting to climate change: Towards a European framework for action, COM(2009) 147 final, Brussels, 1 April 2009. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2009:0147:FIN:EN:PDF> (дата обращения: 16.11.2022).

European Commission (EC) (2010) Trade, Growth and World Affairs Trade Policy as a core component of the EU's 2020 strategy.

European Commission (EC) (2015) Trade for all. Towards a more responsible trade and investment policy. Режим доступа: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2015/october/tradoc_153846.pdf.

European Commission (EC) (2018) Proposal for a Council Decision on the conclusion of the Economic Partnership Agreement between the European Union and Japan, COM(2018) 192 final, Brussels, 18 April. Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:cf1c4c42-4321-11e8-a9f4-01aa75ed71a1.0001.02/DOC_2&format=PDF#page=440 (дата обращения: 01.06.2022).

European Commission (EC) (2019) EU-MERCOSUR Chapter Trade and Sustainable Development. EU-MERCOSUR. Режим доступа: <https://circabc.europa.eu/ui/group/09242a36-a438-40fd-a7af-fe32e36cb-d0e/library/63854154-7f3f-45d6-bfe6-53e330818fd0/details> (дата обращения: 01.06.2022).

European Commission (EC) (2020) First EU–Singapore Trade and Sustainable Development (TSD) Board Meeting to the TSD Public Stakeholders Forum, Joint Statement, 20 November. Режим доступа: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2020/november/tradoc_159089.pdf (дата обращения: 16.11.2022).

European Commission (EC) (2021a) Trade Policy Review – An Open, Sustainable and Assertive Trade Policy – COM(2021)66final. Р. 1. Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:5bf4e9d0-71d2-11eb-9ac9-01aa75ed71a1.0001.02/DOC_1&format=PDF (дата обращения: 06.05.2022).

European Commission (EC) (2021b) Panel of experts confirms the Republic of Korea is in breach of labour commitments under our trade agreement, 25 January Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_203 (дата обращения: 01.06.2022).

European Commission (EC) (2022) The Power of Trade Partnerships: Together for Green and Just Economic Growth COM/2022/409 final <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=COM:2022:409:FIN> (дата обращения: 01.06.2022).

European Commission (EC) (n.d.a) EU – Australia agreement: Documents. Initial text proposals tabled by the EU side. Режим доступа: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/australia/eu-australia-agreement/documents_en (дата обращения: 01.06.2022).

European Commission (EC) (n.d.b) EU – New Zealand agreement: Documents. Initial text proposals tabled by the EU side. Режим доступа: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/new-zealand/eu-new-zealand-agreement/documents_en (дата обращения: 20.11.2022).

European Commission (EC) (n.d.c) EU – Mexico agreement: The agreement in principle. Режим доступа: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/mexico/eu-mexico-agreement/agreement-principle_en (дата обращения: 01.06.2022).

European Commission (EC) (n.d.d) EU – Mercosur agreement: Documents. Режим доступа: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/mercosur/eu-mercosur-agreement/documents_en (дата обращения: 01.06.2022).

European Commission (EC) (n.d.e) EU – Indonesia agreement: Documents. Режим доступа: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/indonesia/eu-indonesia-agreement/documents_en (дата обращения: 01.06.2022).

European Parliament (2022) Plurilateral Environmental Goods Agreement (EGA) [https://www.europarl.europa.eu/legislative-train/carriage/environmental-goods-agreement-\(ega\)/report?sid=5701](https://www.europarl.europa.eu/legislative-train/carriage/environmental-goods-agreement-(ega)/report?sid=5701) (дата обращения: 01.06.2022).

European Union (EU) – China Energy Cooperation Platform (n.d.) Areas We Cover. Режим доступа: <http://www.ececp.eu/en/areas-we-cover/> (дата обращения: 01.06.2022).

European Union (EU) (2011) Free trade Agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and the Republic of Korea, of the other part // Official Journal of the European Union. Vol. 54. L 127, 14 May. P. 6. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L:2011:127:FULL&from=EN> (дата обращения: 01.06.2022).

European Union (EU) (2017) Comprehensive Economic and Trade Agreement (CETA) between Canada, of the one part, and the European Union and its Member States, of the other part Document 22017A0114(01) // Official Journal of the European Union L 11/23 14.1.2017 [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:22017A0114\(01\)#d1e201-23-1](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:22017A0114(01)#d1e201-23-1) (дата обращения: 01.06.2022).

European Union (EU) (2019) Free Trade Agreement Between the European Union and the Republic of Singapore // Official Journal of the European Union, L 294/3, 14 November. Режим доступа: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22019A1114\(01\)&from=EN#page=96](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22019A1114(01)&from=EN#page=96) (дата обращения: 01.06.2022).

European Union (EU) (2020) Free Trade Agreement Between the European Union and the Socialist Republic of Viet Nam // Official Journal of the European Union, L 186/3. 12 June 2020. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L:2020:186:FULL&from=EN#page=5> (дата обращения: 01.06.2022).

European Union (EU) (2021a) EU – China Investment Agreement, Section IV: Investment and sustainable development, 22 January. Режим доступа: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2021/january/tradoc_159346.pdf (дата обращения: 01.06.2022).

European Union (EU) (2021b) Trade and Cooperation Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community, of the one part, and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, of the other part // Official Journal of the European Union, L 149/10, 30 April. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A22021A0430%2801%29> (дата обращения: 01.06.2022).

García M.J. (2022) Sanctioning Capacity in Trade and Sustainability Chapters in EU Trade Agreements: The EU – Korea Case // Politics and Governance. Vol. 10. Iss. 1. P. 58–67. doi: <https://doi.org/10.17645/pag.v10i1.4782>.

Ghiotto L., Echaide J. (2019) Analysis of the agreement between the European Union and the Mercosur, Anna Cavazzini MEP, The Greens/EFA, Berlin, Buenos Aires, Brussels, December 2019. Режим доступа: <https://www.annacavazzini.eu/wp-content/uploads/Final-REPORT-EU-Mercosur-26.10.2020.pdf> (дата обращения: 14.11.2022).

GIZ Energy Support Programme (n.d.) The European Union supports sustainable energy development in Vietnam. Режим доступа: <http://gizenergy.org.vn/en/article/european-union-supports-sustainable-energy-development-vietnam> (дата обращения: 14.11.2022).

Government of Australia (2018) Australia – EU FTA – Negotiating Round Two, Final Report, Canberra, 19 to 23 November 2018. Режим доступа: <https://www.dfat.gov.au/trade/agreements/negotiations/aeufa/Pages/aeufa-round-2> (дата обращения: 01.06.2022).

Government of Canada (n.d.) CETA Trade and Sustainable Development Committee – IN PROGRESS Joint Work Plan 2022–2023. Режим доступа: https://www.international.gc.ca/trade-commerce/trade-agreements-accords-commerciaux/agr-acc/ceta-aecg/tsd_work_plan-cdd_plan_travail-2022.aspx?lang=eng (дата обращения: 24.11.2022).

Gutierrez González A. (2021) The International Influence of the Emissions Trading System in Mexico // Towards an Emissions Trading System in Mexico: Rationale, Design and Connections with the Global Climate Agenda / S. Lucatello (ed.). Cham: Springer. doi: https://doi.org/10.1007/978-3-030-82759-5_5.

IUCN (2022) Unlocking international finance for Vietnam's renewable energy transition, 23 May. Режим доступа: <https://www.iucn.org/news/viet-nam/202205/unlocking-international-finance-vietnams-renewable-energy-transition> (дата обращения: 23.11.2022).

KF-VUB Korea Chair (2021) South Korea – EU Cooperation in Global Governance, Ramon Pacheco Pardo (ed.). Brussels School of Governance. Режим доступа: <https://brussels-school.be/sites/default/files/Korea%20Chair%20report%20December%202021-ROK-EU%20cooperation.pdf> (дата обращения: 24.11.2022).

Medinilla M. (2021) CFE pedirá suspender renovables “sin avances constructivos” o que generen riesgos al Sistema, Energía Estratégica, 23 July. Режим доступа: <https://www.energiaestrategica.com/cfe-pedira-suspender-renovables-sin-avances-constructivos-o-que-generen-riesgos-al-sistema/> (дата обращения: 09.11.22).

Ministry of Industry and Trade of Vietnam (2021) Viet Nam established the Domestic Advisory Group (DAG) under TSD Chapter of EVFTA. 18 August 2021. <https://moit.gov.vn/en/news/latest-news/viet-nam-established-the-domestic-advisory-group-dag-under-tsd-chapter-of-evfta.html>

Prengaman P. (2022) At climate summit, Brazil's Lula promises new day for Amazon // AP News, 16 November. Режим доступа: <https://apnews.com/article/forests-brazil-deforestation-climate-and-environment-782a100c87cb6cd83c949b2d106cc926> (дата обращения: 24.11.2022).

Reuters (2020) Energy dispute deepens between Mexico and foreign allies, 16 May. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/mexico-energy-idUSL1N2CY050> (дата обращения: 10.11.2022).

Sattich T., Freeman D., Scholten D., Yan S. (2021) Renewable energy in EU-China relations: Policy interdependence and its geopolitical implications // Energy Policy. Vol. 156. doi: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2021.112456>.

Serrano Caballero E. (2022) The modernization of the European Union-Mexico Association Agreement: between change and continuity, Documentos de Trabajo, Occasional paper FC/EU-LAC (7) en, Madrid, Fundación Carolina/Fundación EU-LAC. Режим доступа: https://www.fundacioncarolina.es/wp-content/uploads/2022/06/Especial_FC_EULAC_7_EN.pdf (дата обращения: 10.11.2022).

van 't Wout D. (2021) The enforceability of the trade and sustainable development chapters of the European Union's free trade agreements // Asia Europe Journal. No. 20. P. 81–98. doi: 10.1007/s10308-021-00627-1 (дата обращения: 15.09.2022).

Приложение

Таблица П1. Сравнение соглашений по признаку наличия или отсутствия экономически и политически значимых для ЕС направлений сотрудничества с партнерами

Торговый партнер	Республика Корея	Канада	Мексика	Япония	МЕРКОСУР	Сингапур	Вьетнам	Китай	Великобритания	Новая Зеландия	Австралия	Индонезия
Наличие статьи по изменению климата	—	—	+	—	+	—	+	+	+	+	+	—
Наличие главы по энергетике	—	—	+	—	—	+	+	—	+	+	+	+
Сближение и гармонизация стандартов по энергоэффективности и ВИЭ	—	—	+	—	—	—	—	—	—	+	+	+
Торговля выбросами углерода и рыночные инструменты	+	+	+	—	—	—	+	—	+	+	+	—
Устранение/снижение тарифных барьеров в торговле или инвестициях в ЭТУ	—	—	—	—	—	+	—	—	+	+	+	—
Решение об устранении/ снижении нетарифных барьеров в торговле или инвестициях в ЭТУ	+	+	+	—	—	+	+	—	+	+	+	+
Ссылки на РКИК ООН	+	—	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Ссылки на Парижское соглашение	—	—	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Ссылки на Киотский протокол	+	—	—	—	—	+	+	—	—	—	—	—
Ссылки на Монреальский протокол	—	—	+	—	+	—	—	—	+	+	+	+

Transformation and Implementation of Environmental and Climate Provisions in the EU Trade Agreements¹

K. Dorokhina, A. Sakharov

Ksenia Dorokhina – Researcher, Centre for International Institutions Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 11 Prechistenskaya naberezhnaya, Moscow, 119034, Russia; dorokhina-km@ranepa.ru

Andrei Sakharov – Researcher, Centre for International Institutions Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 11 Prechistenskaya naberezhnaya, Moscow, 119034, Russia; sakharov-ag@ranepa.ru

Abstract

The European Union (EU) is striving to become a world leader in the field of “green economy.” It promotes its own models, standards, conditions, and related positions on climate and environmental policy in other states. Trade agreements, including provisions on climate and the environment, have become one of the instruments of influence on the policy of partners and economic relations with them in the area of climate protection. The inclusion of these provisions is of economic rather than political importance, especially in terms of eliminating tariff and non-tariff barriers. The EU has developed a chapter on trade and sustainable development, which includes commitments on environmental and climate protection. As part of its implementation, the EU provides financial and technical support to partners. Nevertheless, the content of the chapter largely depends on the position of the partner and the climate policy it pursues, and in some cases – on the administration of the country. Dispute resolution within the framework of the existing mechanism of the chapter “Trade and Sustainable Development” turned out to be difficult, which prompted the EU to include new settlement options, among which the introduction of trade sanctions is an extreme measure. The article on sustainable forest management is also of economic importance for European producers, and the inclusion of references to international environmental agreements contributes to the EU’s plans to reform the World Trade Organization (WTO). The agreements leave out a number of areas of cooperation and require updating as new climate commitments are made, which has been the focus of the EU’s work in recent years.

Keywords: European Union, trade agreements, international trade, climate policy, EU trade policy

For citation: Dorokhina K., Sakharov A. (2022) Transformation and Implementation of Environmental and Climate Provisions in the EU Trade Agreements. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 4, pp. 95–123 (in Russian). doi:10.17323/1996-7845-2022-04-04

Acknowledgments: the article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme.

References

- Arima E., Barreto P., Taheripour F., Aguiar A. (2021) Dynamic Amazonia: The EU – Mercosur Trade Agreement and Deforestation. *Land*, vol. 10, no 11, 1243. Available at: <https://doi.org/10.3390/land10111243>.
- Biedenkopf K. (2013) Assessing Possibilities for Enhanced EU-South Korea Cooperation on Chemical Regulation. *EU-Korea Relations in a Changing World* (A. Marx, J. Wouters, W. Moon, Y. Rhee, S. Park, M. Burnay (eds)). Leuven Centre for Global Governance Studies. Available at: https://pure.uva.nl/ws/files/2036623/143116_Assessing_possibilities_for_enhanced_EU_South_Korea.pdf (accessed 9 November 2022).

¹ This article was submitted on 12.10.2022.

- Chango A. (2021) How the Mercosur Deal's Ethanol Boost Contradicts EU Green Promises. Euractiv, 11 November. Available at: <https://www.euractiv.com/section/transport/opinion/how-the-mercousur-deals-ethanol-boost-contradicts-eu-green-promises/> (accessed 25 November 2022).
- Dent C.M. (2021) Trade, Climate and Energy: A New Study on Climate Action Through Free Trade Agreements. *Energies*, vol. 14, no 14, 4363. Available at: <https://doi.org/10.3390/en14144363>.
- Duchâtel M. (2020) China Trends #5: Living With the EU's Investment Screening. Institute Montaigne, 4 June. Available at: <https://www.institutmontaigne.org/en/analysis/china-trends-5-living-eus-investment-screening> (accessed 23 November 2022).
- European Commission (EC) (2009) White Paper: Adapting to Climate Change: Towards a European Framework for Action. COM(2009) 147 final. Brussels, 1 April. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2009:0147:FIN:EN:PDF> (accessed 16 November 2022).
- European Commission (EC) (2010) Communication From the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: Trade, Growth and World Affairs: Trade Policy as a Core Component of the EU's 2020 Strategy. COM(2010) 612 final. Brussels, 9 November. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2010:0612:FIN:EN:PDF> (accessed 25 November 2022).
- European Commission (EC) (2015) Trade for All: Towards a More Responsible Trade and Investment Policy. Available at: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2015/october/tradoc_153846.pdf (accessed 25 November 2022).
- European Commission (EC) (2018) Proposal for a Council Decision on the Conclusion of the Economic Partnership Agreement Between the European Union and Japan. COM(2018) 192 final. Brussels, 18 April. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52018PC0192> (accessed 1 June 2022).
- European Commission (EC) (2019) Chapter 16: Trade and Sustainable Development. EU – MERCOSUR. Available at: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:cf1c4c42-4321-11e8-a9f4-01aa75ed71a1.0001.02/DOC_2&format=PDF#page=440 (accessed 25 November 2022).
- European Commission (EC) (2020) First EU-Singapore Trade and Sustainable Development (TSD) Board Meeting to the TSD Public Stakeholders Forum [Virtual]. Joint Statement, 20 November. Available at: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2020/november/tradoc_159089.pdf (accessed 16 November 2022).
- European Commission (EC) (2021a) Communication From the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: Trade Policy Review: An Open, Sustainable and Assertive Trade Policy. COM(2021) 66 final. Brussels, 18 February. Available at: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:5bf4e9d0-71d2-11eb-9ac9-01aa75ed71a1.0001.02/DOC_1&format=PDF (accessed 6 May 2022).
- European Commission (EC) (2021b) Panel of Experts Confirms the Republic of Korea Is in Breach of Labour Commitments Under Our Trade Agreement. Press Release, 25 January. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_203 (accessed 1 June 2022).
- European Commission (EC) (2022) Communication From the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: The Power of Trade Partnerships: Together for Green and Just Economic Growth. COM(2022) 409 final. Brussels, 22 June. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=COM:2022:409:FIN> (accessed 1 June 2022).
- European Commission (EC) (n.d.a) EU – Australia Agreement: Documents. Initial Text Proposals Tabled by the EU Side. Available at: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/australia/eu-australia-agreement/documents_en (accessed 1 June 2022).
- European Commission (EC) (n.d.b) EU – New Zealand Agreement: Documents. Initial Text Proposals Tabled by the EU Side. Available at: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/new-zealand/eu-new-zealand-agreement/documents_en (accessed 20 November 2022).
- European Commission (EC) (n.d.c) EU – Mexico Agreement: The Agreement in Principle. Available at: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/mexico/eu-mexico-agreement/agreement-principle_en (accessed 1 June 2022).

- European Commission (EC) (n.d.d) EU – Mercosur Agreement: Documents. Available at: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/mercosur/eu-mercosur-agreement/documents_en (accessed 1 June 2022).
- European Commission (EC) (n.d.e) EU – Indonesia Agreement: Documents. Available at: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/indonesia/eu-indonesia-agreement/documents_en (accessed 1 June 2022).
- European Forest Institute (EFI) (n.d.) EU FLEGT Asia Programme. Available at: <https://efi.int/partnerships/EUFLEGTAsia> (accessed 25 November 2022).
- European Parliament (2022) Plurilateral Environmental Goods Agreement (EGA). Available at: [https://www.europarl.europa.eu/legislative-train/carriage/environmental-goods-agreement-\(ega\)/report?sid=5701](https://www.europarl.europa.eu/legislative-train/carriage/environmental-goods-agreement-(ega)/report?sid=5701) (accessed 1 June 2022).
- European Union (EU) (2011) Free Trade Agreement Between the European Union and Its Member States, of the One Part, and the Republic of Korea, of the Other Part. *Official Journal of the European Union*, L 127. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L:2011:127:FULL&from=EN> (accessed 1 June 2022).
- European Union (EU) (2017) Comprehensive Economic and Trade Agreement (CETA) Between Canada, of the One Part, and the European Union and Its Member States, of the Other Part. *Official Journal of the European Union*, L 11/23. Available at: http://data.europa.eu/eli/agree_internation/2019/1875/oj (accessed 25 November 2022).
- European Union (EU) (2019) Free Trade Agreement Between the European Union and the Republic of Singapore. *Official Journal of the European Union*, L 294/3. Available at: http://data.europa.eu/eli/agree_internation/2019/1875/oj (accessed 25 November 2022).
- European Union (EU) (2020) Free Trade Agreement Between the European Union and the Socialist Republic of Viet Nam. *Official Journal of the European Union*, L 186/3. Available at: http://data.europa.eu/eli/agree_internation/2020/753/oj (accessed 1 June 2022).
- European Union (EU) (2021a) EU – China Investment Agreement, Section IV: Investment and Sustainable Development. 22 January. Available at: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2021/january/tradoc_159346.pdf (accessed 1 June 2022).
- European Union (EU) (2021b) Trade and Cooperation Agreement Between the European Union and the European Atomic Energy Community, of the One Part, and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, of the Other Part. *Official Journal of the European Union*, L 149/10. Available at: [http://data.europa.eu/eli/agree_internation/2021/689\(1\)/oj](http://data.europa.eu/eli/agree_internation/2021/689(1)/oj) (accessed 25 November 2022).
- European Union (EU)-China Energy Cooperation Platform (n.d.) Areas We Cover. Available at: <http://www.ececp.eu/en/areas-we-cover/> (accessed 1 June 2022).
- García M.J. (2022) Sanctioning Capacity in Trade and Sustainability Chapters in EU Trade Agreements: The EU – Korea Case. *Politics and Governance*, vol. 10, iss. 1, pp. 58–67. Available at: <https://doi.org/10.17645/pag.v10i1.4782>.
- Ghiotto L., Echaide J. (2019) Analysis of the Agreement Between the European Union and the Mercosur. Anna Cavazzini MEP, The Greens/EFA-PowerShift. Available at: <https://www.annacavazzini.eu/wp-content/uploads/Final-REPORT-EU-Mercosur-26.10.2020.pdf> (accessed 14 November 2022).
- GIZ Energy Support Programme (n.d.) The European Union Supports Sustainable Energy Development in Vietnam. Available at: <http://gizenergy.org.vn/en/article/european-union-supports-sustainable-energy-development-vietnam> (accessed 14 November 2022).
- González M.S., Breitfeld J., Vélez M.C., Wirth O., Ziegler N. (2021) A Sustainable and Climate-Friendly Phase-Out of Ozone Depleting Substances (SPODS). Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit (GIZ). Available at: https://www.green-cooling-initiative.org/fileadmin/user_upload/A_Sustainable_and_1_.pdf (accessed 24 November 2022).
- Government of Australia (2018) Australia – EU FTA: Negotiating Round Two, Final Report, Canberra, 19 to 23 November. Department of Foreign Affairs and Trade. Available at: <https://www.dfat.gov.au/trade/agreements/negotiations/aeufta/Pages/aeufta-round-2> (accessed 1 June 2022).

- Government of Australia (2021) The Plan to Deliver Net Zero: The Australian Way. Department of the Prime Minister and Cabinet. Available at: <https://apo.org.au/node/314748> (accessed 25 November 2022).
- Government of Canada (n.d.) CETA Trade and Sustainable Development Committee: IN PROGRESS Joint Work Plan 2022–2023. Global Affairs Canada. Available at: https://www.international.gc.ca/trade-commerce/trade-agreements-accords-commerciaux/agr-acc/ceta-aecg/tsd_work_plan-cdd_plan_travail-2022.aspx?lang=eng (accessed 24 November 2022).
- Government of the Socialist Republic of Vietnam (2021) (2021) Viet Nam Established the Domestic Advisory Group (DAG) Under TSD Chapter of EVFTA. News Release, 18 August 2021, Ministry of Industry and Trade of Vietnam. Available at: <https://moit.gov.vn/en/news/latest-news/viet-nam-established-the-domestic-advisory-group-dag-under-tsd-chapter-of-evfta.html> (accessed 25 November 2022).
- Gutierrez González A. (2021) The International Influence of the Emissions Trading System in Mexico. *Towards an Emissions Trading System in Mexico: Rationale, Design and Connections with the Global Climate Agenda* (S. Lucatello (ed.)). Cham: Springer. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-030-82759-5_5.
- International Union for Conservation of Nature (IUCN) (2022) Unlocking International Finance for Viet-nam’s Renewable Energy Transition. 23 May. Available at: <https://www.iucn.org/news/viet-nam/202205/unlocking-international-finance-vietnams-renewable-energy-transition> (accessed 23 November 2022).
- Medinilla M. (2021) CFE pedirá suspender renovables “sin avances constructivos” o que generen riesgos al Sistema [CFE Will Request Suspension of Renewables “Without Constructive Progress” or That Generate Risks to the System]. Energía Estratégica, 23 July. Available at: <https://www.energiaestrategica.com/cfe-pedira-suspender-renovables-sin-avances-constructivos-o-que-generen-riesgos-al-sistema/> (accessed 9 November 22). (in Spanish)
- Moore B., Jordan A. (2021) UK Climate Policy in the Post-Brexit Era. Brexit & Environment, 9 April. Available at: <https://www.brexitenvironment.co.uk/2021/04/09/uk-climate-policy-post-brexit-era/> (accessed 1 June 2022).
- Pardo R.P. (ed.) (2021) South Korea-EU Cooperation in Global Governance. KF-VUB Korea Chair Report, Brussels School of Governance. Available at: <https://brussels-school.be/sites/default/files/Korea%20Chair%20report%20December%202021-ROK-EU%20cooperation.pdf> (accessed 24 November 2022).
- Prengaman P. (2022) At Climate Summit, Brazil’s Lula Promises New Day for Amazon. *AP News*, 16 November. Available at: <https://apnews.com/article/forests-brazil-deforestation-climate-and-environment-782a100c87cb6cd83c949b2d106cc926> (accessed 24 November 2022).
- Reuters (2020) Energy Dispute Deepens Between Mexico and Foreign Allies. 16 May. Available at: <https://www.reuters.com/article/mexico-energy-idUSL1N2CY050> (accessed 10 November 2022).
- Sattich T., Freeman D., Scholten D., Yan S. (2021) Renewable Energy in EU-China Relations: Policy Interdependence and its Geopolitical Implications. *Energy Policy*, vol. 156. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2021.112456>.
- Serrano Caballero E. (2022) The Modernization of the European Union-Mexico Association Agreement: Between Change and Continuity. Occasional Paper FC/EU-LAC (7) EN, Fundación Carolina-Fundación EU-LAC. Available at: https://www.fundacioncarolina.es/wp-content/uploads/2022/06/Especial_FC_EU-LAC_7_EN.pdf (accessed 10 November 2022).
- Stillman A. (2022) Mexico Blocks European Solar and Wind Plants to Favor State Utility. *Bloomberg*, 13 July. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-07-13/engie-enel-and-accionaria-wind-solar-plants-blocked-in-mexico?leadSource=uverify%20wall> (accessed 9 November 2022).
- Zagashvili V. (2020) Evropejskij sojuz: torgovye soglashenija vtorogo pokolenija [European Union: Second-Generation Trade Agreements]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, vol. 64, no 7, pp. 26–33. Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-7-26-33>. (in Russian)
- van ‘t Wout D. (2021) The enforceability of the trade and sustainable development chapters of the European Union’s free trade agreements. *Asia Europe Journal*, no 20, pp. 81–98. doi: 10.1007/s10308-021-00627-1 (accessed 15 September 2022).

Концептуальные основы деятельности НАТО и ШОС и их воплощение в работе организаций¹

С. Фань, К.С. Кондакова

Фань Сюэсун – к.полит.н., старший преподаватель факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; xfan@hse.ru

Кондакова Кристина Сергеевна – студентка бакалавриата факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; ks.kondakova@hse.ru

Аннотация

24 февраля 2022 г. президент Владимир Путин во время обращения к гражданам России объявил о начале специальной военной операции (СВО) на Украине. С тех пор изменились не только современная международная обстановка на евразийском континенте, но и существовавший на протяжении 30 лет после окончания холодной войны мировой порядок. Вооруженный конфликт на Украине, произошедший вследствие политики Североатлантического альянса (НАТО), в очередной раз выявил расхождения во взглядах России, Китая и стран коллективного Запада на мировой порядок и многостороннее сотрудничество.

В статье анализируются принципы деятельности, задачи, механизмы принятия решений двух ключевых международных организаций по обеспечению безопасности – Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Североатлантического альянса (НАТО). Таким образом, в данной статье определены характерные черты подходов ШОС и НАТО к обеспечению региональной безопасности.

Кроме того, в период приостановки членства России во многих международных организациях, а также принятия новой Стратегической концепции НАТО особенно актуальной представляется активизация сотрудничества в рамках тех организаций, в которых сохраняется влияние России. В связи с этим были также рассмотрены проблемные вопросы и перспективы развития ШОС и усиления ее роли на мировой арене в контексте текущей geopolитической обстановки.

Ключевые слова: ШОС, НАТО, международная организация, региональная безопасность, военный альянс, перестройка многосторонности

Для цитирования: Фань С., Кондакова К.С. (2022) Концептуальные основы деятельности НАТО и ШОС и их воплощение в работе организаций // Вестник международных организаций. Т. 17. № 4. С. 124–147 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2022-04-05

Современную обстановку на международной арене бывший редактор и член Совета Института партийной истории и литературы Центрального комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) Чжан Хунчжи охарактеризовал так: «Конфликт произошел на этапе переплетения вековых перемен и эпидемии века. Мир уже переживает

¹ Статья поступила в редакцию 12.07.2022.

глубокие изменения» [Zhang, 2022]. Когда западные страны активно поддерживали, по словам лидеров и официальных лиц России, «антироссийскую истерику» [РИА Новости, 2022б], в другой части мира причины конфликта на Украине рассматривали иначе. Пресс-секретарь Министерства иностранных дел КНР Хуа Чуньин еще 23 февраля 2022 г. заявила: «Когда США пять раз нарушили соглашение с Россией о нерасширении Организации Североатлантического договора (НАТО) на восток до границ России и развертывали передовые наступательные стратегические вооружения, думали ли они о последствиях того, что ставят крупную державу в безвыходное положение?» По мнению Хуа Чуньин, чтобы найти рациональное и мирное решение, необходимо понимать все тонкости украинского вопроса и на основе равенства и взаимного уважения надлежащим образом разрешить разумную обеспокоенность проблемами обеспечения безопасности [Xinhua News, 2022].

Нынешний конфликт на Украине в очередной раз подчеркнул коренные различия в подходах трех ведущих держав – России, Китая и США – к миропорядку и работе международных организаций. В условиях меняющейся международной обстановки, для оптимизации механизмов деятельности международных организаций по безопасности и поиска лучших и наиболее подходящих моделей многостороннего сотрудничества, авторам представляется актуальным сравнение двух разных моделей региональных международных организаций по вопросам обеспечения безопасности на территории евразийского континента.

В связи с этим в настоящем исследовании для определения перспектив развития и оценки роли на мировой арене были рассмотрены идеологические основы, цели и результаты работы НАТО и ШОС в риторике лидеров и концептуальных документах организаций.

НАТО: цели и задачи организации в концептуальных документах и риторике лидеров

Для определения ключевых основ деятельности организаций следует прежде всего обратиться к риторике и стилю поведения на мировой арене их стран-лидеров. Как отмечал руководитель департамента международных отношений факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ А.В. Лукин, геополитическое мышление в США долгое время было сосредоточено на опасности возникновения и усиления на евразийском материке антиамериканского альянса, коалиции держав или антиамерикански настроенной державы. Данное представление уходит своими корнями в труды основателей геополитической мысли, таких как Х. Маккиндер и Н. Спикман [Лукин, 2020, с. 47]. При этом стоит отметить, что еще в 1997 г. знаменитый американский политолог польского происхождения Збигнев Казимеж Бжезинский в своей известной работе «Великая шахматная доска» писал про опасности развития подобной международной обстановки для США: «Потенциально самым опасным сценарием развития событий может быть создание “антагегемонистской” коалиции с участием Китая, России и, возможно, Ирана, которых будет объединять не идеология, а взаимодополняющие обиды» [Бжезинский, 1999, с. 256]. При этом он также подчеркнул, что Евразия сохранит свое геополитическое значение, причем не только ее западная часть, где сосредоточена значительная часть мировой политической и экономической мощи, но и восточная – Азия, которая в последнее время стала центром экономического развития и растущего политического влияния [Там же, с. 11–12].

НАТО – Организация Североатлантического договора (Североатлантический альянс), военно-политический альянс государств, основанный в 1949 г. При этом первоначальной целью создания НАТО было противостояние стран блока «вооруженному нападению на одну или несколько из них в Европе или Северной Америке» с востока. Тем не менее даже после распада Советского Союза и окончания холодной войны НАТО не перестала существовать. Более того, обязательства не расширять НАТО на восток, данные на переговорах о воссоединении Германии в 1990 г., были нарушены неоднократно.

Таким образом, вплоть до сегодняшнего дня НАТО является военным блоком с четкой целью подавления конкретных внешних противников [Яковлефф, 2017]. Важно отметить, что в соответствии со ст. 5 Вашингтонского договора «важнейшей и непреходящей целью НАТО является гарантия свободы и безопасности всех ее государств-членов политическими и военными средствами» [НАТО, 2008]. При этом, согласно данным официального сайта НАТО, «применяя ст. 5, страны НАТО могут оказывать помощь в любой форме, которую сочтут необходимой для реагирования на возникшую ситуацию» (вооруженное нападение на одну или нескольких из Договаривающихся сторон в Европе или Северной Америке. – Примеч. авт.) [НАТО, 2022].

НАТО неоднократно использовала военную силу по всему миру, принимая «меры коллективной обороны» во время войны в Персидском заливе в 1991 г., кризиса в Ираке в 2003 г., в Сирии в 2012 г. [Там же]. Нельзя также не вспомнить бомбардировки Югославии в 1999 г. под предлогом борьбы за права человека, которые были совершены в нарушение международного права. НАТО проводила военные операции в Ливии в 2011 г. и в других странах. В августе 2021 г. закончилась двадцатилетняя оккупация НАТО Афганистана [Беннетт, 2022].

Между тем с 2014 г. увеличивается также и военная активность блока вблизи границ России. Начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации В.В. Герасимов в своем выступлении в 2015 г. отметил: «По сравнению с 2013 г. число заходов кораблей нечерноморских государств НАТО в акваторию Черного моря возросло в 4 раза, интенсивность полетов вдоль российских границ тактической и разведывательной авиации увеличилась в 2 раза, а самолетов дальнего радиолокационного обнаружения – в 9 раз» [Министерство обороны..., н.д.]. В 2021 г. страны НАТО направили более 30 военных кораблей в Черное море, побив тем самым рекорд по количеству судов Североатлантического альянса в этом море за период с 2014 г. [Науменко, Переlet, Губская, 2022].

С 2014 г. в концептуальных документах лидера блока США в число основных стратегических соперников и угроз постепенно вошли Россия и Китай. В Стратегии национальной безопасности США 2015 г. Россия была определена в качестве одного из основных вызовов [The White House, 2015]. Стратегия 2017 г. на первый план выдвигает межгосударственную конкуренцию. В документе также заявлено, что «Китай и Россия бросают вызов американской мощи, влиянию и интересам» [The White House, 2017]. Во Временном стратегическом руководстве в сфере национальной безопасности США 2021 г. также подчеркивается опасность «растущего соперничества с Китаем, Россией и другими авторитарными государствами». Кроме того, США на официальном уровне в Стратегии национальной безопасности от октября 2022 г. определили КНР как «самый серьезный геополитический вызов». Конкуренция с Россией и Китаем также прописана в новой Арктической стратегии США [The White House, 2022].

Россия и Китай названы основными угрозами и в концептуальных документах НАТО. Что касается бюджета НАТО, то, несмотря на дисбаланс во внесении вкладов, расходы на оборону растут. Страны-члены вносят вклад в соответствии с согласован-

ной формулой распределения расходов, основанной на доле от валового внутреннего продукта. Однако среди всех стран наибольшая доля приходится на США. На саммите в Уэльсе в 2014 г. лидеры НАТО согласились соблюдать показатель расходов на оборону в 2% от ВВП. В результате в 2014 г. расходы на оборону у трех членов НАТО достигли 2% ВВП и более, в первой половине 2022 г. их число выросло до девяти. Более того, 2022 г. является восьмым подряд годом роста оборонных расходов для европейских стран – членов НАТО и Канады. По сравнению с 2021 г. расходы увеличились на 1,2% в реальном выражении [NATO, 2022b]. Однако постоянным лидером по расходам на оборону остаются США: в 2021 г. объем финансирования со стороны США составил 800 млн долл., или 3,57% ВВП [NATO, 2022a].

При выборе приоритетов оборонного бюджета 2021 г. особое внимание также было обращено на Россию и КНР: «...перед лицом стратегических вызовов со стороны все более напористого Китая и дестабилизированной России...» [The White House, 2021]. В декабре 2020 г. Йенс Столтенберг представил программу «НАТО-2030: Единство в новой эре», согласно которой главными угрозами альянса являются «Россия, терроризм, кибератаки, технологии, подъем Китая и климатические изменения» [ТАСС, 2022a]. На встрече на высшем уровне в Брюсселе в 2021 г. было решено в 2022 г. принять, кроме Стратегической концепции НАТО, конкретные требования по дополнительному финансированию до 2030 г. и определить воздействие на средства Военного бюджета, Программы НАТО по инвестициям в области безопасности и Гражданского бюджета, а также возможные меры повышения эффективности. Кроме того, в итоговом заявлении действия России были названы «угрозой для евроатлантической безопасности», в тексте документа Россия упоминалась более 60 раз [НАТО, 2021].

На саммите НАТО в Мадриде в июне 2022 г. была принята новая Стратегическая концепция. Комментируя ее, Джюлианн Смит, постоянный представитель США при НАТО, заявила: «Еще до 24 февраля в Североатлантическом альянсе было глубокое понимание того, что формулировка в отношении России от 2010 г. сильно устарела и нуждается в значительном обновлении, а также должна отражать текущую ситуацию. Было также признано, что Китай впервые должен стать частью стратегической концепции» [Garamone, 2022]. В этом документе Россия названа «наиболее значительной и непосредственной угрозой безопасности» альянса [НАТО, 2022c]. Китай впервые включен в данный документ, причем его «амбиции и политика принуждения бросают вызов нашим (НАТО. – Примеч. авт.) интересам, безопасности и ценностям» [НАТО, 2022c]. Кроме того, «углубление стратегического партнерства между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией» объявлено противоречащим ценностям и интересам НАТО.

После начала украинского кризиса НАТО во главе с США продолжает политику расширения антироссийского военного блока. В июне 2022 г. НАТО официально пригласила Швецию и Финляндию вступить в альянс, 30 союзников НАТО подписали протокол о присоединении двух стран, который позволит им вступить в НАТО [Emmott, Siebold, 2022]. За присоединением Швеции и Финляндии к Североатлантическому альянсу следует значительное расширение сухопутных и морских границ НАТО с Россией, что ведет к дальнейшей дестабилизации обстановки в регионе и усилиению напряженности.

США расширяют военные альянсы и в направлении границ КНР, что сопровождается развитием «четверки» QUAD, объединяющей США, Японию, Австралию и Индию, а также партнерством AUKUS, которое должно вывести атомные подводные лодки в Тихий океан [Беннетт, 2022]. Лиз Трасс, в то время глава Министерства иностранных дел Великобритании, охарактеризовала подобные действия как расширение

НАТО на Индо-Тихоокеанский регион: «Мы должны продолжать укреплять наш союз НАТО с помощью связей по всему миру, таких как Объединенные экспедиционные силы под руководством Великобритании, альянс “5 глаз” и партнерство AUKUS... “Большая семерка” должна действовать как экономическая НАТО, коллективно защищая наше процветание» [GOV.UK, 2022].

Таким образом, в концептуальных документах НАТО и в риторике лидеров блока прослеживается явная антироссийская и антикитайская направленность альянса, подчеркивается опасность углубления сотрудничества между Москвой и Пекином. Наступательная политика НАТО, а также многочисленные прецеденты использования военной силы за границами Европы и Северной Америки вызывают разумную озабоченность стран, которые альянс называет «вызовами» и «угрозами». Вследствие этого международная напряженность нарастала, политика НАТО не способствовала ее снижению, расширение блока и провокационные маневры вблизи границ России в конечном счете привели к кризису 2022 г.

ШОС: цели и задачи организации в концептуальных документах и риторике лидеров

Предшественником Шанхайской организации сотрудничества был механизм «Шанхайская пятерка», который в начале – середине 1990-х годов был площадкой для переговоров между «двумя сторонами и пятью странами» (Китаем и Россией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном). По словам занимавшего в 2016 г. должность заместителя министра иностранных дел КНР Лю Чжэньминя, благодаря созданию «Шанхайской пятерки», граница длиной более 7 тыс. километров, соединяющая Китай с четырьмя соседними государствами, превратилась в звено и мост дружественного общения между пятью странами [People's Daily, 2016].

ШОС была создана в 2001 г. для сотрудничества в сфере региональной безопасности. Она возникла на основе Соглашения об укреплении доверия в военной области в районе границы 1996 г. [Законодательство стран СНГ, 1996] и Соглашения о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы 1997 г. [Гарант, 1997]. Соответственно, вопросы укрепления военного взаимодоверия и сокращения вооружений в китайско-постсоветских пограничных регионах были приоритетным направлением ее деятельности. За короткий период ШОС прошла эволюцию от консультативного механизма по урегулированию пограничных вопросов и укреплению мер доверия в военной области до многопрофильной международной организации со значительным военно-экономическим потенциалом [Рахимов, Курылев, 2018, с. 11].

Начав с сотрудничества в борьбе против международного терроризма, сепаратизма и религиозного экстремизма, ШОС расширила рамки деятельности и на другие сферы: в отличие от НАТО, кроме сотрудничества в области безопасности, ШОС активно развивает контакты в экономической, научно-технической, гуманитарной сфере и в области защиты окружающей среды (рис. 1). Таким образом, ШОС не только сдерживает деструктивные силы, но и осуществляет комплексное региональное сотрудничество с крупнейшей территорией и наибольшей численностью населения в мире.

Главным принципом и идеологической основой объединения участников ШОС является «шанхайский дух», который предполагает взаимное доверие и выгоду, равноправие, консультации, уважение многообразия культур и цивилизаций, стремление к совместному развитию [Президент России, 2001]. В Хартии ШОС закреплен важнейший принцип работы организации: ненаправленность против других государств и

международных организаций [Президент России, 2002]. Согласно «Декларации глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о построении региона долгосрочного мира и совместного процветания», государства-члены «убеждены, что невозможно обеспечивать собственную безопасность за счет безопасности других» [Посольство КНР в России, 2012]. Бывший генеральный секретарь ШОС Рашид Алимов отмечал, что «шанхайский дух» придает особую привлекательность организаций, «этот уникальный принцип по праву считается стержневым в становлении сотрудничества шести государств как новой модели регионального взаимодействия. Являясь основным интегральным понятием и важнейшим принципом деятельности ШОС, “шанхайский дух” обогатил теорию и практику современного международного сотрудничества, претворяя в жизнь всеобщее стремление мирового сообщества к демократизации международных отношений» [ТАСС, 2016].

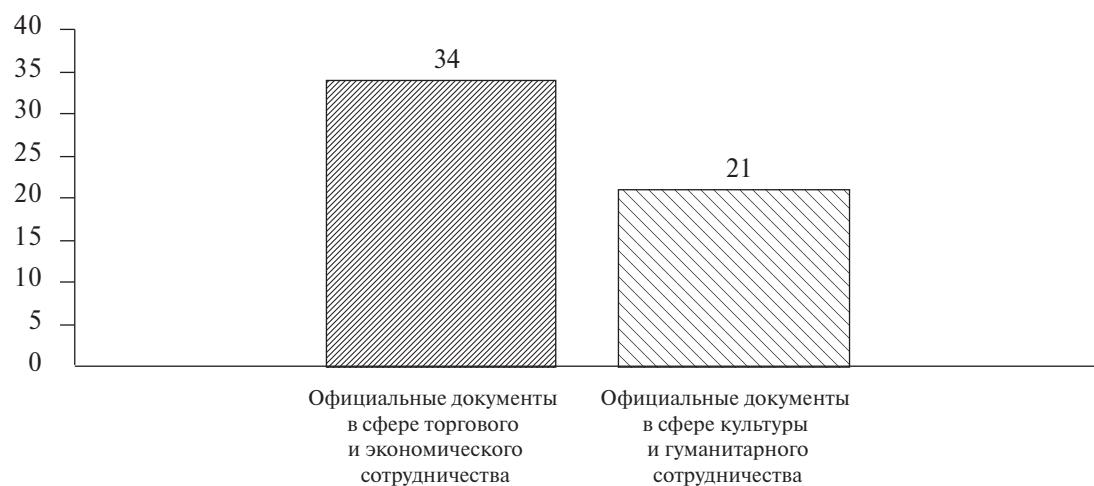

Рис. 1. Заявления, соглашения и другие официальные документы ШОС, 2022 г.

Источник: Составлено авторами на основе данных официального сайта Шанхайской организации сотрудничества (<http://rus.sectsco.org/>).

ШОС долгое время действовала только в рамках Китая, России и центральноазиатских республик. Для некоторых западных политологов ШОС выглядела как некая «Новая Организация Варшавского договора» [Kalejī, 2021] или даже «Ось Москва – Пекин» [AsiaNews, 2009], Восточный блок в новой холодной войне. Однако исторический саммит ШОС в Астане 8–9 июня 2017 г. открыл новый этап развития организации. Одним из его важнейших итогов стало предоставление Индии и Пакистану статуса полноправных членов объединения [Алимов, 2017]. Таким образом, в ШОС вступили две южноазиатские державы, которые не имеют «антизападного», «диктаторского» клейма, а наоборот, являются «самой большой демократией мира» [Ziabari, Chellaney, 2018] и «ненатовским союзником США» [U.S. Department of State, 2021]. Это означает, что ШОС не закрытый военный альянс под руководством Китая и России, а открытая региональная организация сотрудничества, деятельность которой характеризуется осозаемыми результатами в обеспечении безопасности, укреплении многопланового политического, экономического и гуманитарного сотрудничества стран-участниц [Российская газета, 2014].

Важно подчеркнуть, что партнерство в рамках ШОС отличается от традиционного союза. Военно-политические союзы предполагают очень высокую степень политической взаимозависимости, а также некоторую обособленность, поскольку такие союзы обычно подразумевают готовность мобилизоваться в оппозиции. Как полагает действующий генеральный секретарь ШОС Чжан Мин, ШОС не является военным союзом, и в ее генотипе нет конфронтационных составляющих [ШОС, 2022]. Государства – члены ШОС в определенной степени обмениваются разведывательными данными через Региональную антитеррористическую структуру (РАТС) и проводят ежегодные военные учения «Мирная миссия», направленные на улучшение координации в ответ на террористические атаки. Однако помимо этой деятельности развитие какой-либо «жесткой безопасности» для ШОС было ограниченным [Foreign & Commonwealth Office, 2015].

ШОС также не является классическим примером экономической интеграции, в которой максимальная унификация достигается за счет делегирования значительной части суверенных прав наднациональным органам. Бюджет организации формируется на один календарный год и складывается из ежегодных долевых взносов государств – членов ШОС (рис. 2) [Кодекс, 2017]. При этом отсутствует объединенный военный бюджет или соответствующие статьи в общем бюджете организации [ШОС, 2021б].

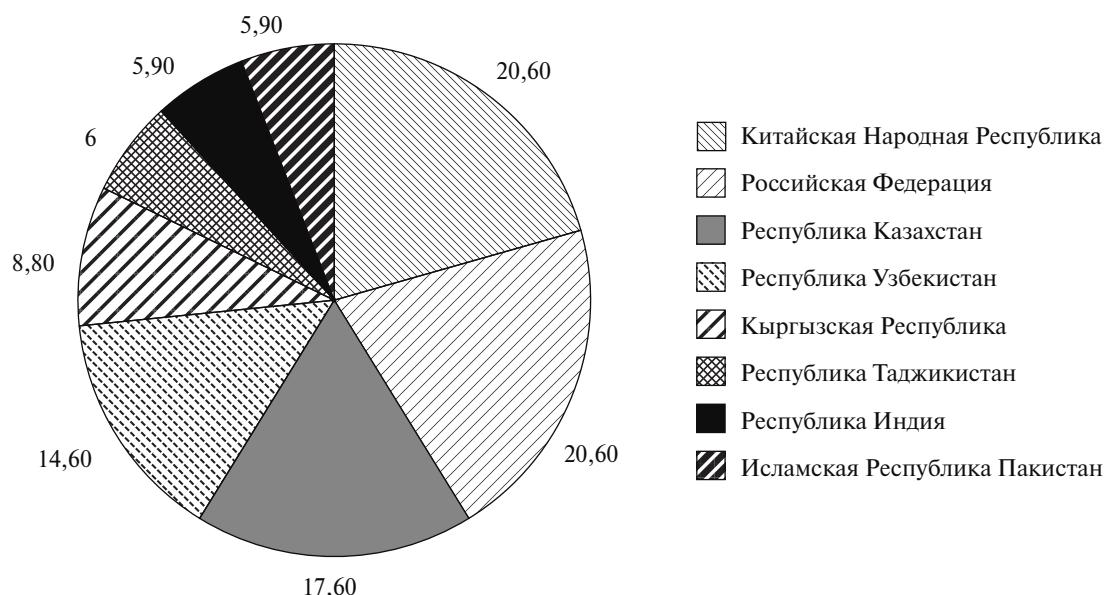

Рис. 2. Долевые взносы стран ШОС, %

Источник: Составлено авторами на основе Соглашения о порядке формирования и исполнения бюджета Шанхайской организации сотрудничества.

Принципы ШОС отражаются в политике организации в условиях кризисных ситуаций. В июне 2010 г., в разгар массовых беспорядков на территории Киргизии, Роза Отунбаева, занимавшая в то время должность председателя Временного правительства Киргызстана, обратилась к России с просьбой отправить на юг страны миротворцев, однако правительство России и ОДКБ отказались от прямого вмешательства во внутреннюю политику Киргизии. ШОС также придерживалась принципа невмешатель-

ства. Лишь в период восстановления после беспорядков Совет РАТС ШОС принял решение об оказании содействия киргизской стороне компетентными органами государств – членов ШОС в обеспечении безопасности в южных областях Киргизии, в том числе путем налаживания своевременного обмена информацией о возможных попытках международных террористических, сепаратистских и экстремистских организаций дестабилизировать обстановку в регионе [РИА Новости, 2010].

Пассивная роль ШОС при возникновении реальной угрозы безопасности – массовых беспорядков на юге Киргизии в 2010 г. – вызвала немало критики относительно возможностей организации поддерживать мир и безопасность в регионе. Однако в данном случае пассивная позиция ШОС наглядно отражает ее принципы. Значительная часть китайских исследователей положительно оценивает данное решение ШОС по ситуации в Киргизии. В частности, по мнению директора Шанхайского центра исследования международных проблем Пань Гуана, в условиях таких кризисов, как в Киргизии в 2010 г., «подходящим» способом вмешательства является влияние в сферах безопасности и экономики, без использования военной силы, так как ШОС не военный альянс [Pan, 2010, p. 44]. Во время беспорядков ШОС не предоставила Киргизии военную помощь, но оказала этой стране политическую поддержку. Таким образом, для стран-участников в регионе Центральной Азии ШОС имеет особую ценность, потому что при возникновении чрезвычайной ситуации в стране-участнице предоставляет ей коллективную дипломатическую поддержку. Кроме того, важно учитывать другой важный момент: военное вмешательство крупных держав может быстро подавить беспорядки, но это обострит опасения других членов организации относительно господства крупных держав и сохранения собственного суверенитета. Дело в том, что военное присутствие России и Китая из-за сложных исторических и современных факторов является чувствительным вопросом для представителей общества и политических элит стран Центральной Азии. Казахстанский политолог А. Каукенов, в частности, отмечает: «...с учетом высокого уровня антикитайских настроений в регионе приглашение китайских солдат на свою территорию для решения проблем безопасности неприемлемо для центральноазиатских элит» и «мгновенно сведет к нулю легитимность правителя, решившегося на подобный шаг» [Каукенов, 2013].

Также следует рассмотреть реакцию ШОС на ситуацию в Афганистане после ухода США в 2021 г. Владимир Путин подчеркнул важность использования потенциала ШОС, чтобы «оказать всемерное содействие началу инклюзивного межафганского мирного процесса и одновременно сделать все, чтобы блокировать исходящие из этой страны угрозы терроризма, наркотрафика, религиозного экстремизма» [ШОС, 2021a]. По его словам, происходящее после «бегства» США и их союзников из Афганистана напрямую затрагивает интересы членов ШОС. В данном случае, как и во время беспорядков в Киргизии 2010 г., ШОС традиционно не использовала военную силу для урегулирования вопроса. В 2021 г. ситуация в Афганистане стала центральной темой на саммите ШОС, в рамках саммита была проведена совместная встреча лидеров стран ШОС и ОДКБ в формате «аутрич». Страны организации оказали гуманитарную помощь, расширили взаимодействие с региональными партнерами для пресечения распространения угроз региональной безопасности, а также выразили готовность оказать помощь в формировании «открытой и инклюзивной» политической структуры в Афганистане и т.д. [ШОС, 2021a]. Президент России предложил возобновить работу контактной группы ШОС – Афганистан для стимулирования новых властей страны к выполнению собственных обещаний по установлению мира и безопасности [РИА Новости, 2021]. Встреча министров иностранных дел в формате Контактной группы «Шанхайская организация сотрудничества – Афганистан» состоялась в июле 2021 г.

Председатель КНР Си Цзиньпин, выступая на саммите ШОС, акцентировал внимание на важности уважения суверенитета Афганистана, подчеркнув, что все стороны должны содействовать реализации принципа «под руководством афганцев и под их контролем» [Li, 2021].

В январе 2022 г. во время массовых беспорядков в Казахстане по просьбе президента страны К.-Ж. Токаева ОДКБ как военный альянс впервые использовала коллективные миротворческие силы. В то же время ШОС как организация международного сотрудничества нового типа, не являющаяся военным блоком, повторила свою «киргизстанскую стратегию» невмешательства во внутреннюю политику, РАТС ШОС также заявляла о готовности к оказанию в установленном порядке необходимого содействия при соответствующем запросе компетентного органа Республики Казахстан [РИА Новости, 2022a].

Таким образом, прозрачность и отсутствие определенного оппонента – неотъемлемые черты модели партнерства ШОС. ШОС, хотя и ориентируется на вопросы безопасности, не является «военно-политической» структурой или экономическим интеграционным блоком. Деятельность ШОС включает три основных направления, которые представлены на сайте организации: сотрудничество в области политики и безопасности, торговля и экономика, культура и гуманитарное сотрудничество [ШОС, 2019]. Модель принятия решений на основе консенсуса подчеркивает равенство всех участников независимо от их потенциала [Alimov, 2018]. Только когда взгляды, мнения и подходы государств-членов становятся едиными, ШОС принимает решение. Справедливо считать ШОС примером партнерской организации, основанной на консенсусе. Принцип «невмешательства» и использование невоенной поддержки ШОС в идеологическом плане полностью отражают идеи и принципы ШОС как организации новой модели, а в прагматическом плане являются оптимальной стратегией, чтобы участники получили поддержку и помочь, а также не испытывали опасений по поводу истинных намерений организации и крупных стран-участников. Накануне государственного визита в Китай и саммита ШОС в 2012 г. Владимир Путин напрямую обратился к многомиллионной аудитории одного из самых авторитетных мировых печатных изданий – «Жэньмин жибао»: «ШОС привнесла в мировую политику много нового и полезного. Прежде всего, она предложила модель партнерства, основанную на подлинном равноправии всех участников, на их взаимном доверии, на уважении к суверенному, самостоятельному выбору каждого народа, к его культуре, ценностям, традициям, на стремлении к совместному развитию. Такая философия – по сути, наилучшим образом воплощает базовые, и на мой взгляд – единственно жизнеспособные принципы международных отношений в многополярном мире» [Вести, 2012].

Перспективы развития ШОС

При обсуждении деятельности организаций нельзя игнорировать некоторые проблемные вопросы работы ШОС, которая неоднократно подвергалась критике за модель принятия решений путем консенсуса [Арис, 2008], невмешательство в кризисные ситуации в регионе [Saksena, 2014], отсутствие конкретной цели или общего видения в силу различий политических систем, экономической ситуации [Иманалиев, 2017] и т.д. У организации есть серьезные институциональные конкуренты, такие как БРИКС и ОДКБ, функционал которых пересекается с функционалом ШОС.

Кроме того, с 2010 г. Пекин продвигает две важные инициативы: создание Банка развития ШОС и Фонда развития (Специального счета) ШОС, а также идею формирования зоны свободной торговли (ЗСТ). Данные инициативы остаются незапущен-

ными, так как государства-члены не могут прийти к консенсусу [Нуримбетов, 2021] и опасаются доминирования китайской экономики. К тому же у некоторых членов ШОС уже существует механизм интеграции более высокого уровня – в рамках Евразийского экономического союза. Поэтому, по словам профессора Института международных исследований Фуданьского университета Чжао Хуашэна, сейчас Китай сосредоточен на продвижении либерализации и упрощении процедур торговли и инвестиций в рамках ШОС, укреплении взаимосвязанности, согласовании и параллельном развитии проекта «Пояс и путь» со стратегиями развития государств-членов и Евразийского экономического союза, а также на укреплении новых направлений за пределами традиционных сфер сотрудничества [Чжао, 2022].

Существует также ряд проблем, связанных со взаимодействием между участниками ШОС. Во-первых, китайские исследователи отмечают споры между Индией и Пакистаном. Хотя две страны заявили, что не будут использовать платформы третьей стороны для координации конфликта между Индией и Пакистаном, фактически индийско-пакистанский конфликт может повлиять на работу ШОС, способствуя росту противоречий при подготовке решений [Zhang, Dai, 2019, p. 28]. Во-вторых, геополитические конфликты между Китаем и Индией могут оказывать влияние на сотрудничество двух стран в рамках организации. Противоречия между Китаем и Индией в основном проявляются в пограничных вопросах и национальной внешней политике. Докладский кризис, разразившийся в июне 2017 г., а также конфликт в Аксайчине в 2020 г. из-за пограничных трений показывают, что между Китаем и Индией по-прежнему сохраняются напряженность и взаимное недоверие. Продвижение китайской инициативы «Пояс и путь» и создание Китайско-пакистанского экономического коридора постепенно усилият опасения со стороны Индии. В свою очередь, конфликты между Китаем и Индией могут пошатнуть стратегический баланс между Россией, Китаем и Индией внутри ШОС [Ibid.]. В-третьих, есть различия в определении роли ШОС Китаем и Россией. В частности, экономическое и торговое сотрудничество Китая со странами Центральной Азии неуклонно увеличивало влияние Китая внутри организации, а также в странах Центральной Азии, в то время как Россия стремится к сохранению тесных связей со странами Центральной Азии и своего положения в регионе. В целях создания системы сдержек и противовесов ШОС фактически сформирован режим работы китайско-российского кондоминиума (совместного управления) [Li, Zeng, 2018, p. 105–106].

Как заметил генеральный секретарь ШОС Чжан Мин, интересы государств – членов ШОС, так же, как и во всех иных международных организациях, не могут полностью совпадать. По его утверждению, опыт последних 20 лет доказал, что принципы и ценности ШОС достаточно сильны, чтобы преодолевать разногласия и отстаивать общие интересы. Это «трудно понять традиционным западным политическим наукам» [SCO, 2022]. Таким образом, по мнению генерального секретаря ШОС, концепция международного порядка России и Китая совершенно отличается от западной, следовательно, ШОС как воплощение этой концепции в корне отличается от НАТО.

Нельзя не отметить некоторые достижения в работе организации, а также перспективные сферы развития. В первую очередь это деятельность РАТС ШОС, практика регулярных антитеррористических учений по линии правоохранительных органов и вооруженных сил государств-членов («Мирная миссия» и др.). Что касается развития сотрудничества, то в 2022 г. о необходимости координации действий с Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в составе ШОС заявил министр иностранных дел КНР Ван И в ходе встречи с российским коллегой Сергеем Лавровым [Духанова, Медведева, 2022]. В результате 16 февраля 2022 г. ОДКБ, Антитеррористи-

ческий центр государств – участников СНГ (АТЦ СНГ) и Региональная антитеррористическая структура (РАТС) ШОС подписали Совместную позицию РАТС ШОС, АТЦ СНГ и Секретариата ОДКБ по вопросам противодействия терроризму и экстремизму [ОДКБ, 2022]. Кроме того, в подписанном президентом России Владимиром Путиным и председателем КНР Си Цзиньпином совместном заявлении о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии, говорится о том, что ШОС должна сыграть большую роль в формировании поликентричного миропорядка [Regnum, 2022].

ШОС может стать связующим звеном и в проекте сопряжения масштабных экономических проектов Китая и России – «Пояса и пути» и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Еще 8 мая 2015 г., во время визита председателя КНР Си Цзиньпина в Москву, две страны опубликовали Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. В ст. 1 данного заявления указано, что обе страны «будут налаживать совместную работу в двусторонних и многосторонних форматах, прежде всего на площадке Шанхайской организации сотрудничества» [Президент России, 2015].

Хотя перспективы и цели двух проектов экономического сотрудничества в регионе различаются, территория их реализации во многом совпадает (особенно в Центральной Азии и Закавказье). Состыковка ЕАЭС и ЭПШП предотвращает конкуренцию между Россией и Китаем в Евразии, особенно в регионе Центральной Азии. Российский политолог Фёдор Лукьянов считает, что «интерес континентальных держав (прежде всего России и Казахстана) в собственном развитии совпадает со стремлением КНР выстроить коридор на запад – в направлении европейских рынков и дальше. В такой конфигурации вопрос о неизбежной, как считалось, конкуренции Москвы и Пекина в Центральной Азии по крайней мере смягчается – регион становится не самоцелью, а средством решения конкретных задач, актуальных для всех участников» [Лукьянов, 2015]. При этом все приоритетные направления сопряжения ЭПШП и ЕАЭС полностью отвечают направлениям регионального экономического сотрудничества ШОС [Ли, 2016].

Следует также упомянуть о расширении организации в 2022 г. и о возросшем интересе к ней со стороны третьих стран в новых геополитических условиях. На современном этапе четыре страны имеют статус государства – наблюдателя при ШОС: Исламская Республика Афганистан, Республика Беларусь, Исламская Республика Иран, Монголия. Шесть стран являются партнерами ШОС по диалогу: Азербайджанская Республика, Республика Армения, Королевство Камбоджа, Федеративная Демократическая Республика Непал, Турецкая Республика, Демократическая Социалистическая Республика Шри-Ланка) [ШОС, н.д.]. 15–16 сентября 2022 г. состоялся саммит ШОС в Самарканде, по итогам которого была завершена процедура вступления в организацию Ирана и начата процедура присоединения к организации Беларуси.

Возросший интерес к ШОС свидетельствует об активном поиске альтернативных партнеров. Старший сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН Б.Д. Долгов считает блокировку активов России странами Запада одной из причин движения арабских государств в сторону ШОС [Байназаров, Портякова, 2022]. Кроме того, инклузивность подхода и принцип консенсусного принятия решений привлекают другие страны присоединиться к более открытой и справедливой организации. Для ШОС расширение состава, с одной стороны, повлечет за собой усложнение процедур принятия решения и урегулирования споров, с другой – расширит влияние данной организации в политической и торгово-экономической сфере.

Можно прогнозировать усиление сотрудничества в экономической сфере. В 2021 г. банки развития ШОС на заседании Совета Межбанковского объединения подписали стратегию дальнейшего развития на среднесрочную перспективу, в которой отражены направления сотрудничества: преодоление последствий пандемии, минимизация негативных последствий разного рода катализмов, содействие банков увеличению доли расчетов в национальных валютах государств – членов ШОС и использование альтернативных межбанковских коммуникационных систем для повышения безопасности и гибкости проведения расчетов, а также совместное финансирование проектов в сфере здравоохранения, сотрудничество в сфере цифровой экономики и электронной торговли [ПРАЙМ, 2021]. 16 июня 2022 г. заместитель генерального секретаря организации Григорий Логвинов отметил, что «пандемия санкционного характера» оказала разрушительное воздействие на мировые хозяйствственные связи, в связи с чем страны ШОС будут работать над расширением расчетов в национальных валютах [ТАСС, 2022б]. В данной сфере Россия и Китай уже достигли определенных успехов: в 2019 г. страны заключили межправительственное соглашение о расчетах в национальных валютах, в первом квартале 2020 г. доля доллара в торговле между Россией и Китаем впервые в истории составила менее 50% (46%). Для сравнения, в 2015 г. она составляла 90% [Simes, 2020].

Таким образом, можно предположить, что в условиях меняющейся геополитической обстановки влияние ШОС будет укрепляться. В рамках ШОС как альтернативной многосторонней организации может произойти интенсификация сотрудничества в сфере безопасности и экономики. При этом философия ШОС в значительной мере нацелена на равноправное и взаимовыгодное сотрудничество, что усиливает привлекательность данной организации в глазах ее участников и позволяет им проводить самостоятельный курс.

Заключение

Специальная военная операция России на Украине, начавшаяся 24 февраля 2022 г., «стала самым значимым международным событием после окончания холодной войны, которое откроет новый этап мировой истории» [Zhang, 2022]. Западные модели многосторонних организаций и регионального сотрудничества в области обеспечения безопасности, в частности НАТО, не только не принесли мир и безопасность, но и привели к катастрофе – события, происходившие на протяжении последних 30 лет и продолжающиеся сегодня, доказывают несоответствие западной модели современным задачам международных отношений.

Цель ШОС и НАТО заключается в поддержании региональной безопасности, однако принципы, задачи и результаты деятельности этих организаций коренным образом отличаются. Несмотря на значительный военный потенциал государств-участников, нельзя утверждать, что ШОС – это противовес НАТО. Потому что НАТО представляет собой военный альянс с явной направленностью против России и Китая, а неотъемлемыми чертами модели партнерства ШОС являются прозрачность и отсутствие определенного оппонента. Принципы организаций отражаются в их международной деятельности: на счету НАТО многочисленные precedents использования военной силы, тогда как ШОС уважает суверенитет стран-членов и не вмешивается во внутренние конфликты (табл. 1).

Таким образом, в условиях меняющейся международной обстановки для оптимизации механизмов деятельности организаций в сфере безопасности, а также для поиска наиболее подходящих моделей многостороннего сотрудничества особенно актуальным

становится поддержание и развитие альтернативных западным моделям многостороннего сотрудничества. При этом Шанхайская организация сотрудничества, деятельность которой активно поддерживают Россия, Китай и ряд стран Евразии, может служить примером альтернативных незападных моделей многостороннего сотрудничества.

Таблица 1. Сравнительная характеристика НАТО и ШОС

Характеристика	НАТО	ШОС
Характер	Военно-политический альянс с конкретной идеологической ориентацией, имеющий конкретных противников	Открытая региональная международная организация, ориентирована на разные сферы деятельности, не идеологизирована, не является военным блоком, не направлена против какой-либо третьей стороны
Цель	«Абсолютная безопасность» участников организации, укрепление мирового порядка и распространение ценностей западной модели	Строительство многополярного, демократического, справедливого и рационального мирового порядка
Сфера деятельности	Военная* и политическая	Безопасность*, экономика и культурно-гуманитарные связи
	*Сотрудничество в области защиты от традиционных угроз безопасности, возможность противостояния с конкретными странами-противниками	*Сотрудничество в области защиты от нетрадиционных угроз безопасности, среди условных противников нет конкретных стран
Способы агрегирования интересов	Наличие реальной угрозы или внешнего противника является необходимым условием развития организации, поэтому НАТО никогда не останавливало процесс поиска врагов и укрепления противостояния	Прагматическое требование участников о мире, добрососедстве и совместном развитии, общие актуальные интересы перед нетрадиционными угрозами безопасности («три силы зла»), общие прагматические потребности в регионе о сотрудничестве в сфере экономики и культурно-гуманитарных отраслей
Военная интеграция	Коллективная оборона в соответствии со ст. 5 «Североатлантического договора», механизмы стандартизации вооружения и вооруженных сил участников и военной интеграции, имеет собственные силы быстрого реагирования	Отсутствует
Санкции за нарушение правил	На юридическом уровне у НАТО нет механизма исключения государств-членов. Члены НАТО могут добровольно подать заявку о выходе из организации (Североатлантический договор, ст. 13), но их нельзя заставить выйти из нее принудительными мерами	Членство в ШОС государства, нарушающего положения Хартии Организации и/или систематически не выполняющего свои обязательства по международным договорам и документам, заключенным в рамках ШОС, может быть приостановлено по представлению Совета министров иностранных дел решением Совета глав государств. Если это государство продолжает нарушать свои обязательства, то Совет глав государств может принять решение о его исключении из ШОС с даты, которую определяет сам Совет (Хартия ШОС, ст. 13)

Характеристика	НАТО	ШОС
Принятие решений	Участники принимают решения по основным вопросам на основе консенсуса, мандат Совета Безопасности ООН является гарантой легитимности операций вне территории ее участников. Одновременное существование «коалиции согласных» (Ирак, 2003 г.) и проведение операции без мандата ООН	Решения считаются принятыми, если ни одно из государств-членов в процессе согласования не возразило (консенсус), за исключением решений о приостановке членства или об исключении из организации. В случае незаинтересованности одного или нескольких государств-членов в осуществлении отдельных проектов сотрудничества они могут осуществляться только заинтересованными странами (Хартия ШОС, ст. 16)
Культурный фон участников	Западные демократические ценности	Разнообразные
Политические требования к кандидатам на вступление	Продвижение «демократизации» и «вестернизации» политического режима внутри страны	Не имеет претензий к изменению курса
Полярность и демократичность организации	США выступают в роли гаранта безопасности в Европе, европейские участники обеспечивают стратегические потребности США	Многополярность без страны-лидера, определяющей внешнеполитический курс, равноправный статус участников

Источник: Составлено авторами.

ШОС, по сравнению с НАТО, начала развиваться относительно недавно, поэтому пока рано утверждать, что организация является образцом многостороннего сотрудничества. Перед ШОС стоит ряд задач, требующих решения, среди них – обеспечение комфортного встраивания Индии и Пакистана в институты совместной работы ШОС, устранение внутренних разногласий, налаживание механизмов для более активного торгово-экономического сотрудничества и др.

Однако ШОС как организация привлекательна для участия, в отличие от НАТО, так как не накладывает жестких обязательств на государства-члены и не направлена против третьих стран и организаций. Поэтому ШОС может стать диалоговой площадкой как для состыковки проектов, так и для решения международных вопросов и поиска новых партнеров. Директор Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития Е.Ю. Винокуров считает, что «в ближайшие годы, десятилетие, сложится ситуация, когда наличие такой организации, которая объединяет трех крупнейших игроков – Китай, Индию, Россию и несколько региональных балансиров – Пакистан, Казахстан, сыграет решающую роль в предотвращении военных конфликтов» [ПМЭФ, 2022]. В условиях меняющейся международной обстановки и формирования более справедливой системы международных отношений нового типа ШОС и другие организации многостороннего сотрудничества, в которых активно участвуют Россия, Китай и другие незападные центры силы, будут играть важную роль, постепенно укрепляя свою значимость на международной арене.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Алимов Р. (2017) Роль Шанхайской организации сотрудничества в противодействии угрозам мира и безопасности // Хроника ООН (ноябрь). Режим доступа: <https://www.un.org/ru/chronicle/article/21818> (дата обращения: 16.06.2022).
- Арис С. (2008) Шанхайская организация сотрудничества в материалах и оценках западных исследователей // Вестник РУДН. Сер. «Политология». № 1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/shanhayskaya-organizatsiya-sotrudnichestva-v-materialah-i-otsenkah-zapadnyh-issledovateley> (дата обращения: 16.07.2018).
- Байназаров Э., Портякова Н. (2022) Шире друг: к ШОС хотят присоединиться еще десять стран // Известия. 4 августа. Режим доступа: <https://iz.ru/1374369/elnar-bainazarov-natalia-portiakova/shire-drug-k-shos-khotiat-prisoedinitia-eshche-desiat-stran> (дата обращения: 27.07.2022).
- Беннетт К. (2022) Антиимпериализм и украинский конфликт // Клуб «Валдай». 22 июля. Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/antiimperializm-i-ukrainskiy-konflikt/> (дата обращения: 02.08.2022).
- Бжезинский З. (1999) Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения. С. 256.
- Вести (2012) Статья Владимира Путина в газете «Жэнъминь жибао» // 5 июня. Режим доступа: <https://www.vesti.ru/article/1926522> (дата обращения: 20.07.2022).
- Гарант (1997) Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы. 24 апреля. Режим доступа: <https://base.garant.ru/2541517/> (дата обращения: 19.06.2022).
- Духанова П., Медведева А. (2022) В режиме «гибкого формата»: почему в Пекине заговорили о готовности развивать взаимодействие с ОДКБ // RT. 16 апреля. Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/article/990985-kitai-odkb-sotrudnichestvo> (дата обращения: 17.06.2022).
- Законодательство стран СНГ (1996) Соглашение между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Российской Федерацией, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы. 26 апреля. Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3879 (дата обращения: 19.06.2022).
- Иманалиев М.С. (2017) ШОС нуждается в новой концепции развития // Клуб «Валдай». 16 июня. Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/shos-novaya-kontsepsiya-razvitiya/> (дата обращения: 16.07.2022).
- Каукенов А. (2013) Внутренние противоречия Шанхайской организации сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ. № 2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrenniee-protivorechiya-shanhayskoy-organizatsii-sotrudnichestva> (дата обращения: 28.07.2022).
- Кодекс (2017) Соглашение о порядке формирования и исполнения бюджета Шанхайской организации сотрудничества. 1 декабря. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/542615412?marker=7D10KA> (дата обращения: 21.06.2022).
- Ли С. (2016) Китайский взгляд на создание Евразийского экономического пространства // Клуб «Валдай». 17 ноября. Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/kitayskiy-vzglyad-evraziyskogoprostranstvo/> (дата обращения: 27.07.2022).
- Лукин А.В. (2020) Россия и Китай в Большой Евразии // Полис (Политические исследования). № 5. С. 46–59.
- Лукьянов Ф. (2015) Российско-китайские отношения переходят в новую фазу // Российская газета. 12 мая. Режим доступа: <https://rg.ru/2015/05/13/faza.html> (дата обращения: 27.07.2022).
- Министерство обороны Российской Федерации (Минобороны России) (н.д.) Выступление начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации на тему: «Военные опасности и военные угрозы Российской Федерации в современных условиях». Режим доступа: <https://mil.ru/pubart.htm?id=12016246@cmsArticle> (дата обращения: 16.08.2022).

НATO (2008) Североатлантический договор. 9 декабря. Режим доступа: https://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_17120.htm (дата обращения: 02.08.2022).

НATO (2021) Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Брюсселе. 14 июня. Режим доступа: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 18.06.2022).

НATO (2022) Коллективная оборона – статья 5. 25 июля. Режим доступа: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_110496.htm (дата обращения: 02.08.2022).

НATO (2022a) Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2021). 31 March. Режим доступа: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/3/pdf/220331-def-exp-2021-en.PDF (дата обращения: 28.06.2022).

НATO (2022b) Funding NATO. 9 November. Режим доступа: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_67655.htm (дата обращения: 25.11.2022).

НATO (2022c) NATO 2022 Strategic Concept. 29 June. Режим доступа: <https://www.nato.int/strategic-concept/> (дата обращения: 02.07.2022).

Науменко Г., Перелет Д., Губская А. (2022) Проверка на прочность: что делают корабли НATO в Черном море? // РСМД. 27 января. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/blogs/generation-shift/proverka-na-prochnost-chto-delayut-korabli-nato-v-chernoe-more/> (дата обращения: 05.08.2022).

Нуримбетов Р. (2021) Роль ШОС в современных международных отношениях: взгляд из Узбекистана // ШОС. 15 апреля. Режим доступа: <http://rus.sectsco.org/news/20210415/742084.html> (дата обращения: 16.06.2022).

ОДКБ (2022) Состоялось подписание Совместной позиции РАТС ШОС, АТЦ СНГ и Секретариата ОДКБ по вопросам противодействия терроризму и экстремизму. 16 февраля. Режим доступа: https://www.odkb-csto.org/news/news_odkb/sostoyalos-podpisanie-sovmestnoy-pozitsii-rats-shos-atts-sng-i-sekretariata-odkb-po-voprosam-protivo/#loaded (дата обращения: 21.06.2022).

ПМЭФ (2022) ШОС и перспективы формирования большого евразийского партнерства. 1 июня. Режим доступа: <https://forumpspb.com/archive/2022/programme/54717/> (дата обращения: 15.06.2022).

Посольство КНР в России (2012) Декларация глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о построении региона долгосрочного мира и совместного процветания. 7 июня. Режим доступа: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cerius//rus/shhzzz/AS1/t940307.htm> (дата обращения: 26.06.2022).

ПРАЙМ (2021) Банки развития ШОС подписали новую стратегию развития. 17 сентября. Режим доступа: <https://1prime.ru/banks/20210917/834731568.html> (дата обращения: 20.05.2022).

Президент России (2001) Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества. 14 июня. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/3406> (дата обращения: 11.06.2022).

Президент России (2002) Хартия Шанхайской организации сотрудничества. 6 июня. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450> (дата обращения: 01.08.2022).

Президент России (2015) Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. 8 мая. Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 27.07.2022).

Рахимов К., Курылев К. (2018) Роль ШОС в обеспечении безопасности Центральной Азии. Издательские решения. С. 202.

РИА Новости (2010). Страны ШОС помогут обеспечить безопасность на юге Киргизии. 23 сентября. Режим доступа: <https://ria.ru/20100923/278412971.html> (дата обращения: 25.07.2022).

РИА Новости (2021) Путин предложил возобновить работу контактной группы ШОС – Афганистан. 17 сентября. Режим доступа: <https://ria.ru/20210917/putin-1750474204.html> (дата обращения: 27.07.2022).

РИА Новости (2022a) Антитеррористическая структура ШОС заявила, что готова помочь Казахстану. 7 января. Режим доступа: <https://ria.ru/20220107/shos-1766880782.html> (дата обращения: 20.07.2022).

РИА Новости (2022b) Путин об антироссийской истерике: время все расставит на свои места. 12 апреля. Режим доступа: <https://ria.ru/20220412/putin-1783147066.html> (дата обращения: 26.04.2022).

Российская газета (2014) Сергей Лавров: ШОС отвечает реалиям и потребностям XXI века. 10 сентября. Режим доступа: <https://rg.ru/2014/09/10/lavrov.html> (дата обращения: 15.06.2022).

TACC (2016). Рашид Алимов: «шанхайский дух» создает атмосферу общности и созидающего творчества. 9 июня. Режим доступа: <https://tass.ru/interviews/3352583> (дата обращения: 25.05.2022).

TACC (2022a) Правда ли, что НАТО лишь оборонительная организация? 8 февраля. Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13648267> (дата обращения: 02.07.2022).

TACC (2022b) ШОС намерена работать над расширением расчетов в национальных валютах. 16 июня. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/14924991> (дата обращения: 25.06.2022).

Чжао Х. (2022) Современные подходы Китая к Шанхайской организации сотрудничества // Клуб «Валдай». 12 апреля. Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sovremennoye-podkhody-kitaya/> (дата обращения: 02.08.2022).

ШОС (2019) Общие сведения. 15 июля. Режим доступа: <http://rus.sectsco.org/structure/20190715/564857.html> (дата обращения: 16.06.2022).

ШОС (2021a) Владимир Норов: Решения, принятые на саммите ШОС в Душанбе, имеют эпохальное значение и открывают новую веху в поступательном развитии Организации. 12 октября. Режим доступа: http://rus.sectsco.org/archive_news/20211012/784476.html (дата обращения: 27.07.2022).

ШОС (2021b) «Саммит Шанхайской организации сотрудничества в Душанбе станет событием исторического масштаба». Интервью Генерального секретаря ШОС В. Норова Национальному информационному агентству Таджикистана «Ховар». 13 июля. Режим доступа: <http://rus.sectsco.org/news/20210713/767503.html> (дата обращения: 26.06.2022).

ШОС (2022) Генеральный секретарь ШОС Чжан Мин ответил на вопросы руководителя Представительства ТАСС в Пекине А.В. Кириллова. 25 марта. Режим доступа: <http://rus.sectsco.org/news/20220325/824696.html> (дата обращения: 24.05.2022).

ШОС (н.д.) Часто задаваемые вопросы. Режим доступа: <http://rus.sectsco.org/docs/about/faq.html> (дата обращения: 30.06.2022).

Яковлев М. (2017) Суть НАТО // Вестник НАТО. 20 января. Режим доступа: <https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2017/01/20/sut-nato/index.html> (дата обращения: 15.05.2022).

Alimov R. (2018) The Shanghai Cooperation Organisation: Its role and place in the development of Eurasia // Journal of Eurasian Studies. Vol. 9. Iss. 2. P. 114–124. Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1879366518300216> (дата обращения: 26.05.2022).

AsiaNews (2009) New Moscow-Beijing axis to restrain the West. 14 October. Режим доступа: <https://www.asianews.it/news-en/New-Moscow-Beijing-axis-to-restrain-the-West-16588.html> (дата обращения: 02.06.2022).

Emmott R., Siebold S. (2022) Finland, Sweden sign to join NATO but need ratification. Reuters. 5 July. Режим доступа: <https://www.reuters.com/world/europe/finland-sweden-sign-protocol-join-nato-still-need-ratification-2022-07-05/> (дата обращения: 07.07.2022).

Garamone J. (2022) Russia Forcing Changes to NATO Strategic Concepts // U.S. Department of Defense. 1 June. Режим доступа: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/3049900/russia-forcing-changes-to-nato-strategic-concepts/> (дата обращения: 22.06.2022).

GOV.UK (2022) The return of geopolitics: Foreign Secretary's Mansion House speech at the Lord Mayor's 2022 Easter Banquet. 27 апреля. Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/speeches/foreign-secretarys-mansion-house-speech-at-the-lord-mayors-easter-banquet-the-return-of-geopolitics> (дата обращения: 05.08.2022).

Kaleji V. (2021) The Shanghai Cooperation Organization Is No “New Warsaw” or “Eastern NATO” // The National Interest. 13 November. Режим доступа: <https://nationalinterest.org/feature/shanghai-cooperation-organization-no-%E2%80%98new-warsaw%E2%80%99-or-%E2%80%98eastern-nato%E2%80%99-196138> (дата обращения: 24.06.2022).

Li L., Zeng X. (2018) Prospects of the Sino-Indian-Russian Interaction Model in the Framework of SCO – Model Building and Possible Realization // Journal of Xinjiang Normal University (Philosophy and Social Sciences). No. 6. P. 96–114. (in Chinese)

- Li Z. (2021) The expansion of the Shanghai Cooperation Organization and the construction of a community with a shared future. CIIS. 10 сентября. Режим доступа: https://www.ciis.org.cn/yjcg/xslw/202109/t20210910_8129.html (дата обращения: 27.07.2022). (in Chinese)
- NATO (2022a) Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2021). 31 March. Режим доступа: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/3/pdf/220331-def-exp-2021-en.PDF (дата обращения: 28.06.2022).
- NATO (2022b) Funding NATO. 9 November. Режим доступа: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_67655.htm (дата обращения: 25.11.2022).
- NATO (2022c) NATO 2022 Strategic Concept. 29 June. 29 June. Режим доступа: <https://www.nato.int/strategic-concept/> (дата обращения: 02.07.2022).
- Pan G. (2010) Unrest in Kyrgyzstan: Russian, America, Europe's Role and Unrest Impact to China // Journal of Xinjiang Normal University (Social Sciences). Vol. 31. No. 4. (Dec.). P. 39–44. (in Chinese)
- People's Daily (2016) The "Shanghai Five" model is exemplary. 16 April. Режим доступа: <http://world.people.com.cn/n1/2016/0416/c1002-28280530.html> (дата обращения: 25.11.2022). (in Chinese)
- Regnum (2022) Россия и Китай займутся повышением роли ШОС в мире. 4 февраля. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/3497417.html> (дата обращения: 20.06.2022).
- Saksena A.R. (2014) The Shanghai Cooperation Organization and Central Asian Security // The Diplomat. 25 July. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2014/07/the-shanghai-cooperation-organization-and-central-asian-security/> (дата обращения: 16.07.2018).
- SCO (2022) The news conference with SCO Secretary-General Zhang Ming. 15 июля. Режим доступа: <http://chn.sectsco.org/news/20220715/854794.html> (дата обращения: 27.07.2022). (in Chinese)
- Simes D. (2020) China and Russia ditch dollar in move toward 'financial alliance' // NikkeyAsia. 6 August. Режим доступа: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/China-and-Russia-ditch-dollar-in-move-toward-financial-alliance> (дата обращения: 25.06.2022).
- The White House (2015) National Security Strategy. Режим доступа: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (дата обращения: 20.06.2022).
- The White House (2017) National Security Strategy. Режим доступа: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/NSS2017.pdf?ver=CnFwURrw09pJ0q5EogFpwg%3d%3d> (дата обращения: 21.06.2022).
- The White House (2021) Interim National Security Strategic Guidance. Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (дата обращения: 21.06.2022).
- The White House (2022) National Security Strategy. Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 21.11.2022).
- U.S. Department of State (2021). Major Non-NATO Ally Status. 20 January. Режим доступа: <https://www.state.gov/major-non-nato-ally-status/> (дата обращения: 06.06.2022).
- Xinhua News (2022) Hua Chunying: China's position on the Ukraine issue is consistent. 23 February. Режим доступа: http://www.news.cn/world/2022-02/23/c_1128409608.htm (дата обращения: 24.02.2022). (in Chinese)
- Zhang H. (2022) Russia-Ukraine Conflict and World Change // Outlook Weekly. 11 April. Режим доступа: http://lw.news.cn/2022-04/11/c_1310551681.htm (дата обращения: 13.05.2022). (in Chinese)
- Zhang X., Dai J. (2019) SCO Community with Shared Future: Connotation, Challenges and Construction Paths // Peace and Development. No. 5. P. 22–36. (in Chinese)
- Ziabari K., Chellaney B. (2018) India Is the Biggest Democracy in the World // Fair Observer. 10 December. Режим доступа: https://www.fairobserver.com/region/central_south_asia/news-on-india-news-headlines-democracy-world-news-headlines-today-32390/ (дата обращения: 10.06.2022).

NATO and the SCO: Their Conceptual Foundations and Implementation in the Work of Organizations¹

X. Fan, K. Kondakova

Xuesong Fan — PhD in Political Science, Senior Lecturer, Faculty of World Economy and International Affairs National Research University Higher School of Economics (HSE University); 20 Myasnitskaya Ulitsa, 101000, Moscow, Russia; xfan@hse.ru

Kristina Kondakova — Bachelor student Faculty of World Economy and International Affairs National Research University Higher School of Economics (HSE University); 20 Myasnitskaya Ulitsa, 101000, Moscow, Russian Federation; kskondakova@hse.ru

Abstract

On 24 February 2022, Russian president Vladimir Putin, during his address to the citizens of Russia, announced a special military operation in Ukraine. Since then, the international environment on the Eurasian continent, and the world order that has existed for 30 years after the Cold War, has changed. The armed conflict in Ukraine, which occurred as a result of North Atlantic Alliance (NATO) policy, has revealed once again the differences between the approaches of Russia, China, and western countries to world order and multilateral cooperation. This article analyzes the principles of activity, goals, and decision-making mechanisms of two key international security organizations – the Shanghai Cooperation Organisation (SCO) and NATO. Thus, this article defines the characteristic features of NATO and SCO approaches to ensuring regional security.

In addition, in view of the suspension of Russia's membership in many international organizations and the adoption of a new NATO Strategic Concept, it seems especially relevant to intensify cooperation within the organizations in which the Russian Federation retains enduring influence. In this regard, the issues and the prospects for developing and strengthening the SCO's role on the world stage in the context of the current geopolitical situation were also considered.

Keywords: SCO, NATO, international organization, regional security, military alliance, multilateralism

For citation: Fan X., Kondakova K. (2022) NATO and the SCO: Their Conceptual Foundations and Implementation in the Work of Organizations. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 4, pp. 124–127 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2022-04-05

References

- Alimov R. (2017) Rol' Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva v protivodejstvii ugrozam mira i bezopasnosti [The Role of the Shanghai Cooperation Organisation in Counteracting Threats to Peace and Security]. *UN Chronicle*, vol. LIV, no 3. Available at: <https://www.un.org/ru/chronicle/article/21818> (accessed 16 June 2022). (in Russian)
- Alimov R. (2018) The Shanghai Cooperation Organisation: Its Role and Place in the Development of Eurasia. *Journal of Eurasian Studies*, vol. 9, iss. 2, pp. 114–24. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1879366518300216> (accessed 26 May 2022).
- Aris S. (2008) Shanhajskaja organizacija sotrudnichestva v materialah i ocenkah zapadnyh issledovatelej [The Shanghai Cooperation Organisation in Materials and Evaluations by Western Researchers]. *RUDN Journal of Political Science*, no 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/shanhayskaya-organizatsiya-sotrudnichestva-v-materialah-i-otsenkah-zapadnyh-issledovateley> (accessed 16 July 2018). (in Russian)

¹ This article was submitted on 12.07.2022.

- AsiaNews (2009) New Moscow-Beijing Axis to Restrain the West. 14 October. Available at: <https://www.asianews.it/news-en/New-Moscow-Beijing-axis-to-restrain-the-West-16588.html> (accessed 2 June 2022).
- Baynazarov E., Portyakova N. (2022). Shire drug: k ShOS hotyat prisoedinit'sja eshhe desjat' stran [Wider Friend: Ten More Countries Want to Join the SCO]. *Izvestia*, 4 August. Available at: <https://iz.ru/1374369/elnar-bainazarov-nataliia-portiakova/shire-drug-k-shos-khotiat-prisoedinit'sja-eshche-desiat-stran> (accessed 27 July 2022). (in Russian)
- Brzezinski Z. (1999) *Velikaja shahmatnaja doska. Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy [The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives]*. Moscow: International Relationships. (in Russian)
- Collective Security Treaty Organization (CSTO) (2022) Sostojalos' podpisanie Sovmestnoj pozicii RATS ShOS, ATC SNG i Sekretariata ODKB po voprosam protivodejstvija terrorizmu i jekstremizmu [The Joint Position of the SCO RATS, the CIS ATC and the CSTO Secretariat on Countering Terrorism and Extremism Was Signed]. 16 February. Available at: https://www.odkb-csto.org/news/news_odkb/sostoyalos-podpisanie-sovmestnoj-pozitsii-rats-shos-atts-sng-i-sekretariata-odkb-po-voprosam-protivo/#loaded (accessed 21 June 2022). (in Russian)
- Duhanova P., Medvedeva A. (2022) V rezhime "gibkogo formata": pochemu v Pekine zagоворили о готовности развивать взаимодействие с ОДКБ [In the "Flexible Format" Mode: Why in Beijing They Started Talking About Their Readiness to Develop Cooperation With the CSTO]. *RT*, 16 April. Available at: <https://russian.rt.com/world/article/990985-kitai-odkb-sotrudnichestvo> (accessed 17 June 2022). (in Russian)
- Embassy of China in Russia (2012) Deklaracija glav gosudarstv-chlenov Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva o postroenii regiona dolgosrochnogo mira i sovmestnogo prosvetanija [Declaration of the Heads of State of the Member States of the Shanghai Cooperation Organisation on Building a Region of Lasting Peace and Common Prosperity]. 7 June. Available at: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cerus//rus/shhzzz/AS1/t940307.htm> (accessed 26 June 2022). (in Russian)
- Emmott R., Siebold S. (2022) Finland, Sweden Sign to Join NATO But Need Ratification. *Reuters*, 5 July. Available at: <https://www.reuters.com/world/europe/finland-sweden-sign-protocol-join-nato-still-need-ratification-2022-07-05/> (accessed 7 July 2022).
- Foreign & Commonwealth Office (2015) Shanghai Co-operation Organisation (SCO): An Overview. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/446524/SCO_-_Overview.pdf (accessed 26 June 2022).
- Garamone J. (2022) Russia Forcing Changes to NATO Strategic Concepts. *DOD News*, 1 June, U.S. Department of Defense. Available at: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/3049900/russia-forcing-changes-to-nato-strategic-concepts/> (accessed 22 June 2022).
- GARANT (1997) Soglashenie mezhdu Rossijskoj Federaciej, Respublikoj Kazahstan, Kirgizskoj Respublikoj, Respublikoj Tadzhikistan i Kitajskoj Narodnoj Respublikoj o vzaimnom sokrashhenii vooruzhennyh sil v rajone granicy [The Agreement Between the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan and People's Republic of China on Mutually Reducing Armed Forces Around Border]. Moscow, 24 April. Available at: <https://base.garant.ru/2541517/> (accessed 19 June 2022). (in Russian)
- GOV.UK (2022) The Return of Geopolitics: Foreign Secretary's Mansion House Speech at the Lord Mayor's 2022 Easter Banquet. London, 27 April. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/foreign-secretarys-mansion-house-speech-at-the-lord-mayors-easter-banquet-the-return-of-geopolitics> (accessed 5 August 2022).
- Imanaliev M.S. (2017) ShOS nuzhdaetsja v novoj koncepcii razvitiya [The SCO Needs a New Development Concept]. *Experts' Opinions*, 16 June, Valdai Discussion Club. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/shos-novaya-konseptsiya-razvitiya/> (accessed 16 July 2022). (in Russian)
- Kaleji V. (2021) The Shanghai Cooperation Organization Is No "New Warsaw" or "Eastern NATO." *The National Interest*, 13 November. Available at: <https://nationalinterest.org/feature/shanghai-cooperation-organization-no-%E2%80%98new-warsaw%E2%80%99-or-%E2%80%98eastern-nato%E2%80%99-196138> (accessed 24 June 2022).
- Kaukenov A. (2013) Vnutrennie protivorechija Shanhajskoj Organizacii sotrudnichestva [Internal Contradictions of the Shanghai Cooperation Organisation]. *Central'naja Azija i Kavkaz*, vol. 16, no 2. Available at:

<https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennie-protivorechiya-shanhayskoy-organizatsii-sotrudnichestva> (accessed 28 July 2022). (in Russian)

Kodeks (2017) Soglashenie o porjadke formirovaniya i ispolnenija budzheta Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva [Agreement on Procedure for Forming and Budget Implementation of the Shanghai Cooperation Organisation]. 1 December. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/542615412?marker=7DI0KA> (accessed 21 June 2022). (in Russian)

Legislation of the CIS Countries (1996) Soglashenie mezhdu Respublikoj Kazahstan, Kyrgyzskoj Respublikoj, Rossijskoj Federacij, Respublikoj Tadzhikistan i Kitajskoj Narodnoj Respublikoj ob ukreplenii doverija v voennoj oblasti v rajone granicy [Agreement Between Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and China on Confidence Building in the Military Field in the Border Area]. 26 April 1996. Available at: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rhn=3879 (accessed 19 June 2022). (in Russian)

Li L., Zeng X. (2018) Shanghai hezuo zuzhi kuangjia xia Zhong E Yin hudong moshi qianzhan – moxing goujian yu xianshi keneng [Prospects of the Sino-Indian-Russian Interaction Model in the Framework of SCO: Model Building and Possible Realization]. *Journal of Xinjiang Normal University (Philosophy and Social Sciences)*, no 6, pp. 96–114. (in Chinese)

Li X. (2016) Kitajskij vzgljad na sozdanie Evrazijskogo jekonomiceskogo prostranstva [Chinese Perspective on the Creation of a Eurasian Economic Space]. *Report*, 17 November, Valdai Discussion Club. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/kitajskiy-vzglyad-evrazijskogoe-prostranstvo/> (accessed 27 July 2022). (in Russian)

Li Z. (2021) Shanghai hezuo zuzhi de kuo yuan yu mingyun gongtongti jianshe [The Expansion of the Shanghai Cooperation Organisation and the Construction of a Community With a Shared Future]. China Institute of International Studies (CIIS), 10 September. Available at: https://www.ciis.org.cn/yjcg/xslw/202109/t20210910_8129.html (accessed 27 July 2022). (in Chinese)

Lukin A.V. (2020) Rossija i Kitaj v Bol'shoj Evrazii [Russia and China in Greater Eurasia]. *Polis. Politicheskie nauki*, no 5, pp. 46–59. (in Russian).

Lukyanov F. (2015) Rossijsko-kitajskie otnoshenija perehodjat v novuju fazu [Russian-Chinese Relations Are Moving Into a New Phase]. *Rossiyskaya Gazeta*, 12 May. Available at: <https://rg.ru/2015/05/13/faza.html> (accessed 27 July 2022). (in Russian)

Ministry of Defence of the Russian Federation (n.d.) Vystuplenie nachal'nika General'nogo shtaba Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii na temu: "Voennye opasnosti i voennye ugrozy Rossijskoj Federacii v sovremennyh uslovijah" [Speech by the Chief of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation on the Topic: "Military Dangers and Military Threats to the Russian Federation in Modern Conditions"]. Available at: <https://mil.ru/pubart.htm?id=12016246@cmsArticle> (accessed 16 August 2022). (in Russian)

Naumenko G., Perelet D., Gubskaya A. (2022) Proverka na prochnost': chto delajut korabli NATO v Chernoe more? [Strength Test: What Are NATO Ships Doing in the Black Sea?] Russian International Affairs Council (RIAC), 27 January. Available at: <https://russiancouncil.ru/blogs/generation-shift/proverka-na-prochnost'-chtodelayut-korabli-nato-v-chernoe-more/> (accessed 5 August 2022). (in Russian)

North Atlantic Treaty Organization (NATO) (2008) Severoatlanticheskij dogovor [The North Atlantic Treaty]. 9 December. Available at: https://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_17120.htm (accessed 2 August 2022) (in Russian).

North Atlantic Treaty Organization (NATO) (2021) Zajavlenie po itogam vstrechi na vysshem urovne v Brussele [Statement Following the Summit Meeting in Brussels]. 14 June. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm?selectedLocale=ru (accessed 18 June 2022). (in Russian)

North Atlantic Treaty Organization (NATO) (2022a) Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2021). 31 March. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/3/pdf/220331-def-exp-2021-en.PDF (accessed 28 June 2022).

North Atlantic Treaty Organization (NATO) (2022b) Funding NATO. 9 November. Available at: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_67655.htm (accessed 25 November 2022).

North Atlantic Treaty Organization (NATO) (2022c) NATO 2022 Strategic Concept. 29 June. Available at: <https://www.nato.int/strategic-concept/> (accessed 2 July 2022).

- North Atlantic Treaty Organization (NATO) (2022d) Kollektivnaja oborona – statja 5 [Collective Defence: Article 5]. 25 July. Available at: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_110496.htm (accessed 2 August 2022). (in Russian)
- Nurimbetov R. (2021) Rol' ShOS v sovremennoy mezhdunarodnyy otnoshenijah: vzgljad iz Uzbekistana [The Role of the SCO in Modern International Relations: A View From Uzbekistan]. Shanghai Cooperation Organisation (SCO), 15 April. Available at: <http://rus.sectsco.org/news/20210415/742084.html> (accessed 16 June 2022). (in Russian)
- Pan G. (2010) Ji'erjisitan dongdang: E Mei Ou de zuoyong, dui Zhongguo de yingxiang [Unrest in Kyrgyzstan: Russia's, America's, and Europe's Role and Unrest Impact to China]. *Journal of Xinjiang Normal University (Social Sciences)*, vol. 31, no 4, pp. 39–44. Available at: http://caod.oriprobe.com/articles/25949328/Unrest_in_Kyrgyzstan__Russian__America__Europe__s_Role_and_Unrest_Impa.htm (accessed 24 November 2022). (in Chinese)
- People's Daily (2016) "Shanghai wu guo" moshi juyou shifan yiyi [The "Shanghai Five" Model Is Exemplary]. 16 April. Available at: <http://world.people.com.cn/n1/2016/0416/c1002-28280530.html> (accessed 25 November 2022). (in Chinese)
- President of the Russian Federation (RF) (2001) Deklaracija o sozdani Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva [Declaration on the Establishment of the Shanghai Cooperation Organisation]. 14 June. Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/3406> (accessed 11 June 2022). (in Russian)
- President of the Russian Federation (RF) (2002) Hartija Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva [Charter of the Shanghai Cooperation Organisation]. 6 June. Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450> (accessed 1 August 2022). (in Russian)
- President of the Russian Federation (RF) (2015) Sovmestnoe zajavlenie Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki o sotrudnichestve po soprijazheniju stroitel'stva Evrazijskogo jekonomiceskogo sojusa i Jekonomiceskogo pojasa Shelkovogo puti [Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on Cooperation of Connection Between the Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union]. 8 May. Available at: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (accessed 27 July 2022). (in Russian)
- Prime (2021) Banki razvitiya ShOS podpisali novuju strategiju razvitiya [SCO Development Banks Signed a New Development Strategy]. 17 September. Available at: <https://1prime.ru/banks/20210917/834731568.html> (accessed 20 May 2022). (in Russian)
- Rakhimov K., Kurylev K. (2018) Rol' ShOS v obespechenii bezopasnosti Central'noi Azii [The Role of the SCO in Ensuring the Security of Central Asia]. Publishing Solutions. (in Russian)
- REGNUM (2022) Rossija i Kitaj zajmutsja povysheniem roli ShOS v mire [Russia and China Will Increase the Role of the SCO in the World]. 4 February. Available at: <https://regnum.ru/news/3497417.html> (accessed 20 June 2022). (in Russian)
- RIA Novosti (2010) Strany ShOS pomogut obespechit' bezopasnost' na juge Kirgizii [SCO Countries Will Help Ensure Security in Southern Kyrgyzstan]. 23 September. Available at: <https://ria.ru/20100923/278412971.html> (accessed 25 July 2022). (in Russian)
- RIA Novosti (2021) Putin predlozhil vozobnovit' rabotu kontaktnoj gruppy ShOS – Afganistan [Putin Proposes to Resume the Work of the Contact Group SCO-Afghanistan]. 17 September. Available at: <https://ria.ru/20210917/putin-1750474204.html> (accessed 27 July 2022). (in Russian)
- RIA Novosti (2022a) Antiteroristicheskaja struktura ShOS zjavila, chto gotova pomoch' Kazahstanu [The Anti-Terrorist Structure of the SCO Stated That It Was Ready to Help Kazakhstan]. 7 January. Available at: <https://ria.ru/20220107/shos-1766880782.html> (accessed 20 July 2022). (in Russian)
- RIA Novosti (2022b) Putin ob antirossijskoj isterike: vremja vse rasstavit na svoi mesta [Putin About Anti-Russian Hysteria: Time Will Put Everything in Its Place]. 12 April. Available at: <https://ria.ru/20220412/putin-1783147066.html> (accessed 26 April 2022). (in Russian)
- Rossiyskaya Gazeta (2014) Sergej Lavrov: ShOS otvechaet realijam i potrebnostjam XXI veka [Sergey Lavrov: The SCO Responds to Realities and Needs of the 21st Century]. 10 September. Available at: <https://rg.ru/2014/09/10/lavrov.html> (accessed 15 June 2022). (in Russian)

Saksena A.R. (2014) The Shanghai Cooperation Organization and Central Asian Security. *The Diplomat*, 25 July. Available at: <https://thediplomat.com/2014/07/the-shanghai-cooperation-organization-and-central-asian-security/> (accessed 16 July 2018).

Shanghai Cooperation Organisation (SCO) (2019) Obshhie svedenija [General Information]. 15 July. Available at: <http://rus.sectsco.org/structure/20190715/564857.html> (accessed 16 June 2022). (in Russian)

Shanghai Cooperation Organisation (SCO) (2021a) Vladimir Norov: Reshenija, prinjatyne na sammite ShOS v Dushanbe, imejut jepohal'noe znachenie i otkryvajut novuju venu v postupatel'nom razvitiu Organizacii [The Decisions Taken at the SCO Summit in Dushanbe Are of Epochal Significance and Open a New Milestone in the Progressive Development of the Organisation]. October 12. Available at: http://rus.sectsco.org/archive_news/20211012/784476.html (accessed 27 July 2022). (in Russian)

Shanghai Cooperation Organisation (SCO) (2021b) "Sammit Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva v Dushanbe stanet sobytiem istoricheskogo masshtaba". Interv'ju General'nogo sekretarja ShOS V. Norova Nacional'nому informacionnomu agentstvu Tadzhikistana "Hovar" ["The Summit of the Shanghai Cooperation Organisation in Dushanbe Will Be an Event of Historic Proportions." Interview of the SCO Secretary-General V. Norov With the National News Agency of Tajikistan "Khovar"]. 13 July. Available at: <http://rus.sectsco.org/news/20210713/767503.html> (accessed 26 June 2022). (in Russian)

Shanghai Cooperation Organisation (SCO) (2022a) General'nyj sekretar' ShOS Chzhan Min otvetil na voprosy rukovoditelia Predstavitel'stva TASS v Pekine A.V. Kirillova [SCO Secretary-General Zhang Ming Answered the Questions of the Head of the TASS Office in Beijing A.V. Kirillov]. 25 March. Available at: <http://rus.sectsco.org/news/20220325/824696.html> (accessed 24 May 2022). (in Russian)

Shanghai Cooperation Organisation (SCO) (2022b) Shanghai hezuo zuzhi mishuzhang Zhang Ming jizhehui shilu [The News Conference With SCO Secretary-General Zhang Ming]. 15 July. Available at: <http://chn.sectsco.org/news/20220715/854794.html> (accessed 27 July 2022). (in Chinese)

Shanghai Cooperation Organisation (SCO) (n.d.) Chasto zadavaemye voprosy [Frequently Asked Questions]. Available at: <http://rus.sectsco.org/docs/about/faq.html> (accessed 30 June 2022). (in Russian)

Simes D. (2020) China and Russia Ditch Dollar in Move Toward "Financial Alliance." *NikkeiAsia*, 6 August. Available at: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/China-and-Russia-ditch-dollar-in-move-toward-financial-alliance> (accessed 25 June 2022).

St Petersburg International Economic Forum (SPIEF) (2022) ShOS i perspektivy formirovaniya bol'shogo evrazijskogo partnerstva [SCO and Prospects for the Formation of a Large Eurasian Partnership]. 1 June. Available at: <https://forumspb.com/archive/2022/programme/54717/> (accessed 15 June 2022). (in Russian)

TASS (2016) Rashid Alimov: "shanhajskij duh" sozdaet atmosferu obshhnosti i sotvorchestva [Rashid Alimov: "Shanghai Spirit" Creates an Atmosphere of Community and Co-creation]. 9 June. Available at: <https://tass.ru/interviews/3352583> (accessed 25 May 2022). (in Russian)

TASS (2022a) Pravda li, chto NATO lish' oboronitel'naja organizacija? [Is It True That NATO Is Only a Defensive Organisation?]. 8 February. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13648267> (accessed 2 July 2022). (in Russian)

TASS (2022b) ShOS namerena rabotat' nad rasshireniem raschetov v nacvaljutah [The SCO Intends to Work on Expanding Settlements in National Currencies]. 16 June. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/14924991> (accessed 25 June 2022). (in Russian)

The White House (2015) National Security Strategy. Available at: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (accessed 20 June 2022).

The White House (2017) National Security Strategy. Available at: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/NSS2017.pdf?ver=CnFwURrw09pJ0q5EogFpwg%3d%3d> (accessed 21 June 2022).

The White House (2021) Interim National Security Strategic Guidance. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (accessed 21 June 2022).

The White House (2022) National Security Strategy. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed 21 November 2022).

- U.S. Department of State (2021) Major Non-NATO Ally Status. Fact Sheet, 20 January. Available at: <https://www.state.gov/major-non-nato-ally-status/> (accessed 06 June 2022).
- Vesti (2012) Statja Vladimira Putina v gazete “Zhjen’min’ zhibao” [Article by Vladimir Putin in the Newspaper “People’s Daily”]. 5 June. Available at: <https://www.vesti.ru/article/1926522> (accessed 20 July 2022). (in Russian)
- Xinhua News (2022) Hua Chunying: Zhongfang zai Wukelan wenti shang de lichang shi yiguan de [Hua Chunying: China’s Position on the Ukraine Issue Is Consistent]. 23 February. Available at: http://www.news.cn/world/2022-02/23/c_1128409608.htm (accessed 24 February 2022). (in Chinese)
- Yakovleff M. (2017) Sut’ NATO [The Essence of NATO]. *NATO Review*, 20 January. Available at: <https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2017/01/20/sut-nato/index.html> (accessed 15 May 2022). (in Russian)
- Zhang H. (2022) E Wu chongtu yu shijie bianju [Russia-Ukraine Conflict and World Change]. *Outlook Weekly*, 11 April. Available at: http://lw.news.cn/2022-04/11/c_1310551681.htm (accessed 13 May 2022). (in Chinese)
- Zhang X., Dai J. (2019) Shanghai hezuo zuzhi mingyun gongtongti: Neihan, tiaozhan yu goujian lujing [SCO Community With Shared Future: Connotation, Challenges and Construction Paths]. *Peace and Development*, no 5, pp. 22–36. (in Chinese)
- Zhao H. (2022) Sovremennye podhody Kitaja k Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva [Modern Approaches of China to the Shanghai Cooperation Organisation]. *Experts’ Opinions*, 12 April, Valdai Discussion Club. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sovremennye-podkhody-kitaya/> (accessed 2 August 2022). (in Russian)
- Ziabari K., Chellaney B. (2018) India Is the Biggest Democracy in the World. *Fair Observer*, 10 December. Available at: https://www.fairobserver.com/region/central_south_asia/news-on-india-news-headlines-democracy-world-news-headlines-today-32390/ (accessed 10 June 2022).

Влияние глобального технологического раскола на лидерство в мировой экономике на примерах ряда развитых и развивающихся стран¹

В.А. Кузьмин, А.П. Портанский

Кузьмин Владимир Алексеевич — магистр факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Россия, 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17; vlmrkuzmin@gmail.com

Портанский Алексей Павлович — к.э.н., профессор факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН; Россия, 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17; aportanskiy@hse.ru

Аннотация

Современные технологические тренды, в особенности глобальный технологический раскол, существенно влияют на распределение сил в мировой экономике. Однако проблемы, возникающие в связи с данными тенденциями, и их возможные последствия для экономического мироустройства остаются малоизученными. Цель данного исследования заключается в оценке влияния глобального технологического раскола на экономическое лидерство в контексте противоречий моделей развития стран Запада и Востока с учетом как межгосударственных конфликтов в инновационной сфере, так и растущей рыночной власти крупных технологических компаний.

В данном исследовании для формализации феномена лидерства в мировой экономике использовалась процедура построения композитного индекса, а для оценки влияния на него технологического раскола была построена регрессионная модель. Выборка стран в использованной модели содержит данные об основных макроэкономических и технологических показателях для 30 западных и 10 азиатских стран с 2010 по 2019 г.

В итоге авторы пришли к выводу, что наличие у государства четкого плана по внедрению информационных и коммуникационных технологий может позитивно сказаться на экономическом лидерстве страны, а рост значимости технологических гигантов оказывает на данный показатель негативное воздействие. Авторы надеются, что данное исследование будет способствовать лучшему пониманию концепции экономического лидерства среди ученых и привлечет внимание политиков к необходимости создания новых регулятивных норм в технологической сфере.

Ключевые слова: мировая экономика, экономическое лидерство, глобальный технологический раскол, модель экономического развития, big-tech, расстыковка экономик США и Китая

Для цитирования: Кузьмин В.А., Портанский А.П. Влияние глобального технологического раскола на лидерство в мировой экономике на примерах ряда развитых и развивающихся стран // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 4. С. 148–175 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2022-04-06

¹ Статья поступила в редакцию 24.06.2022.

Введение

Быстрые темпы экономического роста Китая в начале XXI в. и его растущее геополитическое влияние на мировой арене создали в американском обществе, в том числе в академической среде, представления о китайской угрозе как о главном стратегическом риске для гегемонии США. Противостояние США и КНР в плоскости экономики вылилось в торговую войну, инициированную администрацией Дональда Трампа, а позитивные ожидания от прихода к власти Джо Байдена не вполне оправдались. Более того, антикитайские настроения в США не снижаются, что в контексте споров об искусственном происхождении вируса COVID-19 в лаборатории в Ухани и растущих притязаниях правительства Си Цзиньпина на территорию Тайваня может привести к дальнейшей эскалации конфликта. В то же время в силу низкой вероятности прямого военного столкновения сверхдержав следует ожидать, что основным полем битвы Китая и США станет мировая экономика, лидерство в которой представляется главным фактором построения нового постпандемийного миропорядка.

Современная ситуация в мировой экономике складывается в контексте множества социальных, экономических и политических тенденций, которые оказывают значительное влияние на распределение сил в ней. Одним из наиболее важных трендов, к которому сейчас устремлено внимание политиков и академического сообщества, является глобальный технологический раскол. Данное понятие традиционно рассматривается в двух основных плоскостях: борьбы государств за технологическое превосходство и растущего влияния глобальных технологических компаний.

Первую составляющую глобального технологического раскола едва ли можно назвать новой для мировой экономики – в той или иной степени ускорение технологического прогресса всегда сопровождалось ростом конкуренции между ведущими экономическими державами. Более того, проявления этой конкуренции в настоящий момент достаточно очевидны. Так, например, лейтмотивом упомянутой выше торговой войны во многом послужило стремление к обеспечению технологической безопасности со стороны США. В то же время борьба за технологическое превосходство существует не только в контексте противостояния отдельных стран, но и в контексте антагонизма Запада и Востока.

Разрыв между традиционными демократическими развитыми странами и новыми индустриальными, зачастую характеризуемыми авторитаристическими институтами, в сфере развития высоких технологий стремительно сокращается, что также придает дополнительное измерение противостоянию за экономическое лидерство в силу ослабления традиционно принимаемого в западном обществе за аксиому утверждения о демократическом пути как единственно верном для долгосрочного развития. Второй аспект глобального технологического раскола также представляется угрозой для западного общества, поскольку невозможно предсказать последствия роста влияния технологических корпораций на традиционные институты, особенно ускорившегося в условиях форсированного перехода многих социально значимых задач в онлайн-режим в период пандемии. При этом данная неопределенность признается в том числе и восточными странами, в частности КНР. Руководитель крупнейшей технологической компании Alibaba Джек Ма попал в немилость у руководства КНР в связи с критическими высказываниями о национальной банковской системе, что лишний раз подчеркивает осознание государством потенциального влияния подобных экономических агентов.

Таким образом, можно ожидать, что глобальный технологический раскол окажет значительное влияние на распределение сил в мировой экономике. Характер этого нового распределения и его бенефициары остаются предметом дискуссий. В то же время

кооперация ведущих держав для восстановления мирового порядка после пандемии, к которой так часто призывает академическое сообщество, может значительно пострадать, что лишний раз подчеркивает хрупкость сложившейся в текущий момент системы.

Целью данного исследования является оценка влияния глобального технологического раскола на экономическое лидерство развитых западных стран и развивающихся азиатских. На основе анализа будет выявлена значимость данного явления и спрогнозированы возможные последствия раскола в среднесрочной перспективе для мировой экономики.

Глобальный технологический раскол в XXI в.

Сущность глобального технологического раскола и причины его возникновения

Исследование феномена технологического раскола является одной из главных задач данного исследования. В корне его потенциального влияния на распределение сил в мировой экономике лежат как объективные причины в виде характера развития мировых экономических отношений, так и действия их отдельных субъектов. При этом понятие глобального технологического раскола по-прежнему остается достаточно сложно определяемым, его границы до конца еще не установлены. В академической среде традиционно подчеркиваются две основные составляющие технологического раскола: нарушение взаимодействия между американской и китайской экономиками, зачастую проявляющееся в сфере высоких технологий, и экспансия технологических компаний, ведущая к росту их экономической и социальной значимости [Портанский, 2021].

По мнению профессора Гарвардского университета Дэни Родрика, главным аспектом, характеризующим глобальный технологический раскол, является несоответствие правил, по которым функционирует современная мировая экономическая система, миру, сложившемуся в условиях глобализации второй половины XX в. и повсеместного распространения Четвертой промышленной революции [Rodrick, 2020]. Действительно, глубокая интеграция главных экономик мира, США и КНР, явившаяся результатом глобализации, в определенный момент вступила в противоречие, во-первых, со стремлением США к абсолютной безопасности, имеющим целый ряд причин, начиная с географического положения и заканчивая опытом столкновения с международным терроризмом, и, во-вторых, с идеологическими особенностями обеих стран, диаметрально отличающимися по многим вопросам. Данное противоречие усиливалось вместе с внедрением высоких технологий во многие государственно значимые сферы и их превращением в главный двигатель экономического роста и гарант конкурентоспособности национальной экономики. По мнению одного из авторов, началом глобального технологического раскола можно считать цензурирование платформы Google в Китае. Это согласуется с упомянутой выше идеей, согласно которой причинами раскола послужили значимость идеологии для государства, проявившаяся в данной ситуации в стремлении КНР ограничить доступ населения к неугодной информации, и потенциальное влияние цифровых компаний на социальную сферу [Портанский, 2021].

Описанная выше ситуация обосновывает три основных вызова как для отдельных государств, так и для мировой экономики в целом. Первый – это национальная безопасность стран в контексте нарастающих геополитических противоречий. Сегодня тема вмешательства в выборы возникает в общественном дискурсе почти каждый раз, когда они проходят в той или иной стране, значимой для геополитики. При этом главным инструментальным объектом подобных обвинений всегда выступают цифровые

технологии – манипулирование массовым сознанием через СМИ и хакерские атаки. Второй вызов – это угрозы утечек персональных данных, находящихся под контролем не только государства, но и в большинстве случаев в руках частных компаний. Например, в 2018 г. индийская государственная база данных удостоверений личности Aadhaar пострадала от множественных утечек, что привело к потенциальному открытию доступа к информации о практических каждом гражданине Индии [World Economic Forum, 2019]. Третий вызов – это угроза монополизации рынка цифровых технологий в связи с существованием конкурентного преимущества у компаний, обладающих достаточными ресурсами для внедрения новых технологий первыми. Это также приводит к оппортунистскому поведению подобных компаний в рамках решения своих социально значимых задач и появлению у них субъектности на политической арене, что, например, проявилось в ситуации с блокировкой аккаунта Дональда Трампа в одной из социальных сетей. Данное действие было расценено некоторыми как акт политической цензуры [Rodrick, 2020].

В академическом сообществе основным подходом к снижению рисков глобального технологического раскола признается международная кооперация. Большое внимание уделяется разработке единых регулятивных норм в сфере функционирования крупнейших технологических компаний. При этом важным шагом в вопросе международного взаимодействия является признание того факта, что азиатские новые индустриальные страны – Сингапур, Малайзия, Тайвань и Индия – начинают играть все более значимую роль на мировом рынке высоких технологий, а следовательно, и в мировой экономике. В этом плане одним из потенциальных камней преткновения в вопросах международной кооперации с учетом роли азиатских стран могут стать различия в моделях экономического развития государств Запада и Востока и склонность США к предъявлению собственных политических стандартов к своим потенциальным экономическим партнерам.

Современный этап противостояния США и Китая в сфере цифровизации и высоких технологий

Необходимым условием исследования последствий глобального технологического раскола для мировой экономики является более глубокий анализ двух основных его аспектов. Так, упомянутая выше как одно из основных проявлений раскола расстыковка (decoupling) американской и китайской экономик на сегодняшний день представляется одним из главных вызовов мировой экономической системе. В условиях роста влияния высоких технологий на повседневную жизнь социума и их вовлечения во все больший спектр задач по обеспечению здоровья и безопасности граждан, что во многом вызвано пандемией COVID-19, и в контексте скорого массового перехода средств телекоммуникации коммерческого и государственного сектора на сети 5G, политика США и КНР по отношению друг к другу в области регулирования хайтека становится решающим фактором, способным определить будущий ландшафт мировой экономики.

Годы стабильно быстрого экономического роста Китая и роль государства в поддержке национальных производителей, обеспечивающих этот рост, послужили основой для формирования в США представлений о высокой вероятности перехода китайских технологий, идущих в своем развитии в ногу с экономическим ростом, из частного сектора в военно-промышленный комплекс, что способно создать непосредственную угрозу американской безопасности. Во многом это объясняется тем, что искусственный интеллект, робототехника и квантовые технологии как основные сферы иннова-

ций, связываются и с гражданским, и с военным сектором. Данная идея является базовой для все более протекционистской политики США по отношению к китайскому технологическому сектору [Kashin, 2021].

Моментом непосредственного признания Вашингтоном угрозы китайской технологической экспансии можно считать инициированную администрацией Барака Обамы Третью стратегию компенсации Министерства обороны США 2014 г. Она заключается в переориентировании американской системы обороны на инновационную сферу, традиционно характеризующуюся в США значительным потенциалом в условиях бюджетных и ресурсных ограничений. При этом стоит отметить, что, несмотря на формальный отход от данной стратегии во время президентства Дональда Трампа, США фактически проводили политику по ее претворению в жизнь через многочисленные санкции в отношении Китая. Данная тенденция продолжилась и после прихода к власти Джо Байдена, запретившего использование оборудования компании Huawei в американских телекоммуникационных сетях, что согласуется с политикой предыдущего президента по обеспечению национальной безопасности и предупреждению шпионажа в условиях внедрения сетей 5G [BBC News, 2021b].

В то же время КНР, осознавая стремление США к сохранению технологического доминирования, объявила в 2015 г. о политике «Сделано в Китае – 2025». Ее цель состоит в изменении экспортной структуры в сторону более инновационно ориентированной и повышении общей производительности благодаря значительной помощи со стороны государства. Однако западные страны, в особенности США, восприняли эту стратегию как попытку ограничить доступ иностранных фирм к китайскому рынку через поддержку местных производителей, что впоследствии заложило фундамент для будущей торговой войны [Agarwala, Chaudhary, 2021]. Одним из важнейших ее результатов стало еще большее стремление КНР к замещению иностранных технологий, которые традиционно составляли основу многих высокотехнологичных производств, национальными продуктами – переход от “Made in China” к “Created in China”, который некоторыми воспринимается как своеобразный «момент Спутника» для Китая [Van, 2021].

Влияние глобальных технологических корпораций на экономический миропорядок

Второй основной составляющей глобального технологического раскола сегодня принято считать растущее влияние крупнейших технологических компаний на социальную сферу, связанное с внедрением все большего числа цифровых и инновационных товаров и услуг в повседневную жизнь граждан и работу государства. Особенно актуальной данная проблема становится в контексте постепенного разворачивания Четвертой промышленной революции, подразумевающей массовое использование цифровых технологий последней волны, таких как «большие данные», интернет вещей и блокчейн в производстве. Подобное развитие событий может предполагать также отмирание традиционных административных и политических институтов, что приведет к миру, который зачастую ассоциируется с научно-фантастическим жанром «киберпанк», а точнее, к миру, в котором основные функции государства, в том числе экономические, будут делегированы крупнейшим корпорациям.

В 2020–2021 гг. данная тенденция лишь усилилась в связи с пандемией. Рост числа пользователей компаний Amazon, Apple, Netflix, Google привел также к большему охвату этими корпорациями пользовательских данных, которые в настоящий момент являются одним из главных ресурсов игроков на рынке высоких технологий. При этом

вопросу приватности получаемых данных зачастую не уделяется достаточного внимания, что ведет к различного рода утечкам. В связи с этим многие представители академического сообщества видят в сложившемся положении вещей историческую возможность пересмотра традиционных методов регулирования многих сфер жизни [Fenwick, McCahery, Vermeulen, 2021]. При этом внедрение антимонопольных законодательств в данной сфере, которые могли бы повысить конкуренцию на рынке и таким образом принудить технологические компании к выполнению стандартов, касающихся приватной информации, некоторым ученым представляется практически неподъемной задачей для правительства таких стран, как США [Desai, 2020].

Также в контексте пандемии стоит отметить еще более возросшую угрозу феномена так называемой постправды, с одной стороны, возникающего из-за недостаточного контроля за контентом, публикуемым на различных цифровых платформах, а с другой – из-за оппортунистского поведения крупных технологических компаний в вопросах, касающихся национальной политики. Нередко этими изъянами сложившегося цифрового порядка пользуются политики, например Борис Джонсон. Так, защищая идею Брексита, он заявил, что выход Британии из ЕС позволит ей получать до 350 млрд фунтов в неделю, которые можно будет потратить на систему здравоохранения. Несмотря на многочисленные опровержения со стороны экспертов, это утверждение было растиражировано во множестве газет и внесло свой вклад в результаты референдума [Gilchrist, 2018].

Угроза подобных ложных новостей возрастает в условиях перехода ряда основополагающих элементов экономики в цифровую среду. Примером может служить произошедший 13 сентября 2021 г. резкий рост курса криптовалюты Litecoin, вызванный недостоверной информацией, разлетевшейся в СМИ и социальных сетях, о том, что Walmart будет принимать ее в качестве средства оплаты [BBC News, 2021a]. Очевидно, что распространение подобных новостей через различные агрегаторы и социальные сети без какого-либо контроля ведет к формированию ложных представлений общества по тем или иным вопросам, зачастую оказывая значительное воздействие на мировую экономику. Кроме того, как отмечалось выше, крупнейшие технологические компании теперь имеют возможность самостоятельно формировать повестку через ограничение доступа пользователей к определенной информации. Так, например, перед выборами президента США 2020 г. посты Дональда Трампа в одной из социальных сетей помечались как «несоответствующие фактам».

Одной из главных причин роста влияния технологических компаний на общество можно считать появление четырех видов ренты, возникающих в ходе развития этой сферы. *Первый тип* ренты – это анклавная рента (*enclave rent*), она заключается в получении дохода за счет контроля за экосистемой устройств и платформ, а также данных, генерируемых пользователями в ходе работы с этими продуктами. *Второй тип* – ожидаемая монопольная рента (*expected monopoly rent*), выраженная в большей рыночной капитализации компаний с ожидаемым контролем над существующими и развивающимися активами, что позволяет этим компаниям использовать свои высокие рыночные оценки для получения более дешевых займов, что, в свою очередь, повышает их конкурентоспособность. *Третий* – рента за вовлечение (*engagement rent*), которая позволяет технологическим компаниям повысить продуктивность за счет предоставления своим пользователям продуктов, соответствующих их запросам. Этот тип ренты реализуется с помощью больших данных и разнообразных алгоритмов. *Последний* тип ренты – рента за рефлексивность (*reflexivity rent*), означающая возможности извлечения выгоды для фирм от использования алгоритмических механизмов в работе своих инновационных продуктов. Технологические компании могут, изменяя алгоритмы своих экосистем или

просто имея более четкое понимание того, как они работают, создавать для себя конкурентное преимущество относительно других корпораций, информация о которых зачастую содержится на подобных платформах [Birch, Cochrane, 2021].

Таким образом, можно сделать вывод, что глобальный технологический раскол – закономерный результат недооценки государством и обществом потенциального влияния Big Tech при одновременной эгоистичной политике стран в области технологической безопасности. Релевантным подходом к преодолению вызовов, возникающих из-за раскола, представляется международное взаимодействие, учитывающее современные тенденции в мировой экономике.

Экономическое лидерство в контексте глобального технологического раскола

Дальнейшее рассмотрение международных экономических отношений в контексте глобального технологического раскола невозможно без изучения тех противоречий между двумя центрами силы, которые были заложены в моделях их экономического развития и окончательно стали очевидны сегодня. Именно они, с одной стороны, поддерживают технологический раскол, а с другой – в значительной степени формируют его основные черты.

Структурные изменения в национальных экономиках ведущих стран Запада и Востока, порожденные техническим прогрессом, стали одной из основных предпосылок внедрения инновационных стратегий в модели экономического развития этих государств. Несмотря на несколько десятилетий мирного существования после Второй мировой войны, двигавшегося ко все более глобальным экономическим связям, те отличия от западного мира, которые были заложены в начальный период становления наиболее экономически развитых азиатских стран, все еще находят отражение в современных моделях их экономического роста в условиях глобального технологического раскола и общей возросшей значимости инновационного сектора. Роль этих различий и их влияние на распределение лидерства в мировой экономике служат основной причиной необходимости изучения расхождений между современными моделями роста стран Запада и Востока.

Прежде всего для более глубокого понимания различий между данными моделями на современном этапе следует рассмотреть их особенности в период формирования. Экономическая модель развитых западных стран эволюционировала под влиянием идей либеральной демократии, подразумевающих невмешательство государства в частную жизнь граждан, а следовательно, и в их экономическую деятельность как одну из составляющих социальной сферы. Именно подобные экономические взгляды послужили основой для становления наименее регулируемого со стороны государства капитализма в западных странах и формирования гегемонии Британской империи в мировой экономике в XVIII–XIX вв., Германской империи в конце XIX в. и последующего лидерства США. Отметим также, что несмотря на роль государств в определении экономической политики в международной торговле, общественный сектор экономики все еще оставался не столь значимым.

Становление государств третьего мира, в частности стран Восточной Азии, как претендентов на значимую роль в мировой экономике принято связывать с окончанием Второй мировой войны и последовавшим за ним поочередным экономическим ростом в ряде государств Азии. В основе восточных экономик лежит идея приоритета коллективных ценностей над индивидуальными, что идет вразрез с западной либе-

ральной традицией. Главной чертой этих экономик была экспортноориентированная модель развития — она отличала их от других новых индустриальных стран (НИС), таких как Бразилия, которые придерживались политики импортозамещения, в долгосрочной перспективе оказавшейся неэффективной. По этому пути позднее пошли и другие азиатские страны, в частности Китай, Филиппины и Малайзия, экономическая политика которых базировалась на относительно дешевом труде, позволившем этим странам стать важным элементом в глобальных цепочках добавленной стоимости.

Кроме того, в отличие западных стран, азиатские государства в значительной мере использовали возможности общественного сектора для стимулирования национальных экономик. В Китае, например, создавались специальные экономические зоны, а в Южной Корее поддерживалась идея создания чеболей — крупных производственных объединений. При этом также поощрялась состязательность на рынке через выделение льготных кредитов фирмам, которые имели хорошие показатели и считались экономически успешными [Stiglitz, 1994]. В итоге в Южной Корее в начале реализации вышеописанной модели экономического развития размер общественного сектора существенно отличался от американского в период первоначального становления национальной экономики (прил., рис. П1) [Ortiz-Ospina, Roser, 2016]. Это свидетельствует о значимых расхождениях в стратегиях экономического роста западных и азиатских стран, и в особенности роли государства в нем.

На современном этапе различия между западной и восточной моделями все еще остаются существенными. Более того, они проявились во время пандемии COVID-19. Китай наиболее эффективно смог справиться в краткие сроки с последствиями распространения коронавируса и стал единственной страной с положительным показателем экономическом роста во втором квартале 2020 г. по сравнению с аналогичным показателем годом ранее (прил., рис. П2) [Global Change Data Lab, n.d.]. Вероятной причиной этого стала мобилизационная способность китайского государства, характерная для азиатских стран с коллективистской культурой. Кроме того, растущее неравенство в западных развитых странах, еще значительно проявившееся во время пандемии, остается одной из главных структурных угроз для национальных экономик и все чаще становится причиной для обсуждения недостатков капиталистической модели развития.

Одним из наиболее ярких последствий сложившихся противоречий в моделях экономического развития стран Запада и Востока стало противостояние США и Китая, во многом формирующее тенденции глобального технологического раскола. Оно, с одной стороны, иллюстрирует, как различные подходы к построению национальной экономики могут оказывать влияние на торгово-экономические отношения стран, а с другой — отражает возможность смены экономического миропорядка в современных условиях. Как отмечалось ранее, вопрос сущности противостояния КНР и США становится особенно актуальным в контексте глобального технологического раскола. Однако противостояние выходит далеко за рамки конфликта государств в инновационной сфере, который был описан в первом разделе статьи. Это обстоятельство подчеркивает значимость комплексного изучения данной проблемы.

На начальном этапе отношений между современным Китаем и США после реформ Дэн Сяопина сотрудничество представлялось обеим сторонам как взаимовыгодный союз, ведущий к росту благосостояния. Однако вместе с развитием КНР и укреплением взаимозависимости двух государств в США усиливались сомнения относительно последствий подобной политики, которая могла привести к появлению новой глобальной экономической силы. Следствием подобных представлений американских элит о нарастающей угрозе китайской гегемонии стало учреждение в 2000 г.

Американо-китайской комиссии по обзору экономики и безопасности. Она создавалась для мониторинга, расследования и предоставления Конгрессу ежегодного отчета о последствиях для национальной безопасности торгово-экономических отношений между США и КНР [Federal Register, n.d.].

Современный этап полноценного соперничества США и Китая за гегемонию в мировой экономике начался с объявления администрацией Обамы так называемого «поворота к Азии» (Pivot to Asia), который формально заключался в укреплении институтов международной интеграции США и развивающихся азиатских стран, а также в установлении конструктивных отношений с Китаем, которые оказались под угрозой из-за необходимости поиска новых балансов в условиях слишком высокой степени созависимости двух стран [Роуч, 2019]. Однако китайские элиты восприняли данную стратегию по большей части как попытку сдерживания растущего влияния Китая в регионе.

Несмотря на усилия по поиску компромиссов, отсутствие согласия между державами привело к неизбежному усилению конфликтных настроений в обоих государствах, что вместе с приходом к власти Дональда Трампа, известного своей протекционистской и антикитайской риторикой, ознаменовало начало новой стадии в противостоянии США и КНР. Администрация Трампа, возложив на Китай вину за отрицательный баланс США в торговле товарами, инициировала введение ряда пошлин, например, на импорт солнечных батарей и компонентов (23 января 2018 г.) и на импорт стали и алюминия (23 марта 2018 г.). Введение пошлин побудило Китай к ответным мерам, что в итоге привело к началу торговой войны. При этом стратегию Китая в этой войне можно назвать реактивной, то есть он проводил политику ответных ограничений на торговлю с США, но сам их не инициировал. В то же время данное торговое противостояние затрагивает основную внешнеэкономическую стратегию Китая «Один пояс, один путь», которую страны Запада зачастую рассматривают как попытку КНР увеличить собственное влияние в развивающихся странах через построение отношений долговой зависимости этих государств от Китая [Михеев, Луконин, 2019].

Пришедшая на смену президенту Трампу администрация Джо Байдена, несмотря на ожидания разрядки в отношениях США и Китая, продолжила политику ограничения китайского влияния и обвинений КНР в нарушении рыночных принципов торговли. В 2021 г. под вопрос была поставлена торговая сделка США – КНР, заключенная в январе 2020 г. (первая часть сделки) при Дональде Трампе, целью которой было прекращение торгового конфликта. Так, принятые в рамках первой части соглашения обязательство Китая увеличить закупки сельскохозяйственных и промышленных товаров, энергии и услуг в США в 2020–2021 гг. на 200 млрд долл. по сравнению с уровнем 2017 г., по данным статистических агентств, было выполнено лишь на 60%, что вызвало недовольство представителей американского правительства [Shalal, Lawder, 2022]. В то же время в связи с возможным, по мнению ряда экспертов, военным вторжением Пекина на Тайвань, для Вашингтона, наряду с введением в таком случае санкций в отношении Китая, остается актуальным наращивание американского влияния, в том числе военного, в АТР, как это было обозначено в стратегии президента Барака Обамы.

О методологии исследования

Для оценки влияния глобального технологического раскола на лидерство в мировой экономике авторы использовали методологию, состоящую из двух основных этапов. Первый – построение индекса экономического лидерства, который позволяет сравнивать страны по их влиянию на экономический миропорядок. В рамках данного этапа

наиболее релевантным для применения представляется определение, базирующееся на геоэкономическом подходе и рассматривающее экономическое лидерство как способность национальной экономики непосредственно влиять на мировую экономику. Эта способность обусловлена, во-первых, относительно высокими макроэкономическими показателями страны, отражающими масштаб экономики, и, во-вторых, достаточно высокой степенью участия страны в международных экономических институтах, которое формирует ее институциональное влияние в мировом масштабе (определение предложено одним из авторов). Из данного определения следует, что лидерство страны может проявляться как в пассивной (конъюнктура на мировом рынке меняется в зависимости от конъюнктуры на рынке данной страны), так и в активной форме (последствия той или иной внешней экономической политики страны).

Масштаб национальной экономики создает такие условия, при которых ее структурные изменения или экономическая политика, проводимая правительством, значимы для мировой экономики и могут оказывать на нее влияние. Участие в международных институтах, в свою очередь, является одним из главных каналов распространения данного влияния на глобальном уровне. Кроме того, в качестве дополнительного параметра лидерства в мировой экономике необходимо рассматривать также технологический потенциал страны, так как возможность быть конкурентоспособным на инновационных рынках во многом является залогом будущего положения страны в рамках экономического миропорядка.

На основе данного определения был отобран ряд параметров, способных отразить разные аспекты экономического лидерства. Также они были разделены на группы, основанные на предположениях о тех аспектах лидерства в мировой экономике, которые они описывают. Первая группа – переменные, отражающие масштаб национальной экономики в сравнении с другими странами; вторая группа – переменные, отражающие степень вовлеченности страны в международные экономические институты и значимость данной страны для них; третья группа – переменные, отражающие способность страны наращивать свое экономическое лидерство в будущем с учетом увеличения значимости для мировой экономики наукоемких товаров и высококачественного человеческого капитала.

Первая группа включает следующие переменные.

1. Доля национального ВВП в мировом ВВП (GDPshare). Данный параметр в наиболее общих чертах отражает относительный масштаб национальной экономики и вклад страны в мировую экономику в целом, однако не учитывает значимость страны на тех или иных рынках и общую структуру современной мировой экономики.

2. Доля страны в мировой торговле (TRADEShare). Данный параметр служит для обозначения влияния страны на международный рынок товаров и услуг и ее значимости как важного игрока на нем.

3. Доля страны в мировом притоке прямых иностранных инвестиций (INVshare). Данный параметр служит для обозначения значимости национальной экономики на международном рынке капитала, а также для определения страны как потенциально привлекательной для инвестиций [UNCTAD, n.d.].

Вторая группа включает следующие переменные.

1. Доля национальной валюты в мировом обороте валютного рынка (CURrole). Данный параметр отражает значимость валюты страны как инструмента для проведения торговых и финансовых операций, а также ее потенциал как инструмента функционирования финансовых систем различных международных институтов. Также этот параметр отражает степень уверенности других стран в устойчивости валюты и, как следствие, всей экономики данной страны [BIS, n.d.].

2. Индекс влияния Банцафа, подсчитанный для МВФ (IMF). Этот параметр отражает влияние, которое может оказывать страна при принятии решений в МВФ. Особенно релевантной для демонстрации экономического лидерства данная характеристика становится при принятии решений о предоставлении кредитов тем или иным странам, так как до сих пор это один из главных инструментов проведения внешней экономической политики [International Monetary Fund, 2022].

3. Индекс влияния Банцафа, подсчитанный для Всемирного банка. Параметр отражает влияние, которое может оказывать страна при принятии решений во Всемирном банке. Данная характеристика представляется менее значимой для отражения экономического лидерства, чем доля голосов в МВФ, так как деятельность Всемирного банка предполагает меньшие возможности для лоббирования национальных интересов и менее полезна для проведения внешней экономической политики [World Bank, n.d.].

Третья группа включает следующие переменные.

1. Добавленная стоимость в средне- и высокотехнологичном производстве (процент добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности) (MidHigh-Tech). Параметр отражает степень развития страны в области высоких технологий, конкурентоспособность ее высокотехнологичной продукции и значимость такой продукции для национальной экономики.

2. Расходы на R&D как доля от ВВП (RandD). Данный параметр отражает направленность государственной экономической политики на развитие наукоемкой отрасли как потенциально главной для мировой экономики, что, в свою очередь, свидетельствует о степени притязаний страны на рост своего экономического лидерства в будущем.

3. Индекс человеческого капитала (HCI). Этот параметр отражает качество жизни населения, его интеллектуальные и производственные способности, что, в свою очередь, может характеризовать степень готовности страны к изменению структуры экономики в сторону более наукоемких отраслей, а также конкурентоспособность граждан на рынке труда со спросом на более высококачественный человеческий капитал [Ibid.].

4. Показатель качества национальной системы высшего образования (UNI-ranking). Данный параметр отражает конкурентоспособность национальной образовательной системы как основы для формирования интеллектуальных кадров, способных в дальнейшем развивать экономику страны [QS Top Universities, 2018].

Для построения индекса были отобраны данные по 40 развитым западным и развивающимся азиатским странам за период с 2010 (точка отсчета глобального технологического раскола) по 2019 г. Рассматривались страны: Австралия, Австрия, Бельгия, Канада, Китай, Кипр, Чехия, Германия, Дания, Испания, Эстония, Финляндия, Франция, Великобритания, Греция, Гонконг, Китай, Индонезия, Индия, Ирландия, Израиль, Италия, Япония, Южная Корея, Литва, Люксембург, Латвия, Малайзия, Нидерланды, Норвегия, Новая Зеландия, Филиппины, Португалия, Сингапур, Словакия, Словения, Швеция, Таиланд, США, Вьетнам.

Процедура построения индекса экономического лидерства, использующаяся в данном исследовании, основана на методах, изложенных в справочнике ОЭСР по построению композитных индикаторов [OECD-EU JRC, 2008]. Основным элементом этой процедуры является факторный анализ с использованием метода главных компонент с вращением варимакс.

Для дальнейшего построения единого индекса экономического лидерства полученные факторы преобразовываются по формуле

$$I = \frac{x - \min(x)}{\max(x) - \min(x)},$$

где I – значение параметра, характеризующего одну из составляющих экономического лидерства; x – значение исходной переменной после применения факторного анализа.

Таким образом, значение каждого из параметров варьируется от 0 до 1. Затем параметры объединяются в индекс экономического лидерства (*ELI*). Коэффициенты перед параметрами расставляются в соответствии с их вкладом в долю объясненной дисперсии. Итоговая формула индекса экономического лидерства выглядит так:

$$ELI = \sum_{i=1}^n \frac{\sigma_i^2}{\sigma^2} \times I_i,$$

где n – количество параметров, характеризующих составляющие экономического лидерства; σ_i^2 – доля дисперсии, объясненная i -параметром; σ^2 – суммарная доля совокупной объясненной дисперсии; I_i – значение i -параметра.

Второй этап исследования заключался в построении регрессионной модели панельных данных для 40 стран за период с 2010 по 2019 г., описывающей влияние факторов, иллюстрирующих глобальный технологический раскол, на индекс *ELI*. В качестве основных объясняющих параметров был отобран ряд факторов, которые были разделены на три группы: роль сектора цифровых технологий в экономике страны, цифровая инфраструктура и параметры, отражающие раскол на мировом рынке высоких технологий (прил., табл. П1). Первые две группы отражают степень значимости цифрового сектора для страны и степень потенциального влияния крупных технологических компаний на жизнь граждан. Третья группа факторов отвечает за оценку нарушения международных отношений в сфере регулирования цифровых технологий как одну из причин возникновения глобального технологического раскола.

Также в качестве дополнительного параметра, отражающего расстыковку американской и китайской экономики как аспект глобального технологического раскола, при построении модели использовалась доля Китая в общем импорте США (Decoup). Данный индикатор был выбран потому, что снижение доли Китая в американском импорте стало одной из первостепенных задач администрации Дональда Трампа в ходе торговой войны. Размер доли Китая в импорте США рассматривался в качестве показателя, значение которого одинаково для всех стран, но различается по годам. Таким образом, его можно учитывать в рамках данной модели как трендовую составляющую.

Кроме того, для улучшения прогностических свойств модели использовались три дополнительных параметра, способных объяснить лидерство страны в мировой экономике. Традиционно экономическое развитие страны объясняют с помощью ряда различных факторов, в частности климата, культуры, религии, географии и институтов. При этом именно два последних в современной академической среде считаются наиболее значимыми, в связи с чем в данном исследовании использовались дополнительные параметры, относящиеся к институциональным и географическим характеристикам стран. Два из них (первая группа) являются показателями качества институтов в стране, подсчитанными для индекса глобальной конкурентоспособности (качество общественных институтов (*Pub_inst*)), включающих права собственности, уровень коррупции, эффективность государственного аппарата и безопасность, и частных институтов

(*Priv_inst*), таких как корпоративная этика и открытость компаний). Показатели этой группы объясняют феномен лидерства в экономике с точки зрения институциональной теории. Третий параметр (вторая группа) – объем экспорта страной редкоземельных металлов (*Rare_earths*) – призван объяснить лидерство страны в мировой экономике с точки зрения географического подхода к определению природы конкурентоспособности страны. Выбор данного конкретного показателя экспорта объясняется тем, что в современных условиях именно редкоземельные металлы являются основой для производства большинства высокотехнологичных продуктов, что делает их релевантным индикатором перспектив страны в плане природных ресурсов. Кроме того, данный показатель не столь подвержен влиянию иных факторов, влияющих на производство (инфраструктура, институты), как это было бы в случае рассмотрения параметра экспорта конечной или промежуточной продукции с использованием редкоземельных металлов, что повышает его описательную способность конкретно природного потенциала страны.

Интерпретация результатов

При построении индекса экономического лидерства оказалось, что выделенные факторы описывают от 84 до 87% совокупной дисперсии в зависимости от года. Макроэкономические показатели, параметры технологических перспектив стран и их вовлеченности в международные экономические организации распределились на основе собственных значений главных компонент на факторы согласно изначальному предположению, изложенному в исследовании. Кроме того, показатель доли национальной валюты в мировом обороте валютного рынка оказался отдельным фактором. Это можно объяснить тем, что международный валютный рынок, хотя и является институтом, но в первую очередь неформальным, в отличие от Всемирного банка и МВФ, поэтому существуют значительные различия в их характеристиках. Таким образом, выделение четвертого фактора не является проблемой для данного исследования.

После преобразований, описанных в разделе, посвященном методологии, выяснилось, что разрыв между двумя ведущими экономиками мира, США и Китаем, несмотря на общественные представления о возможной смене лидера на глобальной экономической арене, все еще остается достаточно серьезным (прил., рис. П3). Возможно, это объясняется низкой долей китайского юаня на международном валютном рынке, которая тем не менее постепенно растет (1% в 2010 г. и 4% в 2019 г. от мирового оборота валютного рынка). Кроме того, КНР заметно отстает от США по степени влияния в международных экономических институтах. При этом увеличение китайского влияния в них является стратегической задачей правительства. Однако США, имея значительную долю голосов в управляющих органах Всемирного банка и МВФ, зачастую блокируют инициативы по увеличению китайской квоты, осознавая значимость влияния данного фактора на экономический миропорядок.

Использование индекса *ELI* позволило оценить с помощью регрессионной модели влияние глобального технологического раскола на лидерство в мировой экономике. В ходе спецификации модели благодаря тесту Хаусмана, *F*-тесту и тесту Брайша – Пагана было выявлено, что предпочтительной является модель с фиксированными эффектами. Кроме того, в результате тестов была отвергнута гипотеза о гомоскедастичности данной модели, что свидетельствует о наличии гетероскедастичности² (табл. 1).

² Гетероскедастичность – понятие, означающее неоднородность наблюдений, выражаящуюся в неодинаковой (непостоянной) дисперсии случайной ошибки регрессионной модели.

Таблица 1. Устойчивые к гетероскедастичности оценки коэффициентов параметров, отобранных в ходе спецификации модели и значимых на уровне 0,1

Коэффициенты	Оценка	Станд. отклонение	t-value	Pr(> t)	
log(Imp_for_gov)	1,32E-01	2,3145e-02	5,6836	2,78E-08	***
Basic_serv	-1,21E-02	7,1082e-03	-1,6957	0,0908324	.
log(Network)	-7,13E-02	3,7231e-02	-1,9161	0,0561675	.
log(Bandwidth)	-7,14E-03	2,5334e-03	-2,8188	0,0050949	**
Users	-4,86E-04	2,0608e-04	-2,3591	0,0188699	*
Tariff	8,74E-03	3,2847e-03	2,6594	0,0081879	**
Decoup	-1,15E-02	1,5035e-03	-7,6310	2,23E-13	***
Rare_earths	-6,11E-08	1,7474e-08	-3,4979	0,0005294	***
Pub_inst	3,60E-02	1,1049e-02	3,2600	0,0012236	**
Priv_inst	-4,29E-02	1,1258e-02	-3,8068	0,0001661	***
R-Squared: 0,54017					
Adj. R-Squared: 0,4758					
F-statistic: 41,1153 on 10 and 350					
DF, p-value: < 2,22e-16					

Примечание. *** – 0,001; ** – 0,01; * – 0,05; . – 0,1.

Итоговая модель зависимости индекса экономического лидерства от факторов, характеризующих глобальный технологический раскол, выглядит следующим образом:

$$\text{Log}(ELI) = 0,13*\text{log}(\text{Imp_for_gov}) - 0,01*\text{Basic_serv} - 0,07*\text{log}(\text{Network}) - \\ - 0,01*\text{log}(\text{Bandwidth}) - 0,001*\text{Users} + 0,01*\text{Tariff} - 0,01*\text{Decoup} - 0,001*\text{Rare_earths} + \\ + 0,04*\text{Pub_inst} - 0,04*\text{Priv_inst},$$

где ELI – индекс экономического лидерства; Imp_for_gov – важность цифровых технологий для будущего с точки зрения государства; Basic_serv – влияние цифровых технологий на доступ к базовым услугам; Network – использование жителями страны социальных сетей; Bandwidth – средняя скорость Интернета на одного жителя в килобайтах в секунду; Users – доля жителей страны, имеющая доступ к Интернету; Tariff – средний эффективный уровень импортного тарифа для товаров категории «оборудование и электроника»; Decoup – доля Китая в общем импорте США; Rare_earths – объем экспорта страной редкоземельных металлов; Pub_inst – качество общественных институтов; Priv_inst – качество частных институтов.

Данная модель объясняет 48% совокупной дисперсии индекса экономического лидерства, что можно рассматривать как достаточно высокий показатель, так как феномен лидерства сам по себе является неформальным и включает множество различных аспектов. Вероятно, за остальные 52% дисперсии ответственны такие факторы, как мягкая сила в разных проявлениях, а также исторические особенности развития стран.

Гомоскедастичность – понятие, означающее однородность наблюдений, выражаящуюся в одинаковой (постоянной) дисперсии случайной ошибки регрессионной модели.

Что касается выводов, которые можно сделать из полученной модели, то в первую очередь бросается в глаза неоднозначное влияние разных аспектов глобального технологического раскола. Во-первых, следует отметить, что важность технологий в глазах государства оказывает положительное влияние на экономическое лидерство (рост данного показателя на 1% ведет к росту индекса на 0,13%), так же, как и уровень тарифов на оборудование и электронику (рост уровня тарифов на 1% ведет к росту индекса на 1%). Это свидетельствует о том, что политика государства по продвижению использования высоких технологий внутри страны вместе с политикой по защите внутреннего рынка от иностранных товаров в определенной степени способствует повышению значимости страны в мировой экономике через повышение ее конкурентоспособности. Данный вывод представляется особенно релевантным в контексте внедрения в ряде стран различных стратегических планов по развитию национальных технологических секторов экономики (например, «Сделано в Китае – 2025»), а также в контексте продолжающейся торговой войны. При этом сам факт расстыковки экономик США и Китая негативно оказывается на экономическом лидерстве стран, что, вероятно, объясняется вторичным эффектом от нарушения экономических отношений между ними, оказывающим влияние на всех агентов мировой экономики. Во-вторых, из модели можно сделать вывод о том, что укрепление взаимосвязи инновационных технологий с доступом к базовым услугам и общее развитие цифровой инфраструктуры вместе с ростом популярности социальных сетей могут негативно оказаться на экономическом лидерстве (например, рост числа пользователей социальных сетей на 1% ведет к падению индекса экономического лидерства на 0,07%). Возможно, причиной подобной тенденции является то, что рост данных параметров способствует усилению влияния технологических компаний на рынке и внедрению их в социальную сферу жизни. А это, в свою очередь, в значительной мере осложняет проведение государством внутренней и внешней экономической политики вследствие невозможности спрогнозировать поведение столь крупных игроков. Таким образом, технологические гиганты, которым свойственен международный характер ведения бизнеса, замещают государство, традиционно ответственное за развитие национальной экономики, и начинают выполнять часть его социально значимых функций, руководствуясь при этом в основном стремлением к получению прибыли, что и ведет к ослаблению позиций страны на мировой арене.

Сравнение влияния глобального технологического раскола на экономическое лидерство США и Китая

На основе приведенных выше результатов регрессионного анализа можно сделать вывод о том, что разные аспекты глобального технологического раскола по-разному влияют на экономический миропорядок. Построенная нами в рамках данного исследования модель позволяет в определенной степени спрогнозировать дальнейшее развитие противоборства Китая и США за лидерство в мировой экономике.

Во-первых, следует отметить позитивное влияние государственной политики по продвижению национальных инновационных технологий. В данной плоскости китайский подход кажется более эффективным по сравнению с американским в силу того, что КНР в принципе более свойственно вмешательство государства в рыночные механизмы, в том числе через действия, направленные на стимулирование тех или иных секторов экономики. Как отмечалось ранее, китайское правительство возлагает большие надежды на стратегию «Сделано в Китае – 2025» как способ обретения техноло-

гической независимости. Аналогичная идея также изложена в Среднесрочном и долгосрочном плане развития науки и технологий (2006 г.), включающем понятие *Zizhu Chuangxin* (自主创新), или «местные инновации», что подразумевает ослабление зависимости национальных технологий от иностранного капитала и разработок [Losacker, Liefner, 2021].

США, в свою очередь, в данный момент страдают от кризиса национальной системы инноваций, так как после распада СССР основной стимул к взаимодействию демократов и республиканцев в рамках Конгресса по вопросам национального развития технологий исчез, что повлекло за собой значительное снижение федеральных расходов на исследования и разработку (прил., рис. П4). Кроме того, негативное влияние на стимулы к развитию собственной инновационной политики в США имеют также традиционные американские представления о том, что рынок и частный бизнес могут выполнить любую задачу лучше государства, что ведет к недостаточности необходимого регулирования деятельности технологических компаний и подрывает возможность конкуренции США с Китаем в сфере инноваций в рамках отношений двух государств. Это уже привело к тому, что дефицит торгового баланса США в торговле высокими технологиями достиг практически 200 млрд долл., при этом главным экспортером для США в данной сфере является Китай [United States Census Bureau, n.d.].

Во-вторых, негативное влияние развития цифровой инфраструктуры и роста числа пользователей социальных сетей на экономическое лидерство, связанное с ростом влияния технологических гигантов в национальной экономике, может стать серьезной проблемой для обеих стран. Прибыль пандемийного периода вместе с развитием технологий, связанных с доступом ко все большему количеству пользовательских данных, создали такие условия для американских инновационных компаний (Apple, Google, Meta), при которых их дальнейшая деятельность будет неразрывно связана с вмешательством как в личную жизнь отдельных граждан, так и в социальную сферу общества в целом, что может создать серьезные риски для государства как института.

Стремление американского правительства к нейтрализации негативных последствий данных тенденций можно проследить в постепенной разработке антитрастового законодательства, касающегося технологических гигантов, и законов, направленных на соблюдение приватности при пользовании интернет-платформами и на запрет цензурирования контента со стороны компаний [Feiner, 2022]. Однако эффективность подобных мер является достаточно спорной, а сами эти меры представляются запоздалыми, так как инновационные компании за годы отсутствия достаточного регулирования уже успели накопить внушительную пользовательскую базу, содержащую значительные объемы личных данных. Кроме того, комплексность подобных цифровых платформ затрудняет разработку законов, способных учесть все детали их функционирования, что создает условия для уклонения от предлагаемых мер.

Рассматривая китайский подход к регулированию технологических гигантов, можно заметить, что меры, принятые в КНР, отличаются конкретикой и жесткостью по сравнению с американскими. Так, в апреле 2021 г. компания Alibaba была оштрафована на 2,8 млрд долл. за злоупотребление своим доминирующим положением на рынке в ходе антимонопольной проверки, а уже во второй половине года правительство КНР ужесточило регулирование цифровых платформ, запретив внедрение алгоритмов, которые вызывают у клиентов зависимость или провоцируют чрезмерные расходы, а также подготовило Закон о защите личной информации. При этом стоит отметить, что аналогичные судебные разбирательства в рамках антимонопольных проверок в отношении крупнейших технологических компаний происходят и в США, однако их скорость, которая является одним из определяющих факторов в условиях быстрого роста

рыночной власти данных корпораций, значительно уступает китайской. Антимонопольное расследование по делу Google, инициированное Министерством юстиции США в 2020 г., должно перейти на стадию судебного разбирательства не раньше 2023 г. [Feiner, 2020]. Кроме того, в данный момент в Китае обсуждается принятие закона, сокращающего количество часов, в течение которых детям до 18 лет разрешено играть в онлайн-videоигры, до трех часов в неделю и запрещающего создание онлайн-фэнклубов знаменитостей с целью защиты физического и ментального здоровья несовершеннолетних [Hsu, 2021].

Очевидно, что такие жесткие ограничительные меры в отношении не только самих компаний, но и их пользователей, являются отличительной чертой китайского общества. Эти меры нацелены на подрыв рыночной гегемонии технологических гигантов. В Китае, в отличие от западного либерального подхода к роли государства, вмешательство государства в вопросы личной жизни граждан воспринимается как норма. Также следует отметить, что при двухпартийной системе США, где значимую роль играют лоббисты, невозможно обеспечить высокую скорость принятия данных мер регулирования. В связи с этим подход Китая к ограничению власти инновационных компаний, ставший возможным благодаря сложившемуся в КНР однопартийному режиму, выглядит более выигрышным по сравнению с американским, страдающим от нехватки ограничительных возможностей из-за политики невмешательства государства в процессы рынка.

В то же время аспект глобального технологического раскола, связанный с расстойкой американской и китайской экономик, представляется негативным фактором для обоих государств. Действительно, годы укрепления взаимосвязи между их национальными экономиками привели к тому, что сокращение сотрудничества Китая и США наносит ущерб амбициям обоих государств, в случае США – через ограничение доступа потребителей к дешевым товарам и возможностей компаний для аутсорсинга, а в случае КНР – через закрытие крупнейшего рынка для ведущих национальных корпораций. В таком случае торговая война представляется не способом передела экономического миропорядка, а, скорее, препятствием для глобальных изменений в мировой экономике.

Таким образом, можно сделать вывод, что отсутствие национальной политики по развитию технологического сектора и невозможность в кратчайшие сроки обеспечить достаточную регулятивную основу деятельности крупнейших инновационных компаний создают риски для США, связанные с глобальным технологическим расколом. В связи с этим у Китая появляется историческая возможность для изменения экономического миропорядка и достижения своей гегемонии в мировой экономике, однако камнем преткновения на пути к этому является ухудшение отношений КНР с США, препятствующее развитию обеих стран. В то же время осознание со стороны США китайской угрозы не позволяет ожидать улучшения этих отношений в ближайшее время.

Перспективы противостояния США и Китая в борьбе за экономическое лидерство в условиях посткризисного миропорядка

Глобальный технологический раскол идет рука об руку с другими процессами, формирующими облик сегодняшнего дня, в связи с чем важно учитывать контекст, в котором раскол будет развиваться и влиять на мировую экономику в будущем. В частности, новый мировой порядок, который неминуемо должен сложиться после полного заверше-

ния пандемии COVID-19, очевидно, будет характеризоваться структурными изменениями в целом ряде аспектов существующей системы глобального управления, в том числе в распределении ролей в мировой экономике³. Вероятно, под влиянием последствий пандемии окажется и противостояние США и Китая в стремлении к экономическому лидерству, в рамках которого следует ожидать применения новых инструментов ведения борьбы и новых форм конфронтации.

Фактором, способным определить будущий характер данного противостояния, в первую очередь является скорость и успешность выхода страны из кризиса, вызванного пандемией. США и Китай используют два противоположных подхода к решению проблемы роста заболеваемости. В мае 2022 г. Китай все еще придерживался стратегии Zero-covid, подразумевающей значительные ограничительные меры вплоть до локдауна, даже в случае невысоких значений заболеваемости. Одним из последних примеров применения данной политики стал полный локдаун в городе Шэньян с населением около 17,5 млн человек в марте 2022 г. [Bloomberg News, 2022]. США, напротив, в условиях падения роста заболеваемости в последнее время все больше ослабляли ограничительные меры.

Вместе с тем стоит отметить, что если в начале пандемии подход Китая показывал себя в высшей степени эффективно, то с ростом всеобщей усталости от ограничений и появлением менее летального, но более заразного штамма «Омикрон» китайский подход начал критиковаться за необоснованную жесткость и негативное влияние на экономику. Таким образом, тот успех, которого достигла КНР в результате успешного преодоления первых волн пандемии и который казался еще более значительным на фоне неспособности западных держав, в том числе США, обеспечить полноценную политику сдерживания заболеваемости, начал нивелироваться в условиях роста эффективности политики снятия ограничений. Негативные последствия стратегии Zero-covid могут подорвать притязания Китая на гегемонию в мировой экономике, так как китайскому правительству придется смириться с рисками введения новых подобных локдаунов и их воздействием на национальную экономику. В США в долгосрочной перспективе последствия социального напряжения, вызванного начальным периодом пандемии COVID-19, представляются также значимыми, что подчеркивает необходимость изменений в социальной политике США для поддержания конкурентоспособности страны на мировой арене.

COVID-19 обнажил также уязвимости международных институтов, прежде всего ВОЗ, и их неспособность обеспечивать необходимую политику по борьбе с пандемией на наднациональном уровне. В связи с этим вновь актуализировался вопрос продолжения реформирования ряда организаций, в том числе МВФ и Всемирного банка, в целях дальнейшего усиления представительности в них развивающихся стран. Главным инициатором таких мер является Китай, стремящийся сократить влияние США в международных институтах. Очевидно, что подобные изменения могут заметно сказаться на распределении сил в мировой экономике через повышение институциональной власти КНР, то есть через увеличение количества ее возможных рычагов давления. Однако, учитывая традиционную медлительность процессов реформирования глобальных экономических организаций и сохраняющийся подавляющий уровень влияния США в них, реализация подобной стратегии представляется возможной лишь в долгосрочной

³ В данном исследовании авторы не принимали во внимание вероятное воздействие на новый миропорядок и систему глобального управления последствий СВО на Украине, начавшейся 24 февраля 2022 г.

перспективе под влиянием других факторов, формирующих мировой экономический порядок.

Проблема глобального технологического раскола неразрывно связана с пандемией COVID-19. Как уже было сказано выше, нарушение торговых отношений между Китаем и США в контексте посткризисного восстановления невыгодно для обеих сторон. Более того, рост рыночной власти технологических компаний, во многом обеспеченный ростом спроса на цифровые технологии в условиях самоизоляции, создает дополнительные риски для традиционного международного порядка. Вероятным становится вариант развития событий, при котором участником противостояния за лидерство в мировой экономике становится третья сторона в лице крупнейших инновационных корпораций. При этом вопрос о том, насколько своевременными являются применяемые и обсуждаемые сегодня меры регулирования технологического сектора, остается открытым.

Осложнение геополитической ситуации в результате СВО на Украине может оказать значительное влияние на контекст противостояния в мировой экономике. Пекин, заинтересованный в построении новой системы глобальной безопасности с учетом своих интересов, столкнется с рисками исключения Китая из полноценной экономической системы через санкции в случае поддержки России в украинском конфликте или проведения военной операции на Тайване. Все это создает неопределенность будущего ландшафта мировой экономики. Экономические инструменты ведения внешней политики в виде санкций в последнее время показали, что их применение может создавать угрозы для функционирования всей мировой экономики, тем более если речь идет об их возможном использовании в отношении второй экономики мира.

Таким образом, можно сделать вывод, что противостояние США и Китая в ближайшее время будет формироваться под влиянием ряда факторов, характеризующих эффективность стратегий преодоления пандемии COVID-19 и сам постпандемийный мир. При этом эффект от большинства данных факторов станет очевидным лишь в долгосрочной перспективе вместе с устранением неопределенности, касающейся регулирования рыночной власти технологических гигантов, и уточнением политических намерений ведущих держав.

Заключение

Феномен глобального технологического раскола явился результатом как отдельных действий ведущих держав, так и объективных рыночных процессов. С одной стороны, нарастающие притязания Китая на гегемонию в мировой экономике, обоснованность которых подтверждается анализом индекса экономического лидерства, построенного в рамках данного исследования, привели к тому, что в дальнейшем развитии экономического взаимодействия двух стран-лидеров стал нарастать элемент опасности для обоих игроков. При этом рост значимости технологического сектора и уязвимости, возникающие в связи с этой тенденцией и выраженные в угрозах национальной безопасности и безопасности личных данных, лишь подталкивают США и Китай к политике защиты собственных интересов в ущерб международной кооперации. С другой стороны, становление технологических гигантов как полноценных участников социально-экономической сферы, имеющих рычаги влияния на общественное мнение, ведет к росту неопределенности роли государства в будущем, а вместе с тем и затруднению прогнозируемости ландшафта мировой экономики. Из этого вытекает не только моральная дилемма о способности крупного бизнеса выполнять функции по организации жизни

общества, но и вопрос об устойчивости сложившихся международных экономических институтов.

В связи с этим проблема влияния глобального технологического раскола на миро-порядок, в частности на противостояние Китая и США в стремлении к экономическому лидерству, представляется определяющей как для политиков, так и для академического сообщества. Более того, последствия пандемии COVID-19, очевидно, также внесут свой вклад в превращение технологического раскола в один из ключевых трендов ближайшего будущего. Уже сейчас можно сказать, что возросшая необходимость реформирования международных институтов и общее стремление Китая к изменению баланса сил в мире, в значительной степени базирующееся на стратегии обеспечения китайского технологического превосходства, сформируют новые каналы влияния глобального технологического раскола на мировую экономику.

Проведенное исследование позволило взглянуть на тенденции в распределении сил в глобальной экономике за последние 10 лет и оценить последствия некоторых аспектов технологического раскола для данных тенденций. Так, исходя из определения лидерства в мировой экономике как способности влиять на глобальную экономическую конъюнктуру через масштаб национальной экономики и вовлеченность страны в международные институты, авторы пришли к выводу, что страны Азии за исключением Китая пока не обладают достаточными инструментами для поддержания стабильного роста своего влияния. Однако глобальный технологический раскол способен изменить характер данной тенденции и в то же время способствовать повышению значимости КНР на мировой арене.

Согласно построенной регрессионной модели, наличие у государства четкого плана по внедрению информационных и коммуникационных технологий может позитивно сказаться на экономическом leadership страны. В этом плане наиболее выигрышно выглядит Китай, уже достаточно давно следующий стратегии независимости своих технологий и развития собственного инновационного сектора, в то время как США продолжают придерживаться политики невмешательства через делегирование функций по обеспечению технологической безопасности рыночным механизмам. Также из нашей модели можно сделать вывод о негативном влиянии факторов, способствующих росту значимости технологических гигантов, на экономическое leadership страны. И США, и КНР осознают риски, связанные с данной тенденцией, однако ее регулирование осуществляется гораздо быстрее и в больших объемах именно в Китае, что обусловлено особенностями его политического устройства. Это также может способствовать росту притязаний Китая на гегемонию в мировой экономике, в связи с чем в США в последнее время все более актуальными становятся дискуссии об использовании китайского опыта в борьбе с рыночной властью Big Tech.

Проведенное исследование позволило также подтвердить предположение о том, что нарастающие экономические противоречия между Западом и Востоком, в частности процесс расстыковки американской и китайской экономик, не могут способствовать смене миропорядка, а лишь тормозят его. Данный вывод подчеркивает необходимость диалога в целях урегулирования существующего конфликта между США и Китаем и возможного создания новой системы функционирования мировой экономики, которая будет учитывать возросшее влияние новых индустриальных стран Азии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Van D. (2021) «Момент спутника» для Китая? // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/moment-sputnika-dlya-kitaya/> (дата обращения: 08.09.2021).
- Михеев В., Луконин С. (2019) Китай – США: многовекторность «торговой войны» // Мировая экономика и международные отношения. Т. 63. № 5. С. 57–66.
- Портанский А.П. (2021) Мировая торговая система: вызовы XXI века: монография. М.: Международная жизнь. С. 183–193.
- Роуч С. (2019) Несбалансированные. М.: Издательство Института Гайдара.
- Agarwala N., Chaudhary R.D. (2021) Made in China 2025: Poised for Success? // India Quarterly. Vol. 77. No. 3. P. 424–461.
- Bank for International Settlements (BIS) (n.d.) Turnover of OTC foreign exchange instruments, by currency // Bank for International Settlements [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://stats.bis.org/statx/srs/table/d11.3> (дата обращения: 03.05.2022).
- BBC News. (2021a) Fake Walmart news release claimed it would accept cryptocurrency // BBC News. 13.09.2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/technology-58545944> (дата обращения: 16.11.2022).
- BBC News. (2021b) US President Joe Biden tightens restrictions on Huawei and ZTE // BBC News. 12.11.2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/technology-59262329> (дата обращения: 03.05.2022).
- Birch K., Cochrane D.T. (2021) Big tech: Four emerging forms of digital rentiership // Science as Culture. Vol. 31. Iss. 1. P. 44–58. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/09505431.2021.1932794>.
- Bloomberg (2022) China Locks Down Shenzhen, Province of 24 Million Over Covid // Bloomberg. 13.03.2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-03-13/china-places-all-shenzhen-residents-under-lockdown-afp> (дата обращения: 03.05.2022).
- CNBC (2021) 2022 will be the 'do or die' moment for Congress to take action against Big Tech // CNBC. 31.12.2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cnbc.com/2021/12/31/2022-will-be-the-do-or-die-moment-for-congress-to-take-action-against-big-tech.html> (дата обращения: 03.05.2022).
- CNBC (2020). DOJ case against Google likely won't go to trial until late 2023, judge says // CNBC. 18.12.2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cnbc.com/2020/12/18/doj-case-against-google-likely-wont-go-to-trial-until-late-2023-judge-says.html?utm_term=Autofeed&utm_medium=Social&utm_content>Main&utm_source=Twitter#Echobox=1608313274 (дата обращения 03.05.2022).
- Desai B.C. (2020) Pandemic and big tech // In Proceedings of the 24th Symposium on International Database Engineering & Applications (IDEAS), 12–14 August 2020, Seoul, Republic of Korea. P. 1–10.
- Federal Register (2022) U.S.-China Economic and Security Review Commission // Federal Register [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.federalregister.gov/agencies/u-s-china-economic-and-security-review-commission> (дата обращения: 03.05.2022).
- Fenwick M., McCahery J.A., Vermeulen E.P.M. (2021) Will the world ever be the same after COVID-19? two lessons from the first global crisis of a digital age // European Business Organization Law Review. Vol. 22. No. 1. P. 125–145.
- Gilchrist A. (2018) Post-truth: An outline review of the issues and what is being done to combat it // Ibersid. Vol. 12. No. 2. P. 13–24. Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/technology-58545944> (дата обращения: 03.05.2022).
- Institute for China-American Studies. China's Regulatory Clampdown on Big Tech // Institute for China-American Studies. 01.11.2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://chinaus-icas.org/research/chinas-regulatory-clampdown-on-big-tech/> (дата обращения: 03.05.2022).
- International Monetary Fund (n. d.) IMF Members' Quotas and Voting Power, and IMF Board of Governors [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/About/executive-board/members-quotas> (дата обращения: 03.05.2022).

- Kashin V.B. (2021) Military-Industrial and Military-Economic Dimensions of Sino-US Rivalry // Comparative Politics Russia. Vol. 12. No. 3. P. 85–97.
- Losacker S., Liefner I. (2020) Implications of China's innovation policy shift: Does "indigenous" mean closed? // Growth and Change, Wiley Blackwell. Vol. 51. No. 3. P. 1124–1141.
- OECD/European Union/EC-JRC (2008). Handbook on Constructing Composite Indicators: Methodology and User Guide // OECD Publishing. Paris.
- Our World in Data (2022) Economic decline in the second quarter of 2020 // Our World in Data. 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ourworldindata.org/grapher/economic-decline-in-the-second-quarter-of-2020> (дата обращения: 03.05.2022).
- Our World in Data (2022) Government spending // Our World in Data [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ourworldindata.org/government-spending> (дата обращения: 03.05.2022).
- QS Higher Education System Strength Rankings (HESS) (2018) // Top Universities. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.topuniversities.com/system-strength-rankings/2018> (дата обращения: 03.05.2022).
- Reuters. Exclusive: U.S. calls for 'concrete action' from China on trade deal // Reuters. 07.02.2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.reuters.com/business/exclusive-us-calls-concrete-action-china-meet-phase-1-purchase-commitments-2022-02-07/> (дата обращения: 03.05.2022).
- Rodrick D. The Coming Global Technology Fracture // Project Syndicate. 08.09.2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.project-syndicate.org/commentary/making-global-trade-rules-fit-for-technology-by-dani-rodrik-2020-09/russian?barrier=accesspay> (дата обращения: 03.05.2022).
- Rodrick D. The Coming Global Technology Fracture // Project Syndicate. 08.09.2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.project-syndicate.org/commentary/making-global-trade-rules-fit-for-technology-by-dani-rodrik-2020-09/russian?barrier=accesspay> (дата обращения: 03.05.2022).
- Stiglitz J.E. (1994) Economic growth revisited // Industrial and Corporate Change. Vol. 3. No. 1. P. 65–110.
- UNCTADstat. 2022. [Электронные ресурсы]. Режим доступа: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (дата обращения: 03.05.2022).
- United States Census Bureau (2022) Foreign Trade // United States Census Bureau. 2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.census.gov/foreign-trade/balance/c0007.html> (дата обращения: 03.05.2022).
- World Bank Open Data (2022) [Электронные ресурсы]. Режим доступа: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 03.05.2022).
- World Economic Forum (2022) Global Competitiveness Index // World Economic Forum. 2022. [Электронные ресурсы]. Режим доступа: <https://www.weforum.org/reports> (дата обращения 03.05.2022).
- World Economic Forum (2019) The Global Risk Report 2019 // World Economic Forum. 15.01.2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2019> (дата обращения: 03.05.2022).

Приложение

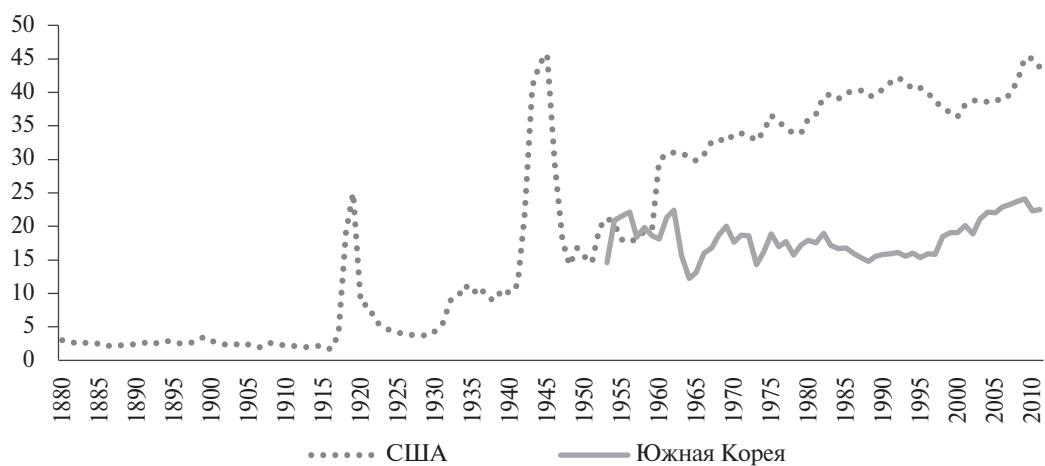

Рис. П1. Государственные расходы в США и Южной Корее, % от ВВП, 1880–2010 гг.

Источник: Our World in Data. Government spending, 2022.

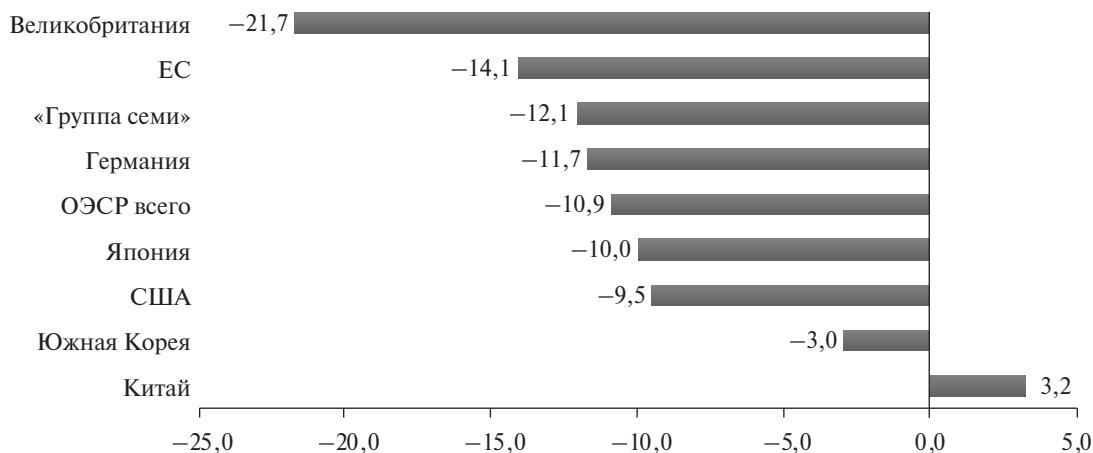

Рис. П2. Экономический спад во 2-м квартале 2020 г. по сравнению со 2-м кварталом 2019 г.

Источник: Our World in Data. Economic decline in the second quarter of 2020 // Our World in Data. 2020.

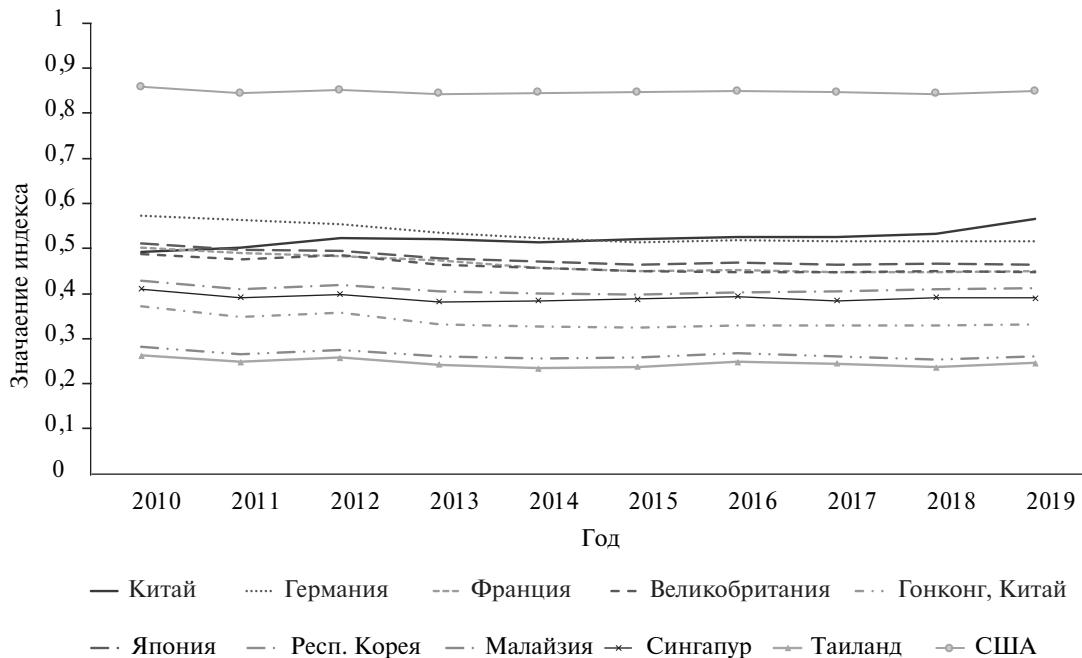

Рис. П3. Индекс экономического лидерства в период с 2010 по 2019 г.

Источник: Составлено автором.

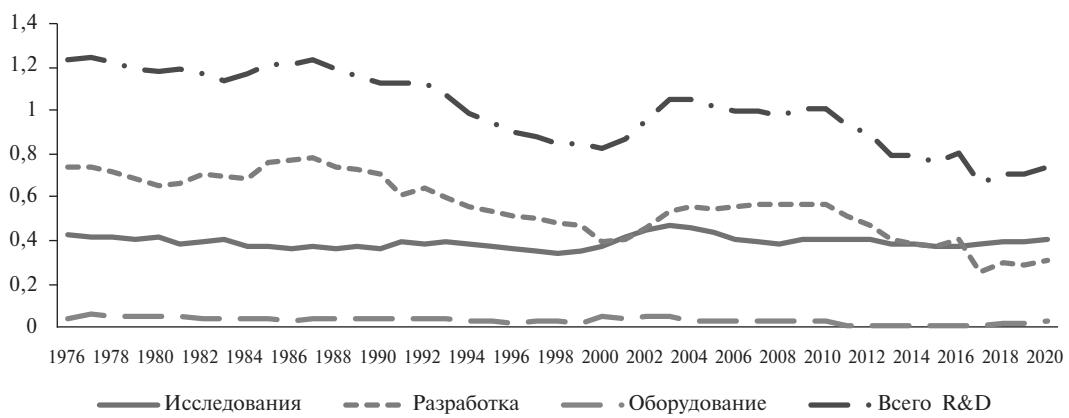

Рис. П4. Расходы федерального бюджета США на R&D в период с 1976 по 2020 г.

Источник: United States Census Bureau. Foreign Trade, 2022.

Таблица П1. Факторы, иллюстрирующие глобальный технологический раскол

Группа параметров	Параметр	Интерпретация параметра
Роль сектора цифровых технологий в экономике страны (данные основаны на опросах граждан, проведенных в рамках Индекса готовности цифровой среды Новым экономическим форумом в период с 2010 по 2019 г.) [WEF, n.d.]	Продвижение государством инновационных технологий (Gov_pgo)	Насколько те или иные действия государства способствуют развитию инновационных технологий внутри страны (значение варьируется от 1 до 7)
	Важность цифровых технологий для будущего с точки зрения государства (Imp_for_gov)	В какой степени у государства есть четкий план по поддержке внедрения информационных и коммуникационных технологий с целью повышения общей конкурентоспособности страны (значение варьируется от 1 до 7)
	Влияние цифровых технологий на доступ к базовым услугам (Basic_serv)	В какой степени технологии упрощают доступ граждан к базовым услугам (здравоохранение, образование и т.д.) (значение варьируется от 1 до 7)
	Использование национальными компаниями высоких технологий (Absorption)	В какой степени национальные компании развиваются, внедряют и применяют высокие технологии (значение варьируется от 1 до 7)
	Использование жителями страны социальных сетей (Network)	В какой степени граждане страны используют социальные сети для профессиональных и личных целей (значение варьируется от 1 до 7)
Цифровая инфраструктура [WEF, n.d.]	Средняя скорость Интернета на одного жителя в килобайтах в секунду (Bandwidth)	
	Доля жителей страны, охваченная мобильной сетью (Mob_cov)	
	Доля жителей страны, имеющая доступ к Интернету (Users)	
Параметры, отражающие раскол на мировом рынке высоких технологий [UNCTAD, n.d.]	Средний эффективный уровень импортного тарифа для товаров категории «Оборудование и электроника» (Tariff)	Отражает стремление страны защитить отечественный технологичный сектор
	Объем экспорта страной полупроводников (Semiconductors)	Отражает роль страны на рынке высоких технологий как поставщика одной из главных составляющих современных устройств

Источники: World Economic Forum (WEF) (n. d.) The Global Information Technology Report; UNCTADstat, 2022.

The Impact of the Global Technological Disruption on Leadership, Using Examples From a Number of Developed and Developing Countries¹

V. Kuzmin, A. Portanskiy

Vladimir Kuzmin – Master of the Faculty of World Economy and World Politics, National Research University Higher School of Economics; 17 Malaya Ordynka Ulitsa, Moscow, 119017, Russia; vlmrkuzmin@gmail.com

Alexey Portanskiy – PhD, Professor of the Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics; Leading Researcher, IMEMO RAS; 17 Malaya Ordynka Ulitsa, Moscow, 119017, Russia; aportanskiy@hse.ru

Abstract

Recent technological trends and, particularly, the global technology fracture, significantly affect power distribution in the world economy. However, the problems that arise due to these tendencies and their possible consequences for the economic world order remain understudied. This article assesses the impact of the global technology fracture on economic leadership in the context of the contradictions of the West-East development models, taking into consideration both interstate conflicts in the innovative field and the rising power of big-tech companies. Complex index construction is employed to formalize the concept of leadership in the world economy and a panel data regression model is used for estimating effects of the technology fracture on it. The sample contains data on major macroeconomic and technological indicators for 30 western and 10 Asian countries from 2010 to 2019. As a result, it is concluded that the presence of a clear plan for the implementation of information and communication technologies by the state can have a positive impact on the economic leadership of a country, and the growing importance of technology giants has a negative impact on this indicator. Finally, this article contributes to a better understanding of the economic leadership concept among scholars and draws policymakers' attention to the necessity of new regulations in the technological sphere.

Keywords: world economy, economic leadership, global technology fracture, development model, big-tech, decoupling

For citation: Kuzmin V., Portanski A. (2022) The Impact of the Global Technological Disruption on Leadership, Using Examples From a Number of Developed and Developing Countries. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 4, pp. 148–175 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2022-04-06

References

- Agarwala N., Chaudhary R.D. (2021) “Made in China 2025”: Poised for Success? *India Quarterly*, vol. 77, no 3, pp. 424–61. Available at: <https://doi.org/10.1177/09749284211027250>.
- Bank for International Settlements (BIS) (n.d.) Turnover of OTC Foreign Exchange Instruments, by Currency. Available at: <https://stats.bis.org/statx/srs/table/d11.3> (accessed 3 May 2022).
- BBC News (2021a) Fake Walmart News Release Claimed It Would Accept Cryptocurrency. 13 September. Available at: <https://www.bbc.com/news/technology-58545944> (accessed 16 November 2022).
- BBC News (2021b) US President Joe Biden Tightens Restrictions on Huawei and ZTE. 12 November. Available at: <https://www.bbc.com/news/technology-59262329> (accessed 3 May 2022).

¹ This article was submitted on 24.06.2022.

- Birch K., Cochrane D.T. (2021) Big Tech: Four Emerging Forms of Digital Rentiership. *Science as Culture*, vol. 31, issue 1, pp. 44–58. Available at: <https://doi.org/10.1080/09505431.2021.1932794>.
- Bloomberg News (2022) China Locks Down Shenzhen, Province of 24 Million Over Covid. 13 March. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-03-13/china-places-all-shenzhen-residents-under-lockdown-afp> (accessed 3 May 2022).
- Desai B.C. (2020) Pandemic and Big Tech. *IDEAS '20: Proceedings of the 24th Symposium on International Database Engineering & Applications* (B.C. Desai (ed.)). New York: Association for Computing Machinery. Available at: <https://doi.org/10.1145/3410566.3410585>.
- Federal Register (n.d.) U.S.-China Economic and Security Review Commission. Available at: <https://www.federalregister.gov/agencies/u-s-china-economic-and-security-review-commission> (accessed 3 May 2022).
- Feiner L. (2020) DOJ Case Against Google Likely Won't Go to Trial Until Late 2023, Judge Says. *CNBC*, 18 December. Available at: https://www.cnbc.com/2020/12/18/doj-case-against-google-likely-wont-go-to-trial-until-late-2023-judge-says.html?utm_term=Autofeed&utm_medium=Social&utm_content>Main&utm_source=Twitter#Echobox=1608313274 (accessed 3 May 2022).
- Feiner L. (2022) 2022 Will Be the “Do or Die” Moment for Congress to Take Action Against Big Tech. *CNBC*, 31 December. Available at: <https://www.cnbc.com/2021/12/31/2022-will-be-the-do-or-die-moment-for-congress-to-take-action-against-big-tech.html> (accessed 3 May 2022).
- Fenwick M., McCahery J.A., Vermeulen E.P.M. (2021) Will the World Ever Be the Same After COVID-19? Two Lessons From the First Global Crisis of a Digital Age. *European Business Organization Law Review*, vol. 22, pp. 125–45. Available at: <https://doi.org/10.1007/s40804-020-00194-9>.
- Gilchrist A. (2018) Post-Truth: An Outline Review of the Issues and What Is Being Done to Combat It. *Ibersid*, vol. 12, no 2, pp. 13–24. Available at: <https://doi.org/10.54886/ibersid.v12i2.4601>.
- Global Change Data Lab (n.d.) Economic Decline in the Second Quarter of 2020. Our World in Data [Dataset]. Available at: <https://ourworldindata.org/grapher/economic-decline-in-the-second-quarter-of-2020> (accessed 3 May 2022).
- Hsu S. (2021) China's Regulatory Clampdown on Big Tech. ICAS Issue Brief, 1 November, Institute for China-American Studies. Available at: <https://chinaus-icas.org/research/chinas-regulatory-clampdown-on-big-tech/> (accessed 3 May 2022).
- International Monetary Fund (n. d.) IMF Members' Quotas and Voting Power, and IMF Board of Governors. Available at: <https://www.imf.org/en/About/executive-board/members-quotas> (accessed 3 May 2022).
- Kashin V.B. (2021) Military-Industrial and Military-Economic Dimensions of Sino-US Rivalry. *Comparative Politics Russia*, vol. 12, no 3, pp. 85–97.
- Losacker S., Liefner I. (2020) Implications of China's Innovation Policy Shift: Does “Indigenous” Mean Closed? *Growth and Change*, vol. 51, no 3, pp. 1124–41. Available at: <https://doi.org/10.1111/grow.12400>.
- Mikheev V., Lukonin S. (2019) Kitaj – SSHA: mnogovektronost’ “torgovoj vojny” [China-USA: Multiple Vector of “Trade War”]. *World Economy and International Relations*, vol. 63, no 5, pp. 57–66. Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-5-57-66>. (in Russian)
- Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD)/European Commission Joint Research Centre (EU JRC) (2008) *Handbook on Constructing Composite Indicators: Methodology and User Guide*. Available at: <https://www.oecd.org/sdd/42495745.pdf> (accessed 16 November 2022).
- Ortiz-Ospina E., Roser M. (2016) Government Spending. Our World in Data [Dataset], Global Change Data Lab. Available at: <https://ourworldindata.org/government-spending> (accessed 3 May 2022).
- Portanskiy A.P. (2021) Mirovaya torgovaya sistema: vizovi XXI veka: monographia [*The World Trading System: Challenges of the XXI Century: Monograph*]. Moscow: International Relationships.
- QS Top Universities (2018) QS System Strength Rankings [Dataset]. Available at: <https://www.topuniversities.com/system-strength-rankings/2018> (accessed 3 May 2022).
- Roach S. (2014) *Unbalanced: The Codependency of America and China*. Yale University Press.
- Rodrick D. (2020) The Coming Global Technology Fracture. *Project Syndicate*, 8 September. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/making-global-trade-rules-fit-for-technology-by-dani-rodrik-2020-09?barrier=accesspaylog> (accessed 3 May 2022).

- Shalal A., Lawder D. (2022) Exclusive: U.S. Calls for “Concrete Action” From China on Trade Deal. *Reuters*, 7 February. Available at: <https://www.reuters.com/business/exclusive-us-calls-concrete-action-china-meet-phase-1-purchase-commitments-2022-02-07/> (accessed 3 May 2022).
- Stiglitz J.E. (1994) Economic Growth Revisited. *Industrial and Corporate Change*, vol. 3, no 1, pp. 65–110. Available at: <https://doi.org/10.1093/icc/3.1.65>.
- United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) (n.d.) UNCTADstat [Database]. Available at: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (accessed 3 May 2022).
- United States Census Bureau (n.d.) Foreign Trade [Dataset]. Available at: <https://www.census.gov/foreign-trade/balance/c0007.html> (accessed 3 May 2022).
- Wang D. (2021) “Moment sputnika” dlja Kitaja? [China’s Sputnik Moment?]. *Russia in Global Affairs*, 8 September. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/moment-sputnika-dlya-kitaya/> (accessed 8 September 2021). (in Russian)
- World Bank (n.d.) World Bank Open Data [Dataset]. Available at: <https://data.worldbank.org> (accessed 3 May 2022).
- World Economic Forum (WEF) (2019) The Global Risk Report 2019. Available at: <https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2019> (accessed 3 May 2022).
- World Economic Forum (WEF) (n.d.) Global Competitiveness Index. Available at: <https://www.weforum.org/reports> (accessed 3 May 2022).

Сравнительный анализ правового регулирования цифровых финансовых активов в России и других странах¹

М.Г. Гирич, И.С. Ермохин, А.Д. Левашенко

Гирич Мария Георгиевна — м.н.с. Российского центра компетенций и анализа стандартов Организации экономического сотрудничества и развития при Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; Россия, 119571, Москва, проспект Вернадского, д. 82; girichmari@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8093-2665

Ермохин Иван Сергеевич — н.с., заместитель руководителя Российского центра компетенций и анализа стандартов Организации экономического сотрудничества и развития при Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; Россия, 119571, Москва, проспект Вернадского, д. 82; н.с. ВАВТ Минэкономразвития России; Россия, 119285, Москва, ул. Пудовкина, д. 4А; i.ermokhin@gmail.com; ORCID: 0000-0003-2029-3667

Левашенко Антонина Давидовна — с.н.с., руководитель Российского центра компетенций и анализа стандартов Организации экономического сотрудничества и развития при Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; Россия, 119571, Москва, проспект Вернадского, д. 82; antonina.lev@gmail.com; ORCID: 0000-0002-1236-3605

Аннотация

Сегодня в мире активно развивается криптоэкономика, то есть использование криптографических технологий для создания новых цифровых продуктов, в том числе в сфере выпуска финансовых инструментов на основе криптографических технологий, таких как цифровые финансовые активы. Тематика регулирования цифровых финансовых активов (далее – ЦФА) является актуальной в мире. С 2019 г. некоторые страны, в том числе Россия, впервые стали вводить специальные правовые нормы в части выпуска цифровых финансовых активов, а также продажи и оборота на рынке таких активов. До этого момента страны не вводили специального регулирования ЦФА, а применяли законодательство о ценных бумагах по аналогии или вовсе не распространяли действующее законодательство на такие операции. Целью статьи является сравнение подходов к регулированию цифровых финансовых активов в России и в мире, включая вопросы определения финансовых инструментов, которые будут относиться к цифровым финансовым активам, аспектам процедуры выпуска, хранению и торговле ЦФА, в том числе основные права и обязанности эмитентов и инвесторов в такие активы, особенности работы торговых площадок и площадок для выпуска ЦФА.

В целом можно выделить два подхода в странах к регулированию ЦФА. Первый подход – применение существующих правил к токенизованным активам (например, законодательства о ценных бумагах и финансовых инструментах), такой подход применяется в США. Второй подход – регулирование посредством введения новой нормативной базы для применения технологии распределенного реестра в финансовых услугах, например, в России, Германии, Люксембурге, ЕС и Швейцарии. В данной статье сравнивается именно второй подход, который реализован сегодня в России, для выявления отличий с зарубежным регулированием, например, по аспектам использования института кастодиана для учета и хранения цифровых активов, конвертации ЦФА в традиционные финансовые активы, создания правил торговли ЦФА и проч.

¹ Статья поступила в редакцию 15.07.2022.

Ключевые слова: криптоэкономика, токенизация активов, цифровые финансовые активы, финансовый рынок, ОЭСР

Благодарности: статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Гирич М.Г., Ермохин И.С., Левашенко А.Д. Сравнительный анализ правового регулирования цифровых финансовых активов в России и других странах // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 4. С. 176–192 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2022-04-07

Одной из тенденций развития криптоэкономики является развитие токенизации активов, что вызывает множество правовых проблем.

Согласно отчету ОЭСР «Регуляторные подходы к токенизации активов» 2021 г. [OECD, 2021], токенизация активов представляет собой процесс цифрового отображения реальных (физических) активов в распределенных реестрах или выпуск традиционных видов активов в токенизированной форме. То есть в первом случае существуют реальные активы, например, ценные бумаги, и права на такие активы привязываются или встраиваются в токены на базе технологии распределенного реестра (далее – DLT-технологии), в частности технологии блокчейн. Таким образом, можно сделать вывод, что токен действует в качестве хранилища ценности для реальных активов, выпущенные токены существуют в цифровых DLT-сетях как «цифровой двойник», а реальные активы, на основе которых выпущены токены, существуют вне DLT. Анализируя второй случай, можно говорить о том, что токенизация активов подразумевает создание финансового инструмента на основе блокчейна, и выпущенные токены существуют исключительно в распределенных реестрах. К токенизованным активам могут относиться ценные бумаги (например, акции и облигации), а также товары (например, золото) и другие нефинансовые активы (например, недвижимость) [OECD, 2020].

Сегодня наблюдается рост объемов рынка токенизованных активов. Согласно данным STOMarket.com на август 2021 г., более 100 эмитентов, выпустивших токены в виде ценных бумаг или финансовых инструментов, имеют совокупную рыночную капитализацию в размере 1,1 млрд долл. США при среднем дневном объеме торгов в размере 7 млн долл. США [STM, 2021]. По прогнозам компании Quinlan and Associates, к 2030 г. глобальный объем торгов токенами-ценными бумагами вырастет до 162,7 трлн долл. США, а общий объем выпуска токенов-ценных бумаг составит более 4 трлн долл. США [Quinlan, Chung, Trehan, 2021]. Рынок растет и, следовательно, возникают вопросы о необходимости правового регулирования новых правоотношений, возникающих на крипторынке.

Два подхода к регулированию цифровых финансовых активов

Исследуя международный опыт, можно заметить, что в настоящий момент законодатели разных стран решают вопрос, каким образом регулировать токены – основные активы в рамках токенизации [Леонтьева, 2022]. Поэтому в странах появляется первое регулирование процесса токенизации, в основном в отношении ценных бумаг и финансовых инструментов, которое будет проанализировано в данной статье.

Анализ опыта зарубежных стран показывает, что для регулирования токенизации страны используют два подхода. Первый подход – это применение к регулированию

токенов-ценных бумаг действующего законодательства о ценных бумагах. Например, такой подход реализован в США [Левашенко, Ермохин, Зубарев, 2019]

Еще в июле 2017 г. Комиссия по ценным бумагам США (далее – SEC) опубликовала отчет по делу The DAO, где разъяснила, каким образом действующее законодательство о ценных бумагах будет применяться к токенам-ценным бумагам [SEC, 2017], в частности Закон о биржах ценных бумаг 1934 г.

SEC США стала первым регулятором, признавшим, что токены по своему содержанию и предоставляемым правам похожи на ценные бумаги в значении, определенном ст. 2(а)(1) Закона «О ценных бумагах», а также ст. 3(а)(10) Закона «О биржах». По смыслу разъяснения SEC США, токены должны быть зарегистрированы в качестве ценных бумаг (а именно инвестиционного контракта). Для определения того, в каких случаях применяется законодательство о ценных бумагах, SEC применила Howey-тест (дело SEC против Edwards, 2004 г., SEC против W.J. Howey Co., 1946 г.) [FinHub, n.d.].

Howey-тест состоит из четырех критериев, по которым можно определить, является ли токен инвестиционным контрактом.

- 1) Привлечение капитала в любой форме. То есть проекты по выпуску токенов привлекают капитал инвесторов в любой форме (деньги, криптовалюты, ценные бумаги или какой-либо другой «стоимости»).
- 2) Наличие общего предприятия. То есть инвесторы вкладывают капитал в проект для создания какого-либо продукта, развития платформы, и в итоге между проектом по выпуску токенов и инвесторами создается совместное предприятие, где инвестор предоставляет средства, которые проект использует для развития.
- 3) Ожидание инвесторами получения прибыли (дивиденды, другие периодические платежи или увеличение стоимости инвестиций). То есть инвесторы, приобретая токены, ожидают получения в будущем прибыли от проекта либо от передачи токенов на вторичном рынке.
- 4) Ограниченнное участие инвесторов в управлении проектом. То есть инвесторы предоставляют средства, однако напрямую не участвуют в управлении проектом, не выполняют никаких административных функций.

Таким образом, в США применяются общие правила в отношении ценных бумаг, кроме того, сам ICO-проект, который выпускает токены, должен быть зарегистрирован как биржа (или, в некоторых случаях, вести брокерско-дилерскую деятельность) [Левашенко и др., 2019, с. 60]. На данный момент ряд компаний в США сделали выпуски токенов-инвестиционных контрактов, например, Blockstack привлекла 23 млн долл. США от продажи токенов неаккредитованным инвесторам, которые могут торговаться на вторичных рынках (выпуск попал под исключения из правил о ценных бумагах, что позволило выпустить токены без регистрации проспекта ценных бумаг) [Ali, 2019]. Компания INX, базирующаяся в Гибралтаре криптовалютная биржа, запустила свой токен, который стал первым в истории выпуска токеном-ценной бумагой, в отношении которого был опубликован и зарегистрирован в SEC проспект [Basar, 2022]. Сегодня у проекта 7 542 инвестора, а рыночная капитализация составляет 371 млн долл. США.

В целом такой подход к выпуску токенизованных ценных бумаг поддерживают Канада, ЕС (в части применения Директивы 2014/65/EU от 15 мая 2014 г. «О рынках финансовых инструментов», MiFID II) и другие страны.

Однако с 2019 г. в ряде стран, особенно европейских, стал зарождаться новый способ регулирования токенов-ценных бумаг / финансовых инструментов – создание специального порядка выпуска, хранения и передачи таких финансовых активов с применением DLT-технологий (второй подход), то есть так называемые DLT-ценные бумаги

[OECD, 2022]. В настоящей статье подробно рассматривается второй подход, так как он реализован в том числе в России.

Квалификация цифровых финансовых активов

Первой правовой проблемой подхода является вопрос квалификации токенов, выпущенных в DLT-реестрах в качестве ценных бумаг или финансовых инструментов.

В России в 2021 г. вступил в силу Федеральный закон № 259-ФЗ от 31 июля 2020 г. «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте» (далее – Закон о ЦФА), который позволяет выпустить цифровые активы, схожие с ценными бумагами. Так, в соответствии с п. 2 ст. 1, цифровыми финансовыми активами (далее – ЦФА) признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. Рассмотрим подробнее отдельные виды ЦФА, на которые распространяется законодательство о ценных бумагах:

- 1) ЦФА, предоставляющие возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам;
- 2) ЦФА, предоставляющие право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг;
- 3) ЦФА, предоставляющие права участия в капитале непубличного акционерного общества.

Если для ЦФА, предоставляющих возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам или право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, необходимо обращаться к лицу, которое ведет реестр держателей ценных бумаг, то в случае выпуска акций в виде ЦФА регистратором и хранителем ЦФА становится оператор платформы по выпуску ЦФА, который, в соответствии со ст. 5 Закона о ЦФА, ведет реестр владельцев ценных бумаг в информационной системе. То есть в данном случае создается специальный реестр токенизованных активов, который ведется платформой по выпуску ЦФА [Леонтьева, 2022].

Таким образом, в России урегулированы два способа токенизации активов: во-первых, путем выпуска ЦФА на существующие ценные бумаги, а во-вторых, путем выпуска акций в DLT-системе, где происходит учет и хранение таких акций без необходимости обращаться к традиционным депозитариям. Стоит отметить, что ЦФА выпускаются на ценные бумаги, однако ЦФА и ценные бумаги регулируются разными правовыми актами и представляют собой разные правовые сущности.

Далее сравним подход России с зарубежными странами. Прежде всего отметим, что ЕС, в том числе Германия, а также Швейцария и ряд других стран, как и Россия, внедряют специальное регулирование для токенов, выпущенных в DLT, которые позволяют осуществлять хранение, учет и передачу токенов-ценных бумаг без использования центрального депозитария [Basar, 2022].

Так, в октябре 2020 г. Комиссия ЕС опубликовала предложение по Регламенту о pilotном режиме для рыночных инфраструктур на основе технологии распределенного реестра [EC, 2020]. Технологии распределенного реестра (DLT) – класс технологий, которые поддерживают распределенную запись зашифрованных данных [Ali, 2019]. То есть проект Регламента предлагает выпуск DLT-ценных бумаг в качестве отдельного вида финансовых инструментов со специальными правилами выпуска. Фактически мы видим, что такая особенность обусловлена типом технологии, где соответствующие финансовые активы будут храниться [Cohen et al., 2018].

Регламент будет распространяться на переводные ценные бумаги в значении ст. 4(1)(44) (а) и (б) Директивы MIFID II, которые выпускаются, регистрируются, передаются и хранятся с использованием DLT. В соответствии со ст. 4(1)(44) (а) и (б) Директивы 2014/65/EU под «переводными / обращающимися цennыми бумагами» понимаются те классы ценных бумаг, которые могут обращаться на рынке капитала, за исключением платежных инструментов, таких как:

- акции компаний и иные ценные бумаги, эквивалентные акциям компаний, партнерств или других организаций, а также депозитарные расписки в отношении акций;
- облигации или иные формы секьюритизированной задолженности (то есть долга, выпущенного в виде ценной бумаги), включая депозитарные расписки в отношении таких ценных бумаг [ЕС, 2014а].

Таким образом, можно сделать вывод, что в ЕС сохраняется общее понятие переводных ценных бумаг для финансового рынка, при этом такие ценные бумаги могут выпускаться с использованием DLT. То есть DLT-системы становятся одним из способов выпуска ценных бумаг. Для таких DLT-ценных бумаг формируются отдельные правила хранения и проведения расчетов [Haentjens, de Graaf, Kokorin, 2020].

В Германии DLT-ценные бумаги регулируются Законом о введении электронных ценных бумаг (далее – eWpG), который вступил в силу в июне 2021 г. [Electronic Securities Act, 2021]. Закон позволяет токенизировать долговые обязательства (облигации) на предъявителя (*Schuldverschreibungen auf den Inhaber*). Согласно разъяснению Федерального управления финансового надзора Германии (далее – BaFin), облигация на предъявителя представляет собой ценную бумагу, по которой инвестор обычно получает проценты, уступая определенную сумму эмитенту облигации на определенный период времени (предоставляет эмитенту долгосрочный заем) [BaFin, 2020]. Лицо становится кредитором, а не акционером, а эмитент облигации обязуется перед кредитором денежного требования погасить долг в конце срока.

Ценная бумага может быть выпущена в виде электронной ценной бумаги путем внесения эмитентом записи в реестр электронных ценных бумаг или в DLT-реестр вместо выдачи сертификата ценной бумаги (ст. 2). Среди электронных ценных бумаг выделяется подвид криpto-ценных бумаг (*Kryptowertpapier*). Таким образом, фактически ценная бумага может быть выпущена тремя способами:

- 1) в виде бумажного сертификата;
- 2) в электронном виде;
- 3) путем записи в DLT-реестре.

eWpG устанавливает, что долговые DLT-ценные бумаги имеют те же юридические последствия, что и ценные бумаги, представленные бумажным сертификатом. Таким образом, мы видим, что для целей гражданского законодательства eWpG уравнял статус документарной и бездокументарной DLT-ценной бумаги [Schär, 2021].

В Швейцарии было введено аналогичное регулирование. В 2021 г. принят Федеральный закон об адаптации федерального законодательства к разработкам в области DLT-реестров. Законом внесены поправки в ст. 622 Кодекса обязательств [Federal Act, 1911], которая регулирует акции компаний с ограниченной ответственностью (company limited by shares). В соответствии со ст. 620, компания с ответственностью, ограниченной акциями, – это компания, чей уставный капитал разделен на определенные суммы (акции), а владельцы акций несут ответственность только в пределах активов компании (и не несут личной ответственности по обязательствам общества).

Акции могут выпускаться в виде оборотных ценных бумаг (*negotiable securities*), передача которых упрощенная: бумаги могут быть переданы другому лицу со специаль-

ным инструментом, например, с использованием передаточной надписи. То есть акции выпускаются в виде оборотных ценных бумаг в бездокументарной форме (ст. 973с) либо в форме распределенных (DLT) бумаг (ст. 973д).

Это означает, что в Швейцарии возможно выпустить оборотные (с упрощенным порядком передачи за счет индоссамента) DLT-ценные бумаги в виде акций компаний с ограниченной ответственностью (именных или на предъявителя).

В распределенных реестрах могут выпускаться не только акции. В соответствии со ст. 1153а, в распределенных реестрах могут выпускаться правоустанавливающие документы на товары (*titres représentatifs de marchandises*) в форме оборотных бумаг. То есть в Швейцарии регулируется деятельность по управлению складами (*warehousing business*, ст. 482) – владелец склада, который публично предлагает складские услуги, может обратиться в компетентный орган за правом выдачи правоустанавливающих документов на товары, хранящиеся на складе. Такие правоустанавливающие документы на товары являются ценными бумагами, которые дают право принять поставку хранящихся товаров. Данные документы могут выпускаться и управляться с использованием DLT-реестра [Ushida, Angel, 2021].

В Люксембурге также можно выпустить токенизированные ценные бумаги. Законом от 22 января 2021 г. [Law of 22 January, 2021] были сделаны поправки в п. 1 ст. 1 Закона от 6 апреля 2013 г. «О дематериализованных/бездокументарных ценных бумагах». Был добавлен новый пункт 1-1bis), который установил, что ценные бумаги могут храниться, регистрироваться и передаваться с использованием DLT-технологий. При этом закон не уточняет, какие конкретно бездокументарные ценные бумаги можно регистрировать и хранить в DLT-системах, но, вероятно, перечень ценных бумаг может быть ограничен с учетом европейского законодательства.

Анализ законодательства зарубежных стран позволяет сделать ряд выводов о сходствах и различиях в отношении подхода России. И зарубежные страны, и Россия вводят регулирование ценных бумаг, выпущенных с использованием DLT-технологий. При этом в странах разные подходы к тому, какие ценные бумаги могут быть выпущены в DLT-реестре: в ЕС – переводные ценные бумаги (как акции, так и облигации), в Германии только долговые инструменты (планируется разработка регулирования также для выпуска акций), в Швейцарии – акции компаний с ограниченной ответственностью (хотя для выпуска облигаций не существует ограничений), в Люксембурге – любые ценные бумаги, а в России могут быть выпущены только акции, предоставляющие права участия в капитале непубличного акционерного общества, в виде ЦФА [Takanashi, 2020].

Что касается выпуска токенов и ЦФА на существующие ценные бумаги, то в России в рамках Закона можно выпустить ЦФА, предоставляющие возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам или права требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, тогда как в Германии, Швейцарии, ЕС к таким токенам может применяться законодательство о коллективном инвестировании. Представляется, что такие виды ЦФА можно называть стейблкоинами, так как их стоимость может быть привязана к курсу корзины ценных бумаг.

Выпуск и хранение цифровых финансовых активов

Рассмотрим следующий блок правовых проблем, связанных с выпуском DLT-ценных бумаг. В России, в соответствии со ст. 2, выпуск ЦФА осуществляется путем внесения в информационную систему, в которой выпускаются ЦФА, записи о зачислении ЦФА указанному лицу. То есть выпуск может осуществляться простой записью в DLT-

реестре. При этом, в соответствии со ст. 3, эмитент ЦФА должен опубликовать решение о выпуске ЦФА, указав сведения об эмитенте, об операторе информационной системы, в которой осуществляется выпуск ЦФА, вид и объем прав, предоставляемых ЦФА, количество и стоимость ЦФА, дату начала размещения ЦФА, способ оплаты и проч.

Учет ЦФА осуществляется в информационной системе, в которой были выпущены ЦФА, путем внесения соответствующих записей. Хранение аналогично осуществляется в DLT-реестре (однако если ЦФА выпускаются на существующие ценные бумаги, такие ценные бумаги будут храниться у традиционных депозитариев).

Однако, исследуя опыт зарубежных стран, можно сделать вывод, что практикуется иной подход. Так, в соответствии с Законом о введении электронных ценных бумаг (eWpG) Германии, для выпуска долговой ценной бумаги в DLT-реестре достаточно внести соответствующую запись в DLT-реестр. Таким образом, для криpto-ценных бумаг вводится специальный реестр, который выполняет функции регистрации, учета и хранения.

В целом аналогичным образом предлагается выпускать DLT-ценные бумаги в Швейцарии и Люксембурге. Так, например, в Швейцарии для хранения акций компаний с ограниченной ответственностью, выпущенных через DLT, эмитент заключает с кредитором (инвестором) соглашение о регистрации распределенных ценных бумаг в распределенном реестре. Все аспекты работы реестра прописываются в соглашении о регистрации, должник должен обеспечить, чтобы реестр был организован в соответствии с требованиями соглашения. При этом, в отличие от подхода Германии, эмитенту не нужно иметь специальную лицензию, чтобы хранить и вести учет активов в реестре, однако эмитент должен соблюдать некоторые требования, например, использовать технологические процессы, которые предоставляют инвесторам, а не эмитенту, возможность распоряжаться своими правами; публиковать информацию о содержании прав в рамках активов, функционировании реестра и проч.

Стоит отметить, что аналогично Германии для DLT-выпуска ценных бумаг необходимо соблюдать обычные правила в отношении проспекта ценных бумаг и защиты прав инвесторов.

Таким образом, сравнивая подход в зарубежных странах с Россией, можно выделить некоторые сходства и различия в подходах к эмиссии ценных бумаг. С одной стороны, в России, а также в Германии, Швейцарии и Люксембурге выпуск происходит путем внесения соответствующих записей в DLT-реестр. С другой стороны, в России выпуск ЦФА производится через информационную систему оператора выпуска ЦФА, тогда как в Германии, Швейцарии и Люксембурге подобных операторов не существует, эмитент может либо самостоятельно выступать регистратором и хранителем DLT-ценных бумаг, либо обратиться к профессиональным депозитариям/кастодианам. Интересно, что в Швейцарии и Люксембурге DLT-ценные бумаги могут храниться у банков или центральных депозитариев, что создает возможность торговли ценностями бумагами на традиционных биржах ценных бумаг, тогда как в Германии для реестра криpto-ценных бумаг не привлекается центральный депозитарий, который дает возможность торговли на фондовой бирже, ограничивая такую торговлю для криpto-ценных бумаг.

Еще одним отличием России от Германии, Швейцарии и Люксембурга является процедура публикации документа о выпуске ценных бумаг. В России для выпуска ЦФА достаточно опубликовать решение о выпуске ЦФА на собственном сайте и на сайте оператора, а в перечисленных странах эмитенты должны соблюдать требования к регистрации проспекта ценных бумаг в соответствующих органах, а также соблюдать другие требования законодательства о ценных бумагах и финансовых инструментах.

Конвертация ЦФА в ценные бумаги и наоборот

Важной правовой проблемой является возможность конвертировать ценные бумаги в DLT-ценные бумаги и наоборот. В России ст. 13 Закона о ЦФА устанавливает запрет для непубличных акционерных обществ проводить конвертацию акций, выпущенных в виде ЦФА, в акции непубличного акционерного общества, эмиссия которых осуществляется не в виде цифровых финансовых активов. Это создает ограничения для возможности в дальнейшем компаниям получить статус публичного общества и провести первичный выпуск классических ценных бумаг на фондовой бирже с целью расширения деятельности.

При этом в Германии, в соответствии с Законом о введении электронных ценных бумаг (eWpG), эмитент может заменить DLT-ценную бумагу, выпустив бумажный сертификат на ценную бумагу при согласии на это бенефициаров, или если условия выпуска актива прямо разрешают такую замену без согласия бенефициара. В таком случае электронная ценная бумага исключается из DLT-реестра, в DLT-реестре указывается запись о выпуске бумажного сертификата и аннулировании DLT-ценной бумаги. Аналогичным образом эмитент может заменить классическую документарную ценную бумагу, выпустив ее в DLT-реестре.

В Швейцарии, в соответствии со ст. 622, компании тоже могут конвертировать существующие документарные ценные бумаги в DLT-ценные бумаги и наоборот. В Люксембурге данный вопрос не урегулирован.

Таким образом, можно сделать вывод, что зарубежные страны позволяют конвертировать DLT-ценные бумаги в традиционные и наоборот. Это дает возможность проводить первоначальный выпуск ценных бумаг и выходить на традиционные биржи, особенно для молодых инновационных компаний. Поэтому, в целях развития правового регулирования в России, мы рекомендуем предусмотреть порядок конвертации ЦФА путем внесения изменений в Закон о ЦФА. В п. 1 ст. 13 рекомендуется признать возможность непубличного акционерного общества, акции которого выпущены не в виде ЦФА, осуществлять конвертацию своих акций в акции в виде ЦФА. А в п. 3 ст. 13 рекомендуется признать возможность непубличного акционерного общества, акции которого выпущены в ЦФА, приобрести публичный статус только после конвертации акций, ранее выпущенных в виде ЦФА, в акции, выпущенные не в виде ЦФА.

Также рекомендуется внести изменения в Закон о ЦФА и Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», установив такие требования по конвертации обычных акций в акции в виде ЦФА, включая необходимость выпуска решения о конвертации и выпуска акций непубличного акционерного общества в виде ЦФА, внесения соответствующих изменений в устав, процедуры принятия акционерами решения о проведении такой конвертации. Также необходимо урегулировать в рамках Закона о ЦФА и Федерального закона «О рынке ценных бумаг» от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ возможность переноса реестра владельцев ценных бумаг от лица, осуществляющего хранение и учет биржевых ценных бумаг, в реестр владельцев ЦФА в информационной системе оператора выпуска ЦФА, и наоборот. То есть в рамках конвертации предусмотреть порядок замены держателя реестра ценных бумаг на реестр информационной системы оператора выпуска ЦФА.

Таким образом, предлагаемые изменения позволят компаниям эффективнее использовать инструменты ЦФА, осуществлять конвертацию в зависимости от текущих бизнес-задач, привлекая капитал как на новых, так и на традиционных рынках.

Осуществление торговли цифровыми финансовыми активами

Торговля DLT-ценными бумагами вызывает ряд правовых вопросов. В России, в соответствии со ст. 10 Закона о ЦФА, продажа ЦФА осуществляется через оператора обмена ЦФА (в том числе оператор выпуска ЦФА одновременно может стать оператором обмена).

Оператором обмена цифровых финансовых активов могут быть кредитные организации, организаторы торговли, а также иные юридические лица. Оператором может стать только российское юридическое лицо, которое должно иметь уставный капитал не менее 50 млн руб. Оператор должен создать коллегиальный орган управления, службу внутреннего контроля и службу управления рисками. Члены исполнительных органов (главный бухгалтер, руководитель службы внутреннего контроля) должны соответствовать требованиям к квалификации (например, наличие высшего образования и опыта руководства финансовой организацией и проч.), деловой репутации (например, не иметь неснятую или непогашенную судимость за совершение умышленного преступления и проч.).

Оператор обмена ЦФА обязан обеспечить хранение информации о сделках с ЦФА, об участниках сделок не менее пяти лет с даты совершения сделок. Оператор также утверждает правила обмена ЦФА, которые согласует с Банком России. Такие правила определяют порядок совершения сделок с ЦФА, виды ЦФА, которые могут торговаться, порядок взаимодействия оператора обмена ЦФА с операторами выпуска ЦФА, требования к защите информации и операционной надежности и проч.

Если исследовать международный опыт, то в Европейском союзе в рамках предложения по Регламенту о пилотном режиме для рыночных инфраструктур на основе технологии распределенного реестра [ЕС, 2020] регулируется торговля переводными DLT-ценными бумагами. В торговле участвуют два основных субъекта: многосторонние торговые площадки и система расчетов по ценным бумагам.

Многосторонняя торговая система DLT (далее – MTF DLT) – это система, управляемая инвестиционной компанией (осуществляет оказание инвестиционных услуг) или оператором рынка (специальный субъект, управляющий MTF как регулируемым рынком), которая допускает торговлю только переводными ценными бумагами на основе прозрачных, недискреционных, единых правил и процедур, чтобы обеспечить первоначальный учет переводных DLT-ценных бумаг, урегулировать сделки в обмен на платеж (against payment) и предоставлять услуги по хранению. То есть биржа для торговли DLT-ценными бумагами должна зарегистрироваться в качестве MFT DLT [Walch, 2019].

Система расчетов по ценным бумагам (securities settlement systems) с использованием DLT управляет центральным депозитарием ценных бумаг и осуществляет расчеты по сделкам с переводными DLT-ценными бумагами в обмен на платеж (against payment). Центральный депозитарий ценных бумаг (ст. 2(1) Регламента (ЕС) № 909/2014 [ЕС, 2014b]) – юридическое лицо, которое управляет системой расчетов по ценным бумагам и предоставляет услуги первичного учета, ведения счетов ценных бумаг и проч.

То есть MTF DLT может либо самостоятельно вести регистрацию и учет DLT-ценных бумаг (соблюдая требования к депозитариям), либо обратиться к услугам центрального депозитария.

На MTF DLT распространяются все требования, применимые к классическим MTF в соответствии с Директивой 2014/65/ЕС о рынках финансовых инструментов

(MiFID) и Регламентом № 2014/600 о рынках финансовых инструментов. Однако MTF может быть освобожден от соблюдения требования MiFID, если соблюдает требования к операторам рыночной инфраструктуры DLT, установленные в ст. 6. В частности, площадка MTF должна разработать четкий и подробный бизнес-план с описанием услуг и деятельности; иметь подробную общедоступную письменную документацию, определяющую правила работы рыночной инфраструктуры DLT, включая юридические условия, определяющие права, обязанности, ответственность и обязательства оператора рыночной инфраструктуры, участников, эмитентов и клиентов; установить правила функционирования DLT-реестра (доступа к технологии, участие проверяющих узлов, устранение потенциальных конфликтов интересов и управление рисками и проч.); внедрять меры информационной безопасности и защиты от киберрисков и проч. [Quinlan, Chung, Trehan, 2021].

Что касается организации торгов DLT-ценными бумагами, торговля ограничена по объему: общая рыночная стоимость переводных DLT-ценных бумаг не должна превышать 2,5 млрд евро. При этом общая рыночная стоимость должна определяться ежедневно и быть равной сумме в 2,5 млрд евро по дневной цене закрытия с учетом стоимости переводных DLT-ценных бумаг.

Допуск к торговым происходит либо через регистрацию бумаг в центральном депозитарии, либо через DLT-реестр MTF. В последнем случае MTF должна внедрить учет переводных DLT-ценных бумаг, гарантировать сохранность ценных бумаг и средств осуществления платежей, обеспечивать точное и своевременное подтверждение деталей транзакций.

Чтобы запустить MTF DLT, необходимо получить специальное разрешение на эксплуатацию (ст. 7–8). Заявка на получение разрешения должна включать информацию о предполагаемых видах деятельности и организационной структуре; о составе руководителей (физические лица должны обладать достаточно хорошей репутацией, достаточными знаниями, навыками и опытом и уделять достаточно времени выполнению обязанностей) и проч.; бизнес-план, юридические соглашения, информацию о функционировании, услугах и деятельности DLT MTF; информацию о функционировании непосредственно DLT-системы (меры в области ИТ и кибербезопасности, механизмы хранения переводных DLT-ценных бумаг клиентов) и проч.

В Швейцарии внесены поправки в Закон об инфраструктуре финансовых рынков от 19 июня 2015 г. Аналогично подходу ЕС в Швейцарии вводится регулирование торговой DLT-системы (является многосторонней торговой площадкой – MFT). Система является коммерчески управляемой организацией для многосторонней торговли ценностями бумагами DLT. Ее цель заключается в одновременном обмене заявками между несколькими участниками и заключении контрактов на основе недискреционных правил. При этом площадка подходит не только для торговли DLT-акциями компаний с ограниченной ответственностью, но и для торговли другими правами, хранящимися в DLT-реестрах, которые с помощью технических процессов дают инвесторам возможность распоряжаться своими правами.

Согласно ст. 4, торговая DLT-система должна получить разрешение (*authorisation*) от Управления надзора за операциями финансового рынка (FINMA). Такая система должна быть организована по швейцарскому законодательству и иметь штаб-квартиру в Швейцарии (ст. 8); установить правила корпоративного управления (назначить конкретные органы, ответственные за управление его бизнесом, за руководство, надзор и контроль); осуществлять управление рисками и конфликтом интересов; обеспечивать гарантии безукоризненного ведения бизнеса (иметь хорошую репутацию и иметь квалификацию специалистов) (ст. 9); оплатить минимальный капитал, который уста-

навливается FINMA (ст. 12); обеспечивать непрерывность бизнеса (ст. 13), в том числе иметь возможность своевременно поддерживать или восстанавливать операции в случае сбоев; обеспечивать прозрачность торговли (публиковать в режиме реального времени цены покупки и продажи ценных бумаг, а также размеры торговых позиций по этим ценам и проч.) (ст. 29); издать правила допуска ценных бумаг к торгам (ст. 36).

Если торговая DLT-система выполняет функции центрального депозитария, то она обязана соответствовать требованиям, аналогичным для центральных депозитариев, в частности, в отношении наличия достаточного капитала и диверсификации рисков, сегрегации (отделять собственные активы от ценных бумаг своих участников) и проч.

Таким образом, сравнение подхода России и других стран позволяет сделать следующие выводы (табл. 1). В России, ЕС и Швейцарии действуют в целом похожие требования к площадкам, которые дают доступ к торговле токенизованными цennыми бумагами, в части принятия мер безопасности, управления рисками, наличия уставного капитала, создания правил торговли активами, деловой репутации, профессионализма менеджмента и учредителей и проч. Тем не менее в Швейцарии и ЕС действуют специальные многосторонние площадки для торговли отдельными видами финансовых активов по специальным правилам, в России аналогичных площадок не существует. Однако в России создано подобие MFT-площадки – оператор обмена ЦФА со специальными правилами для торговли ЦФА.

Таблица 1. Подходы к регулированию цифровых финансовых активов в России и в других странах

Критерий	Россия	ЕС	Германия	Швейцария	Люксембург
Квалификация токенов, выпущенных в виде ценных бумаг или финансовых инструментов	ЦФА с возможностью осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам; ЦФА с правом требовать передачи эмиссионных ценных бумаг; ЦФА – акции непубличного АО	DLT-переводные ценные бумаги (акции, облигации)	DLT-облигации	Оборотные DLT-ценные бумаги акции компаний с ограниченной ответственностью; правоуставляющие документы на товары	Токенизованные ценные бумаги
Процесс выпуска	Простая запись в информационной системе (как в DLT-реестре)	–	Запись в DLT-реестре	Запись в DLT-реестре	Запись в DLT-реестре
Публикация информации о выпуске	Решение о выпуске	–	Проспект (как для ценных бумаг)	Проспект (как для ценных бумаг)	Проспект (как для ценных бумаг)
Оператор выпуска	Через оператора информационной системе	–	В DLT-реестре эмитента (нужна лицензия); у коммерческого DLT-кастодиана лицензией	В DLT-реестре эмитента (НЕ нужна лицензия); у банка/центрального депозитария	В DLT-реестре эмитента (НЕ нужна лицензия) у банка/центрального депозитария

Критерий	Россия	ЕС	Германия	Швейцария	Люксембург
Хранение при выпуске	ЦФА – в DLT-реестре; ценные бумаги, на которые выпускаются ЦФА – у традиционных депозитариев	–	В DLT-реестре	В DLT-реестре	В DLT-реестре
Возможность конвертации в обычные ценные бумаги и наоборот	Нет, прямой запрет	–	Да	Да	Да
Оператор торговли	Оператор обмена ЦФА	Многосторонняя торговая система (MTF DLT)	Многосторонняя торговая система (MTF DLT)	Регулирование ЕС	
Учет и хранение ЦФА при торговле	В реестре оператора обмена ЦФА	В реестре MTF DLT или у центрального депозитария	В реестре MTF DLT или у центрального депозитария		

Источник: Составлено авторами.

Кроме того, в отличие от DLT MFT, оператору обмена ЦФА не требуется обращаться к депозитариям для хранения и учета ЦФА, проведения расчетов. Эти функции оператор выполняет самостоятельно.

Переходя к общим выводам и рекомендациям, следует отметить ряд сходств и отличий в регулировании ЦФА в России и DLT-ценных бумаг в ЕС, Швейцарии, Люксембурге, Германии. Если говорить о сходствах, то, во-первых, Закон о ЦФА позволяет непубличному акционерному обществу выпустить акции в виде ЦФА с использованием DLT-реестра, которые фактически являются аналогом DLT-ценных бумаг на рынке ЕС, Германии, Люксембурга и Швейцарии. Во-вторых, торговля ЦФА осуществляется в рамках операторов обмена ЦФА, в зарубежных странах аналогичным образом действуют многосторонние DLT-торговые площадки, принципы работы которых схожи с принципами работы оператора обмена ЦФА. В России при выпуске ЦФА не требуется соблюдать законодательство о ценных бумагах, например, требования о публикации проспекта, как в зарубежных странах. Однако решение о выпуске ЦФА во многом схоже по содержанию и целям с проспектом для ценных бумаг.

Если говорить о различиях, то для хранения и учета DLT-ценных бумаг в России не нужно привлекать депозитариев или кастодианов. Эти функции выполняет оператор выпуска ЦФА, тогда как в зарубежных странах в некоторых случаях может привлекаться центральный депозитарий, в том числе для организации расчетов против платежа.

Но главное отличие состоит в том, что в России невозможно конвертировать непубличным акционерным обществом акции в виде ЦФА в обычные акции для торговли на фондовой бирже, что ограничивает возможность компаний стать публичным акционерным обществом и торговаться на бирже. А за рубежом компании могут свободно конвертировать свои DLT-ценные бумаги в обычные ценные бумаги для торговли на бирже.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Левашенко А.Д., Ермохин И.С., Зубарев А.В., Синельникова-Мурылева Е.В., Трунин П.В. (2019). Криптоэкономика. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. Режим доступа: <https://repec.ranepa.ru/gpr/prpaper/021913.pdf> (дата обращения: 10.11.2022).
- Леонтьева Н.Е. (2022). Цифровые финансовые активы: новый объект или давно известная сущность? // Образование и право. № 1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-finansovye-aktivy-novyy-obekt-ili-davno-izvestnaya-suschnost> (дата обращения: 10.05.2022).
- Ali M. (2019). Token Sale Becomes the First SEC-Qualified Offering in U.S. History. Режим доступа: <https://blog.blockstack.org/blockstack-token-sale-sec-qualified/> (дата обращения: 10.05.2022).
- BaFin (2020) Schuldverschreibung auf einen Blick [Bond at a Glance]. 6 March. Режим доступа: https://www.bafin.de/DE/Verbraucher/Finanzwissen/WA/Schuldverschreibungen/Schuldverschreibung_node.html (дата обращения: 20.11.2022). (in German)
- Basar S. (2022) INX ATS Prepared for Securities Token Listings. Режим доступа: <https://www.marketsmedia.com/inx-ats-prepared-for-securities-token-listings/> (дата обращения: 10.05.2022).
- Cohen R., Smith P., Arulchandran V., Sehra A. (2018) Automation and Blockchain in Securities Issuance // Butterworths Journal of International Banking and Financial Law. Режим доступа: https://www.allenovery.com/global/-/media/allenovery/2_documents/news_and_insights/campaigns/blockchain/cohen_smith_automation_blockchain.pdf (дата обращения: 10.05.2022).
- Electronic Securities Act (eWpG) (Law of 3 June) (2021). Federal Ministry of Justice. Режим доступа: <https://www.gesetze-im-internet.de/ewpg/BJNR142310021.html> (дата обращения: 10.06.2022). (in German)
- Federal Act on the Amendment of the Swiss Civil Code (Part Five: the Code of Obligations) of 30 March 1911 (Federal Act) (1911) Government of the Swiss Confederation. Режим доступа: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/27/317_321_377/en (дата обращения: 20.11.2022).
- Haentjens M., de Graaf T., Kokorin I. (2020). The Failed Hopes of Disintermediation: Crypto-Custodian Insolvency. Legal Risks and How to Avoid Them. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3589381> (дата обращения: 10.05.2022).
- Law relating to dematerialized securities (2021). Government of the Grand Duchy of Luxembourg (2021) Режим доступа: <https://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/2021/01/22/a43/jo> (дата обращения 20.11.2022). (in French)
- Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2020) The Tokenisation of Assets and Potential Implications for Financial Markets. OECD Blockchain Policy Series. Режим доступа: <https://www.oecd.org/finance/The-Tokenisation-of-Assets-and-Potential-Implications-for-Financial-Markets.htm> (дата обращения: 20.11.2022).
- Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2021) Regulatory Approaches to the Tokenisation of Assets. OECD Blockchain Policy Series. Режим доступа: www.oecd.org/finance/Regulatory-Approaches-to-the-Tokenisation-of-Assets.htm (дата обращения: 20.11.2022).
- Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2022) Why Decentralised Finance (DeFi) Matters and the Policy Implications. Available at: <https://www.oecd.org/finance/why-decentralised-finance-defi-matters-and-the-policy-implications.htm> (дата обращения: 20.11.2022).
- Quinlan B., Chung J., Trehan E. (2021). Cracking The Code: The Evolution of Digital Assets to the mainstream // Quinlan & Associates. September. Режим доступа: <https://www.quinlanandassociates.com/insights-cracking-the-code/>
- Schär F. (2021). Decentralized Finance: On Blockchain- and Smart Contract-Based Financial Markets St. Louis Fed. Режим доступа: <https://research.stlouisfed.org/publications/review/2021/02/05/decentralized-finance-on-blockchain-and-smart-contract-based-financial-markets> (дата обращения: 10.05.2022).
- Security Token Market (STM) (2021) Security Token Market Report: August 2021 // Blog, 8 September. Режим доступа: <https://blog.stomarket.com/security-token-market-report-august-2021-283fb57d18b> (дата обращения: 20.11.2022).

Takanashi Y., (2020). Call for Multi-Stakeholder Communication to Establish a Governance Mechanism for the Emerging Blockchain-Based Financial Ecosystem, Part 1 of 2 // Stanford Journal of Blockchain Law & Policy. Vol. 3/1. Режим доступа: <https://stanford-jblp.pubpub.org/pub/multistakeholder-comm-governance/release/1> (дата обращения: 18.11.2022).

Ushida R., Angel J. (2021). Regulatory Considerations on Centralized Aspects of DeFi managed by DAOs. Режим доступа: https://dl.acm.org/doi/abs/10.1007/978-3-662-63958-0_2 (дата обращения: 10.05.2022).

Walch A. (2019) Deconstructing “Decentralization”: Exploring the Core Claim of Crypto Systems. *Crypto Assets: Legal and Monetary Perspectives* / C. Brummer (ed.). Oxford University Press. Режим доступа: <https://papers.ssrn.com/abstract=3326244> (дата обращения: 18.11.2022).

Comparative Analysis of the Legal Regulation of Digital Financial Assets in Russia and Other Countries¹

M. Girich, I. Ermokhin, A. Levashenko

Maria Girich — Junior Researcher, Russia-OECD Center under the Russian Academy of National Economy and Public Administration; 82 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia; girichmari@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8093-2665

Ivan Ermokhin — Researcher, Deputy Head of Russia-OECD Center under the Russian Academy of National Economy and Public Administration; 82 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia; i.ermokhin@gmail.com; ORCID: 0000-0003-2029-3667

Antonina Levashenko — Senior Researcher, Head of Russia-OECD Center under the Russian Academy of National Economy and Public Administration; 82 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia; antonina.lev@gmail.com; ORCID: 0000-0002-1236-3605

Abstract

Today, a crypto economy is actively developing throughout the globe based on the use of cryptographic technologies for the creation of new digital products, including the issuance of digital financial instruments. The topic of regulation of digital financial assets (hereinafter referred to as DFA) is relevant in the world: since 2019, some countries, including Russia, began to introduce legal norms regarding the issuance of DFA, as well as the sale and turnover of such assets on the market. This article compares approaches to the regulation of DFA in Russia and globally, including the issue of determining financial instruments that will be related to these assets, aspects of the procedure for issuing, storing, and trading them, including the basic rights and obligations of issuers and investors in such assets, and the features of the operation of trading floors and platforms for issuing DFA.

In general, two approaches to the regulation of DFA can be distinguished. The first approach is the application of existing rules to tokenized assets (for example, laws on securities and financial instruments); this approach is used in the United States. The second is regulation through the introduction of a new framework for the application of distributed ledger technology in financial services, for example, in Russia, Germany, Luxembourg, the European Union (EU), and Switzerland. This article examines the second approach, which is currently implemented in Russia, to identify differences with foreign regulation, for example, the use of custodian institution for accounting and storing digital assets, converting DFA into traditional financial assets, and creating rules for trading digital financial assets.

Keywords: cryptoeconomics, asset tokenization, digital financial assets, financial market, OECD

Acknowledgments: the article was prepared as part of the research work of the state task of the RANEPA

For citation: Girich M., Ermokhin I., Levashenko A. (2022) Comparative Analysis of the Legal Regulation of Digital Financial Assets in Russia and Other Countries. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 4, pp. 176–192 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2022-04-07

References

- Ali M. (2019) Blockstack Token Sale Becomes the First SEC-Qualified Offering in U.S. History. Stacks, 10 July. Available at: <https://blog.blockstack.org/blockstack-token-sale-sec-qualified/> (accessed 10 May 2022).

¹ This article was submitted on 24.06.2022.

- BaFin (2020) Schuldverschreibung auf einen Blick [Bond at a Glance]. 6 March. Available at: https://www.bafin.de/DE/Verbraucher/Finanzwissen/WA/Schuldverschreibungen/Schuldverschreibung_node.html (in German) (accessed 20 November 2022).
- Basar S. (2022) INX ATS Prepared for Securities Token Listings. Market Media Group, 18 March. Available at: <https://www.marketsmedia.com/inx-ats-prepared-for-securities-token-listings/> (accessed 10 May 2022).
- Cohen R., Smith P., Arulchandran V., Sehra A. (2018) Automation and Blockchain in Securities Issuances. *Butterworths Journal of International Banking and Financial Law*. Available at: https://www.allenovery.com/global/-/media/allenovery/2_documents/news_and_insights/campaigns/blockchain/cohen_smith_automation_blockchain.pdf (accessed 10 May 2022).
- Electronic Securities Act (eWpG) (Law of 3 June) (2021). Federal Ministry of Justice. Available at: <https://www.gesetze-im-internet.de/ewpg/BJNR142310021.html> (in German) (accessed 10 June 2022).
- European Commission (EC) (2014a) Directive 2014/65/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on Markets in Financial Instruments and Amending Directive 2002/92/EC and Directive 2011/61/EU. *Official Journal of the European Union*, L 173/349. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32014L0065> (accessed 20 November 2022).
- European Commission (EC) (2014b) Regulation (EU) No 909/2014 of the European Parliament and of the Council of 23 July 2014 on Improving Securities Settlement in the European Union and on Central Securities Depositories and Amending Directives 98/26/EC and 2014/65/EU and Regulation (EU) No 236/2012. *Official Journal of the European Union*, L 1257/1. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32014R0909&from=BG> (accessed 20 November 2022).
- European Commission (EC) (2020) Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on a Pilot Regime for Market Infrastructures Based on Distributed Ledger Technology. COM/2020/594 final. Brussels, 24 September. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020PC0594> (accessed 20 November 2022).
- Federal Act on the Amendment of the Swiss Civil Code (Part Five: the Code of Obligations) of 30 March 1911 (Federal Act) (1911) Government of the Swiss Confederation. Available at: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/27/317_321_377/en (accessed 20 November 2022).
- Haentjens M., de Graaf T., Kokorin I. (2020) The Failed Hopes of Disintermediation: Crypto-Custodian Insolvency, Legal Risks and How to Avoid Them. *SSRN Electronic Journal*. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3589381>.
- Leontieva N.E. (2022) Cifrovye finansovye aktivy: novyj obekt ili davno izvestnaja sushhnost? [Digital Financial Assets: A New Object or a Long-Known Entity?] *Obrazovanie i pravo [Education and Law]*, no 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-finansovye-aktivy-novyj-obekt-ili-davno-izvestnaya-suschnost> (accessed 10 May 2022). (in Russian)
- Levashenko A.D., Ermokhin I.S., Zubarev A.V., Sinelnikova-Muryleva E., Trunin P. (2019) Kriptoekonomika [Cryptoeconomics]. Moscow: RANEPA, Publishing Business. (in Russian). Available at: <https://repec.ranepa.ru/rnp/ppaper/021913.pdf> (accessed 10 May 2022). (in Russian)
- Loi du 22 janvier 2021 portant modification: 1er de la loi modifiée du 5 avril 1993 relative au secteur financier; 2e de la loi du 6 avril 2013 relative aux titres dématérialisés. [Law of 22 January 2021 amending: 1st the amended law of 5 April 1993 on the financial sector; 2nd the law of 6 April 2013 relating to dematerialized securities] (Law of 22 January) (2021). Government of the Grand Duchy of Luxembourg (2021) Available at: <https://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/2021/01/22/a43/jo> (accessed 20 November 2022). (in French)
- Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2020) The Tokenisation of Assets and Potential Implications for Financial Markets. OECD Blockchain Policy Series. Available at: <https://www.oecd.org/finance/The-Tokenisation-of-Assets-and-Potential-Implications-for-Financial-Markets.htm> (accessed 20 November 2022).
- Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2021) Regulatory Approaches to the Tokenisation of Assets. OECD Blockchain Policy Series. Available at: www.oecd.org/finance/Regulatory-Approaches-to-the-Tokenisation-of-Assets.htm (accessed 20 November 2022).
- Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2022) Why Decentralised Finance (DeFi) Matters and the Policy Implications. Available at: <https://www.oecd.org/finance/why-decentralised-finance-defi-matters-and-the-policy-implications.htm> (accessed 20 November 2022).

- Quinlan B., Chung J., Trehan E. (2021) Cracking The Code: The Evolution of Digital Assets to the Mainstream. Quinlan & Associates. September. Available at: <https://www.quinlanandassociates.com/insights-cracking-the-code/> (accessed 18 November 2022).
- Schär F. (2021) Decentralized Finance: On Blockchain- and Smart Contract-Based Financial Markets. *Federal Reserve Bank of St. Louis Review*, vol. 103, no 2, pp. 153–74. Available at: <https://doi.org/10.20955/r.103.153-74>.
- Securities and Exchange Commission (SEC) (2017) Report of Investigation Pursuant to Section 21(a) of the Securities Exchange Act of 1934: The DAO. Release No 81207, 25 July. Available at: <https://www.sec.gov/litigation/investreport/34-81207.pdf> (accessed 18 November 2022).
- Security Token Market (STM) (2021) Security Token Market Report: August 2021. Blog, 8 September. Available at: <https://blog.stomarket.com/security-token-market-report-august-2021-283fb57d18b> (accessed 18 November 2022).
- Strategic Hub for Innovation and Financial Technology (FinHub) (n.d.) Framework for “Investment Contract” Analysis of Digital Assets. Securities and Exchange Commission. Available at: <https://www.sec.gov/files/dlt-framework.pdf> (accessed 18 November 2022).
- Takanashi Y. (2020) Call for Multi-Stakeholder Communication to Establish a Governance Mechanism for the Emerging Blockchain-Based Financial Ecosystem, Part 1 of 2. *Stanford Journal of Blockchain Law & Policy*, vol. 3, no 1. Available at: <https://stanford-jblp.pubpub.org/pub/multistakeholder-comm-governance/release/1> (accessed 18 November 2022).
- Ushida R., Angel J. (2021) Regulatory Considerations on Centralized Aspects of DeFi Managed by DAOs. *Financial Cryptography and Data Security. FC 2021 International Workshops. FC 2021*. Available at: https://dl.acm.org/doi/abs/10.1007/978-3-662-63958-0_2 (accessed 10 May 2022).
- Walch A. (2019) Deconstructing “Decentralization”: Exploring the Core Claim of Crypto Systems. *Crypto Assets: Legal and Monetary Perspectives* (C. Brummer (ed.)). Oxford University Press. Available at: <https://papers.ssrn.com/abstract=3326244> (accessed 18 November 2022).

Структура и перспективы трансформации официальной помощи развитию Армении¹

В.Г. Оксиненко

Оксиненко Валерия Геннадьевна – инженер 1-й категории Лаборатории экономики народонаселения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; Россия, Москва, ул. Ленинские горы, д. 1; vgoksinenko@econ.msu.ru; ORCID: 0000-0003-3274-7793

Аннотация

В статье рассматривается структура помощи развитию Армении. Учитывая довольно тесное экономическое сотрудничество страны с Россией и странами ЕС, обнаруживается ожидаемая политическая мотивация доноров страны в предоставлении и распределении ОПР. Тем не менее секторы, получающие ОПР, преимущественно соответствуют реальному распределению внутристрановых нужд Армении. Основной вклад в это вносят международные организации и США – исторически наиболее надежные и давние доноры ОПР страны. Россия, хотя и направляла в Армению значительные объемы ОПР, в рамках двусторонней помощи слабо соответствовала реальным внутристрановым потребностям Республики. Можно ожидать, что в среднесрочной перспективе существующая структура распределения помощи по секторам и донорам в целом останется устойчивой, однако на длительном временном интервале на нее в значительной степени может влиять развитие отношений между ЕС и Арменией.

Ключевые слова: двусторонняя международная помощь развитию, Армения, ЕАЭС, мотивы доноров официальной помощи развитию (ОПР)

Благодарности: статья подготовлена в рамках проекта, финансируемого РФФИ, № 20-310-90017.

Для цитирования: Оксиненко В.Г. Структура и перспективы трансформации официальной помощи развитию Армении // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 4. С. 193–208 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2022-04-08

Введение

Официальная помощь развитию (ОПР) – важный механизм решения проблем развивающихся государств. Несмотря на значительную роль политических предпосылок в распределении помощи, в последние годы, по экспертным оценкам, набирают силу альтруистические мотивы [Морозкина, 2019а]. Рост ориентации на реальные потребности реципиентов позволяет странам – получателям помощи решать внутренние проблемы, однако так происходит не во всех странах, из-за чего механизм ОПР оказывается неэффективным.

¹ Статья поступила в редакцию 15.09.2022.

Республика Армения относится к странам с относительно невысоким уровнем среднедушевого дохода и высоким уровнем бедности, и с 1992 г. – с момента образования независимого государства – является получателем ОПР. Структура ОПР Армении и ее особенности слабо изучены в академической литературе: она частично освещается в немногочисленных работах российских авторов, посвященных распределению ОПР в странах Евразийского экономического союза [Морозкина, 2019б], а также в исследованиях механизма предоставления ОПР Россией как донором [Дегтерев, 2013; Дегтерев, Янь, Трусова, 2017; Геворгян, Фарманян, 2018], однако работ, сфокусированных на Армении и всех ее донорах, нет.

Актуальность изучения положения Республики Армения в системе распределения ОПР обусловлена также разнонаправленностью экономических интересов страны. В 2015 г. Армения присоединилась к Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС), что привело к возникновению преференций в торговле с другими странами-членами, а также к формированию единого рынка труда, в первую очередь с крупным «новым» донором ОПР Российской Федерации. В то же время Армения поддерживает взаимодействие с ЕС. Так, в начале 2021 г. вступило в силу Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве между Республикой и странами Европейского союза [Шейко, Газазян, 2021]. Заинтересованность страны в сотрудничестве с разными организациями региональной экономической интеграции способна создать политические предпосылки направления ОПР в Республику, а значит, привести к ее распределению, не ориентированному на реальные цели развития страны.

Цель данной работы заключается в выявлении мотивов предоставления и распределения ОПР Армении, а также их возможных трансформаций в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Для этого в статье рассматривается структура выделяемой Армении ОПР по секторам и донорам, исторические и современные предпосылки ее формирования. Отдельно анализируется место России в этой системе.

Содержание проведенного исследования

Структура ОПР Армении

Армения является получателем ОПР с 1992 г., с тех пор как после распада СССР стала независимым государством. По классификации Всемирного банка [Hamadeh, van Rompaey, Metreau, 2021], с 2017 г. Армения относится к категории стран с уровнем среднедушевого дохода выше среднего, хотя показатель ВВП на душу населения в стране превышает нижнюю границу указанной категории минимально [World Bank, n.d.a].

Современная структура ОПР Армении имеет значительные исторические предпосылки как в контексте распределения помощи по секторам, так и в контексте участия доноров.

Страна не относится к крупным реципиентам ОПР. Суммарные объемы помощи Армении составляют менее 0,5% от общемировых (рис. 1), однако в пределах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) она второй по объемам получаемой помощи реципиент после Киргизии [Морозкина, 2019б].

Резкие изменения объемов помощи в некоторые годы на рассматриваемом интервале преимущественно связаны с крупными проектами многосторонних организаций или общими экономическими изменениями. Так, резкий рост объемов ОПР в 2002 г. обусловлен предоставлением Всемирным банком значительных кредитов развивающимся странам. Падение в 2005–2006 гг. связано с масштабным списанием долгов стра-

нами-донорами Ираку и Нигерии и, как следствие, перераспределением ОПР между странами. В 2007 г. объемы помохи восстановились, однако кризис 2008 г. привел к новому спаду. Всплески 2009 и 2011 гг. (и последовавшее за каждым из них очередное падение) объясняются предоставлением крупных льготных антикризисных кредитов Армении со стороны Всемирного банка и Азиатского банка развития. В 2015 г. Армения вступила в ЕАЭС и выросли объемы помохи со стороны Казахстана и России, в том числе через многосторонние организации. Спад 2018 г. обусловлен бархатной революцией в стране, последовавшей за ней сменой правительства и, как результат, осторожностью доноров в части реализации программ развития. Резкий всплеск 2019 г. связан с большим заемом Международного валютного фонда на цели финансового развития. Таким образом, суммарные объемы предоставляемой Армении ОПР коррелируют с текущей ситуацией в мировой экономике и в самой стране.

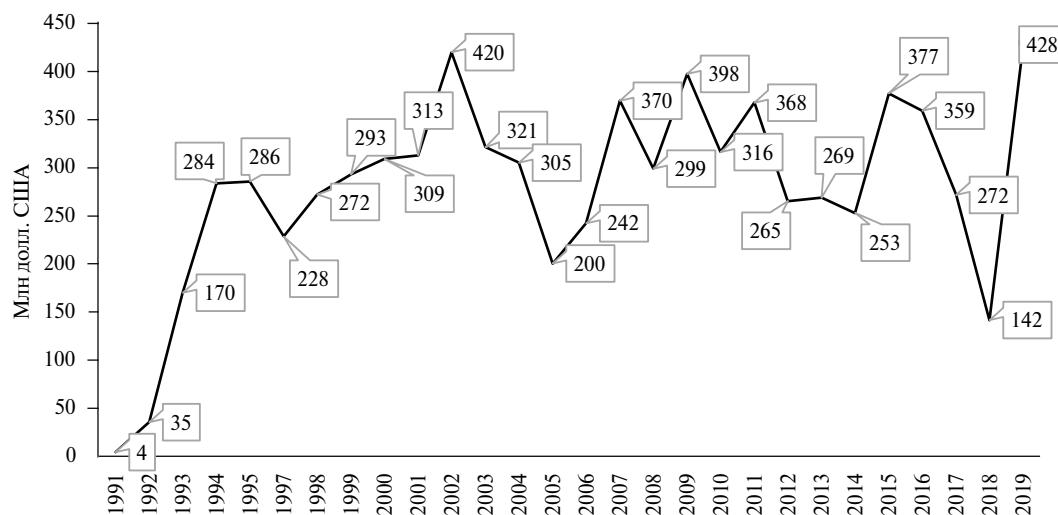

Рис. 1. Объемы ОПР Армении, млн долл. США (в ценах 2018 г.), 1991–2019 гг.

Источник: Построено автором на основе данных [World Bank, n.d.b].

Армения получает ОПР в основном в форме кредитов [Морозкина, 2019б]. За счет этих средств реализуются проекты развития экономической и социальной инфраструктуры, а также смежные проекты, преимущественно ориентированные на поддержку сельского хозяйства и сохранение климата (рис. 2).

Чтобы понимать, насколько такое распределение удовлетворяет реальным нуждам Армении, обратимся к анализу приоритетных направлений экономического развития этой страны. Армения – аграрно-индустриальная страна: уровень занятости населения в сельском хозяйстве в 2019 г. составлял 40% [World Bank, n.d.b]. Согласно Стратегии основных направлений экономического развития сферы сельского хозяйства Республики Армения на 2020–2030 годы, принятой в 2019 г., «видением правительства РА является наличие в ближайшие 10 лет счастливого и благополучного сельского населения <...> малых и средних хозяйствующих субъектов, производящих высококачественную и конкурентоспособную сельскохозяйственную продукцию» [Правительство РА, 2019, с. 3]. Таким образом, развитие сельского хозяйства – один из страновых приоритетов, хотя Армения ориентируется на развитие и других секторов, в первую очередь – сферы услуг, которая на 2020 г. давала более 50% ВВП страны [World Bank, n.d.b].

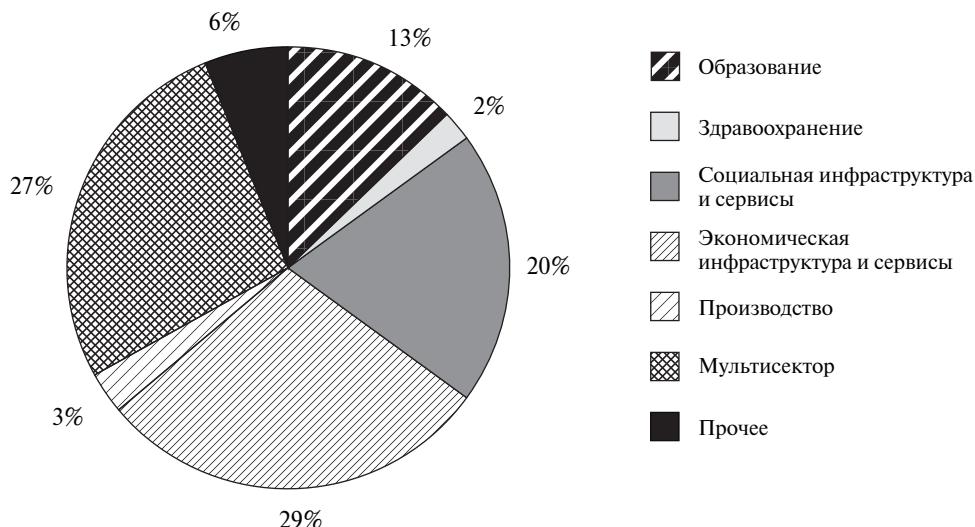

Рис. 2. Распределение ОПР Армении по секторам, 2018–2019 гг.

Источник: Построено автором на основе данных [OECD, n.d.].

Одной из наиболее сложных проблем для страны является борьба с бедностью и связанные с ней социальные проблемы. На начало 2022 г. 30% населения Армении проживало за чертой бедности, а уровень безработицы достигал 17%. Неслучайно борьба с бедностью является одним из приоритетных направлений в Общенациональной стратегии развития Армении до 2050 г., принятой в 2020 г. [Премьер-министр Республики Армения, 2020]. Значительный вклад в формирование нынешней ситуации внесли последствия недавнего вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе, который на фоне пандемии COVID-19 и роста мировых цен на нефть привел к замедлению экономического роста в стране, снижению инвестиционной активности и превышению целевых показателей по инфляции [COFACE for Trade, n.d.].

Обобщая, можно сказать, что ключевыми страновыми приоритетами являются поддержка незащищенных групп населения (в том числе в части обеспечения питанием и жильем), создание рабочих мест, поддержка сферы услуг и сельского хозяйства. Распределение ОПР Армении в целом удовлетворяет этим нуждам, но для детального анализа следует обратиться к структуре доноров ОПР в страну и их проектам.

Ключевые доноры ОПР Армении

Основными донорами страны выступают многосторонние организации, институты ЕС, США, Германия, Франция и Россия (рис. 3).

Среди многосторонних организаций крупнейшим кредитором Армении является Всемирный банк. Так, за счет предоставляемых им средств в стране функционирует Фонд территориального развития, который реализует инфраструктурные и территориальные проекты в регионах и городах: в 2020 г. Фонд выделил 717 млн армянских драмов на закупку новой сельскохозяйственной техники [Arminfo, 2020]. Помимо Всемирного банка Армения получает помощь в рамках программ развития от МВФ, организаций ООН, Азиатского банка развития и других многосторонних организаций.

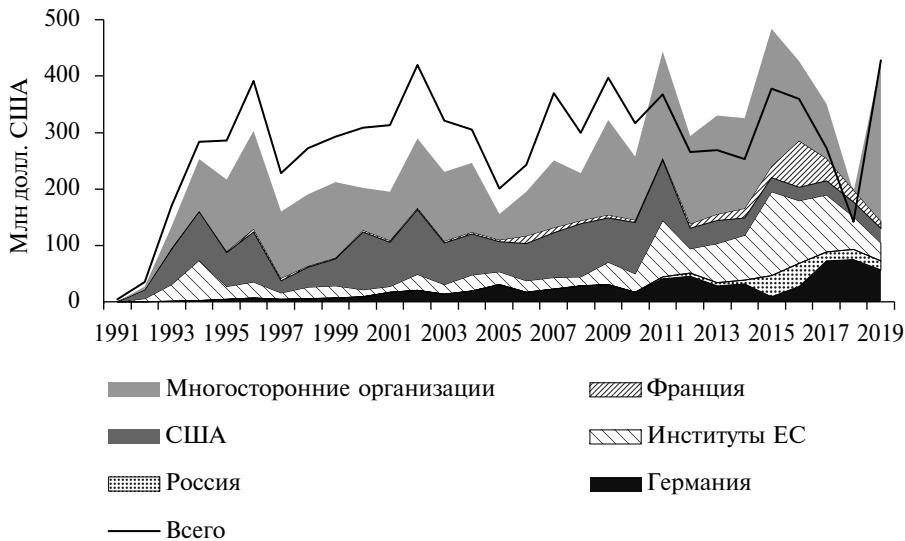

Рис. 3. Доля доноров в помощи Армении, 1991–2019 гг.

Источник: Построено автором на основе данных [OECD, n.d.].

Среди двусторонних доноров крупнейшим для Армении являются США: они первыми начали выделять ОПР Армении, когда она стала независимым государством. К тому моменту в США оформилось влиятельное армянское лобби, которое успешно реализовало через Конгресс США немало значимых политических и экономических решений в отношении Армении, в том числе признание геноцида армян [Gregg, 2002]. Большая армянская диаспора, впоследствии сформировавшая свою политическую структуру, сложилась в США еще в начале XX в. из числа беженцев [Minority Rights Group International, n.d.]. Опыт ряда стран доказывает: мигранты, которые уже переехали в принимающую страну, оказывают значительное влияние на местных законодателей в отношении преференций для родной страны, в том числе в части предоставления ОПР [Bermeo, Leblang, 2015].

Более современные причины заинтересованности США в ОПР Армении кроются также в расширяющемся экономическом и политическом сотрудничестве двух стран. Армения участвует в программе «Партнерство во имя мира» и имеет статус наблюдателя в Организации американских государств, в которых США занимают ключевые позиции. Также США заинтересованы в регулировании конфликта в районе Нагорного Карабаха и ликвидации очага напряженности в регионе. Как торговый партнер Армения является для США крупным поставщиком ковровой продукции и драгоценных камней и металлов [U.S. Department of State, 2020].

США, будучи крупнейшим двусторонним донором ОПР в мире в абсолютных значениях, в 2020 г. суммарно предоставили Армении двустороннюю ОПР в объеме почти 26 млн долл. (в 2018 и 2019 гг. 19 и 20 млн долл. США соответственно) [USAID, n.d.], а с учетом ОПР, распределемой через многосторонние организации, вклад США в 2020 г. превысил 66 млн долл. США [ForeignAssistance.gov, n.d.].

Главные направления двусторонней ОПР США в Армению представлены на рис. 4. Основным направлением помощи на протяжении последних семи лет являются

поддержка правительства и гражданского общества (в среднем 30% от общих объемов), операционные расходы и поддержка бизнеса (по 17%).

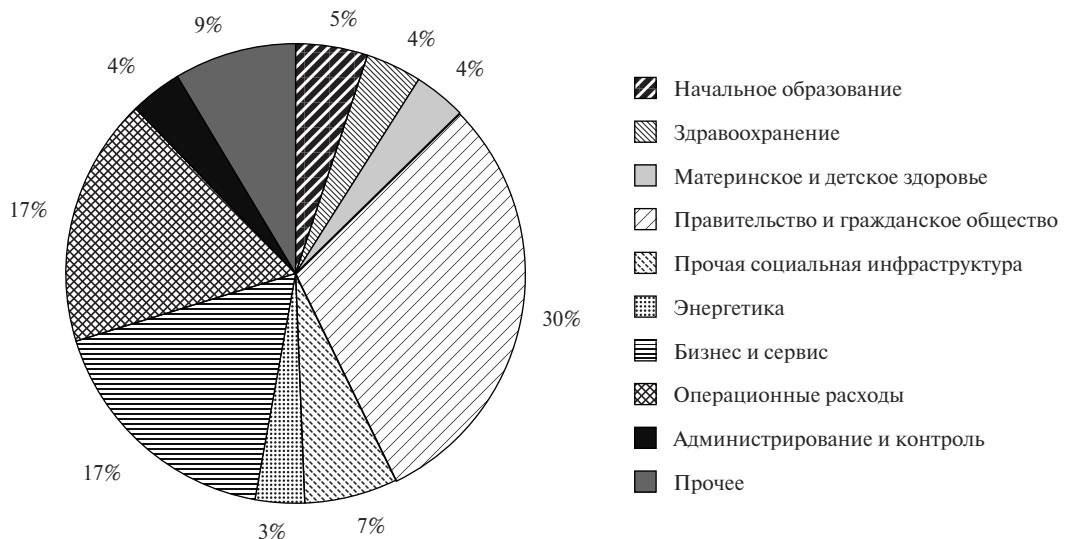

Рис. 4. Распределение основных объемов ОПР США Армении, средние значения за 2014–2020 гг.

Источник: Построено автором на данных [USAID, n.d.].

Ежегодно за счет средств двусторонней ОПР США в рамках представленных секторов реализуется порядка 80 проектов. Помимо этого в стране функционируют некоммерческие организации, также осуществляющие поддержку инициатив развития в Армении. Крупнейшая из таких организаций – Фонд помощи Армении – за 30 лет существования реализовала на территории страны порядка 300 проектов общей стоимостью более 350 млн долл. США [FAR, n.d.].

Тем не менее следует отметить, что в последние годы абсолютные объемы помощи США Армении снизились (рис. 3). Вероятнее всего, в первую очередь это связано с политикой Дональда Трампа по сокращению общих объемов ОПР США, а также с большим вовлечением других доноров в ОПР Армении. С недавнего времени все более значимую роль в предоставлении двусторонней ОПР Армении стали играть институты и страны ЕС, в первую очередь Германия, которая в 2019 г. стала крупнейшим двусторонним донором страны. В среднем за 2018–2019 гг. объемы ОПР Германии практически достигли 93 млн долл. США [OECD, n.d.]. Германия рассматривает Армению как важного реципиента ОПР и союзника преимущественно в сфере торговых отношений – она находится на третьем месте по абсолютным объемам экспорта товаров из Армении (после России и Китая) и на пятом месте в списке импортеров. В основном Германия импортирует из Армении металлы и текстиль. В рамках ОПР Германия оказывает Армении содействие в урегулировании конфликта в Нагорном Карабахе, формировании демократического правительства, а также активно продвигает изучение немецкого языка в школах [Government of the FRG, n.d.].

С 2012 г. Франция стала проявлять все больший интерес к Армении как получателю ОПР. Исторически страна была одним из первых европейских государств, признавших геноцид армян Османской империей (в 1998 г.), а сейчас является одним из крупнейших в мире (после России) инвесторов проектов в стране за счет деятельности

французских государственных и частных компаний [Government of the French Republic, n.d.]. Через суверенные и несуверенные кредиты Франция финансирует инициативы в сельском хозяйстве, сфере территориального развития, энергоэффективности и инфраструктуры, а также помогает осуществлять реформы государственной политики и имеет полномочия предлагать проекты городского развития [AFD, n.d.].

Рост интереса европейских стран к Армении коррелирует с темпами расширения геополитического и экономического межстранового партнерства: еще в 2003 г. Армения заявляла о желании сотрудничать со странами ЕС и внедрять европейские стандарты в образ жизни граждан и организацию экономической деятельности в стране [РИА Новости, 2003], а в конце 2017 г. между ЕС и Арменией было подписано Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве. С 1 июня 2018 г. соглашение стало применяться временно, а в начале 2021 г. – после ратификации всеми странами ЕС – вступило в силу в полной мере [Шейко, Газазян, 2021].

Анализ проектов ключевых стран – доноров ОПР Армении позволяет обнаружить явный приоритет политических мотивов в помощи развитию страны. При этом нельзя не отметить, что подавляющая часть проектов совпадает с долгосрочными внутристранными нуждами страны, в том числе в части борьбы с бедностью. В основе помощи со стороны стран ЕС лежат официальные соглашения. Как показывает детализация, помочь со стороны Германии и Франции преимущественно направляется в долгосрочные проекты в сфере образования, сельского хозяйства и поддержки правительства. То же можно сказать и о помощи со стороны США: президент Джо Байден провозгласил содействие международному развитию одним из приоритетов своей деятельности в качестве главы государства, и «Совместный стратегический план Государственного департамента и Агентства США по международному развитию на 2022–2026 годы» это подтверждает. А значит, с учетом неизменности положения армянской диаспоры в стране, нет оснований ожидать исключения Армении из программы поддержки США.

В то же время в 2022 г. мы наблюдаем стихийное перераспределение ОПР США и стран ЕС в пользу Украины: так, по результатам 2022 г., ожидается значительный рост отношения общей ОПР к ВВП Германии, а США уже потратили 1,5 млрд долл. на гуманитарную помощь Украине [Donor Tracker, n.d.]. Можно с уверенностью утверждать, что по результатам 2022 г. мы увидим значительное сокращение объемов помощи многим странам-реципиентам, в том числе и Армении.

Таким образом, невозможно предсказать, какой будет помочь развитию Армении со стороны США и стран ЕС в среднесрочном и долгосрочном периоде, как она будет распределяться по секторам и объемам. Помимо закономерностей общего экономического развития страны значительную роль играют внешние эффекты. Одними из ключевых, с учетом характера мотивов доноров, будут внешнеполитические факторы: на объемы ОПР способны повлиять взаимоотношения между Арменией и странами-донорами, между Арменией и Россией в рамках ЕАЭС, а также между странами-донорами и третьими странами. Отдельно следует учитывать характер развития конфликта в Нагорном Карабахе, который существенно влияет на внутристранные нужды и структуру ОПР Армении. Наконец, учитывая роль аграрного сектора в экономике Армении, существенными могут оказаться также климатические факторы.

Особенности ОПР России и ее содействия развитию Армении

Российская Федерация начала выделять двустороннюю ОПР Армении с 2011 г. Чтобы определить место ОПР России в содействии развитию Армении, необходимо охарактеризовать Россию как донора ОПР в целом. Россия относится к группе новых доноров

ОПР [Дегтерев, 2013], хотя история участия страны в оказании официальной помощи развитию уходит глубоко во времена существования СССР [Ермолов, 2015]. Тем не менее специалисты по-прежнему отмечают недостаточную развитость нормативно-правовой базы оказания помощи развитию, в частности отсутствие отдельного органа, ответственного за определение объемов помощи и ее распределение, нормативно-правовых актов, вводящих ключевые определения и т.д. [Дегтерев, Янь, Трусова, 2017].

Основным реципиентом двусторонней ОПР России является Республика Куба (более 358 млн долл. США за 2019 г., по данным ОЭСР [OECD, n.d.]), однако далее по приоритетам следуют страны – члены Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в первую очередь Киргизия и Армения (80 и 17 млн долл. США в 2019 г. соответственно [OECD, n.d.]) (табл. 1). Относительно высокое положение стран ЕАЭС в этом списке вполне закономерно: повышение международной конкурентоспособности и улучшение качества жизни населения стран – участниц ЕАЭС является основной целью функционирования Союза, в котором Россия занимает лидирующую роль с точки зрения экономических показателей [ЕАЭС, 2014].

Таблица 1. Топ-10 получателей ОПР России по странам, 2019 г.

Реципиент	Сумма, млн долл. США
Куба	358,10
Кыргызстан	80,44
КНР	65,88
Сирия	16,82
Армения	16,69
Таджикистан	12,54
Мадагаскар	9,39
Мозамбик	8,87
Сербия	7,40
Узбекистан	5,96

Источник: Составлено автором на основе данных [OECD, n.d.].

Если для Киргизии Россия является крупнейшим донором ОПР в мире, опережая даже международные организации, то по доле участия в ОПР Армении Россия среди двусторонних доноров занимает только пятую позицию [OECD, n.d.].

Существует несколько причин, объясняющих относительно незначительное участие России в ОПР Армении. С одной стороны, для Российской Федерации в последние годы было характерно активное использование многосторонних организаций для предоставления ОПР в силу недостаточного уровня развития собственных каналов [Сергеев, Казанцев, Бартенев, 2013]. В начале 2000-х годов до 90% всей ОПР России предоставлялось через многосторонние организации. К 2020 г. эта доля сократилась до 50% (хотя по некоторым оценкам – только до 70% [Ермолов, 2021]). С другой стороны, за 2016–2020 гг. около 70% двусторонней ОПР России пришлось на списание долгов странам-реципиентам (рис. 5). В частности, для лидера получаемой от России ОПР – Республики Куба – значительная часть дотаций представляет списание долгов, а для

Киргизии (второй реципиент помощи России) это преимущественно кредиты на цели развития.

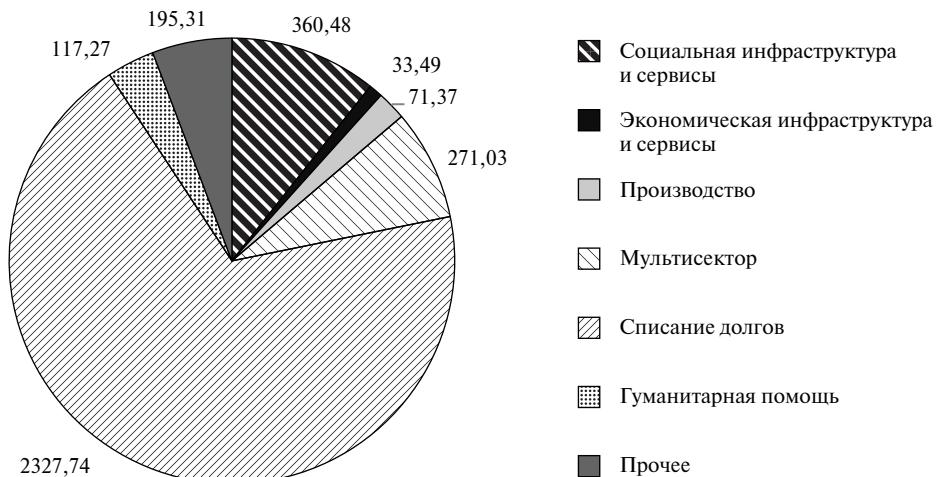

Рис. 5. Распределение ОПР России по секторам, млн долл. США в ценах 2019 г., 2016–2020 гг.

Источник: Построено автором на основе данных [OECD, n.d.].

Наконец, в России отсутствует упорядоченность способов предоставления помощи развитию, в том числе ОПР [Ермолов, 2015]. Ключевым действующим документом, определяющим деятельность страны в отношении ОПР, является «Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию» от 2014 г. В Концепции не используется термин «официальная помощь развитию», вместо него несколько раз встречается словосочетание «содействие международному развитию», которое, помимо ОПР, предполагает большое количество форм взаимодействия, а также финансовые потоки из частных источников. Вероятно, этим можно объяснить то, что в России ОПР предоставляется с использованием нетипичных для инструментов международной помощи средств: через поставки горюче-смазочных материалов по льготным ценам, тарифные преференции, оказание поддержки мигрантам, в том числе посредством облегчения условий осуществления денежных переводов и регистрации и т.п. [Сергеев, Казанцев, Бартенев, 2013]. Таким образом, двусторонняя ОПР в ее классическом определении является достаточно слабо развитым инструментом содействия международному развитию со стороны России.

Верно это суждение и при рассмотрении отношений между Арменией и Россией. По мнению экспертов, ОПР России в пользу Армении носит неупорядоченный характер и в значительной мере не совпадает с реальными нуждами страны. Так, в рамках двусторонней ОПР Армении Россия в 2015 г. предоставила грант на создание единой автоматизированной информационной системы финансового управления объемом 8,2 млн долл. США. А в 2017 г. было согласовано предоставление государственного экспортного кредита объемом 100 млн долл. США на приобретение военной техники [Геворгян, Фарманян, 2018]. В тот период более актуальными направлениями, как мы видели ранее, было создание новых рабочих мест и помощь беднейшим слоям населения.

В то же время намного более структурную и релевантную страновым нуждам работу Россия проводила через многосторонние организации, активно поддерживая их

инициативы в Армении. Так, в июне 2020 г. Россия выделила 3,2 млн долл. США на проект Программы развития ООН по оказанию содействия наиболее пострадавшим регионам Республики Армения в постконфликтном восстановлении [РИА Новости, 2021].

В рамках реализации положений Закона о продовольственной безопасности в Армении с 2013 г. действует программа по поддержке школьного питания в стране [Министерство финансов..., н.д.]. В фокусе программы улучшение питания школьников, которое, по мнению ее разработчиков, способно повысить посещаемость учебных заведений, продуктивность школьников в учебном процессе, а также повысить качество питания членов семей учащихся через высвобождение дополнительных денежных ресурсов на еду. В 2018 г. к реализации программы подключилась Продовольственная и сельскохозяйственная Организация Объединенных Наций, которая не только расширила разнообразие горячего питания в школах, но и начала строительство теплиц при государственных школах Армении для их самообеспечения свежими овощами и фруктами. Полное финансирование программы осуществляла Россия, которая, кроме прочего, объявила, что в случае удачи в Армении проект станет пилотным для последующей реализации и в других странах ЕАЭС, имеющих сходные социальные проблемы [FAO, 2018].

Россия также имеет наибольшую долю в уставном капитале Евразийского банка развития – 65,97%, основными стратегическими задачами которого являются финансирование стран ЕАЭС и Таджикистана в части национальных проектов развития, поддержка проектов в области промышленного производства и т.п. [Ермолов, 2021]. По состоянию на 1 октября 2021 г., текущий объем инвестиционного портфеля Евразийского банка развития составляет 4,525 млрд долл. США, 1,7% которого приходится на реализацию проектов в Армении [ЕБР, н.д.].

Некоторые эксперты относят Россию к донорам, оказывающим помощь по политическим мотивам [Дегтерев, 2013], особенно в отношении бывших советских республик. В литературе встречается мнение, что даже создание ЕАЭС и декларирование содействия развитию населения и экономик стран-членов – политический шаг России по формированию пространства для противостояния ЕС [Duchâtel et al., 2016]. Мы не склонны разделять столь критическую позицию: недостаточное представление о структуре двусторонней ОПР России в Армению, из-за ее нестандартной трактовки на законодательном уровне, не позволяет создать полную картину реально реализуемых проектов.

Что касается перспектив трансформации структуры и мотивов предоставления помощи Армении со стороны России в среднесрочной и долгосрочной перспективе, здесь, помимо факторов, актуальных для доноров ЕС и США, значительную роль будет играть также развитие законодательства о содействии развитию в Российской Федерации: оно будет не только напрямую влиять на форматы и объемы предоставляемой Россией помощи, но и, возможно, создаст ограничения на объемы и направления предоставления ОПР другими странами-донорами.

Заключение

Структура ОПР Армении в целом соответствует структуре ее внутристранных целей, хотя ключевые доноры страны предоставляют ОПР явно на основе политических мотивов. Гармонизация в данном случае достигается в первую очередь за счет активного и длительного участия США при поддержке армянской диаспоры. В будущем структура

ОПР Армении также будет зависеть от политических решений руководителей стран-доноров, причем не только в отношении самой Армении, но и, вероятно, в отношении третьих стран. В краткосрочном периоде, а возможно и в среднесрочном, можно ожидать сокращения общих объемов ОПР Армении в связи с ее перераспределением в пользу других стран.

Россия, будучи одним из крупных доноров Армении, уступает другим в систематичности, объемах и целенаправленности ОПР, хотя оказала значительное содействие реализации крупных проектов развития через международные организации.

В долгосрочной перспективе можно рассчитывать, что из двусторонних доноров ориентацию на внутристрановые приоритеты не потеряет США. Тем не менее доля их участия в содействии развитию Армении может в значительной степени определяться уровнем вовлеченности других стран, а также рядом внешних факторов, направление и интенсивность воздействия которых трудно предсказать.

Список источников

- Геворгян Г.Г., Фармаян Л.Р. (2018) Минфин Армении: история становления и международное сотрудничество // Финансовый журнал. № 4 (44). С. 132–135. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/minfin-armenii-istoriya-stanovleniya-i-mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo> (дата обращения: 24.11.2022).
- Дегтерев Д.А. (2013) Российская Федерация как новый международный донор: дилеммы идентичности // Вестник международных организаций: образование, наука, новая Экономика. Т. 8. № 2. С. 69–85. Режим доступа: <https://iorj.hse.ru/data/2013/07/10/1289631850/4.pdf>.
- Дегтерев Д.А., Янь Л., Трусова А.А. (2017) Российская и китайская системы оказания международной помощи: сравнительный анализ // Вестник российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения. Т. 17. № 4. С. 824–838. Режим доступа: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-824-838.
- Евразийский банк развития (ЕБР) (н.д.) Цифры и факты – Евразийский банк развития. Режим доступа: <https://eabr.org/about/facts-and-figures/> (дата обращения: 22.03.2022).
- Евразийский экономический союз (ЕАЭС) (2014) Договор о Евразийском экономическом союзе. 29 мая. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/
- Ермолов М. (2021) Границы и масштабы российского содействия международному развитию. Российский совет по международным делам. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/granitsy-i-masshtaby-rossiyskogo-sodeystviya-mezhdunarodnomu-razvitiyu/>
- Ермолов М.О. (2015) Российский механизм международной помощи: незавершенный проект // Вестник международных организаций. Т. 10. № 3. С. 134–155. Режим доступа: 10.17323/1996-7845-2015-03-134.
- Министерство финансов Российской Федерации (н.д.) Food Security and the School Feeding System: experience of the Russian Federation. Case Study. Режим доступа: https://minfin.gov.ru/common/img/uploaded/library/2013/05/Case_study_on_school_feeding_Russia.doc (дата обращения: 24.11.2022).
- Морозкина А. (2019а) Официальная помощь развитию: тенденции последнего десятилетия // Мировая экономика и международные отношения. Т. 63. № 9. С. 86–92. Режим доступа: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-86-92.
- Морозкина А. (2019б) Страны ЕАЭС в системе содействия международному развитию // Финансовый журнал. № 1. С. 88–100. Режим доступа: 10.31107/2075-1990-2019-1-88-100.
- Правительство Республики Армения (РА) (2019) Постановление Правительства Республики Армения от 19 декабря 2019 г. № 1886-Л «Об утверждении Стратегии основных направлений, обеспечивающих экономическое развитие сферы сельского хозяйства Республики Армения на 2020–2030 годы и об утверждении Программы и Графика мероприятий на 2020–2022 годы, направленных на реализацию стратегии основных направлений, обеспечивающих экономическое развитие сферы сельского

хозяйства Республики Армения на 2020–2030 годы. Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/830/Strategiya-skh-RA-2030.pdf>.

Премьер-министр Республики Армения (2020) Мы представляем разработку и реализацию Стратегии трансформации Армении как общенациональное движение, основанное на наших национальных ценностях и целях: премьер-министр. Пресс-релиз. 21 сентября. Режим доступа: <https://www.primeminister.am/ru/press-release/item/2020/09/21/Nikol-Pashinyan-meeting-Sept-21/> (дата обращения: 31.10.2022).

РИА Новости (2003) Армения последовательна в своей политике интеграции в европейские структуры – Кочарян. 28.07. Режим доступа: <https://ria.ru/20030728/412724.html> (дата обращения: 20.02.2022).

РИА Новости (2021) Россия выделила 3,2 миллиона долларов для помощи Армении. 19 июня. Режим доступа: <https://ria.ru/20210619/pomosch-1737679536.html> (дата обращения: 20.02.2022).

Сергеев В.М., Казанцев А.А., Бартенев В.И. (2013) Содействие развитию государств Центральной Азии: стратегические горизонты российского участия. Российский совет по международным делам. М.: Спецкнига. Режим доступа: <https://russiangouncil.ru/activity/workingpapers/sodeystvie-razvitiyu-gosudarstv-tsentralnoy-azii-strategiche/>

Шейко Ю., Газазян А. (2021) Перезагрузка отношений ЕС – Армения: Россия не против? // Deutsche Welle. 1 марта. Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/es-armenija-perezagruzka-otnoshenij/a-56718077> (дата обращения: 18.02.2022).

Agence Française de Développement (AFD) (n.d.) Armenia. Режим доступа: <https://www.afd.fr/en/page-region-pays/armenia> (дата обращения: 20.02.2022).

Arminfo (2020) Armenian Territorial Development Fund allocated 717 million drams worth of equipment to communities. Armenia in Numbers, 13 August. Режим доступа: https://finport.am/full_news.php?id=42751&lang=3 (дата обращения: 18.03.2022).

Bermeo S.B., Leblang D. (2015) Migration and Foreign Aid // International Organizatio. Vol. 69. No. 3. P. 627–657. Режим доступа: 10.1017/S0020818315000119.

COFACE for Trade (n.d.) Armenia. Режим доступа: <https://www.coface.com/Economic-Studies-and-Country-Risks/Armenia> (дата обращения: 20.03.2022).

Donor Tracker (n.d.) Режим доступа: <https://donortracker.org/> (дата обращения: 31.10.2022).

Duchâtel M., Godement F., Liik K., Shapiro J., Slavkova L., Stanzel A., Tcherneva V. (2016) Eurasian integration and the EU Report // European Council on Foreign Relations. Режим доступа: https://ecfr.eu/article/essay_eurasian/

Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO) (2018) Greenhouses Opened in Armenian Schools to Improve Students' Nutrition. FAO Regional Office for Europe and Central Asia, 1 June. Режим доступа: <https://www.fao.org/europe/news/detail-news/en/c/1137110/> (дата обращения: 22.03.2022).

ForeignAssistance.gov (n.d.) U.S. Foreign Assistance by Country: Armenia [Dataset]. Режим доступа: <https://foreignassistance.gov/cd/armenia/> (дата обращения: 24.03.2022).

Fund for Armenian Relief (FAR) (n.d.). Режим доступа: <https://www.farusa.org/> (дата обращения: 25.03.2022).

Government of the Federal Republic of Germany (FRG) (n.d.) Germany and Armenia: Bilateral Relations. Federal Foreign Office. 9 March. Режим доступа: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/ausseenpolitik/laenderinformationen/armenien-node/armenia/233206> (дата обращения: 20.02.2022).

Government of the French Republic (n.d.) France Diplomacy: Armenia. Ministry for Europe and Foreign Affairs. Режим доступа: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/armenia/> (дата обращения: 31.10.2022).

Gregg H.S. (2002) Divided They Conquer: The Success of Armenian Ethnic Lobbies in the United States. Rosemarie Rogers Working Paper Series No 13. Center for International Studies. Режим доступа: <http://hdl.handle.net/1721.1/97604> (дата обращения 20.11.2022).

Hamadeh N., van Rompaey C., Metreau E. (2021) New World Bank Country Classifications by Income Level: 2021–2022. World Bank Blogs. 1 July. Режим доступа: <https://blogs.worldbank.org/opendata/new-world-bank-country-classifications-income-level-2021-2022> (дата обращения: 18.02.2022).

Minority Rights Group International (n.d.) United States of America: Arab and Other Middle Eastern Americans. Режим доступа: <https://minorityrights.org/minorities/arab-and-other-middle-eastern-americans/> (дата обращения: 18.03.2022).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (n.d.) QWIDS: Query Wizard for International Development Statistics [Dataset]. Режим доступа: <https://stats.oecd.org/qwids/> (дата обращения: 18.02.2022).

U.S. Department of State (2020) Bilateral Relations Fact Sheet: U.S. Relations With Armenia. 25 November. Режим доступа: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-armenia/> (дата обращения: 31.10.2022).

USAID (n.d.) USAID Investments and Illustrative Results: Armenia [Dataset]. Режим доступа: [https://results.usaid.gov/results/country/armenia?fiscal Year=2020](https://results.usaid.gov/results/country/armenia?fiscalYear=2020) (дата обращения: 24.03.2022).

World Bank (n.d.a) The World Bank in Armenia. Режим доступа: <https://www.worldbank.org/en/country/armenia/overview#1> (дата обращения 20.11.2022).

World Bank (n.d.b) World Bank Open Data [Dataset]. Режим доступа: <https://www.worldbank.org/en/home> (дата обращения: 18.02.2022).

Structure and Prospects for the Transformation of Official Development Assistance to Armenia¹

V. Oksinenko

Valeria Oksinenko – Engineer of 1st Category, Laboratory of Population Economics, Lomonosov Moscow State University; 1 Leninskiye gory, Moscow, 119234, Russia; vgoksinenko@econ.msu.ru; ORCID: 0000-0003-3274-7793

Abstract

This article examines the ratio of the official development assistance (ODA) structure of Armenia to its domestic goals. For this, the author examines the structure of development assistance to Armenia and the motives of its main donors. Considering the country's rather close economic cooperation with Russia and the countries of the European Union (EU), the expected political motivation of the country's donors in providing and distributing ODA is revealed. However, for the most part, ODA-supported projects correspond to the real distribution of the country's domestic needs: poverty reduction and support for socially vulnerable groups of the population, development of agriculture and the service sector, and support for climate initiatives. The main contribution to this is made by international organizations and the United States, which are historically the most reliable and long-standing donors of ODA to the country. The Russian Federation is also a major donor of ODA to Armenia; however, due to the peculiarities of defining development assistance at the legislative level, Russian bilateral ODA is disordered and incorrectly reflected in official statistics. In the medium term, the current structure of ODA by sector and donor can be expected to stay stable: it is based on long-term agreements on cross-country economic cooperation and the activity of a stable political structure in the United States. In the long term, the structure of Armenia's ODA is likely to be most determined by the development of economic relations between the Republic of Armenia and the European Union.

Keywords: bilateral international development assistance, Armenia, EAEU, motivations of ODA donors

Acknowledgments: the article is prepared within the project funded by the Russian Foundation for Basic Research, No. 20-310-90017.

For citation: Oksinenko V. (2022) Structure and Prospects for the Transformation of Official Development Assistance to Armenia. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 4, pp. 193–208 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2022-04-08

References

- Agence Française de Développement (AFD) (n.d.) Armenia. Available at: <https://www.afd.fr/en/page-region-pays/armenia> (accessed 20 February 2022).
- Arminfo (2020) Armenian Territorial Development Fund allocated 717 million drams worth of equipment to communities. Armenia in Numbers, 13 August. Available at: https://finport.am/full_news.php?id=42751&lang=3 (accessed 18 March 2022).
- Bermeo S.B., Leblang D. (2015) Migration and Foreign Aid. *International Organization*, vol. 69, iss. 3, pp. 627–57. Available at: <http://doi.org/10.1017/S0020818315000119>.
- COFACE for Trade (n.d.) Armenia. Available at: <https://www.coface.com/Economic-Studies-and-Country-Risks/Armenia> (accessed 20 March 2022).

¹ This article was submitted on 15.09.2022.

Degterev D.A. (2013) Rossiyskaya Federatsia kak noviy mezhdunarodniy donor: dilemma identichnosti [Russian Federation as a New International Donor: Identity Dilemmas]. *International Organisations Research Journal*, vol. 8, no 2, pp. 69–85. Available at: <https://iorj.hse.ru/data/2013/07/10/1289631850/4.pdf> (accessed 20 November 2022). (in Russian)

Degterev D.A., Yan L., Trusova A.A. (2017) Rossiyskaya i kitayskaya sistemy okazania mezhdunarodnoi pomoshchi: srovnitelnyi analiz [Russian and Chinese Systems of Development Cooperation: A Comparative Analysis]. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol 17, no 4, pp. 824–38. Available at: <http://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-4-824-838>. (in Russian)

Donor Tracker (n.d.) Available at: <https://donortracker.org/> (accessed 31 October 2022).

Duchâtel M., Godement F., Liik K., Shapiro J., Slavkova L., Stanzel A., Tcherneva V. (2016) Eurasian integration and the EU Report. European Council on Foreign Relations. Available at: https://ecfr.eu/article/essay_eurasian/.

Ermolov M.O. (2015) Rossiyskiy mekhanizm mezhdunarodnoy pomoshchi: nezavershenniy proekt [Russian Mechanism for International Assistance: An Unfinished Project]. *International Organisations Research Journal*, vol. 10, no 3, pp. 134–55. Available at: <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2015-03-134>. (in Russian)

Ermolov M.O. (2021) Granitsy i masshtaby rossiyskogo sodeystvia mezhdunarodnomu razvitiyu. Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam [The Boundaries and Scope of Russian International Development Assistance]. Russian International Affairs Council, 3 August. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/granitsy-i-masshtaby-rossiyskogo-sodeystviya-mezhdunarodnomu-razvitiyu/> (accessed 20 November 2022). (in Russian)

Eurasian Development Bank (EDB) (n.d.) Cifry i fakty – Evrazijskij Bank Razvitija [Figures and Facts: Eurasian Development Bank]. Available at: <https://eabr.org/about/facts-and-figures/> (accessed 22 March 2022). (in Russian)

Eurasian Economic Union (EAEU) (2014) Dogovor o Evrazijskom jekonomicheskem sojuze [Treaty on the Eurasian Economic Union (signed in Astana on 29 May 2014) (as amended on 1 October 2019) (as amended and supplemented, effective from 28 October 2021)] (“Treaty of the EAEU”). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (accessed 20 November 2022). (in Russian)

Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO) (2018) Greenhouses Opened in Armenian Schools to Improve Students’ Nutrition. FAO Regional Office for Europe and Central Asia, 1 June. Available at: <https://www.fao.org/europe/news/detail-news/en/c/1137110/> (accessed 22 March 2022).

Ministry of Finance of Russian Federation (Minfin RF) (n.d.) Food Security and the School Feeding System: experience of the Russian Federation, case study. Available at: https://minfin.gov.ru/common/img/uploaded/library/2013/05/Case_study_on_school_feeding_Russia.doc (accessed 22 November 2022).

ForeignAssistance.gov (n.d.) U.S. Foreign Assistance by Country: Armenia [Dataset]. Available at: <https://foreignassistance.gov/cd/armenia/> (accessed 24 March 2022).

Fund for Armenian Relief (FAR) (n.d.). Available at: <https://www.farusa.org/> (accessed 25 March 2022).

Gevorgian G.G., Farmanian L.R. (2018) Minfin Armenii: istoria stanovleniya i mezhdunarodnoye sotrudничestvo [Ministry of Finance of Armenia: History of Formation and International Cooperation]. *Financial Journal*, 4, pp. 132–5. Available at: https://finjournal-nifi.ru/images/FILES/Journal/Archive/2018/4/statii_4/12_fm_2018_4.pdf (accessed 20 November 2022). (in Russian)

Government of the French Republic (n.d.) France Diplomacy: Armenia. Ministry for Europe and Foreign Affairs. Available at: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/armenia/> (accessed 31 October 2022).

Government of the Federal Republic of Germany (FRG) (n.d.) Germany and Armenia: Bilateral Relations. Federal Foreign Office, 9 March. Available at: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/aussenpolitik/laenderinformationen/armenien-node/armenia/233206> (accessed 20 February 2022).

Government of the Republic of Armenia (RA) (2019) Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Armenija ot 19 dekabrya 2019 goda № 1886-L “Ob utverzhdenii Strategii osnovnyh napravlenij, obespechivajushhih jekonomiceskoe razvitiye sfery sel'skogo hozjajstva Respubliki Armenija na 2020–2030 gody i ob utverzhdenii Programmy i Grafika meroprijatij na 2020–2022 gody, napravlennyh na realizaciju strategii osnovnyh napravlenij, obespechivajushhih jekonomiceskoe razvitiye sfery sel'skogo hozjajstva Respubliki Armenija na 2020–2030

- gody [Strategy of the Main Directions of Economic Development of the Agricultural Sector of the Republic of Armenia for 2020–2030]. Available at: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/830/Strategiya-skh-RA-2030.pdf> (accessed 20 November 2022). (in Russian)
- Gregg H.S. (2002) Divided They Conquer: The Success of Armenian Ethnic Lobbies in the United States. Rosemarie Rogers Working Paper Series No 13, Center for International Studies. Available at: <http://hdl.handle.net/1721.1/97604> (accessed 20 November 2022).
- Hamadeh N., van Rompaey C., Metreau E. (2021) New World Bank Country Classifications by Income Level: 2021–2022. World Bank Blogs, 1 July. Available at: <https://blogs.worldbank.org/opendata/new-world-bank-country-classifications-income-level-2021-2022> (accessed 18 February 2022).
- Minority Rights Group International (n.d.) United States of America: Arab and Other Middle Eastern Americans. Available at: <https://minorityrights.org/minorities/arab-and-other-middle-eastern-americans/> (accessed 18 March 2022).
- Morozkina A. (2019a) Oficialnaya pomoshch razvitiyu: tendentsii poslednego desyatiletia [Official Development Aid: Trends of the Last Decade]. *World Economy and International Relations*, vol. 63, no 9, pp. 86–92. Available at: <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-86-92>. (in Russian)
- Morozkina A. (2019b) Strany EAES v sisteme sodeystvia mezhdunarodnomu razvitiyu [EAEU Countries in the International Development Assistance Framework]. *Financial Journal*, no 1, pp. 88–100. Available at: <http://doi.org/10.31107/2075-1990-2019-1-88-100>. (in Russian)
- RIA Novosty (2003) Armenija posledovatel'na v svoej politike integracii v evropejskie struktury – Kocharjan [Armenia Is Consistent in Its Policy of Integration Into European Structures – Kocharyan]. 28 July. Available at: <https://ria.ru/20030728/412724.html> (accessed 20 November 2022). (in Russian)
- RIA Novosty (2021) Rossija vydelila 3,2 miliona dollarov dlja pomoschi Armenii. 19 iyunja [Russia Allocates \$3.2 Million to Help Armenia]. 19 June. Available at: <https://ria.ru/20210619/pomosch-1737679536.html> (accessed 20 February 2022). (in Russian)
- Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (n.d.) QWIDS: Query Wizard for International Development Statistics [Dataset]. Available at: <https://stats.oecd.org/qwids/> (accessed 18 February 2022).
- Prime Minister of the Republic of Armenia (2020) My predstavljaem razrabortku i realizaciju Strategii transformacii Armenii kak obshchenacional'noe dvizhenie, osnovannoe na nashih nacional'nyh cennostjakh i celjah: prem'er-ministr. Press-reliz [We Present the Development and Implementation of Armenia's Transformation Strategy as a Nationwide Movement Based on Our National Values and Goals: Prime Minister]. Press Release, 21 September. Available at: <https://www.primeminister.am/ru/press-release/item/2020/09/21/Nikol-Pashinyan-meeting-Sept-21/> (accessed 31 October 2022). (in Russian)
- Sergeev V.M., Kazantsev A.A., Bartenev V.I. (2013) Sodeystvie razvitiyu gosudarstv Centralnoy Azii: strategicheskiye gorizonty rossiyskogo uchastia: rabochaya tetrad [Assistance to the Development of the States of Central Asia: Strategic Horizons of Russian Participation: Working Paper]. Russian International Affairs Council. Available at: <https://russiancouncil.ru/activity/workingpapers/sodeystvie-razvitiyu-gosudarstv-tsentralko-azii-strategiche/> (accessed 20 November 2022). (in Russian)
- Sheiko Y., Gazazyan A. (2021) Perezagruzka otnoshenij ES – Armenija: Rossija ne protiv? [Resetting EU-Armenia Relations: Russia Doesn't Mind?]. *Deutsche Welle*, 1 March. Available at: <https://www.dw.com/ru/es-armenia-perezagruzka-otnoshenij/a-56718077> (accessed 18 February 2022). (in Russian)
- U.S. Department of State (2020) Bilateral Relations Fact Sheet: U.S. Relations With Armenia. 25 November. Available at: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-armenia/> (accessed 31 October 2022).
- USAID (n.d.) USAID Investments and Illustrative Results: Armenia [Dataset]. Available at: [https://results.usaid.gov/results/country/armenia?fiscal Year=2020](https://results.usaid.gov/results/country/armenia?fiscalYear=2020) (accessed 24 March 2022).
- World Bank (n.d.a) The World Bank in Armenia. Available at: <https://www.worldbank.org/en/country/armenia/overview#1> (accessed 20 November 2022).
- World Bank (n.d.b) World Bank Open Data [Dataset]. Available at: <https://www.worldbank.org/en/home> (accessed 18 February 2022).

Содержание

журнала «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» за 2022 г.

№ 1

Е.Н. Грачиков, Х. Сюй

КНР и международная система: формирование собственной модели мироустройства	7
--	---

П.С. Терри

Проведение в жизнь внешней политики США путем наложения односторонних вторичных санкций: работает ли право сильного в международном публичном праве?	25
--	----

У.Г. Восс

Трансграничные потоки данных, общий регламент защиты персональных данных и управление данными	56
--	----

А.В. Шелепов

Влияние политики лидеров цифровизации – членов «Группы двадцати» на механизмы международного регулирования и условия развития цифровой экономики	96
---	----

И.Э. Магадеев

Многосторонность как вынужденная необходимость? Эволюция французской политики в Субсахарской Африке: преемственность и новизна	114
---	-----

А.Г. Симонов

Кооперативное соперничество – вероятная альтернатива международным организациям на глобальном энергетическом рынке: пример российско-американского противостояния на европейском рынке природного газа	129
--	-----

Е.Б. Аймагамбетов, А.А. Таубаев, Г.Н. Амирова, Ю.М. Сайфуллина, Д.Н. Улыбышев

Имплементация национальной политики реиндустрIALIZации в странах Евразийского экономического союза	142
---	-----

Аналитические обзоры

В.М. Жорнист, А.Д. Несмашный, М.В. Харкевич, И.А. Сафранчук

Дифференциация государств по климатической амбициозности: влияние на мировую политику	163
--	-----

М.М. Базлуцкая, Е.С. Зиновьев

Особенности цифровой публичной дипломатии международных организаций. Аналитический обзор коллективной монографии «Цифровая дипломатия международных организаций. Автономность, легитимность и конкуренция» под редакцией Р. Зайотти и К. Бойолы	183
--	-----

Обзор публикаций

С.В. Михневич

Факторы и динамика взаимодействия на евразийском пространстве. Обзор книги «Возвращение Евразии. Преемственность и изменения» под редакцией Г. Дизена и А. Лукина	191
---	-----

№ 2**Пятнадцать лет БРИКС**

<i>Дж. Киртон, М.В. Ларионова</i>	
БРИКС. Первые 15 лет сотрудничества	7
<i>Э.Ф. Купер</i>	
Переосмысливая дискуссию относительно БРИКС вне пределов ее концептуальных истоков	31
<i>А.С. Ванг</i>	
Модель лидерства Китая в БРИКС	50
<i>А.А. Игнатов</i>	
Управление Интернетом в повестке БРИКС	86

Климатическое управление и практические решения для зеленого восстановления

<i>Дж. Киртон, Б. Уоррен</i>	
Управление изменением климата на саммитах «Группы двадцати» в Риме и ООН в Глазго и в последующий период	110
<i>С. Пак</i>	
Глобальный мегатренд Четвертой промышленной революции в цифровой экономике: как реализовать на практике потенциал «умных» городов?	135

Тенденции регионального и глобального управления

<i>Е.Ю. Каткова, А.А. Еремин</i>	
Отношения КНР с регионом Латинской Америки и Карибского бассейна на современном этапе	164
<i>С.А. Бокерия</i>	
Партнерство ООН и АС в области миротворчества: тенденции и проблемы	189
<i>Е.С. Арляпова, Е.Г. Пономарева, Д. Пророкович</i>	
Возможности НАТО в глобальном управлении: место действия – Балканы	208
<i>Р.В. Давыдов</i>	
Роль Всемирной таможенной организации в реализации Соглашения Всемирной торговой организации об упрощении процедур торговли	224
<i>М.В. Ларионова</i>	
Краткая история институциональной динамики «Группы двадцати» (2008–2021 гг.)	250

№ 3

<i>Д. Чжу, Ю. Вэй</i>	
Китай и ВТО: трудное вступление и становление в качестве лидера	7
<i>И.В. Андронова, А.Г. Сахаров</i>	
Индекс устойчивого развития стран БРИКС: методологические аспекты	23
<i>Э.П. Джагитян, М.И. Орехов</i>	
Глобальные системно значимые банки: все еще угроза для финансовой стабильности?	48
<i>Д.А. Кочергин</i>	
Криptoактивы: экономическая природа, классификация и регулирование оборота	75

*С.Д. Бурмина, К.В. Нестерова, А.В. Полбин*Оценка влияния налогообложения выбросов CO₂
на российскую отрасль нефтедобычи 131*М.Ю. Гутенев, А.А. Сергунин*
Арктическая научная дипломатия России: теория и практика 155*Л.В. Захарова*
Тернистый путь к светлым целям: подход КНДР к реализации
Повестки 2030 и возможности для международного сотрудничества 175*О.Г. Леонова*
Влияние нового стратегического партнерства АУКУС
на geopolитическую ситуацию в Индо-Тихоокеанском регионе 194**Аналитические обзоры***А.В. Шелепов*
Подходы стран БРИКС к регулированию данных 212**№ 4***Л.М. Григорьев, М.-Я. Майхович, Д.А. Серова, М.Ф. Стародубцева, Е.С. Филиппова*
Параметры пандемии 2020–2021 гг. по социокультурным группам стран –
прикладной анализ 7*Г.В. Сафонов, М.Л. Козельцев, А.В. Стеценко, А.Л. Дорина, Ю.А. Сафонова,
А.А. Семакина, А.Г. Сизонов, М.Г. Сафонов*Перспективы декарбонизации мировой экономики в контексте реализации
Парижского климатического соглашения ООН 38*И.М. Попова*
Место систем торговли квотами на выбросы в современном инструментарии
политики низкоуглеродного развития 62*К.М. Дорохина, А.Г. Сахаров*
Трансформация и имплементация природоохранных
и климатических положений в торговых соглашениях Европейского союза 95*С. Фань, К.С. Кондакова*
Концептуальные основы деятельности НАТО и ШОС и их воплощение
в работе организаций 124*В.А. Кузьмин, А.П. Портанский*
Влияние глобального технологического раскола на лидерство в мировой экономике
на примерах ряда развитых и развивающихся стран 148*М.Г. Гирич, И.С. Ермохин, А.Д. Левашенко*
Сравнительный анализ правового регулирования цифровых
финансовых активов в России и других странах 176*В.Г. Оксиненко*
Структура и перспективы трансформации официальной
помощи развитию Армении 193

Content of the International Organisations Research Journal (2022)

No 1

E. Grachikov, H. Xu

China and the International System: The Formation of a Chinese Model

of World Order.....7

P.C. Terry

Enforcing U.S. Foreign Policy by Imposing Unilateral Secondary Sanctions:

Is Might Right in Public International Law?.....25

W.G. Voss

Cross-Border Data Flows, the GDPR, and Data Governance56

A. Sheleпов

The Influence of the G20's Digitalization Leadership

on Development Conditions and Governance of the Digital Economy96

I. Magadeev

Multilateralism as Forced Necessity? Evolution of the French Policy

in Sub-Saharan Africa: Continuity and Change.....114

A. Simonov

Cooperative Rivalry – A Prospective Alternative to International Organisations

on a Global Energy Market: A Case of Russia – USA European Gas Standoff.....129

Ye. Aimagambetov, A. Taubayev, G. Amirova, Yu. Saifullina, D. Ulybyshev

Innovative Factors for the Implementation of the National Reindustrialisation Policy

in the Countries of the Eurasian Economic Union142

Analytical Reviews

V. Zhornist, A. Nesmashnyi, M. Kharkevich, I. Safranchuk

State Differentiation by Climate Ambition: Implications for World Politics163

M. Bazlutskaya, E. Zinovieva

Characteristics of the Digital Public Diplomacy of International Organizations.

Analytical Review of a Collective Monograph “Digital Diplomacy
and International Organizations. Autonomy, Legitimacy and Contestation,”
edited by R. Zaiotti, C. Bjola.....183

Article and Book Reviews

S. Mikhnevich

Factors and Dynamics of Interaction in Eurasia. Review of “The Return of Eurasia:

Continuity and Change,” edited by Glenn Diesen and Alexander Lukin191

No 2

BRICS at 15

J. Kirton, M. Larionova

The First Fifteen Years of the BRICS.....7

A. Cooper

Reframing the Debate over BRICS Beyond its Conceptual Origins.....31

A. Wang

China’s Leadership in BRICS Governance50

<i>A. Ignatov</i>	
The BRICS Agenda on the Internet Governance.....	86
Climate Governance and Practical Solutions for Green Recovery	
<i>J. Kirton, B. Warren</i>	
Governing Climate Change at the G20 Rome and UN Glasgow Summits and Beyond	110
<i>S.C. Park</i>	
The Fourth Industrial Revolution in the Digital Economy: How to Realize It With Smart Cities as a Practical Measure.....	135
Trends in Regional and Global Cooperation	
<i>E. Katkova, A. Eremin</i>	
China's Relations With Latin America and the Caribbean at the Present Stage	164
<i>S. Bokeria</i>	
UN – AU Partnership in Peacekeeping: Trends and Challenges.....	189
<i>E. Arlyapova, E. Ponomareva, D. Proroković</i>	
NATO's Capabilities in Global Governance: on the Balkan Scene	208
<i>R. Davidov</i>	
The World Customs Organization's Role in Implementing the Trade Facilitation Agreement	224
<i>M. Larionova</i>	
A Brief History of the G20 Institutional Dynamics (2008–2021)	250
No 3	
<i>J. Zhu, Y. Wei</i>	
China and the WTO: From Difficult Access to Partial Leadership	7
<i>I. Andronova, A. Sakharov</i>	
BRICS Sustainable Development Index: Methodological Aspects.....	23
<i>E. Dzhagityan, M. Orekhov</i>	
Global Systemically Important Banks: Do They Still Pose Risks for Financial Stability?	48
<i>D. Kochergin</i>	
Crypto-Assets: Economic Nature, Classification and Regulation of Turnover.....	75
<i>S. Burmina, K. Nesterova, A. Polbin</i>	
Estimating the Effect of Taxing CO ₂ Emissions on Russian Oil Industry	131
<i>M. Gutenev, A. Sergunin</i>	
Russia's Arctic Science Diplomacy: Theory and Practice.....	155
<i>L. Zakharova</i>	
A Bumpy Road to Bright Goals: North Korea's Approach to Implementing the 2030 Agenda and Prospects for International Cooperation.....	175
<i>O. Leonova</i>	
The Impact of the Strategic Partnership AUKUS on the Geopolitical Situation in the Indo-Pacific Region	194
Analytical Reviews	
<i>A. Sheleпов</i>	
The BRICS Countries' Approaches to Data Regulation.....	212

No 4

<i>L. Grigoriev, M. Maykhrovich, D. Serova, M. Starodubtseva, E. Filippova</i>	
Study of Pandemic of 2020–2021 by Sociocultural Groups of Countries: Applied Analysis of Parameters	7
<i>G. Safonov, M. Kozeltsev, A. Stetsenko, A. Dorina, Y. Saphonova, A. Semakina, A. Sizonov, M. Safonov</i>	
Perspectives of Decarbonization of World Economy in the Context of Implementation of the UN Paris Climate Agreement	38
<i>I. Popova</i>	
Emission Trading Systems as an Instrument in the Toolkit of Decarbonization Strategies	62
<i>K. Dorokhina, A. Sakharov</i>	
Transformation and Implementation of Environmental and Climate Provisions in the EU Trade Agreements.....	95
<i>X. Fan, K. Kondakova</i>	
NATO and the SCO: Their Conceptual Foundations and Implementation in the Work of Organizations.....	124
<i>V. Kuzmin, A. Portanskiy</i>	
The Impact of the Global Technological Disruption on Leadership, Using Examples From a Number of Developed and Developing Countries	148
<i>M. Girich, I. Ermokhin, A. Levashenko</i>	
Comparative Analysis of the Legal Regulation of Digital Financial Assets in Russia and Other Countries	176
<i>V. Oksinenko</i>	
Structure and Prospects for the Transformation of Official Development Assistance to Armenia.....	193

К сведению авторов

Редакция журнала «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» НИУ ВШЭ приглашает к сотрудничеству авторов.

Наше издание открыто для экспертных организаций и исследовательских институтов, в том числе вузов, занимающихся изучением вопросов деятельности международных институтов; развития образования, науки и инноваций в национальном и международном контексте. В числе наших авторов мы будем рады видеть ученых и экспертов в сфере международных отношений и глобального управления; содействия развитию; международного сотрудничества по различным сферам социально-экономической политики. Мы приглашаем к сотрудничеству исследователей и экспертов зарубежных университетов, экспертных институтов и международных организаций и рады возможности познакомить российского читателя с результатами оригинальных исследований зарубежных авторов. Журнал принимает для рассмотрения результаты исследований и публикации учащихся аспирантур российских университетов, вузов стран СНГ, университетов дальнего зарубежья. Аудитория журнала в настоящее время представлена руководителями и специалистами научно-исследовательских организаций, федеральных министерств и ведомств, экспертным и академическим сообществом России, стран СНГ, дальнего зарубежья.

Мы будем рады видеть вас среди наших авторов!

Обращаем внимание:

- Все материалы публикуются бесплатно. Основными требованиями к материалу является его соответствие тематике издания, научность и соблюдение требований к оформлению рукописей.
- Требования к оформлению рукописей сформированы на основании текущих российских требований и **требований международной библиометрической базы Scopus** к оформлению научных публикаций.
- Российские требования и требования международной библиометрической базы Scopus к рукописям размещены на странице журнала по адресу <http://iorj.hse.ru/authors>. **Несоответствие рукописей всем требованиям является одним из оснований для отказа в публикации статьи в журнале.**
- Перед публикацией все присланные материалы проходят процедуру анонимного рецензирования.
- На основании полученного экспертного заключения материалы публикуются, возвращаются авторам на доработку или не допускаются к изданию. Редакция своевременно уведомляет автора в случае отказа в публикации.
- С авторами опубликованных материалов заключается **лицензионный договор**, согласно которому изданию передаются неисключительные права на публикацию материала.
- Все рукописи передаются в редакцию журнала по электронной почте по адресу iorj@hse.ru.

*С уважением,
редакция журнала «Вестник международных организаций»*

Уважаемые читатели!

Редакция журнала «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» информирует о продолжении своей работы по изданию научного периодического журнала в 2023 г.

Доводим до вашего сведения, что в 2023 г. запланирован выпуск четырех номеров журнала.

Обращаем ваше внимание, что «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» распространяется по России и другим странам СНГ через Объединенный каталог «Пресса России». Оформить подписку можно в любом отделении почтовой связи. **Подписной индекс издания 20054.**

По всем вопросам Вы можете обращаться в редакцию журнала «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» по телефону + 7 495 772-95-90 доб. 23147 или по адресу iorgj@hse.ru

*С уважением,
редакция журнала «Вестник международных организаций»*

XXIV ЯСИНСКАЯ (АПРЕЛЬСКАЯ) МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА

Уважаемые коллеги!

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» открывает прием заявок на участие в **XXIV Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества** (далее – **XXIV ЯМНК**).

Конференция проводится совместно с ведущими российскими корпорациями, исследовательскими и консалтинговыми организациями.

Основные мероприятия XXIV ЯМНК состоятся в Москве с 4 по 14 апреля 2023 года.

В рамках тематических секций XXIV ЯМНК будут представлены и обсуждены доклады о результатах новых научных исследований, отобранные на основе рассмотрения заявок. Наряду с этим конференция будет, по сложившейся традиции, включать экспертные обсуждения наиболее актуальных проблем экономической, социальной, внутренней и внешней политики с участием государственных деятелей и ведущих российских и зарубежных специалистов, а также почетные доклады выдающихся ученых из разных стран мира и ряд ассоциированных мероприятий.

Мероприятия конференции проводятся на русском или английском языке, в отдельных случаях на двух языках с синхронным переводом.

В интересах привлечения участников из различных регионов России и мира, а также с учетом возможного сохранения некоторых ограничений эпидемиологического характера XXIV ЯМНК будет проведена в смешанном формате. Секционные заседания и другие мероприятия будут, как правило, проводиться очно с возможностью интернет-подключения части докладчиков и других участников.

В рамках XXIV ЯМНК, как и в предыдущие годы, будет проведен конкурс заявок на поддержку участия в конференции молодых исследователей из российских регионов.

На конференции будут представлены следующие тематические направления:

- Арктические исследования
- Государственное управление, местное самоуправление и сектор НКО
- Демография и рынки труда
- Инструментальные методы в экономических и социальных исследованиях
- Макроэкономика и макроэкономическая политика
- Международные отношения
- Менеджмент
- Методология экономической науки
- Мировая экономика
- Наука и инновации
- Образование
- Политические процессы

- Право в цифровую эпоху
- Развитие здравоохранения
- Региональное и городское развитие
- Социальная и экономическая история
- Социальная политика
- Социокультурные процессы
- Социология
- Теоретическая экономика
- Умный город
- Финансовые институты, рынки и платежные системы
- Фирмы и рынки
- Цифровая экономика

Приглашаем принять участие в качестве слушателя конференции.

Для этого необходимо подать заявку в системе конференции НИУ ВШЭ до 31 марта 2023 года: <http://conference.hse.ru>

Оплата регистрационного взноса

Участие в конференции предполагает внесение регистрационного взноса. Для слушателей конференции без доклада 2000 руб. при оплате до 1 марта 2023 года и 2500 руб. при оплате после этой даты.

Формат 60×88 1/8.
Уч.-изд. 17,5. Тираж 170 экз. Заказ .

Адрес редакции
Россия, 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17, оф. 417
Телефоны: +7 495 772-95-90 *23147 и *23150
E-mail: iorj@hse.ru

Отпечатано ООО «Фотоэксперт»,
Россия, 109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42

